

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ

1984

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

1984

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. И. БУГАНОВ

МОСКВА

«НАУКА»

1986

Сборник содержит статьи о применении картографического метода в источниковедении, некоторых вопросах анализа договоров нефтепромышленных фирм конца XIX — начала XX в., о законодательных источниках по истории документирования сословной принадлежности в XVIII — начале XX в. и истории акционерного учредительства в дореформенный период, по летописеведению и о результатах статистической обработки документации волостных судов Эстонии, о формировании термина «исторический источник» в литературе XVIII в. и по генеалогии московского купечества, анализируются завещания церковных иерархов XIV—XV вв. и новый документ по истории вотчинного землевладения в Московском уезде XVI в., который приводится в разделе «Публикации».

Редакционная коллегия:

В. П. БУГАНОВ (ответственный редактор),
В. П. БОВЫКИН, И. А. БУЛЫГИН, И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО,
В. Ф. КУТЬЕВ (ответственный секретарь),
Б. Г. ЛИТВАК, В. Т. ПАШУТО

Рецензенты:

А. И. КОМИССАРЕНКО, Ю. А. ТИХОНОВ

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

Б. Г. Литвак, С. И. Сотникова

Инструментарий источниковедческого анализа массовой документации за последние годы резко расширился благодаря успешной разработке принципов применения статистико-математических методов в исторических исследованиях¹. Однако успехи применения новых методов вовсе не снимают вопроса о совершенствовании традиционных и продолжении поиска методов других наук, применимых в историческом исследовании. Представляется, что в источниковедении массовой документации достаточно перспективным является картографический метод, возможности которого не только далеко не полно используются в исторической науке, но и порой неизвестны широкому кругу исследователей.

В данной статье подводятся итоги экспериментальной проверки эффективности современного картографического метода при использовании его в чисто источниковедческих целях.

Картографический метод исследований как метод пространственного анализа обычно широко применяется для территориально дифференцированных явлений. Суть его заключается в использовании карт в качестве средства познания². На первый взгляд, этот метод ничего нового для историка и источниковеда не представляет, так как карта как средство иллюстрации давно вошла в научный и учебный оборот. Здесь можно было бы поставить точку, если бы палитра картографического метода была одноцветной и сводилась бы только к известной историкам карте границ, боевых действий, революционных событий и т. п. На деле оказывается, что современный картографический метод ставит целью не столько выразительно иллюстрировать, сколько способствовать глубокому исследованию явлений при помощи разработанных им приемов обобщения и преобразования массовых фактов. Именно данная сторона картографического метода и представляет интерес при изучении массовых источников и оперировании их данными.

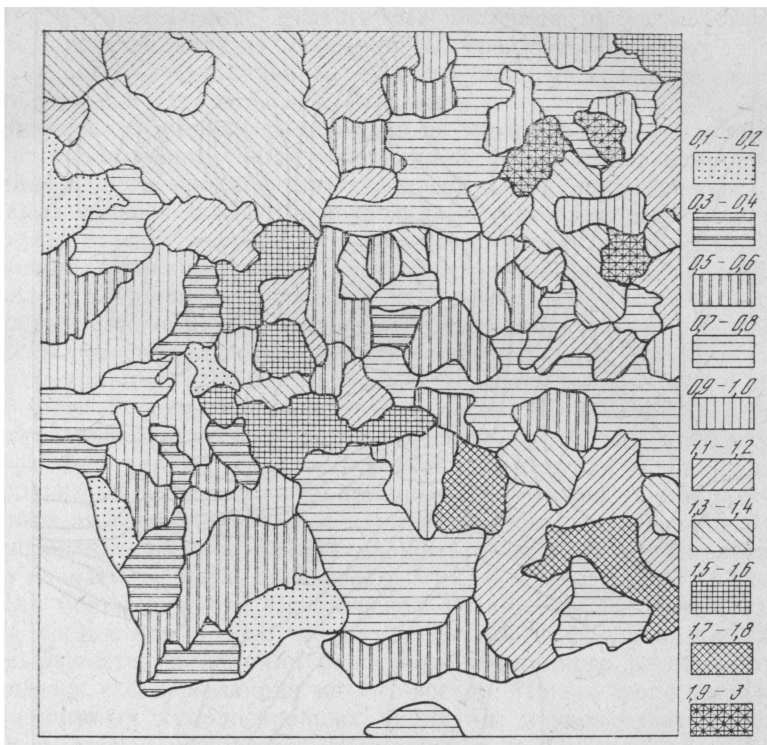
Мы воспользовались ею на этапе, следующем за статистической обработкой количественных показателей массовых источников. Картографирование статистических показателей дало возможность получить их цельный образ, не достигаемый по выразительности таблицами, которые обычно при этом применяются. А существующие

приемы анализа карт, как будет показано ниже, позволяют преобразовать образ, вычленив различные его стороны, «поворачивая» его перед «объективом» исследователя, не нарушая цельности.

Целевой установкой эксперимента была проверка предположения о возможности использования ведомости № 20 («Хлебные запасы продовольствия») губернаторских отчетов для проверки сведения об урожайности в тех же отчетах. Объектом исследования явилась та часть ведомости № 20, которая дает сведения только о хлебных запасах. Сведения ведомости по сельским магазинам характеризуют страховой фонд губернии, предназначавшийся на случай непредвиденных обстоятельств (неурожай, войны и др.). Принято считать, что данные ведомости № 20 в общем отражали попечительскую политику администрации. В то же время можно предположить, что эти сведения, взятые за ряд лет, могут косвенно отражать динамику урожайности, поскольку состояние хлебных магазинов в значительной степени зависело от урожая (в неурожайные годы магазины пустели). Информация ведомости основывалась на данных продовольственных комиссий. Детальный анализ нормативного материала, опубликованного в «Полном собрании законов Российской империи», а также ведомственной нормативной документации, регламентировавших «продовольственное дело» в губернии, постановка делопроизводства, а также административная ответственность за качество этих сведений свидетельствуют в пользу достаточной достоверности первичных данных ведомости³. Если бы удалось выявить факты, свидетельствующие о наличии связи между урожайностью и состоянием сельских магазинов, историки получили бы возможность по состоянию хлебных магазинов проверять данные о динамике урожайности основных продовольственных культур на обширных территориях и в довольно широких хронологических границах.

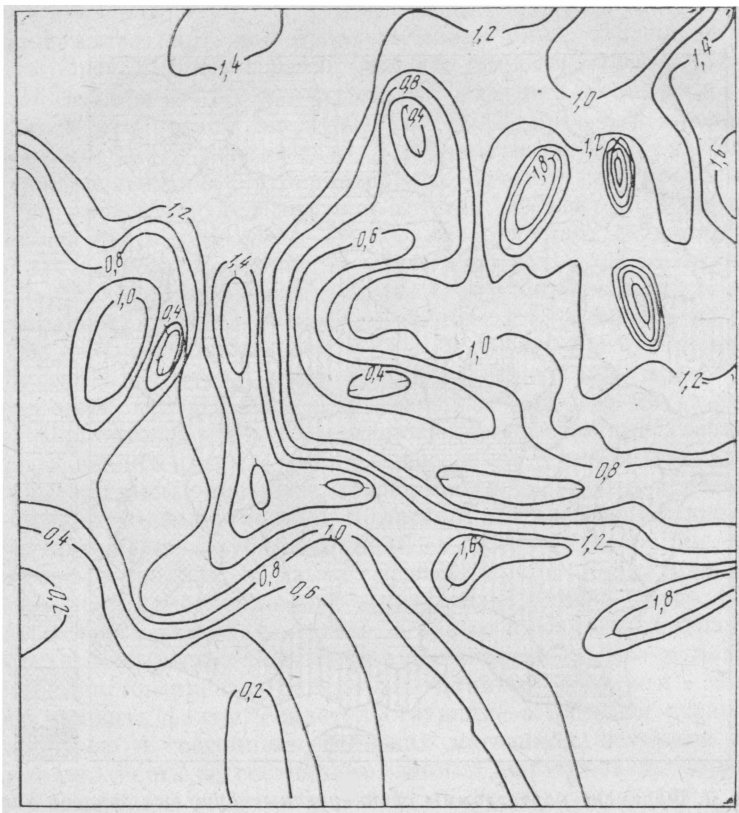
Сведения о состоянии магазинов взяты по 47 губерниям, т. е. практически по всей Европейской части России, за 1843 г., поскольку по этой дате имеются сведения для большинства губерний. Данные в ведомости приведены без разделения по сословной принадлежности (т. е. суммарно по помещичьим и казенным крестьянам). В качестве единицы измерения взят производный показатель — хлебные запасы продовольствия на душу мужского пола (на д. м. п.): первичные данные ведомости по каждому уезду, содержащиеся в графах «налицо» и «в ссудах», суммировались, а затем делились на «число душ, подлежащих сбору», т. е. число мужских душ. Полученный показатель характеризует хлебные запасы на д. м. п. в четвертях на уездном уровне. Далее данные картографировались. Прежде всего, нами составлялась картограмма среднеуездных душевых запасов хлеба (рис. 1). Ввиду большой пестроты изображения осуществление пространственного анализа по ней затруднительно. Задача облегчается, если исходное изображение преобразовать, представив его в виде некоего статистического рельефа. Такое изображение носит название изолинейного (рис. 2). Отметим, что переход к данному виду преобразования связан с полной трансформацией

Рис. 1. Фрагмент картограммы среднеуездных душевых запасов хлеба

изображения, в частности с заменой дискретного изображения непрерывным.

Если в исходной карте хлебных запасов каждый уезд принимался нами за количественно однородную величину, то при переходе к изолинейному изображению мы отступаем от этого требования, допуская возможным отклонения от средней по уезду величины (что, вероятно, имело место по сельским магазинам уезда). Проведя изолинии с определенным интервалом и приняв для каждого интервала соответствующий цвет в шкале, мы получили новое картографическое изображение. Его преимущество перед исходным изображением в том, что мозаичное изображение сменялось определенным статистическим рельефом, который гораздо легче описать, выявить области экстремальных значений, проследить направления изменения изучаемого показателя (т. е. его динамику по территории). Более того, для удобства изучения статистического рельефа мы можем прибегнуть к его картографическому осреднению, создав на основе полученной нами изолинейной карты (см. рис. 2) новую карту — осредненной фоновой поверхности, которая отражает самую общую дифференциацию территории. Совместный анализ фоновой и

Рис. 2. Фрагмент изолинейной карты среднеуездных душевых запасов хлеба

обычной изолинейной карт дает возможность последовательно выявить самые крупные формы статистического рельефа, списать их структуру и на этой основе детализировать описание.

При построении карты фоновой поверхности в качестве оператора (преобразователя) использована сетка квадратов, покрывающих территорию Европейской части России и располагаемых с 50-процентным перекрытием. Такой вид оператора известен в картографии как регулярный перекрывающийся оператор. Его использование обеспечивает равномерное преобразование всего исходного картографического изображения. Существенным моментом в преобразовании является выбор размера стороны квадрата. Нами размер квадрата выбран по средней площади губернии в центральной части Европейской России, составляющий приблизительно около 40 тыс. кв. км, что в нашем рабочем масштабе дает квадрат размером $2,5 \times 2,5$ кв. см. Далее во всех углах сетки квадратов были проставлены душевые среднеуездные запасы хлеба, снятые с карты среднеуездных запасов, а затем произведен подсчет среднего значения для

каждых четырех прилегающих квадратов (девяти точек) с 50-процентным перекрытием. В итоге мы получили новую совокупность цифр, представляющую скользкую среднюю величину хлебных запасов. Затем по полученным данным была построена изолинейная карта фоновой (трендовой) поверхности.

Визуальный анализ выполнялся на трех картах в следующем порядке: изолинейная карта осредненной фоновой поверхности, изолинейная карта среднеуездных запасов хлеба, картограмма среднедушевых запасов хлеба. По первой карте авторами выявлялись макроформы статистического рельефа. Следующая изолинейная карта позволила детально описать структуру макроформы и рельеф в ее пределах. Наконец, третья карта дает возможность получить точные цифровые показатели по каждой интересующей нас форме рельефа.

Если говорить о самых общих закономерностях территориальной дифференциации хлебных запасов в 1843 г., то для всей Европейской части России можно выделить несколько обширных регионов, в статистическом рельефе которых наблюдается ряд крупных макроформ — обширных равнин, «сводовых поднятий» и, наконец, значительных понижений, осложненных глубокими впадинами. Детальный анализ направлений их простираения, характера склонов и пр. позволяет, на наш взгляд, выявить некоторые особенности природы изучаемого нами показателя.

Для большей части Европейской России среднедушевые запасы хлеба составляли 1—1,2 четверти. На карте фоновой поверхности это выражается в наличии обширного равнинного региона, простирающегося с северо-запада на юго-восток. На его фоне выделяются три обширных куполообразных поднятия: первое охватывает Прибалтику, второе приурочено к Витебской и Смоленской губерниям и, наконец, третье располагается на северо-востоке, тяготея в основном к Вятской и Пермской губерниям. Наряду с повышениями в статистическом рельефе выделяются и три крупных понижения, приуроченные главным образом к периферийным областям. Первое — северо-западное, включающее Олонецкую, Новгородскую, частично Петербургскую и Псковскую губернии. Второе понижение охватывает ряд юго-западных и южных губерний (Подольскую, Волынскую, Бессарабскую, Херсонскую и Таврическую). Третье понижение приурочено к крайнему юго-востоку (Астраханская, частично Оренбургская губернии). Ниже вкратце опишем положительные и отрицательные формы статистического рельефа.

Области «сводовых поднятий»

1. Прибалтика

Анализ изолинейной карты уездных душевых запасов показывает наличие обширного платообразного поднятия, на общем фоне которого, характеризуемого среднедушевыми запасами 1,5—1,6 четверти, выделяются небольшие повышения, где запасы хлеба возрастают до 1,8—1,9 четверти (Рижский и Венденский уезды в Лиф-

ляндской губернии и Везенбергский и Вейсенштейнский — в Эстляндии). Весьма характерной особенностью является наличие резко выраженного в рельефе «уступа» от «плато» к лежащим вокруг губерниям, имеющим равнинный либо низменный (Псковская губерния) рельеф. Границы «плато» в большинстве своем идут вдоль границ этих губерний.

2. Витебская и Смоленская губернии

Анализ изолинейной карты уездных душевых запасов показывает, что в отличие от описанного выше Прибалтийского «плато» данная макроформа распадается на несколько отдельных «цепей гор» различной протяженности и высоты. Эти «горы» отвечают уездам, где душевые запасы хлеба в два — четыре раза превышают запасы хлеба в окружающих их уездах. Весьма интересен тот факт, что эти «горные цепи» резко секут административные границы (губернские), протягиваясь из одной губернии в другую и характеризуясь либо постепенным нарастанием высот (величин запасов хлеба), либо их одинаковыми значениями. Так, в Велижском уезде Витебской губернии хлебные запасы равны 1,8 четверти, в соседних с ним уездах Смоленской области они увеличиваются до 2,2—2,5 четверти и снова понижаются до 1,85 четверти в Духовищенском уезде. Таким образом, мы имеем гряду с высотами 2,2—2,5 к северо-западу (Велижский уезд) и юго-востоку — востоку (Духовищенский и Бельский уезды), от которой «высоты» постепенно падают, как бы образуя пологие склоны поднятия.

3. Северо-восточное поднятие

Оно охватывает главным образом Вятскую и Пермскую губернии, включая крайний северо-восток Оренбургской губернии (Челябинский уезд). Наиболее высокие «вершины» приурочены к юго-восточной части. Так, наибольшие запасы хлеба обнаруживаются в двух прилегающих уездах соседних губерний: Шадринском уезде Пермской губернии и Челябинском — Оренбургской и составляют 2,15 четверти. Как видим, и в этом случае статистический рельеф («горная цепь») резко сечет административную границу. К северу и югу от этих высоких значений запасы хлеба постепенно падают (1,8—1,6 четверти в Камышловском и Екатеринбургском уездах).

Вторая, более пониженная, но более протяженная «гряда» идет через пограничные уезды трех губерний: Слободский и Глазовский уезды Вятской губернии, далее в Оханский и Осинский Пермской губернии и заканчивается Бирским уездом Оренбургской губернии (рис. 3). Интересно, что средние душевые запасы хлеба для всех пяти уездов трех губерний одинаковы и составляют 1,7 четверти. К северо-востоку и юго-западу от этой гряды запасы хлеба постепенно уменьшаются до 1,4—1,6 четверти. Отсутствие крутых склонов в статистическом рельефе, как и его несогласованность с административными границами, на наш взгляд, заслуживает внимания,

ибо может свидетельствовать о том, что за этим показателем стояло не попечительство в чистом виде (тогда бы совпадение ареалов запасов с административными границами было бы частым), а реальные урожаи определенных регионов. Однако изредка все же встречаются и случаи четкой согласованности форм статистического рельефа с определенными административными границами. В описываемом регионе имеется четко выраженный максимум («горный массив»), строго приуроченный к Яранскому уезду Вятской губернии. Здесь запасы хлеба на душу (2,2 четверти) резко отличаются от уровня запасов окружающих регионов. Вероятно, такие резкие «аномалии» в статистическом рельефе, локализованные в узких административных границах, должны настораживать исследователя: здесь необходимо дополнительное привлечение источников. В одних случаях за этим могла стоять недостоверность данных по конкретному уезду, в других — реальные действия администрации.

Рис. 3. «Гряда», охватывающая смежные районы четырех губерний

Области понижения в статистическом рельефе

1. Северная область

Она охватывает всю Олонецкую, Новгородскую, а также частично Петербургскую и Псковскую губернии. Наиболее низкие «отметки» статистического рельефа приурочены к Петрозаводскому уезду Олонецкой губернии и Боровичскому — Новгородской и составляют 0,2 четверти на д. м. п. Характерна устойчивость низкого показателя во времени (данные на 1848 г. дают ту же картину приуроченности наиболее низких запасов к этим же уездам). Интересно постепенное повышение показателя в граничащих с зоной минимума уездах: так, в Тихвинском и Устюженском уездах Новгородской губернии запасы хлеба 0,3 четверти, а в Лодейно-Польском уезде Олонецкой губернии — 0,36 четверти. Далее на запад и восток также идет постепенное повышение запасов хлеба до 0,5—0,6 четверти (Крестецкий, Демянский, Новгородский уезды — на западе, Белозерский, Кирилловский — на востоке). Наконец, на самой западной окраине «впадины» (Псковский и Порховский уезды Псковской губернии, Гдовский, Лужский — Петербургской губернии) хлебные запасы на д. м. п. возрастают до 0,7—0,8 четверти. Таким образом, описанная нами область низких хлебных запасов представляет со-

бой в рельефе блюдцеобразное понижение с двумя глубокими впадинами в центральной части, от которых к краям идет постепенное нарастание «высот» (т. е. хлебных запасов). Характерно, что обширный регион низких хлебных запасов резко сечет границы целого ряда губерний, а изменение хлебных запасов от уезда к уезду плавное и довольно закономерное (от середины впадины к ее краям идет нарастание в виде кольцеобразных зон).

2. Юго-западная область

В высотном отношении и по характеру рельефа эта область распадается на две части — северную и южную.

В северную входят Волынская и Подольская губернии. Статистический рельеф можно по аналогии с гипсометрическим назвать холмисто-западинным. На общем пониженном фоне (запасы хлеба для фона колеблются в пределах 0,6—0,8 четверти) выделяются отдельные «холмы» или их группы, где хлебные запасы увеличиваются до 0,9—1 четверти. Например, Овручский, Новоград-Волынский, Заславский, Старокопачинский уезды. Другим примером группы «холмов» могут служить: Винницкий, Брацлавский, Ольгопольский, Балтский уезды (Подольской губернии). Из «впадин», где душевые запасы хлеба снижаются до 0,3—0,4 четверти, можно назвать две: Ковельско-Луцкую и Житомирскую (по названиям уездов).

Южная часть описываемой области включает Бессарабскую губернию, а также большую часть Херсонской и Таврической губерний. Характер ее рельефа в значительной части напоминает описанную выше северную (Олонецко-Новгородскую) впадину. Это как бы тоже блюдце, наполовину срезанное. По линии среза также имеются две глубокие впадины, характеризующиеся теми же минимальными запасами хлеба (0,2 четверти). Вокруг них идет постепенное кольцеобразное нарастание высот, т. е. увеличение хлебных запасов соответственно до 0,4—0,6—0,8 четверти. Подобно аналогичному ей северному варианту, наблюдается четкий диссонанс форм статистического рельефа и административных единиц.

Таким образом, анализ изолинейных карт позволяет сделать по крайней мере один, но весьма существенный вывод: на уровень хлебных запасов на мужскую душу административные границы не оказывали существенного влияния. Иначе говоря, административные усилия по сбору и регулированию выдач ссуд хлеба играли второстепенную роль, решающими же были какие-то объективные факторы, которые должны быть установлены.

Для проверки нашего предположения о связи величины хлебных запасов сельских магазинов с урожайностью обратимся к ведомости № 21 губернского отчета «О посеве и урожае хлебов».

Данные по посеву и сбору урожая (раздельно по озимым и яровым) в ней приведены в четвертях, урожай в большинстве своем дан в самах. В последней графе ведомости дано количество хлеба в четвертях, приходящееся на душу населения (по некоторым губерниям — на каждую мужскую душу) «за отделением семян на по-

сев». Для каждой губернии сведения даны отдельно для помещичьих хозяйств, казенных имений, иногда и уделов, дифференцированно для господской и крестьянской либо общественной и крестьянской запашки. К сожалению, сведения по урожаю даны в среднем по губернии, что позволяет нам вести сопоставление информации ведомостей № 20 и 21 лишь на губернском уровне. Только по Лифляндии имеются данные по урожаю хлеба в отдельных уездах (что и будет позже рассмотрено).

Поскольку сведения ведомости № 20 характеризовали хлебные запасы сельских магазинов крестьян, наше сравнение данных будет вестись лишь по урожаям на крестьянской запашке. Единицей сравнения служит губерния. Это означает, что в нашем анализе будет использоваться изолинейная карта осредненной фоновой поверхности, фиксирующая макроформы статистического рельефа. Начнем с того, что попытаемся описать урожаи хлебов на крестьянской запашке для групп губерний, образующих на картах хлебных запасов экстремальные области — крупные понижения и поднятия. Сопоставление сведений ведомостей № 20 и 21 ведется с годовым сдвигом, ибо величина урожая сказывается на состоянии хлебного магазина лишь в следующем году. Поскольку ведомость № 20 исследовалась и картографировалась нами за 1843 г., то сведения по урожаям (для сопоставления с этой датой) брались нами за предыдущий, т. е. 1842 г.

Области «сводовых поднятий»

Выше нами описаны три области, выделяющиеся повышенными запасами хлеба на душу мужского пола на карте осредненной фоновой поверхности. Опишем урожаи хлебов для двух областей — Прибалтики и Северо-восточной области Европейской части России.

1. Прибалтика

В Эстляндии средние урожаи озимого и ярового хлеба составляли сам-4 — сам-5. За отделением семян на посев на душу приходилось по семь с половиной четверти озимого и по четверти с половиной ярового хлеба. Хлебные запасы магазинов на д. м. п. в следующем, 1843 г. были значительно выше фонового для этого года (фон — 1 четверть) значения и составляли 1,7 четверти при коэффициенте вариации, не превышающем 12%. В Курляндской губернии урожаи озимых составляли в среднем сам-5, а яровых сам-6. При достаточно высоком урожае обращает на себя внимание крайне низкое количество (по сравнению с Эстляндией) хлеба, приходящееся на душу: сам-1 $\frac{1}{5}$ — сам-1 $\frac{3}{5}$. Запасы хлеба в сельских магазинах в 1843 г., как и в Эстляндии, составляли в среднем 1,7 четверти при коэффициенте вариации 16%.

В Лифляндской губернии урожаи озимых были в среднем сам-5, сам-6, уменьшаясь до сам-4 в Дерптском уезде и увеличиваясь до сам-7 в Венденском уезде. Это единственная (из 25 губерний, ото-

бранных для сравнительного анализа) губерния, сведения по урожаям в которой даны поуездно. Интересно, что хлебные запасы сельских магазинов за 1843 г. наиболее высокими были также в Венденском уезде, составляя 1,9 четверти при среднем по губернии душевом запасе 1,7 четверти (и коэффициенте вариации 7,6%). Как и для Курляндии, характерен резкий диссонанс между высокой урожайностью и повышенными запасами хлеба сельских магазинов, с одной стороны, и крайне низким количеством хлеба, приходящимся на душу (после отделения семян на посев): «от $\frac{3}{4}$ больше посева» — у казенных крестьян до $1\frac{3}{5}$ четверти — у помещичьих крестьян — с другой.

2. Северо-восточное поднятие

Оно охватывает главным образом Вятскую и Пермскую губернии. В Вятской губернии средний урожай озимых сам-3,5, сам-4, яровых — сам-3,5—4,5. За вычетом на посев на душу приходится у помещичьих крестьян (примерно 2% от общего числа крестьян губернии) по четыре четверти, у казенных крестьян, составляющих в этой губернии основное население, на душу приходится по 13 четвертей, у удельных крестьян — по 7 четвертей. В примечании к этой ведомости отмечается широкое развитие огородничества. Приводятся цифры снятого урожая овощей. Отмечается широкое распространение в крестьянских хозяйствах посевов конопля, льна, проса, гречихи, идущих главным образом в продажу на торжках и ярмарках в уездах, а также на рынках в городах. Большое количество хлеба, приходящееся на душу (7—13 четвертей) при довольно невысоких урожаях, позволяет предположить, что под посевами зерновых были довольно большие площади, а также, что зерновые культуры были ведущими в крестьянском хозяйстве. Сведения по сельским магазинам в 1843 г. дают средние душевые запасы хлеба по губернии 1,7 четверти при коэффициенте вариации, не превышающем 14%.

В Пермской губернии при урожае озимых сам-четверть — сам-четверть с половиной, а яровых — сам-треть, сам-треть с четвертью, за отделением семян на посев на душу приходится 9—11 четвертей, а у удельных крестьян — даже по 18 четвертей. Вероятно, и здесь под зерновыми были заняты достаточно большие площади. Средние по губернии душевые запасы хлеба в 1843 г. составляли 1,7 четверти при коэффициенте вариации 18%.

Понижения в статистическом рельефе

1. Северная область

К сожалению, сведения по Олонецкой губернии (наиболее «низкая» высотная отметка) отсутствуют. В Новгородской и Псковской губерниях урожай озимых на землях помещичьих крестьян составляли сам-треть с половиной, у государственных — сам-четверть,

а яровых соответственно сам-друг с половиной — сам-треть. Количество хлеба, приходящееся на душу после отделения семян на посев, в этих двух губерниях неодинаковое. В Новгородской губернии для помещичьих крестьян — около трех четвертей, для государственных — по четыре четверти на душу. Отметим, что запасы хлеба на душу в 1843 г. составляли в среднем полчетверти при значительном коэффициенте вариации (33%). В Псковской губернии у помещичьих крестьян после отделения на посев на душу приходилось по две четверти, а у казенных — по одной четверти четыре четверика. Сведения же по хлебным запасам сельских магазинов, приведенные в отчете по этой губернии отдельно для помещичьих и казенных крестьян, дают противоположную картину. Для помещичьих крестьян хлебные запасы на д. м. п. в среднем составляли 0,6 четверти при коэффициенте вариации 36% (т. е. эта величина распределялась по территории очень неоднородно), а для казенных крестьян — соответственно 1,2 четверти при коэффициенте вариации равном 22%.

В Петербургской губернии урожай озимых на землях помещичьих и казенных крестьян составляли сам-треть с половиной. Урожай ярового хлеба у помещичьих и казенных крестьян были равны соответственно сам-друг, без малого сам-треть. За отделением семян на посев на душу приходилось по пяти с лишним четвертей у помещичьих крестьян и более восьми четвертей — у казенных. Запасы хлеба на душу мужского пола в 1843 г. составляли в среднем 0,8 четверти при коэффициенте вариации 31%. Таким образом, по этой губернии урожай и средние душевые запасы хлеба в магазинах сравнительно невысокие, обеспеченность хлебом на душу довольно высока. Вероятно, здесь сказывается особое административное положение (столица) губернии, в частности возможности закупки хлеба (большой его привоз).

2. Юго-западная область

В северной ее половине, включающей Волинскую и Подольскую губернии, не прослеживается четкой согласованности между величиной хлебных запасов сельских магазинов и урожайностью. В Волинской губернии урожай озимых в 1842 г. на землях помещичьих крестьян были — сам-шесть с половиной, государственных крестьян — сам-пять с половиной, а урожай яровых соответственно: сам-треть с половиной, сам-четверть. За вычетом на посев на душу приходилось по две с половиной четверти. Хлебные запасы на душу мужского пола составляли в среднем 0,65 четверти (т. е. были ниже фоновой величины) при довольно значительном коэффициенте вариации (31%), что свидетельствует о больших отклонениях от средней запасов хлеба в уездах. (В Житомирском уезде, например, на д. м. п. приходилось 0,35 четверти, а в Новоград-Волинском — одна четверть.)

В Подольской губернии средние урожай озимых на землях помещичьих и казенных крестьян составляли в 1842 г. соответственно

сам- $5\frac{3}{4}$, сам- $6\frac{3}{4}$, а яровых — сам-3,5. За вычетом семян на посев на душу приходилось по четыре с половиной — пять четвертей. Хлебные запасы на д. м. п. в сельских магазинах в 1843 г. составляли в среднем 0,8 четверти (т. е. были ниже среднефоновых) при коэффициенте вариации 22,5%.

В южной половине этого понижения (Бессарабская, Херсонская, Таврическая губернии) положение с соотношением хлебных запасов, урожаями и количеством хлеба на душу были несколько иным. В Бессарабской губернии средние урожаи озимых в 1842 г. на землях помещичьих и казенных крестьян составляли соответственно сам-четверть, сам-друг с половиной, а яровых — сам-пять, сам-треть. За отделением семян на посев на душу приходилось лишь по одной четверти три четверика три гарнца. Хлебные запасы сельских магазинов в 1843 г. составляли в среднем на д. м. п. 0,3 четверти при коэффициенте вариации 22%. Таким образом, с одной стороны, мы имеем диссонанс между неплохими урожаями и крайне низким наделением хлебом на душу; с другой стороны, низкое наделение хлебом на душу согласуется с низкими душевыми его запасами в хлебных магазинах⁴.

Заметим указание губернатора об интенсивном разведении фруктовых садов и сбыте яблок и чернослива в следующих уездах: Хотинском, Ясском, Сорокском, Оргеевском, Кишиневском, Бендеровском. В некоторых из них хлебные запасы на душу падают до 0,2—0,25 четверти. Отмечается также закупка в ряде уездов капусты «целыми транспортом и вывоз ее в Одессу»⁵. Видимо, в структуре крестьянского хозяйства, а следовательно, и в пропитании крестьянской семьи хлеб не был ведущей культурой. Следует при этом напомнить о роли кукурузы в продовольственном балансе.

В Херсонской губернии урожаи озимых в 1842 г. на землях крестьян разных сословий резко различались. Так, урожай озимых у помещичьих крестьян был сам-5,5, в то время как у казенных крестьян «едва возвратились семена»; яровых у помещичьих крестьян — сам-3,5, а у казенных — «не возвратили семян». За вычетом на посев на каждую душу у помещичьих крестьян приходилось по пять четвертей, а у казенных — по одной четверти. Хлебные запасы сельских магазинов в 1843 г. составляли в среднем 0,5 четверти при коэффициенте вариации 50%. Характерна четкая дифференциация хлебных запасов: наибольшими (0,7—1 четверть) они были в трех восточных уездах, граничащих с Екатеринославской губернией, — Бобринецком, Александрийском и Херсонском; наименьшими (0,2—0,4 четверти) были запасы в уездах, граничащих с Бессарабией, — Тираспольском, Одесском, Ананьевском. Вполне возможно, что такая дифференциация связана с различной структурой крестьянского хозяйства этих двух групп уездов (соответственно аналогичных Бессарабской и Екатеринославской губерний). Если бы мы имели данные по географии этой губернии помещичьих и казенных имений, возможно, что дифференциация уровней хлебных запасов магазинов и дифференциация урожайности на землях

казенных и помещичьих крестьян четко бы увязались между собой.

В Таврической губернии урожай озимых на землях помещичьих крестьян составляли сам-4,4, яровых — сам-3,5, у государственных крестьян соответственно — сам- $3\frac{1}{4}$, сам- $4\frac{1}{4}$. После отделения семян на посев на душу приходилось более восьми четвертей — у помещичьих крестьян и более трех четвертей — у государственных. Хлебные запасы на д. м. п. в 1843 г. составляли в среднем по губернии 0,8 четверти при значительной вариации этого показателя (34%). Заметим, что в четырех из шести уездов губернии они не превышали 0,6—0,7 четверти, а в Мелитопольском и Днепровском составляли 1,1—1,3 четверти.

Остановимся вкратце на анализе урожая двух губерний, дающих на изолинейной карте «минимумы» хлебных запасов, довольно четко приуроченные к административным, в нашем случае губернским, границам, — это Пензенская и Рязанская губернии. В Пензенской губернии средние урожай хлеба озимых сам-треть — сам-четверть, яровых — колебались от сам-четверти до сам-шести. За отделением семян на посев на душу приходилось у помещичьих крестьян по 25 четвертей с долями, у казенных крестьян — по семь с половиной четвертей с долями. В ведомости № 21 отмечается, что урожай сам-4 — сам-6 для губернии является средним. Такое большое количество хлеба на душу при среднем урожае позволяет предположить, что, помимо хорошей урожайности зерновых в этом районе, доля их в общей пашне достаточно высокая. Хлебные запасы на д. м. п. в 1843 г. (за исключением Краснослободского уезда, где они равны 2,7 четверти) поразительно низкие — 0,57 четверти при коэффициенте вариации 50%. Логическая несовместимость хорошего урожая, большого количества хлеба на душу с крайне низкими его запасами, да еще помноженная на четкую приуроченность «минимума» хлебных запасов к губернским границам, позволяет в данном случае говорить об административном «небрежении» к продовольственному попечительству или же о каких-либо ошибках в ведомости № 20.

Аналогичную ситуацию мы имеем при анализе и сопоставлении ведомостей № 20 и 21 по Рязанской губернии. Здесь приуроченность «границ минимума» хлебных запасов к губернским границам идеальная. Урожай озимых по запашке обоих разрядов крестьян сам-треть, а яровых сам-пять — сам-шесть. За отделением семян на посев на душу приходится по пяти с половиной четвертей хлеба для помещичьих крестьян и по четыре с половиной четверти — для казенных крестьян. Хлебные запасы на д. м. п. в 1843 г. составляли 0,5 четверти при коэффициенте вариации 34% (размах от 0,11 до 0,69 четверти). Такой диссонанс логически связанных показателей вместе с четкой приуроченностью минимума к административным границам явно свидетельствует о необходимости настороженно относиться к статистическим данным отчета по этой губернии, если пренебречь вышеуказанным административным «небрежением».

Итак, итоги сравнения изолинейных карт, построенных на данных ведомостей № 20 и 21 губернаторских отчетов, выглядят следующим образом.

Область «сводовых поднятий». По Прибалтике уровень хлебных запасов идеально совпадает с показателями по урожайности и, следовательно, степень достоверности данных ведомостей достаточно высока. Подчеркнем, что в данном районе, точнее по Лифляндии, мы могли оперировать поуездными данными.

Северо-восточное поднятие, падающее на Вятскую и Пермскую губернии, в общем и целом обнаруживает совпадение тенденций в показателях ведомостей. Но отсутствие поуездных данных в ведомости № 21 значительно снижает и чистоту эксперимента и его возможности. К сожалению, мы не можем проследить за поведением «вершин», «гряды» и «горного массива» изолинейной карты душевых хлебных запасов в изолинейной карте неурожайности, хотя общие контуры этих карт, в особенности их неприуроченность к административным границам, совпадают.

Область понижения в статистическом рельефе. Северная область даже с учетом того, что сведения об урожайности в Олонецкой губернии отсутствуют, также характеризуется заметной связью уровнем урожайности и запасов хлеба в магазинах на душу. Обстоятельство, что в Петербургской губернии при сравнительно невысоких уровнях урожайности и магазинных запасов хлеба на душу мы наблюдаем сравнительно высокую среднюю обеспеченность хлебом на душу, лишний раз подтверждает зависимость данных ведомостей № 20 и 21, которые не учитывали и не должны были учитывать ввоз хлеба.

Юго-западная область дает более пеструю картину, но эта пестрота сигнализирует о более широком наборе причин диссонанса в уровнях урожайности, магазинных запасах и средней обеспеченности хлебом на душу населения.

Совершенно очевидно, что результаты нашего эксперимента на хронологически и территориально ограниченном материале не могут иметь какого-либо серьезного значения для исторических построений, в области же методики источниковедения они только иллюстрируют возможности картографического метода.

¹ См. издания Комиссии Отделения истории АН СССР по применению математических методов и электронно-вычислительных машин в исторических исследованиях.

² См. подробнее: *Берлянт А. М.* Картографический метод исследований. М., 1978.

³ См.: *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979, с. 193—194.

⁴ Отметим, что, по данным М. П. Мунтяна, именно в 1842—1845 гг. наблюдается дефицит хлеба в царском хозяйстве, несмотря на сравнительно высокую урожайность (*Мунтян М. П.* Экономическое развитие дореформенной Бессарабии. Кишинев, 1972, с. 80—82).

⁵ Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 1281, оп. 4, д. 71, л. 121 и 121 об.

КОНКРЕТНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АНАЛИЗА ДОГОВОРОВ НЕФТЕПРОМЫШЛЕННЫХ ФИРМ

(конец XIX — начало XX в.)

Э. Б. Мурадалиева

Советская историография уже имеет опыт изучения актовых материалов второй половины XIX — начала XX в., в частности уставов акционерных компаний¹. Однако один из важных видов частноправовых актов — договоры как самостоятельный комплекс источниковедческому анализу не подвергались, хотя обращение к ним в исследованиях о капиталистических монополиях в России стало, можно сказать, обязательным условием². В настоящей статье предпринимается попытка, с одной стороны, дать общую характеристику договоров, а с другой — наметить пути и перспективы дальнейшего их использования для изучения конкретно-исторических аспектов монополизации нефтяной промышленности.

В плане источниковедческого анализа договоров слабо исследованы такие вопросы, как место договоров среди делопроизводственных документов эпохи монополистического капитализма, их формуляр, специфика их как частноправовых актов, разновидности и классификация договоров, складывание монополий и монополистических связей и взаимоотношений на договорных началах. Эти вопросы и составляют содержание статьи.

Среди сохранившихся в фондах нефтепромышленных фирм однотипных документов общего делопроизводства договоры наиболее массовы³. Хронологически их комплекс охватывает период с конца XIX в. до 1920 г. По всем фондам нами обнаружено более 700 договоров. В действительности эта цифра должна быть выше, если учесть, что в ряде случаев при заключении нового договора с тем же контрагентом делалась ссылка на основные условия предыдущего договора, текст которого не сохранился. В подобных случаях относительно условий упоминалось: «по примеру последнего нашего договора от ... числа» или «на прежних условиях».

С развитием монополистического капитализма происходило дальнейшее расширение торговых сношений, заключение разного рода сделок, соглашений. Изучение коммерческой деятельности торгово-промышленных предприятий показывает, что договоры постоянно фигурировали в практике их деятельности и относились к числу

обязательной документации⁴. Массовость этого вида источников была обусловлена их назначением, постоянством и повторяемостью системы экономических отношений и связей, которые они отражали⁵.

По принятой классификации источников договоры относятся к актовым документам, в которых в форме определенных юридических норм зафиксированы экономические сделки. Кроме массовости, этой группе источников свойственны тематическая однотипность сведений (регламентируют отношения — права и обязанности договаривающихся сторон), единые принципы построения, особый стиль, заключающийся в возможности наиболее сжатым образом изложить большее число фактов. В договорных документах, как отмечается в историографии, основное содержание представляет собой комбинацию готовых формул, каждая из которых выражает определенное условие договора и повторяется из документа в документ, тогда как в других видах документов для «изложения содержания», как правило, не свойственно применение единых в редакционном отношении формул, обязательных в юридическом плане⁶.

Таким образом, оформление договоров с соблюдением определенных юридических норм, наличие готовых формул, обязательных в юридическом отношении, являются важными признаками этого вида документов. Особенностью договоров как нормативных источников была возможность в случае надобности изменения тех или иных их параграфов. Это зависело лишь от пожелания договаривавшихся сторон и немедленно приводилось в исполнение, тогда как изменение другого нормативного акта — устава было сопряжено с определенными трудностями, связанными с необходимостью утверждения соответствующих изменений в Министерстве торговли и промышленности⁷.

При анализе договоров важное значение имеет вопрос об их формуляре, который был выработан практикой деятельности фирм. Формуляр, содержащий половину всех клаузул, встречающихся в рассматриваемой группе документов, позволяет проследить общую схему договоров. Договор начинался с указания места и времени (год, число, месяц) его заключения. Дата помещалась либо на правой стороне документа над текстом, либо непосредственно в самом тексте. Наименование договаривающихся сторон указывалось полностью. Далее следовали условия договора с разной степенью подробности в зависимости от того, состояли ли стороны в регулярных сношениях, или сделка между ними заключалась впервые, а также от предмета сделки. Каждое условие представляло отдельный параграф. Подлинник договора подписывался директором правления фирмы или его уполномоченным. В последнем случае ставился штамп фирмы со словами «по доверенности». Образцы подписей директоров и других ответственных служащих фирм систематически сообщались особыми циркулярами всем корреспондентам.

В зависимости от формы заключения договоры нефтепромышленных предприятий представлены такими разновидностями: собственно договоры, соглашения, маклерские записки, купчие крепо-

сти. Формуляры каждой разновидности договоров имели свою особую структуру.

Собственно договоры заключались в присутствии обеих сторон и начинались словами: «Мы, нижеподписавшиеся, с одной стороны... и с другой... заключили договор нижеследующего содержания...». Обычно эти договоры состояли из множества параграфов, условий и, как правило, были предназначены для разрешения заключенных в них условий на продолжительный срок⁸.

Наиболее часто встречаемая форма заключения договоров — соглашения в виде деловых писем, предназначенных выполнять роль юридического документа⁹. Дело в том, что коммерческая фирма не всегда имела возможность оформлять каждую торговую сделку путем нотариально удостоверенных договоров, что было сопряжено с расходами, потерей времени, а главное, не всегда гарантировалась сохранность коммерческой тайны, которой так дорожили фирмы. При совершении же сделки путем корреспонденции устранялись подобного рода неудобства, а юридическое значение сделки несколько не уменялось. В таких случаях предлагались письменно. Обычно деловое (торговое) письмо начиналось так: «Настоящим письмом имеем честь подтвердить состоявшееся между нами соглашение, по которому Вы продали, а мы у Вас купили...», далее указывались количество и условия. Заканчивалось письмо словами: «Ваше согласие на все вышеизложенное просим подтвердить письмом». В ответ следовало письмо адресата, начинавшееся словами: «Настоящим подтверждаю получение Вашего письма следующего содержания...», и полностью цитировалось деловое письмо. Это делалось с целью удостовериться, что между отправленным и полученным письмами не было другой корреспонденции и все условия сохранились без изменений. Затем от адресата следовало, что «на все вышеизложенное выражаем свое согласие», и сделка считалась оформленной. В ряде случаев вслед за этими словами отмечалось: «со следующими изменениями...». Эти поправки подтверждались повторным письмом, которое заканчивалось словами: «во всем остальном наши условия остаются в силе». В подобных случаях происходил трехкратный обмен письмами. Изменению могло подвергнуться любое условие договора. Так, к договору товарищества «Г. М. Лианозова сыновья» с товариществом «Бр. Нобель» (договор № 972 от 23 октября 1907 г. о продаже Лианозовым 2 млн. пудов нефтяных остатков) имеется изменение относительно размера неустойки: «неустойка на случай несдачи или неприема по договору устанавливается в 10 коп. за пуд», вместо ранее условленных 25 коп. (поправка Лианозова)¹⁰. В договор товарищества «Бр. Нобель» с Русским нефтепромышленным обществом (договор № 1195, март 1909 г., на продажу товариществу нефти) было введено изменение в редакции товарищества: «если из их добычи в марте месяце после исполнения всех своих запродаж окажется еще свободной нефти, то и это количество мы примем по средней биржевой цене»¹¹.

Итак, соответствующим образом удостоверенное деловое письмо имело силу договора, обязательного для обеих сторон. Если же фирма не получала подтверждения на свои письменные предложения, это вело к расторжению соглашения и предложение считалось недействительным.

В коммерческо-деловой практике нефтепромышленных предприятий имела распространение и такая форма договоров, которая заключалась посредством маклеров и именовалась «маклерской запиской». Маклерам от имени фирмы давалось поручение за известное вознаграждение оформить договор с интересующим контрагентом. Чаще это делалось с тем, чтобы при посредстве определенных лиц без хлопот и издержек по содержанию отделений и контор расширять свой рынок и отыскивать новые рынки для сбыта. Маклер мог обслуживать интересы одной фирмы и считаться ее представителем или быть одновременно представителем фирм и принимать комиссионные поручения в более широких размерах. Последнее находилось в зависимости от того, с какой стороны он зарекомендовал себя в торговом мире и особенно перед своими доверителями. Маклер должен был во всех отношениях соблюдать интересы своих доверителей: отговаривать от операций, которые, по его мнению, являлись невыгодными для дела, предупреждать о всех переменах в условиях рынка. Сделки, заключаемые посредством маклеров, совершались в форме писем. Причем составлению маклерской записки предшествовала так называемая переписка-пояснение. Важнейшими пояснениями при поручениях по закупкам были указания: 1) количества и качества товаров, 2) предельных цен, 3) способа отправки, хранения товаров, 4) условий расчета и сроки платежей, 5) размера комиссионного вознаграждения. При поручениях по продаже указывались: 1) подробное описание поручаемых на продажу товаров, 2) предельные цены, если не предоставлялись в этом случае более широкие полномочия производить продажу по собственному усмотрению маклера, 3) указание порядка расчета, 4) размер и порядок уплаты комиссионного вознаграждения¹². С учетом этих пояснений составлялась маклерская записка. Начиналась она словами: «По приказу Вашему взято для Вас от...», и далее шли условия сделки. Завершалась сделка формулой: «По сей маклерской записке на вышеизложенных условиях мною куплено [подпись]»¹³.

В разряд договоров входят и купчие крепости. В отличие от вышерассмотренных разновидностей договоров, которые не знали каких-либо ограничений на предмет сделки, купчие крепости оформляли куплю-продажу лишь недвижимости¹⁴.

Указанные выше разновидности договоров наиболее полно представлены в архивных фондах товарищества «Бр. Нобель» (разновидности договоров в фондах нефтепромышленных фирм см. в Прил.).

По условиям заключения все договоры можно разделить на две группы. Первая — договоры о «равных» отношениях. Это главным образом масса краткосрочных договоров купли-продажи, обуславливавших закупки нефтепродуктов небольшими партиями, договоры

с казенными ведомствами¹⁵. В них основное условие сводилось к формуле «сдача-прием... для сторон обязательна». Наличие же в договоре такого условия, по которому одна из сторон на время действия договора обязана была отказаться от самостоятельной торговли, брать товар от других продавцов или сократить годовую производительность своего предприятия, свидетельствует об ограничении этой стороны в рамках сделки¹⁶. В практике деятельности нефтепромышленных фирм бывали случаи, когда сильнейшая из договаривавшихся сторон, не довольствуясь буквальным текстом, требовала соблюдения даже «духа» договора. Примечателен в этом отношении комиссионный договор товарищества «Бр. Нобель» с обществом «А. И. Манташев и К^о». Когда последний стал предлагать в Саратове мазут по 13 коп. за пуд, со стороны товарищества сразу же последовал протест: «Вступив в торговые сношения с этой фирмой... мы менее всего ожидали, что нам придется встретиться на рынке с товаром Манташева. Хотя в заключенном договоре нет прямых указаний на то, что Манташев не выступает самостоятельным продавцом, однако мы считаем, что появление его на рынке противоречит духу наших условий»¹⁷. И уже в перезаключенном договоре от 5 мая 1907 г. на продажу товариществу ежегодно по 1 млн. пуд. керосина и 4 млн. пуд. мазута в течение шести лет был введен специальный пункт (п. 8): «...Манташев обязуется прекратить всякую самостоятельную продажу где бы то ни было в России»¹⁸.

Важным элементом анализа договорных отношений в их повседневности представляется комплексное изучение договоров с материалами текущего делопроизводства. Это связано как с общим требованием изучать всю совокупность источников, так и с сущностью самих договоров, заключавшейся в том, что они не всегда отражали реальный процесс функционирования соглашения.

Обычно процедура заключения договора начиналась с наведения сведений о кредитоспособности, благонадежности в смысле денежной или имущественной обеспеченности фирмы, с которой предполагалось вступить в сделку. Эти сведения необходимы были для того, чтобы избежать риска и потерь в деловых сношениях. Причем для более ясного представления и оценки кредитоспособности принято было запрашивать об одной и той же фирме нескольких лиц. Подобного рода письма облекались в форму секретной переписки¹⁹. Так, правление товарищества «Бр. Нобель» разработало целую программу сведений о контрагентах и вменяло в обязанность местных контор руководствоваться ими: 1) кто такой покупатель, 2) для чего требуется ему товар, 3) у кого он брал раньше, 4) по какой цене, 5) его кредитоспособность, 6) насколько аккуратен в платежах, 7) кто будет конкурировать по той же продаже и т. д.²⁰

Каких-либо детальных инструкций или руководств по составлению договоров не было. Этот вопрос в самых общих чертах затрагивался в теоретических и практических курсах и пособиях по коммерческой корреспонденции²¹. Так, в одной из работ подчеркивалось, что к составлению договора требуется самое педантичное отношение, чтобы этот документ был неоспорим: «Как много мы ви-

дим примеров, когда люди, вступая в договорную связь, имеют самые хорошие взаимные намерения, по малейшая неясность в договоре дает повод какой-либо из договорившихся сторон получить большие выгоды из дела, и хорошие отношения сразу заменяются тяжелыми спорами»²². Одним из требований, предъявляемых к договорам, являлось составление их на актовой бумаге или с соответственной оплатой гербовыми марками во всех случаях, когда в них упоминалась какая-либо определенная ценность. Если же определенной суммы в договоре не упоминалось, гербовая оплата ограничивалась 1 руб. с листа. В случае неправильной оплаты гербовым сбором договор не терял юридической силы, но договаривавшиеся стороны должны были заплатить десятикратную сумму недоплаченного сбора. Договоры, оформлявшиеся путем делового письма, писались на типографских бланках, в верхнем левом углу которых находился штамп предприятия, давшего документ, место для даты и исходящего номера.

Как свидетельствуют сохранившиеся архивные материалы нефтепромышленных фирм, последние сами поднимали вопрос об унификации формы договоров. Наиболее полно этот вопрос прослеживается по документам товарищества «Бр. Нобель». Заправили товарищества, инструктируя свои местные конторы, неоднократно обращали внимание их заведующих на то, чтобы «по возможности ввести некоторое единообразие в заключаемые товариществом договоры... разработать проект нормального договора, в который будут введены все пункты, необходимые для защиты интересов товарищества»²³. Правление полагало отпечатать примерную форму договоров и при заключении сделок пользоваться исключительно ею, дополняя ее по необходимости особыми условиями. Товарищество «Бр. Нобель» неоднократно возвращалось к вопросу об унификации формы договоров. Он был поднят и на IV съезде заведующих районами товарищества в 1907 г., где о заключении договоров был заслушан доклад мазутного отдела товарищества, в котором отмечались недостатки при оформлении сделок. Поэтому правление товарищества вновь обязывало своих агентов оформлять договоры с подробным указанием всех условий, чтобы гарантировать сохранение интересов товарищества²⁴.

Важное значение придавалось точности изложения условий договора. Так, в письме правления товарищества «Бр. Нобель» в Бакинскую контору подчеркивалось: «Обращаем Ваше внимание на редакцию акта от 6 мая 1909 г. на покупку нами у г. Вопсовича половины участка № 58 на о. Святом: в п. 1 сказано: «Мы, Вонсович... переуступили товариществу «Бр. Нобель» в полную собственность все права и обязанности наши... на половину прав на участок казенной земли». Мы купили не половину их прав на участок, а их право на половину участка, что не все равно»²⁵.

Однако в коммерческой практике были не редки случаи отступления от рассмотренных требований к заключению договоров. Об этом свидетельствует, в частности, переписка товарищества «Бр. Нобель» по договорным отношениям, в которой неоднократно подчер-

живалось, что неполнота и неточность условий приводят к тому, что нет возможности, «следуя букве договора, ни требовать от контрагента точного выполнения пунктов договора, ни освободить себя от исполнения его». Поэтому правление товарищества вновь и вновь требовало «придерживаться старых традиций и при составлении договора оговаривать определенной неустойкой неспадчу или неприем оговоренного количества, а также в точности определить аккуратность сдачи»²⁶.

В целом же переписка о выполнении договоров показывает, что каждая из договаривавшихся сторон стремилась использовать любую недомолвку в свою пользу.

Как свидетельствовала практика выполнения договоров, значительные затруднения при их реализации возникали из-за отсутствия условий, предусматривавших случаи форс-мажор — пожаров, забастовок, стихийных бедствий и т. д. Отмеченное особенно сказалось после августовских событий 1905 г.²⁷ Те договоры, в которых были предвидены случаи форс-мажор и указаны их последствия, не вызвали каких-либо затруднений при их исполнении. В отношении же остальных договоров для их исполнения были возбуждены судебные иски. Так, в одном из архивных дел товарищества «Бр. Нобель» о состоянии выполнения договоров на покупку нефти за 1905—1907 гг. все договоры разбиты на две категории: 1) где вполне точно предвидены случаи форс-мажор, 2) в которых не оговорены эти случаи или последствия их выяснены недостаточно. В отношении последних товарищество подчеркивало, что будет «настаивать на исполнении договоров, хотя бы для этого пришлось обратиться в суд»²⁸.

Сохранившиеся в фондах нефтепромышленных фирм исковые дела по невыполненным договорам, интересные сами по себе, ценны также и тем, что позволяют восстановить текст утраченных по тем или иным причинам договоров, так как каждый иск начинался с изложения условий заключенного договора. При исследовании действительной картины соблюдения договорных условий, безусловно, необходимо привлекать и исковые дела.

Стремление нефтепромышленных предприятий по налаживанию учета договоров, контролю за их выполнением предопределило значительный удельный вес учетной документации среди архивных материалов. В ней фиксировались номер договора, контрагент, предмет сделки, основные условия (количество, цена, срок исполнения), время заключения договора, отметки об исполнении или прекращении сделки.

Основными разновидностями учетной документации были списки договоров, одновременно заключенных с разными контрагентами, журналы учета сроков договоров, статистические таблицы учета принятых ежемесячно по договорам нефтепродуктов²⁹. Кроме ежемесячных подведений итогов выполнения договорных условий, составлялись и сводки на год или на определенные даты. Например, архивное дело московского фонда товарищества «Бр. Нобель» «Запродажи по условиям на сезон 1911/1912 гг.» представляет алфа-

витную книгу покупателей³⁰. За фамилией покупателя указано количество проданного товара, его цена, на какой срок заключена сделка, ежемесячный учет продажи товара и общий итог продажи. Все эти данные расположены на листе по вертикали.

Ряд учетных дел озаглавлен «Договоры на покупку и продажу нефти и других продуктов». В них, помимо общих учетных данных, приведены краткие конспекты договоров. Вот, например, один из них. «Договор № 726 товарищества «Бр. Нобель» с обществом «Арамазд» на покупку нефти. Время заключения 9 июня 1905 г. Срок действия с 1 ноября 1905 г. по 1 ноября 1906 г. Дополнительное соглашение 9 июня 1905 г.— по 1 марта 1907 г. Контрактное количество 9 000 000 пуд. в Черном городе. Месячная партия не менее 650 000 пуд. Цена — первые 2 000 000 пуд. по 17 коп., остальные 7 000 000 пуд. не выше 22 коп. Неустойка — 17 коп. Уплата неустойки от исполнения договора не освобождает». Помимо этих данных, в деле указано, что «договор окончен, до февраля 1907 г. принято 8 982 809 пуд.»³¹.

Подобного рода дела представляют особый интерес, так как при отсутствии текста самого договора о нем можно судить хотя бы по его конспекту. Основным же достоинством учетной документации является то, что по ее данным можно проследить судьбу сделки — ее исполнение или прекращение.

Итак, для полноты анализа договорных отношений необходимо привлечение материалов текущего делопроизводства — коммерческой переписки об установлении и поддержании, изменении или прекращении деловых связей, исполнении сделок, учетной документации, исковых дел, которые в совокупности с текстами договоров составляют делопроизводство по определенной операции и должны изучаться комплексно. Только при таком подходе к источникам возможно детальное конкретно-историческое исследование процессов монополизации.

Конкретно-исторический аспект анализа договоров обязывает прежде всего к рассмотрению того, в какой мере отражены процессы монополизации и реальной деятельности монополистических объединений в различных типах договоров. Поскольку договоры заключались по разным вопросам, представляется необходимой их группировка, которая позволит полнее и глубже раскрыть многообразие экономических связей между фирмами. Весь комплекс источников классифицирован нами по предметным группам, а каждая группа в отдельности — по целевому назначению и содержанию³².

Важную группу договоров составляют соглашения по учреждению монополистических объединений. Будучи сравнительно не столь многочисленной, в совокупности она является массовой по фиксируемому общественно-экономическому явлению — обычному, повседневному и типичному для монополистического капитализма. Являясь нормативной основой деятельности монополий, тексты соглашений показывают, на каких началах организовались фирмы в монополию, определяют тип, сроки существования монополии, состав участников, их права и обязанности, ассортимент монополизиру-

емых продуктов. Существенными элементами формуляра договоров этой группы являются те условия, которые определяют процентную долю участия (квоту) каждого члена в союзе и организационно-управленческое устройство объединения.

Договоры, лежащие в основе сбытовых монополий, по форме заключения делятся на союзные и контрагентские. Если синдикатский акт подписывался одновременно всеми участниками соглашения (т. е. монополия не являлась юридическим лицом), договор был союзный. В случае легализации синдиката с каждым участником соглашения подписывался отдельный контрагентский договор³³.

В целом существенным признаком этой группы договоров является то, что они носили учредительский характер, оформляя создание монополий картельно-синдикатского типа.

В первом десятилетии XX в. в бакинской нефтяной промышленности действовали такие монополистические объединения, как «Нобмазут», «Синдикат предпринимателей буровых работ», «Соглашение судовладельцев», «Сернокислотный синдикат»³⁴. Однако до наших дней сохранились учредительские договоры только двух последних монополий³⁵.

Повседневная деятельность нефтяных монополий определялась договорами купли-продажи нефти и ее продуктов³⁶. Данный тип договоров представляет соглашение двух сторон, посредством которого достигалось подчинение слабейшего из контрагентов сильнейшим, регулировались взаимоотношения монополии и немонополизированного производства, устанавливались государственно-монополистические связи.

Определенную группу среди этого типа договоров составляют так называемые договоры «по совместной эксплуатации». На их основе возник известный в историографии монополистический союз концерна товарищества «Бр. Нобель» и Бинагадинского нефтепромышленного и торгового общества³⁷. Ввиду того что эти договоры представляют типичный случай установления «союзных» отношений, остановимся на них подробнее.

1 июля 1913 г. между товариществом и обществом были заключены два договора³⁸. Согласно § 1 договора № 1 (делопроизводственный № 1809) стороны обязаны были совершать совместно все операции по покупке нефти от посторонних лиц и фирм, добывающих на участках сс. Бинагади, Хурдалан, Баладжары, Гекмали. Из всего количества нефти, купленной как товариществом, так и обществом от разных лиц и фирм с перечисленных площадей, товариществу принадлежало право на 30%, а обществу — на 70%. На первый взгляд может показаться, что речь идет об обычном картельном соглашении, но это было не так. Принцип паритетности, присущий картелю, здесь нарушен. Анализ условий договоров показывает, что они порождали для одного контрагента права, для другого — только обязанности. Так, при расчетах за 30% нефти, причитающейся товариществу, общество обязывалось выделять товариществу безвозмездно 30% из утечки, взимаемой обществом от поставщиков (§ 11). По § 22 товариществу предоставлялось право покупать не

более половины всего количества нефти, причитающейся по договору на долю общества, по цене и на условиях, какие будут предложены обществу другими покупателями. Если таковых у общества не окажется, то товариществу предоставлялось право покупать эту нефть по средней биржевой цене на тяжелую нефть со скидкой $\frac{1}{2}$ коп. Однако при сравнении этого условия с § 19, по которому «все расчеты между контрагентами как за досдаваемую друг другу до установленной нормы нефти, так и за купленную товариществом от общества нефти учиняются по средней цене бакинской биржи на тяжелую нефть... за вычетом из таковой 3 коп. с пуда», оказывается, что и оставшаяся доля общества приобреталась товариществом.

Таким образом, товарищество фактически имело право приобрести всю долю общества (70%), из которой 25% — по цене ниже среднебиржевой на $\frac{1}{2}$ коп., остальные 35% — на 3 коп.

По договору № 2 (делопроизводственный № 1810) товарищество и общество должны были все нефтепроводные линии, предназначенные для приема и перекачки нефти, добываемой посторонними лицами в пределах Апшеронского полуострова, а также относящиеся к этим линиям приемные станции сооружать и эксплуатировать совместно. Равным образом товарищество и общество обязывались все операции по покупке нефти от посторонних лиц и фирм, добывающих или закупающих таковую в районах этих нефтепроводных линий, совершать совместно (§ 4). Покупаемая таким образом нефть делилась между сторонами поровну (§ 7, 9).

Как и по предыдущему договору, товариществу предоставлялось право приобретать от общества всю долю причитающейся ему нефти и отчислять в свою пользу 1,5% на утечку со всего принятого количества (§ 10).

Срок обоих договоров был 10-летний, но каждая сторона была вправе через 5 лет со дня начала действия договора отказаться от его продления, предупредив о своем отказе другую сторону за год вперед.

Можно констатировать, что договоры «по совместной эксплуатации» товарищества «Бр. Нобель» и Бинагадинского общества оформили союз по монополизации нефтедобычи Апшеронского полуострова, в котором Бинагадинское общество выполняло функцию подконтрольного предприятия.

Нефтяная промышленность имела давнюю традицию поставок топлива казенным ведомствам. Казенные железные дороги и морское ведомство являлись одним из крупнейших потребителей топлива и представляли собой выгодный и довольно устойчивый рынок сбыта. Казна потребляла более $\frac{1}{3}$ всей добываемой в России нефти³⁹. Поэтому крупные нефтепромышленные фирмы стремились к тому, чтобы захватить наибольшую долю поставок топлива государственным ведомствам. Эти поставки выполнялись на основе тех же договоров купли-продажи.

В архивных фондах сохранилось значительное количество подобных договоров. Только в одном деле фонда «Служба керосино-

провода Закавказских железных дорог» имеется более 30 договоров Управления Закавказских железных дорог с различными компаниями на поставку нефтяных остатков за 1912—1916 гг.⁴⁰ Много договоров с государственными ведомствами — Морским министерством, Главным артиллерийским управлением, Министерством путей сообщения, железными дорогами — за разные годы отложились в фонде товарищества «Бр. Нобель»⁴¹.

В историографии имеется опыт использования этой группы договоров в качестве источников, раскрывающих экономическое содержание взаимоотношений нефтяных монополий с государственными ведомствами, их сращивание в сфере регулирования вне рыночных поставок топлива. В частности, выяснена исключительная роль товарищества «Бр. Нобель» — главного контрагента государства — в системе регулирования поставок топлива казенным ведомствам в годы первой мировой войны, раскрыт механизм выполнения им условий контрактов⁴². Исполнение заказов казны концерн Нобеля осуществлял при помощи сети договоров с массой нефтепромышленных фирм, как монополизированных, так и в особенности немонополизированных. Отсюда еще один аспект использования договоров как источников, раскрывающих функцию монополии в качестве связующего звена между государством и остальными нефтепромышленными предприятиями.

Не менее важную и многочисленную группу среди всего комплекса договоров составляют земельные договоры. В отличие от договоров купли-продажи нефти и нефтепродуктов договоры на аренду и покупку земли были обширны и состояли из множества условий, как правило, нотариально удостоверены и заключались на продолжительный срок⁴³.

Как правительственная статистика, так и статистика Совета съезда бакинских нефтепромышленников разделяли нефтеносные земли по форме владения на три категории: казенно-общественные (земли, экспропрированные у государственных крестьян по закону 9 февраля 1890 г., но временно оставленные им в арендное пользование с условием оплаты оброка), частновладельческие (сюда относились земли «высочайше пожалованные» и принадлежавшие местной феодальной знати) и владения казны. Договоры позволяют раскрыть условия приобретения нефтепромышленниками этих земель, а также процесс концентрации их в руках крупных и крупнейших фирм.

Значительное количество земли на правах аренды перешло в руки нефтепромышленников от сельских обществ, государственных крестьян — подворных владельцев. При аренде этой категории земель вначале следовал приговор сельского схода о сдаче земли в аренду. Если земля сдавалась от имени крестьян, то в присутствии сельского старшины сход обсуждал просьбу своих сообщественников о выдаче им права образовать мирские оброчные статьи, после чего сельское общество заключало арендный договор с подворными владельцами, в котором оговаривалось, что арендатору предоставляется право передать арендное пользование кому он пожелает. Это усло-

вне использовалось крупными нефтепромышленниками для приобретения казенно-общественных земель.

Анализ содержания данных договоров показывает, что они составлялись с преимуществами для нефтепромышленников. Нужда заставляла крестьян соглашаться на заведомо невыгодные условия. Аренда обычно заключалась на длительный срок — 24—49 лет, «с правом арендатора по истечении контрактного срока требовать заключения нового договора». Договор содержал условие, что «если пользование участком будет прекращено силою судебных решений или договор нарушат сами подворные владельцы, то они обязаны уплатить арендатору неустойку и возратить арендную плату, сколько таковой будет причитаться со дня нарушения договора». По арендным договорам казенно-общественные земли переходили к нефтепромышленникам по очень низким ценам. Обычно в пользу сельского общества выплачивалась так называемая оброчная плата по 15—20 руб. в год плюс единовременное вознаграждение крестьян за переуступку прав и обязанностей. Бывали случаи, когда арендная плата была и ниже. Среди нефтепромышленников, приобретших участки путем аренды казенно-общественной земли, были в первую очередь товарищество «Бр. Нобель», Каспийско-Черноморское общество, Ш. Асадуллаев, Мир-Таги Мирбабаев, Т/Д «Бенкендорф и К^о».

Большую заинтересованность крупные нефтепромышленники проявляли в приобретении частновладельческих земель — «высочайше пожалованных», принадлежащих местной феодальной знати и частично крестьянам-собственникам.

В течение 1878—1881 гг. 95 дес. богатейших, «заведомо нефтепосных» земель в Балаханах было отведено по «высочайшим пожалованиям» в вечное и потомственное владение ряду высших чинов Кавказской военной и гражданской администрации, которые по «совместительству» стали землевладельцами⁴⁴. Все эти «высочайшие пожалования» нефтеносных земель обнародованию не подлежали, на что имелись специальные указания Министерства императорского двора. «Высочайшие пожалования» явились одним из источников перехода закрытых для нефтепромышленников «заповедных» балаханских земель в их руки. За короткий срок посредством договоров значительная часть этих земель оказалась в распоряжении нефтепромышленников. В 1891 г. добыча нефти велась на 87 дес. этой категории земель, из которых крупным нефтепромышленникам принадлежало: 32 дес. — товариществу «Бр. Нобель», 10 — Кавказскому товариществу, по 8 — Каспийскому товариществу и Каспийско-Черноморскому нефтепромышленному и торговому обществу, 2 — товариществу «С. М. Шпбаев и К^о» и др. Всего в 1891 г. на «высочайше пожалованных землях» действовала 21 фирма⁴⁵.

На приобретенных по договорам частновладельческих землях нефтепромышленники были вправе «строить жилые здания, производить всякого рода работы с целью развития, добычи, хранения и перекачивания нефти... без вмешательства со стороны землевладельца и вообще эксплуатировать участок, осуществляя все права пользования как бы собственника». Оговаривались срочные обязательст-

ва: по истечении нескольких месяцев после подписания договора нефтепромышленник обязан был приступить к бурению контрактного количества скважин до установленной глубины; при нарушении этого условия арендатор уплачивал неустойку. Но обычно арендаторы стремились освободиться от обязательства относительно предельной глубины бурения, добываясь права назначать глубину скважин по своему усмотрению⁴⁶.

Условия договоров с казной и частновладельцами во многом были сходны. Контрагентами нефтепромышленников по приобретению казенных земель являлись Управление земледелия и государственных имуществ Бакинской губернии, окружной инженер II Кавказского горного округа, Кавказское горное управление, Управление Закавказских железных дорог. Так же как по договорам с частновладельцами, нефтепромышленники и в отношении казенных земель, сданных под добычу нефти, были связаны обязательствами по добыче нефти. Однако и здесь были отступления. По ходатайству нефтепромышленников казна в последующем предоставляла им право уменьшить размер обязательной годовой нормы добычи, отсрочивала срок начальной добычи нефти на арендуемом участке. Если участок сдавался казной в аренду под поверхностное пользование, то в условиях аренды оговаривалось, что он «не должен давать арендатору каких-либо преимуществ перед другими лицами в случае обращения этих участков под добычу нефти» и арендатор не вправе был переуступать участок другим лицам⁴⁷.

По условиям договоров арендная плата за казенную землю чаще всего определялась долевым отчислением нефти в пользу казны. Но здесь надо отметить следующее: арендуя казенные земли, крупные нефтепромышленники одновременно являлись поставщиками нефтепродуктов для казны. А практиковавшаяся казенными ведомствами система «равного обмена» казенной долевой нефти на такое же количество нефтепродуктов сохраняла долевую нефть за нефтепромышленниками. Как отмечается в исследовании С. С. Алиярова, система «равного обмена» казенной долевой нефти — исключительное явление в экономических взаимоотношениях государства и монополий. Нефтяные монополии получали тем самым доступ к присвоению земельной ренты, материализованной формой которой являлась долевая нефть⁴⁸. Против этой системы в официальных кругах раздавался протест.

Долгосрочная аренда казенной земли ставила под сомнение сохранение за казной права верховного собственника нефтеносных земель: право собственности казны на землю сводилось лишь к взиманию ренты в форме попудной, долевой или так называемой условной платы, которая по сравнению с действительной стоимостью нефтеносных земель была фикцией. М. Я. Гефтер отмечает, что казенные земли, проданные с торгов 1872 г., ничем не отличались от частновладельческих. Формально они считались находящимися в арендном пользовании за символическую погодную плату. Так, по данным на 1906 г., казна получала от аренды этих участков 19 300 руб., в то время как сами арендаторы выручили продажей

добытой нефти не менее 15 млн. руб.⁴⁹ Можно констатировать, что на арендованных крупными нефтепромышленниками землях формировалась новая форма собственности — капиталистическое предпринимательство.

Таким образом, в эпоху империализма проблема источников сырья и сбыта породила целую систему отношений и связей между нефтепромышленными предприятиями, казной и частными землевладельцами, которые юридически оформлялись посредством заключения договоров. Анализ последних как источника в изучении конкретно-исторических сюжетов монополизации выявил широкие возможности их использования для раскрытия таких проблемных вопросов, как создание монополий картельно-синдикатского типа, взаимоотношения контрагентов внутри монополии, монополизированного и немонополизированного производства, государственно-монополистические связи, концентрация нефтеносных земель крупным капиталом и др. Отмеченное свидетельствует о том, что договоры представляют важное звено в системе делопроизводства капиталистических предприятий. В комплексе делопроизводственных документов периода монополистического капитализма они представляют наиболее аутентичный источник в освещении производственно-коммерческой деятельности и политики монополий.

П р и л о ж е н и е
Разновидности договоров в фондах нефтепромышленных фирм

Фонды нефтепромышленных фирм	Разновидности договоров	Хронологические рамки
Товарищество «Бр. Нобель»	собственно договоры	1872—1920
» »	соглашения — деловое письмо	1889—1919
» »	маклерские записки	1888, 1913
» »	купчие крепости	1875—1900, 1910, 1913
Общество «А. И. Манташев и К ^о »	собственно договоры	1904—1919
» »	соглашения	1913—1915
Товарищество «С. М. Шибаев и К ^о »	собственно договоры	1882—1903
» »	соглашения	1894—1899, 1908—1912
Т/Д «Бенкендорф и К ^о »	собственно договоры	1872—1920
» »	соглашения	1911—1920
Шамси Асадуллаев	собственно договоры	1877—1919
» »	купчие крепости	1895—1912
Каспийско-Черноморское общество	собственно договоры	1882—1917
Мир-Таги Мирбабаев	собственно договоры	1896—1919
Московско-Волжское общество «Биби-Эйит»	собственно договоры	1905—1912
Наследники Зубалова и Л. И. Зубалов	соглашения	1901—1917
Общество «Мазут»	соглашения	1908—1913

- ¹ *Шепелев Л. Е.* Акционерная статистика в дореволюционной России.— В кн.: Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л., 1962; *Он же.* Законодательные акты акционерного учредительства.— В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. М., 1973, вып. I.
- ² О степени изученности этого комплекса см.: *Мурадалиева Э. Б.* Массовые источники по истории монополистического капитала в бакинской нефтяной промышленности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981, с. 4—5.
- ³ О сохранности договоров в фондах нефтепромышленных фирм см.: *Мурадалиева Э. Б.* Коммерческие договоры нефтепромышленных фирм как исторический источник.— Докл. АН АзССР, 1980, № 4, с. 83—84.
- ⁴ *Шепелев Л. Е.* Частнокапиталистические торгово-промышленные предприятия России в конце XIX — начале XX в. в их архивные фонды.— Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР, 1958, № 10, с. 90—91; *Голоиков А. Г.* К вопросу о составе, содержании и сохранности документов акционерных компаний.— В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1979 г. М., 1980, с. 144.
- ⁵ Подробнее об этом см.: *Мурадалиева Э. Б.* Массовые источники по истории монополистического капитала..., с. 15—16.
- ⁶ *Каптанов С. М.* Очерки русской дипломатии. М., 1970, с. 9; *Шепелев Л. Е.* Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов государственных учреждений XIX — начала XX в.— В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1975 г. М., 1976, с. 253.
- ⁷ *Наумова Г. Р.* Делопроизводственные документы российских синдикатов.— Вopr. истории, 1976, № 10, с. 142; *Шепелев Л. Е.* Законодательные акты акционерного учредительства, с. 308—309.
- ⁸ Тексты договоров этой разновидности см.: Центральный государственный исторический архив (далее: ЦГИА) АзССР, ф. 798, оп. 2, д. 2625, 4150; оп. 9, д. 404, 405; ф. 581, оп. 3, д. 3; ф. 531, оп. 1, д. 17, л. 26—26 об.; ф. 619, оп. 1, д. 2, 4, 7, 9, 17.
- ⁹ Там же, ф. 581, оп. 1, д. 56, 57, 75; ф. 621, оп. 1, д. 10; ф. 798, оп. 9, д. 26, 1099, 1113, 1120, 1121; д. 577, оп. 1, д. 231, 399 и др.
- ¹⁰ Там же, ф. 798, оп. 9, д. 1099, л. 18.
- ¹¹ Там же, л. 24.
- ¹² *Чебогарев Г. А.* Коммерческая корреспонденция. 2-е изд. Ростов н/Д, 1907, с. 58.
- ¹³ Маклерские записки см.: ЦГИА АзССР, ф. 581, оп. 1, д. 18, л. 10, 102; д. 57, л. 34—35; д. 70, л. 18; ф. 798, оп. 2, д. 2811, л. 5—5 об.; оп. 9, д. 13, л. 1—1 об., 28 и др.
- ¹⁴ Купчая крепость — документ, которым оформлялся акт купли-продажи сел, деревень, земель, промысловых угодий и т. д. (Краткий словарь видов и разновидностей документов. М., 1974, с. 69). Купчие крепости см.: ЦГИА АзССР, ф. 798, оп. 2, д. 2735—2771; оп. 9, д. 142, 145, 151, 155, 248, 250; ф. 584, оп. 1, д. 16, 20, 45, 75 и др.
- ¹⁵ Тексты договоров см.: Там же, ф. 798, оп. 9, д. 32, л. 4, 5, 9, 10—11; д. 33, л. 11—28; оп. 2, д. 5002, л. 159—163, 170—173; ф. 581, оп. 1, д. 34, 41, 46, 54, 55 и др.
- ¹⁶ Тексты договоров см.: Там же, ф. 798, оп. 2, д. 2628, л. 23—26; д. 4798, л. 1, 3, 5, 9; оп. 9, д. 1096, л. 1, 2, 4—4 об., 9—9 об., 11—11 об. и др.; ф. 581, оп. 1, д. 7, л. 11, 12 и др.
- ¹⁷ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, 1883—1914: Документы и материалы. М.; Л., 1961 (далее: МКНПР), док. № 117, с. 291.
- ¹⁸ ЦГИА АзССР, ф. 798, оп. 1, д. 60, л. 43.
- ¹⁹ *Чебогарев Г. А.* Указ. соч., с. 41.

- ²⁰ Тр. IV съезда гг. заведующих районами товарищества «Бр. Нобель». Конфиденциально. СПб., 1907, с. 43.
- ²¹ *Барац С. М.* Курс коммерческой корреспонденции. 4-е изд. СПб., 1910; *Блатов Н. А.* Коммерческая корреспонденция: Руководство для коммерческих учебных заведений и для самообразования. 5-е изд. Пг., 1917; *Горбачев П. А.* Коммерческая корреспонденция и ее юридическое значение. М., 1911; *Чеботарев Г. А.* Указ. соч.; и др.
- ²² *Чеботарев Г. А.* Указ. соч., с. 81.
- ²³ Письмо правления товарищества «Бр. Нобель» в Бакинскую контору товарищества от 2 нояб. 1905 г.— ЦГИА АзССР, ф. 798, оп. 2, д. 2607, л. 14.
- ²⁴ Тр. IV съезда гг. заведующих районами товарищества «Бр. Нобель», с. 42.
- ²⁵ ЦГИА АзССР, ф. 798, оп. 2, д. 3040, л. 22.
- ²⁶ МКНПР, док. № 251, с. 544—545.
- ²⁷ Речь идет о поджогах и взрывах на промыслах Баку в 20-х числах августа, которые спровоцировали агенты царской охраны вместе с эсерами и шендрикловцами. Это дало властям предлог для подавления августовской стачки бакинского пролетариата силой оружия (см. об этом: История Азербайджана. Баку, 1960, т. 2. От присоединения Азербайджана к России до февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., с. 570—571).
- ²⁸ ЦГИА АзССР, ф. 798, оп. 2, д. 2607, л. 7—10.
- ²⁹ Там же, оп. 1, д. 44; оп. 2, д. 3406, 3439, 3527, 3970, 4771, 4869; оп. 9, д. 166, 170; ЦГИА СССР, ф. 1458, оп. 1, д. 327; ЦГИА г. Москвы, ф. 355, оп. 1, д. 389.
- ³⁰ ЦГИА г. Москвы, ф. 355, оп. 1, д. 389.
- ³¹ ЦГИА АзССР, ф. 798, оп. 2, д. 3527, л. 2.
- ³² Для исследования процессов монополизации наиболее целесообразной представляется предметная классификация. О возможных вариантах группировки договоров см.: *Мурадалиева Э. Б.* Массовые источники по истории монополистического капитала..., с. 19—20.
- ³³ *Бовыкин В. И., Наумова Г. Р.* Источники по истории монополий и финансового капитала.— В кн.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979, с. 126.
- ³⁴ Помимо этих монополистических объединений, широко были распространены разного рода соглашения о совместных действиях в течение определенного срока с целью установления единых цен, закупки сырья и т. п. (МКНПР, док. № 87, 102, 105, 133, 143 и др.).
- ³⁵ Тексты договоров см.: ЦГИА АзССР, ф. 798, оп. 1, д. 269, л. 1—1 об.; д. 378, л. 1—1 об.; д. 1213, л. 7—10; оп. 2, д. 4827, л. 25—29; д. 3810, л. 1—8 об., 26—26 об.; д. 4856, л. 47—50; оп. 9, д. 1100, л. 56.
- ³⁶ Тексты договоров см.: ЦГИА СССР, ф. 1450, оп. 1, д. 18, л. 32—38; ЦГИА г. Москвы, ф. 954, оп. 1, д. 45, 132; ЦГИА АзССР, ф. 385, оп. 1, д. 43; ф. 577, оп. 1, д. 226, 231; ф. 798, оп. 2, д. 2625, 4510, л. 4—9 и др.
- ³⁷ На союзные отношения этих двух фирм впервые в литературе обратил внимание С. С. Алияров. Однако автор не располагал текстами самих договоров, анализируя взаимоотношения товарищества и общества по условиям, воспроизведенным в протоколах их совместных заседаний (*Алияров С. С.* Нефтяные монополии в Азербайджане в период первой мировой войны Баку, 1974, с. 65—75).
- ³⁸ Тексты договоров см.: ЦГИА СССР, ф. 1458, оп. 1, д. 222, л. 79—84; ЦГИА АзССР, ф. 798, оп. 2, д. 4510, л. 4—9.
- ³⁹ *Лившин Я. И.* Монополии в экономике России: (Экономические организации и политика монополистического капитала). М., 1961, с. 336.
- ⁴⁰ ЦГИА АзССР, ф. 385, оп. 1, д. 43.
- ⁴¹ Там же, ф. 798, оп. 1, д. 600; оп. 2, д. 2664, 2680, 3715; оп. 9, д. 18. 30, 44, 73, 417 и др.

- ⁴² *Алиев С. С.* Из истории государственно-монополистического капитализма в России: Особое совещание по топливу и нефтяные монополии.— История СССР, 1977, № 6.
- ⁴³ ЦГИА АзССР, ф. 584, оп. 1, д. 3, 4, 5, 36; ф. 587, оп. 1, д. 2, 3, 29, 168; ф. 619, оп. 1, д. 2, 6, 9, 18; ф. 798, оп. 2, д. 2803, 2853, 3038, 3187 и др.
- ⁴⁴ Перечень лиц, получивших землю по «высочайшим пожалованиям», см.: МГНПР, с. 672; *Нардова В. А.* Начало монополизации нефтяной промышленности России (1880—1890-е годы). Л., 1974, с. 115—116.
- ⁴⁵ *Нардова В. А.* Указ. соч., с. 116—117.
- ⁴⁶ ЦГИА АзССР, ф. 798, оп. 2, д. 3974, л. 105; д. 2917, л. 4 и др.
- ⁴⁷ Там же, д. 3542, л. 1—2; д. 3974, л. 8, 11 и др.
- ⁴⁸ *Алиев С. С.* Из истории государственно-монополистического капитализма..., с. 65.
- ⁴⁹ *Гейгер М. Я.* Земельная политика царизма в Азербайджане и захват крупным капиталом нефтяных месторождений (конец XIX — начало XX в.).— В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961, с. 385.

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ
СОСЛОВНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
В ЦАРСКОЙ РОССИИ
(XVIII — начало XX в.)
*А. В. Елпатьевский***

Русское самодержавное государство на протяжении двух столетий до своего падения было классовым государством дворян-землевладельцев. Вместе с тем, как указывал В. И. Ленин, «классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и „бюрократии“»¹. В значительной мере эти самостоятельность и независимость правительства базировались на сословном характере государства, на разделении общества на неравноправные, но взаимосвязанные группы — сословия.

Царская власть и весь ее бюрократический аппарат были органически заинтересованы в сохранении стабильности существующих сословий. Отсюда было естественным особое внимание самодержавной власти к вопросам регламентации жизни сословий, к сохранению и обеспечению сословных взаимоотношений внутри государства. Эта регламентация находила свое отражение в системе документов, посредством которых фиксировались права представителей различных сословий, принадлежность к тому или другому сословию.

Изучение вопросов документирования² сословной жизни является одним из методов раскрытия сложного процесса развития определенных сторон общественных отношений и требует их рассмотрения в качестве самостоятельного объекта исторического исследования.

В настоящей статье рассматриваются системы документирования сословной принадлежности населения царской России начиная с эпохи Петра I до 1917 г. и характеризуется классовая направленность правовой организации процессов и целей документирования.

Литература, специально посвященная истории русского документирования вообще, крайне бедна³.

В советской историографии вопросы документирования в той или иной степени затрагиваются практически во всех источниковедческих работах, но лишь в связи с конкретными задачами изучения источника. Применительно к документации, фиксирующей принадлежность групп населения к сословиям, немногим более богата дореволюционная литература, но лишь относительно господствующего сословия — дворянства. В исследованиях, посвященных его истории, определенное место отводится характеристике доку-

ментов, доказывающих принадлежность лица к сословию, его права и преимущества. Наряду с работами, носящими общий характер⁴, не меньший интерес представляют и некоторые конкретные исследования, базирующиеся на анализе соответствующих документов⁵.

Основным источником данного исследования является законодательство, определявшее порядок составления, оформления и ведения соответствующих групп документов. Предпринимается попытка раскрыть историю *документирования* принадлежности к различным сословиям бывшей Российской империи. При этом не ставится задача проследить историю самих сословий, а характеризуются развитие документов о сословной принадлежности и зависимость изменения их форм и способов составления и оформления от изменения социально-политических условий.

I. Петровское законодательство о сословиях

О понятии дворянства как сословия в современном значении этого слова можно говорить лишь начиная с XVIII в., с введения петровской «Табели о рангах». Заменяв старую классификацию чинов Московского государства новой, введя единое наименование шляхетства для высшего сословия государства и положив в основу получения высших сословных привилегий принцип государственной службы и выслуги, Петр I тем самым оформил организационно-правовые основы развития этого сословия.

Известно, что принципы, заложенные «Табелью о рангах», просуществовали без значительных изменений два века, являясь весьма существенной частью тех средств, при помощи которых самодержавие и бюрократия сохраняли и укрепляли свою относительную независимость и самостоятельность. Отметим также, что вопреки мнению некоторых дореволюционных историков, настроенных сочувственно к старой родовитой аристократии, принцип выслуги не являлся полным привнесением Петра I, а развивал уже имевшиеся начала⁶. Тем не менее новые элементы, внесенные «Табелью», были весьма существенны. Ею, в частности, было четко определено, что «все служители российские или иностранные, которые 8 первых рангов находятся, или действительно были: имеют оных законные дети и потомки в вечные времена, лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и преимуществах равно почтены быть, хотя бы они и низкой породы были»⁷. Естественно, что для этой части людей требовалось документальное подтверждение их прав на дворянство. В свою очередь, государство было заинтересовано в точном ведении учета выслужившихся дворян, не записанных в ранее существовавшие документы, фиксирующие состав родового дворянства. Поэтому в прямой связи с «Табелью о рангах» следует рассматривать «Инструкцию герольдмейстеру», утвержденную 5 февраля 1722 г., согласно которой предписывалось ему вести три рода дворянских списков: «1. Генеральные именные и порознь по чинам. 2. Кто из них к делам годится и употреблены будут к каким, порознь, и за тем оных останется. 3. Что у кого детей, и в каковые

лета, и впредь кто родится и умрет мужеска пола...». В этой же инструкции особо указывалось: «...из воинских чинов которые дослужатся до обер-офицерства не из дворян, то когда кто получит вышешписанный чин, оных вписывать во дворянские ж списки, и его детей, которые родятся в обер-офицерстве»⁸. Таким образом, было установлено государственное документирование личного состава дворянского сословия, что служило определенной гарантией сословных прав и привилегий для его представителей; было положено начало созданию документной системы, целью которой была фиксация принадлежности к господствующему классу.

Городское население России с точки зрения его сословного состава представляло собой в начале XVIII в. довольно сложный конгломерат. В советской историографии появился ряд работ, в которых исследуются положение и развитие городских классов и сословий, раскрывается классовый смысл царского законодательства о городском населении, показана прогрессивная роль города в общественном развитии России⁹.

Основа сословному делению городского населения Российской империи была положена петровским законодательством конца XVII — начала XVIII в. Указом от 13 января 1699 г. было централизовано управление купцами и посадскими людьми в учрежденной для этого бурмистерской палате¹⁰. Немного ранее, указом от 13 октября 1698 г., была установлена обязательность «торгового промысла» для приобретения городского состояния. Списки принятых в посады должны были быть направлены в Московскую ратушу¹¹. Этот же указ фактически был повторен 22 декабря 1700 г., где также требовалось «прислать к Москве именные росписи, по каким торги и давно ль торгует, где живет...»¹². Указ от 20 октября 1705 г. требовал составить перепись купцов, посадских и слободских людей с указанием имущества и занятий каждого, т. е. составить переписные книги¹³.

Ряд указов первых двух десятилетий XVIII в. был посвящен уточнению отдельных вопросов складывания сословного порядка городского населения¹⁴. Однако еще не было дано четкой классификации сословий городского населения. Это было сделано Регламентом, или Уставом, Главного магистрата, утвержденным 16 января 1721 г., где в главе III было предписано вести «подробное описание всем жителям в городах, и кто какой промысел имеет, а именно: купеческие люди, шхиперы (или судовщики), художники или ремесленные люди и прочие по приложенному формуляру». В главе VII Регламента было дано определение городских сословий¹⁵.

Таким образом, в начале XVIII в. был определен профессиональный состав городских сословий и заложены основы документирования принадлежности к ним, причем главным документом оставались переписные книги, а также введенные в начале века метрические записи и ревизские сказки. В дальнейшем, как будет показано ниже, документирование принадлежности к городским сословиям стало более дифференцированным.

Основы документирования принадлежности к духовному сословию также заложены в законодательстве Петра I. В «Прибавлении к Духовному регламенту» от 21 мая 1722 г. «О правилах причта церковного и чина монашеского» требовалось «не ставить в священники и диаконы ни единого, кто не наставлен в школе дому архиерейского». Кроме того, «приходящий ставленник» должен был иметь от прихожан свидетельство «о порядочном поведении, а также определенной ему руге или земле»¹⁶. О наследственности духовного сословия, сложившейся к началу XVIII в., говорится в дореволюционной историографии. Так, П. З. Знаменский отмечал, что уже в писцовых книгах XVI и XVII вв. священниками значились, как правило, лица духовного происхождения. Собор 1667 г., обличая архиереев за то, что они иногда без разбору посвящали в священники даже беглых крестьян, сделал им замечание и за то, что они посвящали в попы людей вообще не духовного звания. Таким образом, наследственность духовного служения была развита задолго до реформы Петра¹⁷.

Введенная Петром I архиерейская школа, окончание которой было обязательным условием для занятия священнического места, была, по справедливому мнению указанного автора, школой сословной и служила сословным интересам. Препраждая путь к духовному званию для всех, кто в ней не учился, она становилась новым оружием к развитию замкнутости духовного звания¹⁸.

В «Прибавлении к Духовному регламенту» от 21 мая 1722 г. было установлено, что во всех монастырях должны вестись записные книги, в которые «постриженного монаха писать время и имя и какового чина был он в мире»¹⁹.

Десять лет спустя, в сентябре 1732 г., в указе «Об устройстве монашествующих» Синод отмечал, что, несмотря на предыдущий указ, в Синоде нет сведений о монахах по монастырям, и предписывал всем монастырям составить реестры, «кто именно и где обретаются монахи и монахини, и как зовутся по прозваниям, и из каких светских чинов в монашество пришли», их возраст и число лет от пострижения, где принято монашество, сколько лет пребывает в данном монастыре и каким ремеслом владеет — «и тому учинить формы наподобие табелей». Указ еще раз повторял требование: «архимандритам, игуменам и строителям иметь нарочные всякому книги, в которых всякого иеромонаха, иеродиакона и монаха (не минуя и самого настоятеля) вписать имя, прозвание, место и время рождения родителей, чин мирской до монашества, искусство книжное и прочее, место и время пострижения и принятия иеромонашеского и иеродиаконского чина, и от кого пострижен, и в чин церковный поставлен, и имеет ли о том ставленную грамоту ...и книги оные были бы зашнурованные, с монастырскою печатью, и как настоятельскую, так и старейшей братии руками по листам закрепленные, и иметь книги оные в крепком хранении». В эти же книги должны были записываться и сведения о смерти монахов. На основании книг составлялись таблицы, направлявшиеся в Синод и в епархию²⁰.

Основное население бывшей Российской империи — крестьянство — было наиболее бесправным, в наибольшей степени зависимым от произвола властей и помещиков. Это нашло свое отражение и в неразвитости системы тех документов, в которых фиксировалась потомственная принадлежность лица к «низшему сословию».

Как отмечает академик Н. М. Дружинин, в петровском законодательстве 1719—1724 гг. юридически оформлялось сословие государственных крестьян и проводилось деление земледельческого населения страны на три основные прослойки: на крестьян частновладельческих, на крестьян, приписанных к царскому дворцу, и на крестьян, которые считались свободными от крепостного права, т. е. тех, «которые себе помещиков и никаких владельцев, кроме императорского величества, не имеют»²¹.

Запись лица в писцовых и переписных книгах в качестве крестьянина считалась достаточным юридическим основанием для причисления его в соответствующую группу крестьянского населения (крепостного, казенного и т. п.)²². С введением переписей эта функция перешла в основном на ревизские сказки, однако писцовые и переписные книги продолжали сохранять свое значение в качестве юридических документов, определявших сословие, в том числе крепостное состояние крестьян. Так, в инструкции земским камерирам в губерниях и провинциях от 7 января 1719 г. говорилось: «...верная и исправная переписная книга всем деревням, дворам и в них людям, також землям и надлежащим угодьям, с которых государевы подати берутся, в начале главнейшее есть основание ... того ради повинен впредь земский камерир по вся годы переписную такую книгу... в Камер-коллегиум отдавать, накрепко усматривая, чтобы ничего того, с чего податям быть надлежит, проронено из оной переписной книги не было, но все, какого бы звания оные ни были, во оную книгу вносить...». В инструкции был обещан в будущем «для лучшего уведомления особливый образец» этой книги²³. Лишь указом от 13 мая 1754 г. старые писцовые и переписные книги, а также книги 1709—1716 гг. в качестве документа, на основе которого можно было требовать возвращения беглого крестьянина, были дезавуированы. В указе назывались вполне «документоведческие» причины недействительности писцовых и переписных книг, обуславливающие их недостаточную информацию, «ибо в тех писцовых и переписных книгах крестьяне по большей части писаны полуименами и без прозвания... и потому по оным переписным книгам, не имея очевидного доказательства, укреплять беглых не возможно». Указом устанавливались для этой цели в качестве юридического документа материалы ревизий 1719—1724 и 1744 гг. и предлагалось «впредь при будущей ревизии как мужской пол для платежа государственных поборов, так и женский для одного только ведома, не обходя ни единой души всех переписать»²⁴.

II. Законодательство по документированию сословной принадлежности во второй половине XVIII — первой половине XIX в.

Документирование принадлежности к дворянству

Созданная Петром I система документирования принадлежности к дворянству не получила в течение первых двух третей XVIII в. дальнейшего развития. В первой половине XVIII в. мы не находим больше общих актов, посвященных вопросам документирования принадлежности к дворянству, Ряд указов середины века по отдельным частным вопросам свидетельствует о недостаточной четкости и определенности самой практики складывания сословия и о попытках регламентировать, упорядочить дело приема в сословие, документальное оформление прав и привилегий его представителей²⁵.

Не было четкости и в определении формуляра грамоты на дворянское достоинство. Так, в указе от 22 декабря 1765 г. отмечалось, что «кому именно отечество с окончанием на „вич“ писать, а кому не писать» в грамотах на деревни и дворянское достоинство зависит от «собственного его величества к тем персонам благоволения»²⁶. Лишь сенатским указом от 20 марта 1772 г. было дано описание дворянских дипломов, но без точного формуляра этих документов²⁷.

Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 18 февраля 1762 г. не внес существенно нового в документирование принадлежности к дворянскому сословию, обязав лишь объявлять в Герольдии о малолетних детях дворян по достижении ими 12 лет «для единственного только сведения»²⁸.

Ряд указов частного характера по вопросам документирования принадлежности к дворянству был принят в течение 60—70-х годов XVIII в.²⁹

Однако все эти указы еще не составляли целостной системы документирования принадлежности к высшему сословию государства, свидетельствуя лишь о постепенном «собираании материалов» к тому кодексу, каким явилась для этого сословия «Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», утвержденная Екатериной II 21 апреля 1785 г.

Жалованная грамота, сохранив принцип выслуги для получения дворянства и прямо ссылаясь на соответствующие указы Петра, распространила права потомственного дворянства и на лиц, пожалованных орденами Российской империи, и с определенными ограничениями на потомство личных дворян. Грамота содержала ряд важных положений, регламентировавших жизнь дворянского сословия; существенно ее значение и в определении порядка документирования сословной принадлежности к дворянству.

О ведении родословных книг в грамоте говорилось: «66... повелеваем предбудущим родам на память: во всякой губернии составить дворянскую родословную книгу³⁰, в коей вписать дворянство той губернии, дабы доставить каждому благородному дворянскому

роду тем наипаче способны продолжать свое достоинство и название наследственно.

67. Для составления в наместничестве дворянской родословной книги дворянство каждого уезда избирает по одному депутату через всякие три года по балам, дабы, те депутаты обще с губернским предводителем дворянства той губернии имели попечение о действительном составлении и продолжении той дворянской родословной книги по данному им для того наставлению.

68. В дворянскую родословную книгу в наместничестве вносятся имя и прозвание всякого дворянина, в той губернии именем недвижимым владеющего, и дворянство свое доказательствами утвердить могущего³¹. Грамота далее излагала форму списка дворян, живших в уезде, и порядок составления родословных книг. Книга составлялась депутатами и губернским предводителем на основании уездных списков дворян и делилась на шесть частей, в каждую из которых роды должны были записываться по алфавиту³².

Форма дворянского списка, составлявшегося в уезде, предусматривала следующую информацию: 1) имя и фамилия дворянина, имеющего недвижимость в уезде; 2) его семейное положение (холост, вдов, женат и на ком); 3) имена и возраст детей мужского пола; 4) количество по последней ревизии крепостных душ обоого пола (наследственных, купленных, пожалованных или в приданое полученных) и в каких селах или деревнях они проживают; 5) в уезде ли живет дворянин, или в отлучке; 6) какого он чина; 7) в какой именно службе или в отставке.

С родословной книги снимались две точные копии; подлинная книга, подписанная предводителем и депутатами, подлежала хранению в архиве депутатского собрания; копии отсылались в губернское правление, одна хранилась в архиве последнего, вторая копия направлялась в Сенат.

Жалованная грамота содержала также подробное перечисление документов, являющихся «неопровержимыми доказательствами дворянского состояния». Этими документами могли быть: 1. Дипломы русских царей и «прочих коронованных глав», пожалованные на дворянское достоинство; 2. Жалованные от государей гербы; 3. Патенты на чины, которым присвоено дворянское достоинство; 4. Доказательства награждения российским орденом; 5. Жалованные или похвальные грамоты; 6. Указы на дачу земель или деревень; 7. Верстание по дворянской службе поместьями; 8. Указы или грамоты на пожалование из поместья вотчинами; 9. Указы или грамоты на жалованные деревни и вотчины, хотя бы они и выбыли из рода; 10. Указы, наказы или грамоты, данные дворянину на посольство или иную посылку; 11. Доказательства о дворянской службе предков; 12. Доказательства того, что отец и дед были благородными или занимали дворянские должности, и свидетельство о том 12 дворян; 13. Купчие, закладные, рядные и духовные о дворянском имени; 14. Доказательства, что отец и дед владели деревнями; 15. Доказательства поколенные и наследственные, восходящие сыну от отца, деда, прадеда, и далее о внесении

в какую-либо часть родословной книги; указы, где содержатся доказательства о дворянстве; 16. Разрядная родословная книга, составленная после уничтожения местничества; 17. Родословная книга, составленная по указу Федора Алексеевича для княжеских и иных родов, в разрядной родословной книге не записанных; 18. Утверждение в дворянстве архиерейских боярских детей Петром I по указу от 19 ноября 1721 г. Далее грамотой предоставлялось право просить дворянства внукам личных дворян; последним пунктом указывалось на необходимость представления доказательств об иностранном дворянстве.

Начиная с жалованной грамоты 1785 г., можно говорить о сложившейся документной системе, посредством которой документировалась принадлежность к дворянству как высшему в империи господствующему сословию. Эта документная система имела наверху документацию Герольдии в виде списков и книг, учитывающих поименно всех представителей господствующего класса; основной частью системы являлись родословные книги, которые велись губернскими дворянскими депутатскими собраниями; к книгам примыкали дела о дворянстве или о причислении к дворянству, заводившиеся депутатским собранием на каждое лицо (точнее — фамилию, семью), выразившее желание быть записанным в родословную книгу губернии; в своем основании документная система имела различного рода личные и другие документы, служившие доказательством принадлежности лица к дворянству. В свою очередь, записи в родословную книгу становились достаточным доказательством дворянства записанного в нее лица.

Ряд указов конца XVIII в. несколько уточнял и дополнял систему документирования принадлежности к дворянству, введенную жалованной грамотой дворянству 1785 г. В августе 1788 г. был «высочайше утвержден» формуляр грамоты, выдаваемой дворянским депутатским собранием дворянам, доказавшим свое дворянство³³.

Сенатский указ от 19 июня 1791 г., касающийся порядка внесения дворян в родословные книги, устранил, по словам С. А. Корфа, многие недоразумения относительно внесения в книги «должностных лиц, выслуживших дворянское звание, определения понятия недвижимости, порядка внесения в книги иностранцев и т. д.» В частности, этим указом было разъяснено, что в родословные книги вносятся и те выслужившие дворянство лица, которые недвижимого имущества не имеют, а также иностранные дворяне, присягнувшие на верность подданства³⁴.

Указом от 25 августа 1800 г. уточнялась форма ведения родословной книги, причем старые книги разрешено было оставить «в прежнем виде». Новая форма книги была отпечатана в сенатской типографии и разослана всем депутатским собраниям. Она имела шесть граф. В первой графе указывались «чин, имя и прозвание дворянина, его лета и при которой должности, а буде в отставке, то где пребывание имеет». Во второй графе отмечалось «холост или женат и вдов, много ли детей мужского пола с показанием их имен и лет, и буде из них кто в службе, то какой».

Третья графа озаглавлена: «Буде имеет деревни, то сколько за ним по последней ревизии состоит крестьян». В четвертой графе «имеют вписываться все вновь рождаемые сыновья с показанием их имен» и дано разъяснение, как следует производить запись: «...такого-то года, месяца и числа у такого-то, состоящего в родословной под №... которая препровождена в Герольдию такого-то времени, родился сын имярек». Пятая графа предусматривала обозначение места герба рода в гербовнике, «когда будет от дворянина объявлена копия с герба». В шестой графе «ежели Герольдиею доказательства о благородстве будут признаны недостаточными, то показывать, когда именно сие последовало». К указу были приложены также образец родословной и доказательства о дворянстве рода, причем была подчеркнута необходимость указания в родословной, из каких именно документов извлечено описание о службах, о пожаловании вотчинами и т. д.³⁵

Ряд законодательных актов о документировании принадлежности к дворянству, принятых Павлом I, был отменен с воцарением Александра I, восстановившего жалованную грамоту Екатерины II во всей ее полноте³⁶. Сохранило силу и было воплощено в жизнь лишь решение Павла I о создании дворянского гербовника, речь о котором шла в трех указах³⁷. Первая треть XIX в. характеризуется дальнейшим углублением и детализацией законодательства о порядке получения дворянских прав и привилегий, особенно относительно лиц, выходящих из других сословий, а также из окраинных губерний.

Возведение в потомственное дворянство путем пожалования орденом, введенное жалованной грамотой 1785 г., нашло подтверждение в ряде последующих указов³⁸. Сенатский указ от 22 сентября 1825 г. признал правильным причисление купцов по пожаловании им орденов в дворянское достоинство³⁹. Однако этот указ действовал недолго. Уже 30 октября 1826 г. было определено, что ордена и чины, пожалованные купцам, дают им лишь личное дворянство⁴⁰. Ограничения для причисления купцов в дворянское сословие появились уже в середине XVIII в.: с 15 марта 1756 г. купцы, как правило, уже не могли приобретать дворянское достоинство чинами; это четко было подтверждено именным указом от 15 октября 1804 г.⁴¹ Здесь ясно прослеживается линия бюрократического самодержавного государства, для которого чиновник, пусть даже вышедший из низшего сословия, рассматривался как более верный слуга государства, заслуживал более доверия, чем купец, по характеру своей деятельности вынужденный быть более инициативным, более самостоятельным и независимым. И когда несколько позже права дворянства были распространены на детей лиц, рожденных до пожалования российских орденов их отцам, в том числе и на купеческих детей, «коих отцы пожалованы орденами до 30 октября 1826 г.»⁴², вслед за этим быстро последовал второй указ — от 17 ноября 1832 г. «О нераспространении указа 1830 г. февраля 27 дня на детей тех купцов, кои до 30 октября 1826 г. пожалованы орденами, с точным ограничением, чтобы по оным дворянства им не присваивать»⁴³.

Таким образом, в конце XVIII — начале XIX в. сложилась достаточно целостная система документирования принадлежности к господствующему сословию империи, что отражало окончательное складывание России как помещичье-дворянского, сословного государства. Это государство в полном соответствии с интересами своего господствующего класса закрепило системой документов личные экономические, политические и другие общественные привилегии его представителей.

В конце XVIII — начале XIX в. завершилось формирование дворянского сословия Российской империи и с географической точки зрения⁴⁴. За указанное время можно констатировать значительное численное увеличение дворянского сословия и расширение его состава за счет высших классов окраин, а также потенциальную возможность «доказывания» утраченного ранее дворянства и включения в сословие путем просьб «на высочайшее имя» из категории личных дворян. Все эти пути требовали документальных доказательств, представляемых в определенном законом порядке.

Вопросам документирования доказательств «благородства» правительство придавало тогда ничуть не меньшее значение, чем порядку определения самих прав причисления к дворянству.

Жалованная грамота 1785 г. вызвала определенное стремление у однодворцев, имевших в прошлом дворянских предков, вернуться в привилегированное сословие. Сенатские указы от сентября 1802 г. и от декабря 1816 г. излагали правила восстановления однодворцев в дворянском достоинстве, отражая определенные потребности жизненной практики и политику правительства в этом вопросе⁴⁵.

Для практического предоставления прав российского дворянства дворянам присоединенных к России территорий была нужна определенная конкретизация требований относительно документов, могущих служить доказательством дворянского происхождения. Для Грузии такими документами признавались: 1) жалованные или охранные грамоты, данные имеретинскими царями и владельцами Гурии и Мингрелии, первыми двумя — до 4 декабря 1803 г., а последним — до 30 августа 1853 г.; 2) грамоты на пожалование населенных имений; 3) грамоты на возведение в сардарское достоинство или в одну из придворных должностей; 4) данные или утвержденные имеретинскими царями или владельцами Мингрелии и Гурии приговоры, которыми определялось возмездие за кровь согласно определенным пунктам закона царя Вахтанга, и ряд других документов⁴⁶. Считалось доказательством также нахождение рода в списке благородных фамилий, составленном царем Ираклием при присоединении Грузии к России⁴⁷.

В доказательство малороссийского дворянства принимались грамоты, жалованные от русских царей и великих князей, и данные гетманами за службу универсалы на недвижимые имущества, а также универсалы или патенты бывшей Малороссийской коллегии на соответствующие чины⁴⁸.

Как указывал Л. М. Савёлов, в правах русского потомственного дворянства было признано большое количество польских чинов —

государственных, придворных и земских. Доказательствами дворянства служили: акты определения в соответствующие звания и должности и другие бумаги, из которых было бы ясно, что данное лицо действительно занимало должность, сопряженную с принадлежностью к дворянскому сословию⁴⁹. Особое внимание к документированию польского дворянства не ослаблялось всю первую треть XIX в.⁵⁰ и, несомненно, имело политические причины, связанные с борьбой Польши за национальную независимость.

С изданием «Свода законов Российской империи» действующие к этому времени законоположения о сословной принадлежности были повторены в нем. Документирование принадлежности к дворянскому сословию нашло отражение в Уставе о службе по определению от правительства и в Своде законов о состояниях⁵¹.

К середине XIX в. происходит дальнейшее ограничение доступа в дворянство путем выслуги. Манифестом Николая I «О порядке приобретения дворянства службою» от 11 июня 1845 г. было установлено, что военные получают потомственное дворянство, дослужившись до штаб-офицерского чина, в гражданской службе требовался чин 5-го класса. В качестве аргумента этой меры в манифесте было сказано: «...ныне, когда с распространением пределов государства и народонаселения и введением лучшего устройства по всем частям управления, необходимость заставила увеличить число служащих как на военном, так и на гражданском поприще, чрезвычайное от того умножение дворянского сословия не может не обращать особенного внимания нашего». Перенос приобретения дворянства «на чины высшие» давал, по мнению законодателя, «действительную возможность оказывать заслуги, достойные столь важной награды».

Нельзя не отметить определенной ясности и недвусмысленности этого манифеста, увязывавшего численное увеличение чиновничества с расширением территории империи и увеличением количества учреждений. Вместе с тем нехватка грамотных людей на многих участках управленческой деятельности вынуждала царизм давать возможность получения образования и поступления на государственную службу наиболее способным представителям низших сословий, которые, получая соответствующие чины, пополняли собой дворянское сословие. Создавалась определенная возможность некоторого «обеднения» господствующего сословия, чрезмерного пополнения его относительно малоимущими представителями. Повышение чиновного ценза создавало, таким образом, определенные гарантии того, что выслужившееся дворянство останется достаточно надежным и верным слугой самодержавия⁵².

Манифест, впрочем, не имел обратной силы, и все выслужившие чин 8-го класса «хотя и после обнародования настоящего манифеста, но за выслугу, прежде состояния оного, определенных к пожалованию... сроков, по надлежащем удостоверении своего начальства» получали права потомственного дворянства⁵³.

В декабре 1856 г. право получения потомственного дворянства по выслуге было перенесено еще выше: по гражданской службе —

на чин действительного статского советника (4-й класс), по военной — на чин полковника, флота капитана 1-го ранга⁵⁴.

Аналогично ограничивалось право получения дворянства через награждение орденами⁵⁵.

Дальнейшей регламентации документирования принадлежности к дворянству были посвящены принятые в середине и второй половине XIX в. акты, касающиеся доказательств на почетные титулы, полученные от иностранных государей, а также выдачи различных свидетельств, подтверждающих дворянство⁵⁶.

В апреле 1860 г. был установлен новый порядок выдачи дворянскими депутатскими собраниями грамот на дворянство и была введена новая их форма. Грамоты могли выдаваться только лицам, признание которых в дворянском достоинстве установлено указами Герольдии, бывшего ее Временного присутствия или указами Департамента герольдии Сената. Взамен предусмотренной Сводом законов о состояниях формы грамоты была установлена новая ее форма⁵⁷.

Документирование принадлежности к городским сословиям

Послепетровское законодательство отражает политику правительства, направленную на торможение горообразовательных процессов, на ужесточение своего рода «естественного отбора» для вступления в состав городского населения. С 1723 г. для записи в торговое сословие крестьян и разночинцев был установлен ценз капитала в 500 руб. Формально была свободной запись в цехи для лиц, не принадлежавших к регулярному гражданству, но крестьяне должны были для записи в цех иметь отпускные свидетельства от помещиков⁵⁸. По указу от 13 февраля 1747 г. крестьяне дворянские, архиерейские, монастырские и помещичьи, занимавшиеся торгом и промыслом и имевшие капитал от 300 до 500 руб., могли записываться в купечество⁵⁹, но с января 1762 г. запись в купечество названных категорий крестьян была запрещена без указных отпускных и увольнительных писем от властей и помещиков⁶⁰. Существенное уточнение различий между купечеством и мещанским сословием было осуществлено манифестом от 17 марта 1775 г. «Всем тем мещанам, — говорилось в нем, — кои не имеют капитала выше 500 руб., впредь не называться купцами, но переименовать их мещанами; купцов же, имевших капитал выше 500 руб. и сделавшихся банкротами, также вписывать в мещане; кои же из мещан мелким торгом расторгнутся и капитал свой умножат свыше 500 руб., тех вписывать в купечество. Купцов же, от 500 руб. и выше капитал имеющих, разделить, как и ныне, на три гильдии и брать с них по одному проценту с объявленного ими по совести капитала погодно, а подушное с них не брать...»⁶¹.

Как отмечал П. Г. Рынзюнский, эта реформа, хотя и в ограниченной мере, вводила элемент пропорциональности в обложение, но сравнительно облегченному обложению подвергалась меньшая часть граждан — купечество, мещанство же должно было уплачи-

вать прежнюю подушную подать и в этом отношении было равно государственным крестьянам. Феодално-ограничительная система проявлялась также в отсутствии права свободного выхода из города в город, в наличии круговой поруки внутри каждого сословного общества. Однако мещанин мог выйти из податного мещанского состояния в купечество, где податное состояние было скорее формальным. Между тем выход из крестьянского положения не зависел от самого крестьянина; к своему сословию он был прикреплен не экономически⁶².

Эта линия особенно четко прослеживается в законодательстве конца XVIII в. Указ от 25 июля 1777 г. гласил: «...крестьянам выходить в купечество не воспрещать... К записке в купечество надлежит им иметь от главных своих команд или от помещиков законным порядком увольнение, без чего иначе приняты не будут...»⁶³. Сенатским указом от 2 июля 1782 г. была подтверждена обязательность для крестьян, записавшихся в мещанство, двойных податей по обоим состояниям⁶⁴. Уплата двойных податей до следующей ревизии крестьянами, перешедшими в купечество и мещанство, стала постоянно действующей узаконенной нормой с 1785 г. Правительство проводило политику определенного классового отбора в отношении приписки крестьян к купечеству. «Официально установленная (с 1804 г.— А. Е.) система приписки,— отмечал Рындзюнский,— исходила из наблюдений правительственной администрации над тем, какие людские контингенты и в каких целях добывались зачисления в город»⁶⁵.

Ю. Р. Клокман на основе анализа законодательства сделал вывод о том, что в конце XVIII в. был практически запрещен выход крестьян в город путем записи в мещанское сословие, подчеркивая, что «усложнение процедуры перехода крестьян в город не только раскрывает классово-охранительную роль законодательства русского абсолютизма, но и подтверждает несостоятельность его попытки приостановить правовыми нормами ход общественного развития»⁶⁶.

Социальная направленность политики царского самодержавия наиболее полное выражение нашла в документной системе, установленной Городовым положением 1785 г. В его статьях, посвященных целям и задачам ведения городской обывательской книги, отчетливо прослеживается стремление к документальному закреплению наследственного состояния каждого городского жителя. В книгу должны были быть записаны обыватели каждого города, «дабы доставить каждому гражданину свое достояние от отца к сыну, внуку, правнуку и их наследию». В книгу вписывались: «имя и прозвание всякого гражданина, в том городе дом, или строение, или землю имеющего, или в гильдию и в цех записанного, или мещанским промыслом промышленящего. Будет кто не вписан в городскую обывательскую книгу того города, тот не только не принадлежит к гражданству того города, но да и не пользуется мещанскою выгодою того города»⁶⁷.

Подобно дворянской родословной книге, городовая обывательская книга должна была состоять из шести частей⁶⁸. В первую часть вносились по алфавиту «состояние и имена настоящих городских обывателей» (т. е. тех, «кои в том городе дом, или иное строение, или место, или землю имеют»). Вторая часть предназначалась для внесения записавшихся в гильдии (вписавшиеся в гильдии, согласно толкованию ст. 64 Городового положения, — «суть все те, какого кто бы ни был рода, или поколения, или семьи, или состояния, или торго, или промысла, или рукоделия, или ремесла, кои за собою объявят капитал...»). В третью часть заносились «вписавшиеся в цехи» (т. е. «суть те мастера, подмастерья и ученики разных ремесел, кои вписались в цех своего ремесла»). В четвертую часть требовалось заносить «иногородних и иностранных гостей по алфавиту». Пятая часть предназначалась для записи именитых граждан, к которым относились дважды прослужившие на городской службе заседатели совестного суда, магистры, бургомистры и городские головы; ученые, имеющие академические или университетские аттестаты, художники — члены академий или имеющие академические звания; банкиры, оптовые торговцы, кораблевладельцы. Шестая часть служила для внесения «посадских», под которыми имелись в виду «в том городе старожилы, или поселившиеся, или родившиеся, кои в других частях книги... не внесены, промыслом, рукоделием или работою кормятся в том городе».

В семи графах списка обывательской семьи, на основе которых составлялась городовая обывательская книга, предусматривалась запись следующей информации: 1) имя и фамилия обывателя или вновь поселившегося и его возраст; 2) холост или женат и на ком, или вдов; 3) много ли детей мужского или женского пола, их имена и возраст; 4) есть ли в городе за ним дом, или иное строение, или место, или земля, им ли построено, или наследственное, или куплено, или в приданое получено, в каком месте в городе и который номер; 5) в городе ли живет тот обыватель или в отлучке; 6) какого он промысла; 7) в каких городских или иных службах был или есть. В книгу вносились также «имя, прозвание и чин того дворянина... за кем который номер дома или строения в городе».

Городовым положением предусматривалось доказательство своего состояния для внесения в книгу и давалось примерное перечисление этих доказательств — запись в приходской книге, свидетельство приходского священника и двух свидетелей того же прихода, переписи прежних лет, данные последней ревизии, гильдейские и цеховые листы.

С городской обывательской книги должны были быть сняты две копии — для губернского правления и казенной палаты; подлинная же книга подлежала хранению в архиве городского общества⁶⁹.

Кроме городской обывательской книги, Городовое положение требовало ведения еще трех книг в ремесленной управе: мастеров, подмастерьев и учеников. В Уставе цехов, утвержденном 12 нояб-

ря 1799 г., вопросы документирования принадлежности к ремесленникам получили дальнейшее развитие. Устав предусматривал, что «управа... должна иметь списки, показывающие всякого ремесленника имя, прозвище, поколение, семейство, и какого города и веры». Управы цехов также вели аналогичные списки, содержащие сведения о каждом цеховом⁷⁰.

Законодательство конца XVIII — начала XIX в. внесло некоторые коррективы в определение состава городских сословий и их прав по сравнению с Городовым положением 1785 г.⁷¹ Сенатский указ от 29 апреля 1818 г. устанавливал, что «дети личных дворян принадлежат к классу разночинцев»⁷².

Манифестом о купеческих товариществах и компаниях (1807 г.) было введено понятие первостатейного (действительного) купца 1-й гильдии, торгующего «только оптом, по государству, или к порту, или за границу, также кораблехозяин, банкир, основывающий свою торговлю на вексельном переводе и курсе...». Вводился учет первостатейных купцов. Городские думы обязывались вести список первостатейных купцов, «ежегодно дополняя или переменяя оный», и сообщать его министру коммерции. В Министерстве коммерции должна была быть заведена для «увековечивания в потомстве памяти родов первостатейного купечества» «Бархатная книга знатных купеческих родов». Вместе с тем для купечества было отменено звание именитых граждан, оставленное лишь для ученых и художников⁷³.

По свидетельству опубликованных источников, в сословие именитых граждан «зачислялись преимущественно домашние преподаватели из иностранцев, принявшие перед тем российское подданство. Во многих случаях вся их „ученость“ сводилась к знанию родного языка... Они... иногда не занимались и преподаванием: вступив в российское подданство, они должны были бы записываться в мещане, но, стремясь к званию, пользующемуся большим почетом, до манифеста 1807 г. записывались в купцы 3-ей гильдии, а после того стали переходить в именитые граждане». Там же отмечается, что русские уроженцы редко встречались среди лиц, получивших звание именитых граждан. Основанием для получения этого звания было также преимущественно знание иностранных языков. Но вначале, после 1785 г., к образованному Городовым положением разряду именитых граждан принадлежали главным образом лица, занимавшиеся торгами и промыслами и до 1785 г. входившие в состав купеческих гильдий⁷⁴.

Более четкое определение городским сословиям было дано Законами о состояниях. «Городские обыватели,— говорилось там,— наряду с дворянством, духовенством и сельскими обывателями составляли четыре главные рода людей». Законодательство, однако, сохранило двойственность в обозначении того, что такое городские обыватели. Под именем городских обывателей вообще разумелись: «1) все те, кои в том городе или старожилы, или родились, или поселились; 2) лица, имеющие в городе дома, или иное строение, или место, или землю; 3) записанные в гильдию или в цех; 4) те, ко-

торые отправляли службу городскую или записаны в оклад и потому городу носят службу или тягость». Числясь членами городского общества, эти лица не считались действительными гражданами, сохраняя каждый свое особое состояние, т. е. относясь к дворянству, духовенству или другим сословиям. Под именем городских обывателей *в особенности* «разумеются лица, причисляемые законом к среднему роду людей. В сем смысле к состоянию городских обывателей, под общим названием граждан, принадлежат: 1) гильдейское купечество, ...почетные граждане и граждане в городах губерний: Виленской, Гродненской, Минской, Подольской, Волынской, Киевской, Ковенской и области Белостокской, из бывшей шляхты в сие звание переименованные; 2) мещане или посадские; 3) ремесленники или цеховые; 4) вольные люди, к некоторым городам (вышеназванных губерний.— *А. Е.*) приписанные, а равно губерний Остзейских; 5) рабочие люди»⁷⁵. Таким образом, относя к городским обывателям практически всех городских жителей, вне зависимости от сословной принадлежности, законодательство одновременно под городскими обывателями, в частности, понимало определенное состояние или сословие, делившееся, в свою очередь, на ряд сословных групп, в деталях уже не совпадавших с той их классификацией, которая была дана Городовым положением 1785 г.

Мещане, согласно Законам о состояниях, «полагаются все в одной степени», т. е. составляли отдельное наследственное сословие. Иное положение было у цеховых, под которыми имелись в виду мастера, подмастерья и ученики, подразделявшиеся на вечных и временных. К цеховым могли быть приписаны представители других податных сословий на определенное время.

К числу так называемых рабочих людей по Своду законов о состояниях (ст. 466) были отнесены «приписываемые к городам с положением в мещанский оклад из неспособных к военной службе дурного поведения различных выходцев, каких общества иметь у себя не пожелают; а также причисленные к городам лица других званий... и приписываемые в рабочие люди за пороки их и за неисправный платеж податей и других сборов»⁷⁶. Как свидетельствуют поздние источники, «по частной справке, наведенной в Петербургской казенной палате, выяснилось, что ныне в мещанских обществах рабочих людей более не числится»⁷⁷.

К числу вольных людей были отнесены те жители городов западных губерний, которые под этим наименованием обозначались в переписях и причислялись к составу городских обществ.

Наследственность купеческого состояния обуславливалась, согласно Законам о состояниях, нахождением в гильдии. Так, «жена купца пользуется сим званием до тех только пор, пока муж ее сам состоит в гильдии», купцы же давали права своего сословия своим детям и родственникам, числящимся в одном семейственном капитале⁷⁸. Купец, не объявивший капитал и не производящий торгова, должен был немедленно записаться в мещане. С середины XIX в. в законодательстве отчетливо проводится мысль, что наличие купеческого свидетельства служит признаком принадлежности

обладателя его к купеческому сословию. Для права же торговли достаточно было наличия промыслового свидетельства⁷⁹.

Особую группу городских обывателей составляли так называемые почетные граждане, потомственные и личные. Эта категория была установлена специальным манифестом 10 апреля 1832 г. в качестве особого сословия, свободного от подушного оклада, рекрутской повинности и телесных наказаний. По манифесту просить причисления к личному почетному гражданству могли: 1) имеющие аттестат одного из русских университетов об успешном окончании курса или на звание действительного студента, либо на степень кандидата; 2) художники свободных состояний, получившие аттестаты или дипломы Академии художеств. К потомственным почетным гражданам принадлежали, кроме их детей, также дети личных дворян. Могли просить потомственного почетного гражданства: 1) лица купеческого сословия; 2) лица других свободных состояний по отличиям в науках и художествах; 3) иностранных ученые, художники, торгующие капиталисты и хозяева фабрик. Просьбы о причислении к потомственному почетному гражданству докладывались Герольдией Сенату⁸⁰. По Законам о состояниях круг лиц, имевших право просить о потомственном почетном гражданстве, был несколько расширен за счет воспитанников Московской академии коммерческих наук и Московского коммерческого училища, штатных воспитанников Петербургского коммерческого училища, артистов первого разряда императорских театров, а также калмыцких зайсангов⁸¹.

Помимо рождения и брака, городское состояние могло приобретаться также взятием на воспитание подкидышей и приемышей⁸².

Свод законов о состояниях содержал более обширный список доказательств состояния городских обывателей, чем Городовое положение 1785 г. Помимо названных в последнем документов, в качестве доказательств могли фигурировать: гильдейский и цеховой листы, подписанные гильдейским или цеховым старшиной при наличии двух свидетелей — членов той же гильдии (цеха); указы или грамоты, в которых отмечалось состояние или промысел лица; определение по делу, доказывающее состояние; прохождение в каком-либо деле городского суда в качестве городского обывателя; похвальный лист; свидетельство о городских службах; владение в городе недвижимым имуществом; свидетельства гильдейских или цеховых старшин и двух свидетелей той же гильдии или цеха о подлинности записанного капитала; аттестаты академические или университетские о знаниях или искусстве; расписки о поставках по подряду; казначейские, казенных приставов к магазинам и другие расписки о займе или отдаче денег, товаров; утверждающие доверие в торге, промысле, доказывающие или утверждающие объявленный капитал; книги, счета и расчеты о торге или промысле; наличные товары, наличные корабли; исправность подряда или откупа; выплаченные в срок векселя; договоры и доверенности многих; свидетельства трех беспорочных обывателей города о том, что отец и дед жили в городе и числились мещанами; купчие, за-

кладные и тому подобные доказательства городского имения; всякие иные достоверные доказательства, утверждающие состояние и подтверждающие наличие капитала⁸³. Как видим, среди доказательств принадлежности к состоянию городских обывателей большое место занимают доказательства имущественного положения лиц, его права на частную собственность.

Сводом законов о состояниях не было внесено чего-либо нового в порядок ведения городской обывательской книги. Ее ведение было обязанностью городского депутатского собрания; оно же рассматривало доказательства городского состояния, доставляло сведения и выписки из городской обывательской книги в губернское правление и казенную палату, выдавало удостоверения о внесении семьи в книгу. Вместе с «Бархатной книгой знатных купеческих родов» городские обывательские книги были отнесены Законами о состояниях к отдельным актам для городских обывателей. Особенными актами для состояния сельских, а также городских обывателей были названы ревизские сказки.

Запись в гильдии, как и причисление в остальные сословия городских обывателей в особенности, осуществлялась местными властями. Исключение составляло лишь сословие почетных граждан, которым свидетельства и грамоты на личное или потомственное почетное гражданство выдавались Сенатом. Почетные граждане не вносились в ревизские сказки; на них городскими думами велись особые списки.

По указу от 3 марта 1847 г. почетные граждане должны были вноситься вместо именитых граждан в пятую часть городской обывательской книги; туда же в соответствии с указом от 15 февраля 1854 г. подлежали внесению и личные дворяне⁸⁴.

Документирование принадлежности к духовенству

Указом от 23 декабря 1754 г. со ссылкой на петровское законодательство аналогичного характера были установлены примерные штаты церковнослужителей; предписывалось при проведении очередной ревизии учесть установленные штаты «и переписать их и детей их особо», а сверхштатных «переписать особо ж, и... которые в подушный оклад не положены, тех допрося, кто куда желает, в посад, и в ремесленные люди, и на фабрики, и на заводы, или на государевы и синодальные и монастырские и другие вотчинниковы пашенные земли, таковых по их воле и определять ...а которые пожелают в военную службу ... и годны ... тех всех отсылать для определения в Военную коллегию». Этот принцип перевода лишних представителей духовного сословия в другие состояния распространялся указом и на будущее⁸⁵. Смысл отношения правительства к духовенству как сословию (особенно к его рядовым, низшим представителям), освобожденному от подушной подати, раскрывался в этом указе достаточно ясно. Правительство не было заинтересовано в росте неподатного населения. Целый ряд указов преследовал цели сокращения или, во всяком случае, нерасширения

количественного состава духовного сословия за счет его естественного роста и привлечения представителей других сословий⁸⁶.

Политика правительства нашла определенное отражение и в подчеркивании значения соответствующих документов и процессов документирования, касающихся принадлежности к духовному сословию. Так, 19 апреля 1771 г. всем консисториям и монастырям было предложено «сноситься с подлежащими властями о действительности увольнительных из податного состояния свидетельств, представляемых для пострижения в монашество», не доверяя лишь увольнительным от крестьянских и купеческих обществ⁸⁷. Синодским указом от 31 января 1772 г. предлагалось всем преосвященным и учреждениям церковного управления потребовать от незаконно-постриженных в монашество увольнительных свидетельств от помещиков и светских команд и лишить монашества тех, которые не смогут представить свидетельств⁸⁸.

Свод законов о состояниях не внес принципиально нового в документирование сословной принадлежности духовенства. Было зафиксировано существовавшее ранее деление духовенства на белое и монашествующее (применительно к православному, римско-католическому и армяно-грегорианскому) и деление на проповедников и высших духовных сановников евангелическо-лютеранского духовенства⁸⁹. Доказательствами духовного состояния по Своду законов являлись: 1) акты сего состояния (т. е. монастырские записные книги и списки лиц духовного ведомства) и 2) ставленные грамоты священнослужителям, выдаваемые им при посвящении в духовный сан за подписью епархиальных архиереев⁹⁰. В монастырские записные книги согласно Законом о состояниях должны были вноситься: имя каждого монашествующего, его звание до пострижения и время пострижения. К концу XIX в. (по указу Синода от 17 декабря 1882 г.) состав информации монастырских записных книг был несколько расширен — в книгах обозначалось, кто из монашествующих до пострижения состоял в супружестве и после какого брака, оставшись вдов, поступил в монашество⁹¹. Духовные консистории должны были содержать «именные списки всем ведомства их лицам духовного звания, равно как и их детям»⁹².

Вступление в сословие белого духовенства по Своду законов разрешалось лицам всех сословий, кроме крепостных, пока они не будут отпущены законным порядком на волю. Решение о причислении к духовному званию лиц из податных сословий принималось Сенатом по представлению губернаторов, через казенные палаты или палаты государственных имуществ. Дети лиц белого духовенства наследовали свое состояние и причислялись по духовному ведомству, за исключением детей, не отданных в учение или исключенных из училищ «за непонятливость и леность», которые увольнялись в гражданское ведомство и причислялись к одному из податных сословий⁹³. Вместе с тем для причисления к белому духовенству лиц из податных сословий требовалось представление епархиального пачальства, в котором свидетельствовалась нехватка лиц духовного звания к замещению вакантных должностей и соот-

ветствие поведения и образования желающего для духовного звания. В российско-американских колониях и в Приморской области для пополнения церковных причтов в духовное звание могли приниматься «способные и надежные люди из туземцев податного состояния»⁹⁴.

Сан с лиц белого духовенства, пожелавших вернуться «в первобытное состояние», снимался по решению Синода после трехмесячного увещания. Церковнослужители из духовного звания увольнялись решением консистории с утверждением епархиальным начальством, причем были обязаны избрать род занятий — поступить в военную службу (а дети священников и дьяконов — и в гражданскую) или в любое податное состояние⁹⁵.

Желающие постричься в монашество должны были предъявить: служащие — увольнение их начальства; государственные крестьяне и сельские обыватели, подведомственные Министерству государственных имуществ, — увольнение от общества и свидетельство о согласии на это Палаты государственных имуществ; прочие представители податного состояния — увольнение от общества и свидетельство Казенной палаты, а крепостные — увольнение их владельцев. Окончательное разрешение дел об увольнении в монашество зависело от начальников губерний. Само пострижение в монашество решалось консисторией при наличии вакансий в подведомственных монастырях и с разрешения Синода⁹⁶.

Документирование принадлежности к крестьянству

Менее других документных систем развивалась система документирования принадлежности к крестьянству, хотя следует отметить значительную неоднородность этой группы населения, зафиксированную царским законодательством. Укажем также на существование значительных связей документных систем, фиксирующих принадлежность к различным сословиям, с документацией, определяющей сословную принадлежность отдельных групп крестьянства, имевших хотя бы право потенциального выхода из своего состояния.

Манифест от 17 марта 1775 г. в числе «дарованных разным сословиям милостей» давал отпущенным на волю крестьянам право «ни за кого не записываться, а при ревизии... объявить, в какой род нашей службы или в мещане, или в купеческое сословие войти желают по городам и какое они добровольно для себя изберут, то по тому же состоянию и должны они быть поверстаны поборами или от оных освобождены»⁹⁷.

Указом от 20 февраля 1803 г. было введено особое состояние — свободных хлебопашцев, куда зачислялись крестьяне, отпущенные помещиками на волю с земель в собственность в соответствии с установленными правилами⁹⁸.

Свод законов о состояниях отнес все крестьянское население к категории сельских обывателей, т. е. к последней группе природных обывателей, составляющих «четыре главные рода людей». Деление сельских обывателей было основано «по различию земли,

на коей они водворены», на пять главных разрядов: водворенные на землях казенных, удельных, дворцовых, владельческих и собственных. К третьему разряду были отнесены сельские обыватели, составлявшие личную собственность особ императорской фамилии (государевые и дворцовые). Что касается крестьянского населения, занимавшего казенные земли, то по букве закона они «имеют разные наименования» — «вообще, составляя особенное состояние в государстве, они именуются государственными; по жительству их на землях казенных, они также носят вообще имя крестьян казенных». Далее закон пояснял, что «по разным инородным племенам, от коих они первоначально происходят, они носят наименование татар, вотяков, башкирцев и мещеряков, мордвы, черемис, чувашей, тептерей и бобылей...», «а те из казенных поселян, кои ведались прежде в разных отдельных управлениях, называются иногда и ныне по местам прежнего их ведомства, как-то: дворцовые, монастырские, синодальные, церковные, экономические, черносонные, войсковые обыватели, казаки и казахи поддусудки, коронные, ранговые, коронно-посполитные, бывшие за монастырями и прочие казенного ведомства слободские крестьяне...». Кроме того, были предусмотрены наименования в зависимости от повинностей, отправляемых для казны (приписанные), от служб, отправлявшихся предками (военские поселяне, панцирные бояре, пашенные, копейщики и т. п.)⁹⁹. Восемь категорий (однодворцы, вольные люди, однодворцы западных губерний, свободные хлебопашцы, колонисты, малороссийские казаки, панцирные бояре, татары Таврической губернии) были отнесены к разряду сельских обывателей, водворенных на землях собственных, и тринадцать категорий составляли разряд сельских обывателей, водворенных на землях владельческих. Одна из этих категорий именовалась крепостными¹⁰⁰.

Исследуя историю некоторых групп и категорий крестьянского населения, составлявших сословие государственных крестьян, Н. М. Дружинин писал, что мелкие служилые люди, не отличавшиеся ранее от средних и крупных помещиков, в XVII в. составили особый разряд феодально зависимого населения однодворцев, которые не переставали мечтать о возвращении в лоно дворянского сословия. За однодворцами признавалось формальное право отыскивать дворянство путем предоставления документальных доказательств принадлежности к дворянскому сословию, в противном же случае они по-прежнему оставались в крестьянском звании со всеми вытекающими отсюда экономическими и правовыми последствиями¹⁰¹. Н. М. Дружинин указывал и на группу «однодворцев западных губерний», не представивших письменных документов в доказательство своего дворянства, представителей шляхты, которые после подавления польского восстания 1830—1831 гг. были переселены на Северный Кавказ на казенные земли¹⁰².

К сословию государственных крестьян относились также цыгане. Акты о приравнении к крестьянскому населению цыган относятся уже к середине XVIII в. Так, сенатским указом от 1 марта 1766 г. предписывалось представить в Белгородскую губернскую

канцелярию ведомость о всех живущих в Слободской Украине, Московской, Воронежской, Астраханской и Казанской губерниях цыганах¹⁰³. Цыганам не препятствовалось также записываться в мещане или цехи¹⁰⁴. В начале XIX в. был предпринят ряд мер по приписке цыган к городам; запрещалось на будущее время закреплять цыган за помещиками; цыганам, объявившим капитал, было разрешено вступать в купеческие гильдии на общих основаниях¹⁰⁵.

Еврей-земледельцы, поселенные на казенных землях южных губерний, также были приписаны к государственному крестьянам. Вообще, как отмечал Н. М. Дружинин, это сословие оставалось обширным резервуаром, вбиравшим в себя вновь притекавшие элементы из самых различных источников. К сословию государственных крестьян были присоединены посессионные рабочие, освобожденные их хозяевами, и жители городов, оставшихся за штатом. Ими становились вольноотпущенные дворовые и люди, признанные по суду некрепостными, и даже лица, уволенные с гражданской службы и исключенные из духовного звания¹⁰⁶.

По Законом о состоянии сельский обыватель сообщал свое состояние своим детям, «вследствие чего все они причисляются в тот же разряд, в котором прижиты». Помимо рождения и брака, сельское состояние сообщалось также воспитанием подкидышей, сирот и не помнящих родства поселянами казенного ведомства и свободными хлебопашцами¹⁰⁷. Потомственное крепостное состояние лица устанавливалось: 1) пожалованием, т. е. потомственным укреплением, или того самого лица, или предков его от верховной самодержавной власти в чистую власть и обладание (такие пожалования были до 1801 г.); 2) записью за помещика, т. е. причислением лица или его предков в крепостное состояние до запретительного указа 28 июля 1781 г.; 3) причислением к крепостному семейству приемыша, не помнящего родства, для призрения и воспитания. Крепостное состояние передавалось по отцу; дети, рожденные после освобождения отца из крепостного состояния, признавались свободными. Браком крепостное состояние не передавалось; женщина, выходя замуж за крепостного, оставалась свободной; вдова же или девица, выходя замуж за свободного, освобождалась от крепостного состояния¹⁰⁸. Принадлежность крестьян к крепостному состоянию могла доказываться помещиком: 1) жалованными вотчинными грамотами и именными указами о пожаловании в частное владение деревень с крестьянами; 2) метрическими книгами и ревизскими сказками; 3) другими документами, имеющими законную силу и совершенными до окончательного запрещения укрепления¹⁰⁹. Особенными актами для состояния сельских обывателей были названы ревизские сказки¹¹⁰.

Документирование принадлежности к состоянию «инородцев»

Более или менее системный характер документирование принадлежности к состоянию «инородцев» приобрело лишь с начала XIX в., т. е. с введения самого официального понятия «инородцев».

В Учреждении для управления Сибирских губерний от 22 июля 1822 г. «под именем инородных» разумелись «все племена обывателей не российского происхождения, в Сибири обитающие». Тогда же утвержденный Устав об управлении инородцев, повторив установленное упомянутым «Учреждением» деление племен на три разряда (оседлых, кочевых и бродячих) и одновременно узаконив их второе наименование — «ясачные», фактически несколько расширил перечень народностей за пределы Сибири, включив в него некоторые народности нынешнего Казахстана, Приморского края, Алеутских и Курильских островов и Аляски. Устав требовал при проведении ревизий сохранять разделение «инородцев» на разряды, отнесение к которым зависело от гражданских губернаторов. «Оседлые инородцы», принявшие христианство, не отличались от россиян «особым названием», язычники же и магометане должны были именоваться «оседлыми иноверцами». Все они были включены в сословие государственных крестьян и уравнины с ними всеми повинностями, кроме рекрутской, от которой были освобождены. Какого-либо специального управления, а следовательно, и отличного от государственных крестьян документирования их принадлежности к сословию они не имели. «Кочующие инородцы» управлялись родовыми управлениями «по степным законам и обычаям, каждому племени свойственным». Главной задачей документирования в отношении «инородческих племен» был «счет людям» в чисто фискальных целях. Поэтому родовые управления обязывались отвечать «за верность показаний» перед начальством, т. е. перед земскими судами, которые вели народосчисление на основе показаний родовых старост, «применяясь сколько возможно к форме ревизских сказок»¹¹¹.

Законодательство признавало за «почетными инородцами» соответствующие права и привилегии перед своими сородичами, но специально оговаривало, что они не имеют дворянских прав, «если особенною грамотою или производством в чины» не получили дворянства. Но политика привлечения на службу самодержавию родовой верхушки нерусских племен прослеживается отчетливо. Так, в Уставе о сибирских киргизах, утвержденном тогда же, сказано, что старший султан «имеет быть везде признаваем и почитаем в чине майора российской службы, пока пребывает в должности»¹¹².

Согласно ст. 1 Свода законов о состояниях, инородцы оседлые и неоседлые (кочующие и бродячие) относились к группе населения, имевшей различные права состояния, в отличие от «природных обывателей», составлявших городское и сельское население, и от иностранцев. Согласно ст. 1097, «к числу обитающих в Российской империи инородцев, коих права по их состоянию определены особыми положениями», были отнесены пять групп населения: «1) сибирские инородцы вообще, и в особенности сибирские киргизы, а равно и островитяне, состоящие в ведомстве Российско-американской компании, 2) самоеды, в Мезенском уезде Архангельской губернии обитающие, 3) кочующие инородцы Кавказской области, 4) калмыки, кочующие в Астраханской губернии и Кавказ-

ской области, 5) еврей»¹¹³. Впоследствии этот список был дополнен за счет кочевых инородцев Ставропольской губернии, ордынцев Закаспийского края¹¹⁴, киргизами Внутренней орды, инородцами Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей, инородческим населением Закаспийской области¹¹⁵. Далее закон делил все обитающие в Сибири инородные племена на указанные выше три разряда с выделением в особые разряды чукчей и алеутов¹¹⁶.

Законодательство подчеркивало необязательность документирования большинства сторон жизни кочующих и бродячих инородцев, аргументируя это «отличиями их состояния», заключающимися в непостоянстве их жительства, «простоте нравов», «трудностью взаимных сообщений», «степенью гражданского образования»¹¹⁷. Минимально необходимое документирование осуществлялось родовыми управлениями. Так, главным доказательством брачного состояния кочевых инородцев-нехристиан, «когда не было заключено письменных условий, заявленных в установленном месте», было удостоверение о том родового управления. Оно же вело учет родившихся детей¹¹⁸. Основной же формой учета кочевников были ревизии (переписи).

В отношении инородцев царским правительством осуществлялась четкая сословная политика. Помимо признания инородцев за самостоятельное состояние, категория оседлых инородцев могла переходить в любое из сословий империи. Кочевые инородцы признавались равными с крестьянским сословием, но отличались «в образе управления». Подчеркивалось сохранение привилегий родовой знати; ее верхушке был открыт путь для приобретения дворянства. Правительство держало под контролем и назначение некоторых высших религиозных должностей. Так, например, калмыцкий лама определялся в свое звание после избрания большим хурулом высочайшим указом¹¹⁹.

III. Законодательство по документированию сословной принадлежности в конце XIX — начале XX в.

Ряд законодательных актов конца XIX — начала XX в., относящихся к документированию сословной принадлежности, был обусловлен социальными процессами, характерными для этого периода, и прямо отражал политику самодержавия, направленную на всяческое ограждение интересов дворянского сословия в условиях все более развивающегося капитализма.

Под влиянием развития капиталистических отношений в последней трети XIX в. постепенно размывались сословные перегородки и на первый план все более выступали имущественные отношения, основанные на частной собственности. Это не могло не волновать наиболее привилегированное сословие — дворянство, стремившееся сохранить и законсервировать свои не только материальные, но и другие сословные преимущества¹²⁰.

Документирование принадлежности к дворянству

В 1897 г. по инициативе царя было учреждено Особое совещание по делам дворянского сословия. Плодом его деятельности был именной указ от 28 мая 1900 г. об условиях приобретения прав потомственного дворянства и о порядке внесения дворянских родов в родословные книги, существенно уточнивший и изменивший действовавшее до этого законодательство в сторону обособления и укрепления прежде всего землевладельческого дворянства.

В более точных формулировках были изложены положения о приобретении потомственного дворянства путем службы; оно могло приобретаться: «а) лицами, удостоившимися на действительной службе, а не при отставке, производства в чины действительного статского советника, полковника или капитана 1 ранга, или пожалования российскими орденами первых степеней, или орденами св. Георгия всех степеней, а св. Владимира первых трех степеней; б) лицами духовного звания при сопричислении их к одному из наименованных орденов». Орден св. Владимира третьей степени в порядке постепенности награждения орденами не мог согласно указу испрашиваться лицам, занимающим должности ниже 5-го класса и состоящим в чинах ниже действительного статского советника, а военнослужащим — в чинах ниже полковника или капитана 1-го ранга.

Собранию предводителей и депутатов дворянства было предоставлено право отказывать в удовлетворении ходатайств потомственных дворян о внесении их родов в дворянскую родословную книгу, если дворяне не владели в пределах губернии недвижимой собственностью. Было запрещено также вносить в губернские дворянские родословные книги евреев, приобретших права потомственного дворянства. Тем же указом были отменены все действовавшие до этого узаконения о возведении в потомственное дворянство на основании приносящих личное дворянство чинов, пожалованных отцу, деду и прадеду просителя¹²¹. В указе предлагалось также министрам внутренних дел и юстиции разработать вопрос о порядке ведения родословных книг для дворян, не записанных в родословные книги в губерниях.

В июне 1904 г. ведение родословных книг потомственных дворян, не записанных в губернские родословные книги, было возложено на герольдмейстера, который был обязан содержать общую для всей империи дворянскую родословную книгу, в которую предоставлялось право записаться каждому дворянину, не владеющему недвижимой собственностью или владеющему ею в тех губерниях, где не было дворянских сословных учреждений, а также приобретшим права потомственного дворянства евреям. К прошению о внесении в дворянскую родословную книгу, помимо требуемых законом документов, доказывающих потомственное дворянство, должен был прилагаться посемейный список, содержащий сведения об имени, отчестве и фамилии дворянина, его возрасте, семейном положении, числе детей обоого пола с указанием имен и времени

рождения каждого, об имущественном положении и месте постоянного жительства и службы¹²².

После этого вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, которая ликвидировала все сословные деления, в документировании принадлежности к дворянству не было изменений.

Документирование принадлежности к городским сословиям и духовенству

С введением в жизнь Городового положения от 16 июля 1870 г. городовые обывательские книги перестали вестись. Но, как указывалось в комментариях к законодательству, «обстоятельство это, тем не менее, не должно повлечь за собой исключения указывания на городовые обывательские книги, так как присвоенная им прежними законами сила доказательств прав состояния сохраняется и продолжает иметь значение, несмотря на прекращение ведения таковых книг»¹²³. Действительно, указание на городовые обывательские книги сохраняется в изданиях Законов о состояниях до конца века.

Устав ремесленный 1879 г. сохранял требование ведения в цеховой управе трех книг для записи мастеров, подмастерьев и учеников. Была сохранена также существовавшая в качестве личного документа книжка, выдававшаяся цеховой управой каждому производимому в подмастерья, где каждый мастер, у которого находился подмастерье, был обязан отметить, когда подмастерье поступил к нему на службу, когда и по каким причинам выбыл, какому мастерству обучился и какого был поведения¹²⁴. Аттестат о присвоении звания мастера выдавался общей ремесленной управой по представлению цеховой управы¹²⁵. Ученикам после трехлетнего проживания у мастера полагалась выдача письменных свидетельств, «какое он заслужил по верности, послушанию, почтительности, прилежанию, искусству и поведению»¹²⁶.

Свидетельства на звание ремесленников выдавались на неограниченное время тем, кто имел право на постоянную приписку к цеховому состоянию. Для этого желающий должен был представить в казенную палату увольнительное свидетельство от прежнего своего общества или ведомства и приемное от того ремесленного общества, в которое желал поступить. После утверждения казенной палатой ремесленная управа записывала его в общество и выдавала свидетельство. В цеховое состояние могли записываться все те, кто имел право на приписку к мещанскому обществу¹²⁷.

Как правило, на запись в мещанское общество того или иного города требовалось согласие общества. Но ряд категорий лиц мог быть приписан к обществу и без согласия последнего. Это были: законнорожденные воспитанники сиротских домов, питомцы воспитательного дома; принявшие христианство иноверцы; дети церковнослужителей; не причисленные ни к какому податному состоянию незаконнорожденные; дети канцелярских служителей; сыновья вольноотпущенников; сосланные или переселившиеся в Закавказье

раскольники; получившие по указу от 22 июля 1873 г. право на возвращение из Сибири; исключенные из цеха вольных мастеров; исключенные из придворного ведомства служители. Перечисление и запись в мещане производились казенными палатами¹²⁸. В компетенцию последних входила также фиксация фамилий, избранных лицами, которые приписывались к городскому состоянию, если они фамилий не имели¹²⁹.

К концу XIX в. налицо было вполне определенное «размывание» сословия городских обывателей. Особенно это было заметно на сословии ремесленников. Уже в 1866 г. было разрешено свободное производство ремесел лицам, не записанным в цехи, в прибалтийских губерниях. В 1870 г. министру внутренних дел было предоставлено право войти в Государственный совет с предложением об упразднении ремесленного сословия. В 1886 г. были упразднены ремесленные управления в большинстве городских поселений Юго-Западного края; в 1891 г. — в Виленской, Ковенской, Гродненской и ряде других губерний. К середине 1890-х годов число ремесленных обществ сократилось в империи до 136, причем выяснилось, что 110 из них состояли из лиц, вовсе к ремесленному сословию как таковому не принадлежавших. В течение 1902—1903 гг. Министерство внутренних дел упразднило ремесленные управления и общества в 107 городах; к 1916 г. они были сохранены лишь в 29 городах империи¹³⁰.

Этот же процесс «размывания» сословных перегородок еще явственнее коснулся духовного сословия. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, объявленное Сенату Синодом 11 июля 1869 г., «Об устройстве детей лиц православного духовенства»¹³¹ на основе рассмотрения представления «об открытии детям священно- и церковнослужителей путей к обеспечению своего существования на всех поприщах гражданской деятельности» фактически ликвидировало наследственность духовного сословия. Этот закон установил следующее:

дети лиц православного духовенства не принадлежат лично к духовному званию, показываясь только для сведения в послужных списках их отцов;

не имеющие прав высшего состояния дети священнослужителей и церковных причетников (дьячков, пономарей и псаломщиков) пользуются всеми правами, присвоенными первые — детям личных дворян, а последние — личным почетным гражданам; дети же прочих церковнослужителей, в ст. 278 Законов о состояниях исчисленные, должны по достижении совершеннолетия приписаться к какому-либо городскому или сельскому обществу, причем за ними лично сохраняется принадлежащее им как лицам духовного состояния право освобождения от податей и рекрутства;

сыновьям как священнослужителей, так и церковных причетников, не посвящающих себя на службу церкви в духовном звании, предоставляется: а) поступать в службу военную или гражданскую и б) обращаться по желанию их к торговым, промышленным и другим частным занятиям.

Несколько позже указом Синода от 26 января 1873 г. были уравнены в правах все дети духовенства, в каком бы состоянии родителей они ни были рождены. Свидетельства о принадлежности детей духовных лиц, имеющих право на потомственное или личное почетное гражданство, выдавались соответствующими духовными консисториями по определениям, утверждаемым епархиальным начальством¹³².

Снятие сана со священнослужителя, производимое по разрешению Синода, еще не означало автоматического увольнения из духовного сословия. Так, церковная практика позволяла сложившим сан для вступления во второй брак оставаться в причте в должности дьячков и пономарей; ставленная грамота при снятии сана отбиралась¹³³.

Духовенство перестало быть наследственным сословием, превратилось в чисто профессиональное сословие. В дореволюционной историко-церковной литературе это оценивалось как «открытие свободного доступа к приобретению духовного образования и церковных должностей лицами всех сословий», как одно «из самых верных средств к сближению духовенства с прочими сословиями в государстве» и уничтожению его кастового характера¹³⁴. На деле духовенство продолжало оставаться кастовым сословием, правда, с открытым «выходом» из него.

По имеющимся в исторической литературе сведениям, пополнение белого духовенства представителями других сословий в XIX в. фактически не имело места. Такие случаи были настолько редки, что «их нельзя причислить даже к видным исключениям из общего порядка... Число светских лиц, определявшихся в духовное звание, ни в один год не восходило выше 91 (в 1844 и 1845 гг.); за многие годы отчеты (синодальных прокуроров.— А. Е.) заключают в этой статье пробел»¹³⁵.

Документирование принадлежности к крестьянству и состоянию «инородцев»

После отмены крепостного права к состоянию сельских обывателей были отнесены лишь две группы населения — крестьяне и поселяне-собственники и крестьяне временнообязанные¹³⁶.

Манифестом об отмене крепостного права крестьянам и дворовым — бывшим крепостным — были предоставлены права состояния свободных сельских обывателей¹³⁷. Выходящий из сельского общества крестьянин должен был получить увольнительное свидетельство от волостного старшины и приписаться к тому сельскому или городскому обществу, от которого он получил приемный приговор, и представить в шестимесячный срок просьбу о приписке в казенную палату. При этом, если общество пользовалось помещичьим наделом, на прием постороннего требовалось также согласие помещика. Крестьяне — собственники земли могли быть приписаны к обществу и без приемного приговора и согласия помещика¹³⁸. Причисление в оклад, исключение из оклада и перечисление из

одного оклада в другой крестьян, вышедших из крепостной зависимости, производились лишь с ведома и по распоряжению казенной палаты¹³⁹. По отношению к государственным крестьянам прекращение участия в их делах Министерства государственных имуществ оформлялось по закону от 31 марта 1867 г. путем выдачи им так называемых владенных записей, в которых определялись площадь и границы принадлежащих крестьянам земельных угодий и количество платимого за них оброка; к владенной записи составлялось приложение, в котором перечислялись все имеющие отдельное наследственное владение домохозяева¹⁴⁰.

В конце XIX в. список наименований крестьян и поселян, относящихся к состоянию сельских обывателей, был расширен, в основном за счет сельского населения национальных окраин Российской империи¹⁴¹.

Указом от 5 октября 1906 г. крестьяне и лица бывших податных сословий были уравнены в правах с другими сословиями в части поступления на государственную службу, в учебные заведения, в духовное звание и поступления в монашество. Этим же указом было отменено обязательное исключение сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний из обществ при вступлении их в государственную службу, получении знаков отличия и т. д.¹⁴² Тем самым был сделан существенный, но весьма запоздалый шаг к юридической отмене сословных перегородок и различий, сдерживавших развитие России по капиталистическому пути.

«Инородцы» оставались наиболее бесправным и подвергавшимся дополнительно национальному угнетению сословием царской России. Высочайший указ от 5 октября 1906 г., отменивший ряд ограничений для податных сословий в отношении поступления на государственную службу, их не коснулся. Показательно, что составленный якутским губернатором И. И. Крафтом и изданный в 1912 г. Сборник узаконений об управлении Якутской области ни в чем существенно не отличался от законов, изданных в начале XIX в.¹⁴³

Наибольшим ограничениям из всех категорий лиц, отнесенных Законами о состояниях к «инородцам», подвергались евреи, различные стороны жизни которых именно вследствие существования этих ограничений достаточно обстоятельно документировались. Закон подчеркивал необходимость точной и постоянной фиксации фамилии и имени каждого еврея, причем он должен был навсегда сохранять свою наследственную или же на основании законов принятую фамилию или прозвание с присовокуплением имени, данного по вере или при рождении¹⁴⁴. Исключение делалось лишь для евреев, принявших христианство и состоявших в военной службе, которым с принятием христианства было предоставлено в 1865 г. право принимать новые фамилии, заимствованные от имен их крестных отцов. Одновременно для этих лиц отметка о их прежнем исповедании в формулярных списках и указах об отставке заменялась обозначением сословия, к которому они принадлежали до поступления в военную службу¹⁴⁵.

Городские думы и соответствующие им учреждения были обязаны вести посемейные списки всем евреям с указанием звания каждого, изменением состояния и перемены места жительства, а также алфавитные списки глав еврейских семейств и очередные рекрутские списки по участкам¹⁴⁶.

До 1863 г. к состоянию «инородцев» относились и караимы, но в соответствии с высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 8 апреля 1863 г. «караимы, находясь под покровительством общих законов империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским подданным, смотря по состоянию, к которому кто из них принадлежит»¹⁴⁷.

Нечеткость и двусмысленность понятия «сословие» по отношению к евреям в царском законодательстве особенно ясны и были отмечены еще в дореволюционной юридической литературе. М. И. Мыш говорит, что «поскольку принадлежность к еврейскому исповеданию сопряжена в России с ограничением гражданских прав для его последователей, то с юридической точки зрения еврейство выражает собою не одно только исповедание, но и звание или состояние». Им же указывалось на нечеткость закона, который утверждает, что евреи не составляют собою особого состояния, но одновременно говорит о «состоянии инородцев». Этот же автор определенно писал о росте к концу XIX в. ограничительных узаконений о евреях наравне с толкованием существующих «в направлении все более и более стеснительном»¹⁴⁸.

Заключение

Итак, мы рассмотрели историю организации документирования принадлежности к неравноправным общественным группам — сословиям, на которые делилось население Российской империи. Основное внимание в статье акцентировалось на возможном круге источников для решения этой и ряда смежных проблем, на историческом развитии источников, их складывании в качестве документных систем. Вместе с тем историческое рассмотрение складывания процессов документирования сословной принадлежности позволяет сделать хотя бы некоторые предварительные выводы.

В практическом осуществлении рассмотренной функции документирования принадлежности к сословиям интересы самодержавия и дворянского класса в целом совпадали. Здесь отчетливо видна также и та «независимость» самодержавия, о которой говорил В. И. Ленин, выражавшаяся в том, что применение сословных привилегий выступало в качестве инструмента для укрепления социальной базы самодержавия и дворянского класса в целом. Служба самодержавию в форме государственной службы и в других формах, имевшая наградой получение прав потомственного дворянства, выступала как гарантия прочности самодержавной власти, экономических и политических сословных привилегий для дворянского класса¹⁴⁹. Стоявшие во главе государства представители дворянско-помещичьей бюрократии в своей нормотворческой дея-

тельности исходили из интересов класса в целом, из интересов классового государства и своих собственных, причем, как правило, были дальновиднее многих отдельных представителей своего класса, в том числе старого родового дворянства. Это дало русскому самодержавию возможность сохранить в течение более двух столетий в качестве весьма стабильной сословную систему, в которой господствующему сословию — дворянству — удавалось удерживать свои привилегии без сколько-нибудь значительных потерь вплоть до буржуазных реформ 1860—1870-х годов. Косвенным свидетельством стабильности сословной системы является высокая стабильность документных форм, относящихся к документной фиксации прав и преимуществ дворянского сословия и к закреплению наследственного, в большинстве случаев бесправного, положения других сословий.

Итак, документирование сословной принадлежности в Русском государстве XVIII — начала XX в. представляется как важная социальная функция бюрократического государства, направленная на его сохранение и укрепление, а следовательно, материалы рассмотренных документных систем несут важную социальную информацию.

Следует отметить постепенность складывания этих документных систем, их непрерывное совершенствование как следствие процессов социального характера, развития самодержавного государства дворян-крепостников, о чем свидетельствует развитие документирования принадлежности к господствующему сословию и ярко выраженная направленность развития документных систем к закреплению наследственности всех сословий, как отчетливо осознаваемая цель государства.

Вместе с тем на развитии рассмотренных документных систем отражались и внутренние изменения в экономическом развитии государства по пути капиталистических отношений. Об этом свидетельствует отражающееся в документных системах постепенное «размывание» во второй половине XIX в. ряда сословий, прежде всего наиболее связанных с капитализмом купечества и других городских сословий; постепенное их превращение в чисто профессиональные группы населения.

В развитии документной системы, фиксирующей принадлежность к дворянству, четко видна линия на сохранение сословных привилегий дворян, несмотря на «размывание» остальных сословий. Поэтому названные и многие другие моменты социальной истории русского самодержавно-дворянского государства, очевидно, не могут быть с достаточной полнотой изучены без привлечения истории документирования этих процессов, документирования как сознательной целенаправленной государственной деятельности.

Источниковое значение рассмотренных документных систем, конечно, не ограничивается историко-правовым документоведческим аспектом. Материалы указанных документных систем являются ценными историческими источниками и сами по себе в силу содержащейся в них конкретной информации. Во взаимосвязи с други-

ми видами документов они имеют большое значение для изучения целого ряда социальных проблем, таких, как генезис русской интеллигенции, русской буржуазии, национальной политики царизма, процесса складывания и «размывания» сословий, а также для исследований историко-биографического и демографического характера.

Для изучения названных и многих других проблем существует весьма обширная и практически почти не исследованная источниковая база. Прежде всего это родословные книги и дела о причислении к дворянству в архивных фондах дворянских депутатских собраний. В делах о причислении к дворянству основной интерес представляют послужные и формулярные списки, а также другие доказательства принадлежности к дворянству, являющиеся основанием для записи дворянина и его потомков в родословную книгу. Дела часто охватывают два-три поколения дворян одного рода и поэтому интересны с точки зрения изучения динамики развития рода. В родословных книгах содержится та же информация в более сжатом, свернутом виде.

Нельзя, однако, не отметить два весьма важных отрицательных свойства этих источников. Первое заключается в очевидной неполноте их сведений относительно всех дворян. Даже собрав все родословные книги по всем губерниям, мы не получим истинной картины состава всего дворянства России прежде всего потому, что далеко не все дворяне записывались в родословные книги. Второе свойство этих источников — определенная неточность их данных в смысле отнесения дворян к той или иной части книги. Представители одного и того же рода могли попасть одни — в шестую, другие — в третью части родословной книги. Поэтому при изучении конкретной биографии или конкретного рода правильность его отнесения к той или иной части родословной книги нуждается в проверке. Думается, однако, что статистически распределение дворянства по частям родословной книги все же отражает более или менее точно истинное соотношение между группами дворянства¹⁵⁰.

Родословные книги более чем по 20 губерниям опубликованы в конце XIX — начале XX в. Качество публикаций очень разное, тем не менее эти публикации поддаются сравнительному анализу, статистической обработке, а также вполне пригодны для историко-биографических исследований конкретного характера.

Не могут быть обойдены в исследованиях по истории дворянства также соответствующие фонды центральных учреждений бывшей Российской империи (Герольдии и т. п.).

Вопрос о значении духовенства и городских сословий в формировании русской интеллигенции заслуживает ничуть не меньшего внимания, чем аналогичный вопрос по отношению к дворянству. Для исследования этого вопроса тот весьма небольшой круг документов, в которых фиксировалась принадлежность к сословию, сыграет немаловажную роль.

Сказанное выше об источниках по формированию дворянского сословия может быть отнесено и к документам по причислению к

городским сословиям (прежде всего к городским обывательским книгам, делам о причислении к сословиям). Очевидно, в будущем может быть поставлена и решена задача о серьезном изучении динамики движения всех сословий царской России в XVIII — XIX вв. на основе тщательного анализа всех сохранившихся документов рассмогренных документных систем.

Научная ценность названных групп источников не подвергается сомнению, и в этом смысле архивоведческие вопросы, связанные с необходимостью хранения большинства названных документов, могут считаться решенными. Совместные усилия историков-исследователей и архивистов в плане дальнейшего расширения возможностей их использования перспективны и необходимы.

- 1 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21. с. 32.
- 2 Под документированием мы понимаем документную фиксацию фактов, процессов и явлений жизни. Систематическая документная фиксация (документирование) повторяющихся или однородных процессов и явлений, обусловленная требованиями нормального функционирования жизни общества, выливается в ходе исторического процесса в создание систем документирования — исторически обусловленных традицией, а в более развитых формах выступает в законодательном закреплении норм, правил создания, составления и оформления документов, образующихся в ходе выполнения той или иной общественной функции. Создаваемый в процессе реализации системы документирования комплекс документов целесообразно рассматривать как документную систему.
- 3 Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР: Учебное пособие. М., 1959. Дальнейшее развитие взгляды автора на системы документирования получили в более поздних работах: «О месте, границах и основаниях классификации в советском архивоведении» (Тр. Моск. гос. историко-архивного ин-та, 1962, т. 15) и «К методологии классификации и экспертизы документов» (Там же, 1967, т. 25). История документирования гражданского состояния (государственной службы и трудовых отношений на базе законодательных источников рассмотрена в наших работах «К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР (с XVIII в. по настоящее время)» (Актовое источниковедение: Сб. ст. М., 1979, с. 55—84), «Документирование прохождения государственной службы в России XVIII — начала XX в.» (Тр. Всесоюзного научно-исследовательского ин-та документоведения и архивного дела. М., 1974, т. V, ч. 1, с. 146—205), «Краткий очерк истории документирования трудовых отношений дореволюционной России и в СССР» (Там же. М., 1978, т. VII, с. 94—131).
- 4 Савёлов Л. М. Лекции по русской генеалогии. М., 1908; Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие, 1762—1855 гг. СПб., 1906; Сборник законов о российском дворянстве/Сост. Г. Блосфельдт. СПб., 1901; Гернет А. О. Законодательство о приобретении дворянского достоинства Российской империи. СПб., 1898.
- 5 Рудаков В. Е. Архивные розыски о рождении Беллинского и о происхождении его матери.— Исторический вестн., 1911, май; Он же. Великий русский критик В. Г. Беллинский/Изд. Суворина. Б. м., Б. г. («Дешевая библиотека»); Модзалевский Б. Л. Род и потомство Ломоносова. СПб., 1911; Княжнин В. Н. Александр Александрович Блок. Пб., 1922.
- 6 О выслуге как одном из путей приобретения наследственных привилегий господствующего класса в XVI—XVII вв. говорят современные исследователи (Шмидт С. О. О дьячестве в России середины XVI в.— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963; Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв.— В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.).

- М., 1964). Значение «Табелл о рангах» обстоятельно рассмотрено в монографии С. М. Троицкого «Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии» (М., 1974).
- ⁷ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ), I, т. VI, № 3890 («Табель о рангах всех чинов...», утверждена 24 января 1722 г.).
- ⁸ Там же, № 3896.
- ⁹ *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958; *Глокман Ю. Р.* Город в законодательстве российского абсолютизма во второй половине XVII—XVIII в.—В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сб. статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокапялетию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М., 1964; *Аксенов А. И.* Московское купечество в XVIII в. (опыт генеалогического исследования): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
- ¹⁰ ПСЗ, I, т. III, № 1674.
- ¹¹ Там же, № 1649; см. также: *Плошинский Л. О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852, с. 167.
- ¹² ПСЗ, I, т. IV, № 1819.
- ¹³ Там же, № 2076.
- ¹⁴ *Плошинский Л. О.* Указ. соч., с. 167.
- ¹⁵ ПСЗ, I, т. VI, № 3708. В приложенном к Регламенту формуляре «по описанию жителей в городе и оных художеств» названы профессии («имена художествам жителей»).
- ¹⁶ Там же, № 4022.
- ¹⁷ *Знаменский П. З.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873, с. 6.
- ¹⁸ Там же, с. 81—82.
- ¹⁹ ПСЗ, I, т. VI, № 4022.
- ²⁰ Там же, т. VIII, № 6177. Небезынтересно отметить, что Синод придавал большое значение сохранности ставленных грамот священнослужителей, особенно высших рангов церковной иерархии [Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1907, т. 2 (1744—1745), с. 13].
- ²¹ *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946, т. 1, с. 23—24, 32.
- ²² Академик Б. Д. Греков отмечал эту функцию писцовых книг, одновременно указывая, что если в XV—XVI вв. в основу составления писцовых книг в качестве основного показателя бралась пашня, т. е. обрабатываемая земля, то после «Смуты», т. е. с начала XVII в., составлялись уже не писцовые, а переписные книги, где учитывалась не земля, а количество крестьян, причем не только взрослых, работоспособных, но и детей в качестве будущих работников. Им же показано значение главы XI Уложения 1649 г. в качестве важнейшего документа, закрепившего юридическое значение записи крестьян за землевладельцами в писцовых, отдельных или отказных книгах для определения правового состояния крестьянина в качестве крепостного (*Греков Б. Д.* Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.; Л., 1940, с. 71, 75; см. также: *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права в России. Л., 1980). Анализ петровского законодательства относительно крепостных крестьян и других податных сословий содержится в работах последнего: «Крепостное право и дворянство в проекте Уложения 1720—1725 гг.» (Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.: Сб. статей, посвященный памяти А. А. Новосельского. М., 1975, с. 159—180), «Проект Уложения Российского государства 1720—1725 гг.» (Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 157—166).
- ²³ ПСЗ, I, т. V, № 3296.
- ²⁴ Там же, т. XIV, № 10233.
- ²⁵ Там же, № 10502; т. XV, № 10900; т. XVI, № 11148, 11255.
- ²⁶ Там же, т. XVII, № 12533.
- ²⁷ Там же, т. XIX, № 13774.
- ²⁸ Там же, т. XVI, № 11444.

- ²⁹ Там же, № 12029; т. XIX, № 14063; т. XXII, № 15936.
- ³⁰ Не лишним будет напомнить, что еще в октябре 1761 г. сенатским указом было предписано «Герольдмейстерской конторе надворному советнику Приклонскому сочинить, по силе именных ее императорского величества высочайших указов, родословную о дворянах книгу, а чего доставать не будет, учиня доклад, представлять Сенату» (ПСЗ, I, т. XVI, № 11340).
- ³¹ ПСЗ, т. XXII, № 16187.
- ³² Установленное грамотой деление дворянства на шесть частей, по мнению ряда дворянских и буржуазных историков и правоведов, не имело никакого практического значения и было позаимствовано Екатериной II из феодального строя западноевропейских государств (*Корф С. А.* Указ. соч., с. 148); по мнению А. Д. Градовского, ни жалованная грамота, ни Свод законов не проводили никакого юридического различия между шестью разрядами дворян, «и лишь уставами пажеского корпуса, лицей и училища правления разрешено принимать лишь детей лиц, записанных в 6-ю родословную книгу, и сыновей чиновников не ниже IV класса» (цит. по кн.: *Законы о состояниях* (Свод законов, т. IX, изд. 1899 г.), с дополнительными узаконениями/Сост. М. Н. Палибин. СПб., 1901, с. 6). За вычетом названного исключения потомственное дворянство как сословие имело одинаковые права вне зависимости от принадлежности к первой (пожалованной), второй (военная выслуга), третьей (гражданская выслуга), четвертой (иностранные дворянство), пятой (титулованные роды) или шестой (древние роды) частям родословной книги. Однако в этом делении нельзя не видеть и определенной уступки тщеславию древних аристократических родов, стремившихся хоть как-то обособить себя от остальной массы дворян, т. е. выделить «столбовое» дворянство. Отметим, что названное деление весьма удачно отражает социальную структуру сословия с источниковедческой точки зрения.
- ³³ ПСЗ, I, т. XXII, № 16698.
- ³⁴ Там же, т. XXIII, № 16968; *Корф С. А.* Указ. соч., с. 190.
- ³⁵ ПСЗ, I, т. XXVI, № 19531.
- ³⁶ Указы, изданные вопреки жалованной грамоте, отмены высочайше конфирмованным докладом Сената от 5 мая 1801 г. (Жалованная грамота благородному российскому дворянству с принадлежащими к оной узаконениями с 1785 по апрель месяц 1817 года. СПб., 1817, с. 40—42).
- ³⁷ ПСЗ, I, т. XXIV, № 17749, 17881; т. XXV, № 18302.
- ³⁸ Там же, т. XXXIII, № 26497; т. XXXVII, № 28782.
- ³⁹ Там же, т. XL, № 30501.
- ⁴⁰ ПСЗ, II, т. I, № 640.
- ⁴¹ ПСЗ, I, т. XIV, № 9954; т. XXVIII № 21481.
- ⁴² ПСЗ, II, т. V, № 3507, Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 27 февраля 1830 г.
- ⁴³ Там же, т. VII, № 5760.
- ⁴⁴ *Гернет А. О.* Указ. соч., с. 13—14, 27—28.
- ⁴⁵ ПСЗ, I, т. XXVII, № 20423; т. XXXIII, № 26579.
- ⁴⁶ *Савёлов Л. М.* Указ. соч., с. 57—58.
- ⁴⁷ Свод законов о состояниях. СПб., 1846, ст. 72.
- ⁴⁸ *Савёлов Л. М.* Указ. соч., с. 92.
- ⁴⁹ Там же, с. 60—61.
- ⁵⁰ ПСЗ, II, т. III, № 1773; т. VIII, № 6644; т. IX, № 7007.
- ⁵¹ Свод законов Российской империи. Свод учрежденных государственных и губернских, ч. 3 Устава о службе гражданской. СПб., 1833, статьи 529, 533, 745, 765; Свод законов о состояниях. СПб., 1846, статьи 32, 51, 58, 60. В частности, помимо документов, указанных в жалованной грамоте 1785 г., в качестве доказательств дворянства названы дворянские родословные книги и списки, которые велись Герольдией; составляемый в Герольдии общий дворянских родов гербовник, внесенные в который «приемлетс вернейшим доказательством дворянского состояния», и «другие справедливые и неоспоримые на дворянство доказательства». Указывалось, что в подкрепление прочих доказательств могло быть принято свидетельство двенадцати благородных особ о благородной жизни предков отсылающего дво-

- рянство, по «само по себе свидетельство, равно как метрики о крещении и ревизские сказки, не составляют доказательства». Для детей чиновников доказательством дворянства признавались послужные списки их отцов «за подписанием того начальства или присутственного места, в котором они продолжали последнюю свою службу, или... увольнительные виды, в коих прописано все прохождение службы». Форма дворянской родословной книги была приложена к Своду законов.
- ⁵² В качестве характерного примера того, как царизм тормозил выслугу для лиц, выходящих из низших сословий, можно назвать производство в генеральский чин А. В. Никитенко: «Узнал сегодня об исходе представления меня... к чину действительного статского советника. Государь на представление отвечал, что „еще рано“, а когда военный министр заметил, что я уже девять лет в чине статского советника, его величество повторил: „все-таки рано еще!“» (*Никитенко А. В. Дневник. М., 1955, т. 1, с. 368*). Определенная «демократизация» чиновничества в начале XIX в. отмечалась и в дореволюционной историографии (*Корф С. А. Указ. соч., с. 359—362*). Однако царское правительство всячески тормозило этот процесс «естественного отбора».
- ⁵³ ПСЗ, II, т. XX, № 19086.
- ⁵⁴ Там же, т. XXXI, № 31236.
- ⁵⁵ Там же, т. XX, № 19227, 19228; т. XXXIII, № 32741.
- ⁵⁶ Там же, т. XXI, № 19570; т. XXXIV, № 35073; ПСЗ, III, т. XIII, № 9376.
- ⁵⁷ ПСЗ, II, т. XXXV, № 35663.
- ⁵⁸ *Плошинский Л. О. Указ. соч., с. 174—176.*
- ⁵⁹ ПСЗ, I, т. XII, № 9372.
- ⁶⁰ Там же, т. XV, № 11426.
- ⁶¹ Там же, т. XX, № 14275.
- ⁶² *Рындзюнский П. Г. Указ. соч., с. 42, 47, 51.*
- ⁶³ ПСЗ, I, т. XX, № 14632.
- ⁶⁴ Там же, т. XXI, № 15459.
- ⁶⁵ *Рындзюнский П. Г. Указ. соч., с. 55.*
- ⁶⁶ *Клокман Ю. Р. Указ. соч., с. 347—351.* Переход крестьянства в городские состояния продолжался и в XIX в. Так, с 1838 по 1850 г. в 33 губерниях Европейской России перешли в купцы и мещане из государственных крестьян 21 240 ревизских душ (*Дружинин Н. М. Указ. соч. М., 1958, т. 2, с. 276*).
- ⁶⁷ Городовое положение с принадлежащими к оному узаконениями с 1785 по апрель месяц 1817 года. СПб., 1817, с. 10.
- ⁶⁸ Сравнивая первые части родословной и обывательской книг, А. А. Кизеветтер писал: «...можно уловить некоторый общий признак, положенный в основу отличия названных групп от прочих разрядов данного общественного состояния...». Автор отмечал «несомненные документальные указания на то, что на практике допускалась одновременная принадлежность и к «настоящим городovým обывателям» и к купеческим гильдиям...» (*Кизеветтер А. А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: Опыт исторического комментария. М., 1909, с. 145—146, 271, 338—339*). Можно также согласиться с Н. А. Рожковым, который считал, что законодательство Петра I и Екатерины II в части сословной и цеховой организации городской жизни было основано на реальных исторических потребностях и вовсе не являлось искусственным (*Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории. СПб., 1902, с. 56*).
- ⁶⁹ Городовое положение..., с. 11—17.
- ⁷⁰ Там же, с. 90, 97. Устав цехов вводил также выдачу ремесленникам, записанным в цех, управного свидетельства, заменяющего паспорт.
- ⁷¹ Там же, с. 68, 78—79, 130—131, 191—193, 256.
- ⁷² ПСЗ, I, т. XXXV, № 27356.
- ⁷³ Городовое положение..., с. 262—266. «Бархатная книга» названа в качестве одного из доказательств купеческого состояния в изданиях законов о состояниях в продолжение всего XIX в. и исчезает лишь с издания 1899 г.
- ⁷⁴ История московского купеческого общества. М., 1916, т. 2, вып. 1. Сословно-

- общественная деятельность московского купечества в XIX в., с. 88—94, 104—106; см. также: Там же. М., 1915, т. 5, вып. 3. Учреждения, недвижности и капиталы московского купеческого общества, с. 91.
- ⁷⁵ Свод законов о состояниях. СПб., 1846, статьи 458, 459. В примечании к последней статье говорится: «В городском положении городские обыватели иногда именуются вообще мещанами, по позднейшим же узаконениям название мещан присвоено исключительно нижнему разряду городских обывателей». С отменой в 1863—1872 гг. подушной подати «прежняя записка в городской оклад соответствует записке в мещанство» [Законы о состояниях (Свод законов, т. IX, изд. 1899 г., по продолжениям 1906, 1908 и 1909 гг.)/Сост. присяжный поверенный Я. А. Канторович. СПб., 1911, с. 275].
- ⁷⁶ По мнению П. Г. Рынзюнского, это были «переданные городам разного рода репрессивные лица, в том числе пойманные беглые крестьяне и горожане» (Указ. соч., с. 50).
- ⁷⁷ Законы о состояниях (Свод законов, т. IX, изд. 1899 г., по продолжениям 1906, 1908 и 1909 гг.)/Сост. Я. А. Канторович, с. 276.
- ⁷⁸ Свод законов о состояниях. СПб., 1846, статьи 506, 507.
- ⁷⁹ ПСЗ, II, т. XXXVIII, № 39118; см. также: О купцах (Свод законов, т. IX. Законы о состояниях с разъяснениями). СПб., 1902, с. 1—2.
- ⁸⁰ ПСЗ, II, т. VII, № 5284. Как отмечал П. Г. Рынзюнский, этими мерами из наиболее зажиточной части городской буржуазии и буржуазной интеллигенции создавалась прослойка, получавшая уже, безусловно, гражданские права, хотя и не с той полнотой, как дворянство (Указ. соч., с. 168).
- ⁸¹ Свод законов о состояниях. СПб., 1846, статьи 600, 603.
- ⁸² Колоколов Е. Указатель законов Российской империи для купечества. М., 1847, с. 22.
- ⁸³ Свод законов о состояниях. СПб., 1846, ст. 511.
- ⁸⁴ ПСЗ, II, т. XXII, № 20961; т. XXIX, № 27930.
- ⁸⁵ ПСЗ, I, т. XIV, № 10342. Указом от 16 июля 1759 г. был установлен трехмесячный срок «для избрания рода жизни» церковниками, оставшимися за распределением (Там же, т. XV, № 10963).
- ⁸⁶ Там же, т. XVII, № 12573, 12575; т. XVIII, № 13306, 13326; т. XIX, № 13405; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910, т. 1 (1762—1772), с. 718. П. С. Знаменский (Указ. соч., с. 479—480) отмечает, что наряду со всем этим правительство сознавало, «как нужна для трона... помощь духовенства, единственного образованного сословия, связанного с народом и способного быть органом, истолкователем для массы мыслей правительства... Никогда еще со времен Петра не возлагалось на духовенство столько правительственных поручений, как при Екатерине» (приводится в пример указ 1767 г. о внушении духовенством крестьянам повиновения помещикам — ПСЗ, I, т. XVIII, № 12966 — и ряд других указов).
- ⁸⁷ Полное собрание постановлений и распоряжений... СПб., 1910, т. 1, с. 662.
- ⁸⁸ ПСЗ, I, т. XIX, № 13752.
- ⁸⁹ Свод законов о состояниях. СПб., 1846, статьи 234, 321, 367, 418.
- ⁹⁰ Там же, статьи 237, 1410. Синодский указ от 23 января 1738 г. (ПСЗ, I, т. X, № 7492) «О выдаче священникам и диаконам ставленных грамот печатных, за подписанием архиерея» упоминает определение Синода от 16 августа 1727 г., согласно которому «велено в Московской типографии печатать на доброй бумаге... и по епархиям те грамоты от архиереев с подписанием их давать печатные, дабы ни от кого подлога впредь не было, а ежели где печатных грамот не имеется, то давать и письменные... а понеже... в даче письменных грамот явилась фальшь, то чтоб впредь из письменных грамот какихых фальшивостей быть не имело, того ради приказали... во всех епархиях священникам и диаконам поставление их свидетельствующие грамоты давать печатные против прежних формуляров в Московской типографии печатных...».
- ⁹¹ Законы о состояниях (Свод законов, т. IX)/Сост. А. М. Нюренберг. М., 1898, с. 261—262.
- ⁹² Свод законов о состояниях. СПб., 1846, статьи, 1497, 1499.

- ⁵³ [Колоколов Е.] Указатель законов о властях и установлениях духовных, составленный коллежским ассессором Е. Колоколовым. М., 1852, с. 22—25.
- ⁹⁴ Александров Н. А. Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства. СПб., 1860, с. 14—15.
- ⁹⁵ Там же, с. 17—18.
- ⁹⁶ Там же, с. 10. Позже (с 1876 г.) решение вопросов о принятии в монашество было предоставлено власти и усмотрению архиепископа [Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к уставу духовных консисторий и своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. СПб., 1893, с. 5].
- ⁹⁷ ПСЗ, I, т. XX, № 14275.
- ⁹⁸ Там же, т. XXVII, № 20620.
- ⁹⁹ Свод законов о состояниях. СПб., 1846, статьи 628—629. В советской литературе отмечалась тенденция царского правительства к унификации положения различных категорий государственного крестьянства в ряде специальных узаконений, направленных, в частности, и к унификации наименований (например, сенатский указ от 15 мая 1840 г. отметил разнообразные названия казенных имений, разрешая оставить специальные наименования только в том случае, если не прекратились права, связанные с существом этих названий) (Дружинин Н. М. Указ. соч., т. 2, с. 73).
- ¹⁰⁰ Свод законов о состояниях. СПб., 1846, статьи 630, 632.
- ¹⁰¹ Дружинин Н. М. Указ. соч., т. 2, с. 31—32.
- ¹⁰² Там же, с. 42.
- ¹⁰³ ПСЗ, I, т. XVII, № 12587; т. XXI, № 15898.
- ¹⁰⁴ Там же, т. XXXIII, № 17048; т. XXVI, № 19484.
- ¹⁰⁵ Там же, т. XXX, № 23597; т. XXXII, № 24795.
- ¹⁰⁶ Дружинин Н. М. Указ. соч., т. 2, с. 74.
- ¹⁰⁷ Свод законов о состояниях. СПб., 1846, статьи 652, 653.
- ¹⁰⁸ Там же, статьи 914, 916, 933—938.
- ¹⁰⁹ Там же, ст. 941.
- ¹¹⁰ Там же, ст. 1410. Великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин неоднократно использовал этот факт для фигурального обозначения крепостного населения, чтобы подчеркнуть его бесправие и личную безвестность («кто же виноват, что о них никаких свидетельств нет, кроме ревизских сказок?», «сколько есть на свете людей, существующих как бы для того только, чтоб имена их числились в ревизских сказках!» — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1971, т. 12, с. 205, 257 и др.).
- ¹¹¹ ПСЗ, I, т. XXXVIII, № 29125, 29126.
- ¹¹² Там же, № 29127.
- ¹¹³ Свод законов о состояниях. СПб., 1846, статьи 1, 1097.
- ¹¹⁴ Законы о состояниях, IX том Свода законов по официальному изданию 1876 г. и продолжениям 1890, 1891 и 1893 гг./Сост. А. Скоров и А. Полянский. М., 1895, ст. 835.
- ¹¹⁵ Законы о состояниях (Свод законов, т. IX, изд. 1899 г., с дополнительными узаконениями)/Сост. М. Н. Палибин, ст. 762.
- ¹¹⁶ Свод законов о состояниях. СПб., 1846, статьи 1098, 1100.
- ¹¹⁷ Сборник постановлений по управлению государственных имуществ. СПб., 1850, т. 1, с. 576.
- ¹¹⁸ Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. СПб., 1841, статьи 21, 64.
- ¹¹⁹ Сборник постановлений по управлению государственных имуществ, т. 1, с. 643.
- ¹²⁰ В советской историографии наиболее полно идейные взгляды дворянства в этот период рассмотрены в монографии Ю. Б. Соловьева «Самодержавие и дворянство в конце XIX века» (Л., 1973). Состав и численность социально-экономический и политический статус пореформенного дворянства, вопросы его корпоративной организации изложены в монографии А. П. Корелина «Дворянство в пореформенной России, 1861—1904 гг.» (М., 1979).
- ¹²¹ Блосфельд Г. Сборник законов о российском дворянстве, на основании офи-

- цпально изданных законов о состояниях 1899 г. СПб., 1901, с. 213, 225—226.
- ¹²² *Цыпкин П. С.* Свод законов о состояниях (Свод законов, т. IX, изд. 1899 г.) со всеми продолженными и дополнительный узаконениями, опубликованными по 15 марта 1913 г. СПб., 1913, с. 322—323.
- ¹²³ Законы о состояниях .../Сост. Я. А. Канторович. СПб., 1911, с. 673.
- ¹²⁴ Устав ремесленный издания 1879 г. СПб., ст. 135.
- ¹²⁵ Там же, ст. 137.
- ¹²⁶ Там же, ст. 145.
- ¹²⁷ Там же, статьи 90, 190.
- ¹²⁸ Свод законов о состояниях. СПб., 1876, т. IX, статьи 520, 522, 1022, 1030.
- ¹²⁹ О мещанских и ремесленных управлениях: Сборник узаконений, правительственных и судебных разъяснений/Сост. присяжный поверенный М. И. Мыш. СПб., 1896, с. 3—4.
- ¹³⁰ Ремесленники и ремесленное управление в России. Пг., 1916, с. 5—6.
- ¹³¹ ПСЗ, II, т. XLIV, № 47138.
- ¹³² *Ивановский Я.* Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. СПб., 1893, с. 40.
- ¹³³ Там же, с. 43—45.
- ¹³⁴ Там же, с. 38.
- ¹³⁵ *Знаменский П. З.* Указ. соч., с. 118—119.
- ¹³⁶ Законы о состояниях, IX том Свода законов по официальному изданию 1876 г. и приложениям 1890, 1891 и 1893 гг./Сост. А. Скоров и А. Полянский, ст. 700.
- ¹³⁷ ПСЗ, I, т. XXXVI, № 36658, 36661.
- ¹³⁸ *Данилов И. Г.* Положения о сельском состоянии, дополненные всеми позднейшими узаконениями, с разъясняющими их извлечениями из решений Правительствующего Сената, циркуляров Министерства внутренних дел и других распоряжений правительства. СПб., 1899, ч. 1. Общее положение и положение о выкупе, с. 176—177, 192—194.
- ¹³⁹ Там же, с. 193.
- ¹⁴⁰ ПСЗ, II, т. XLII, № 44418.
- ¹⁴¹ См.: Законы о состояниях (Свод законов, т. IX, изд. 1899 г.), с дополнительными узаконениями/Сост. М. Н. Палибин, ст. 671.
- ¹⁴² Высочайший указ 5 октября 1906 г. об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных состояний (Собр. узаконений, 1906, отд. 1, № 237, ст. 1700), с сенатским разъяснением. СПб., 1910.
- ¹⁴³ Сборник узаконений и распоряжений правительства об административном и общественном устройстве и управлении Якутской области/Сост. якутский губернатор И. И. Крафт. Якутск, 1912.
- ¹⁴⁴ ПСЗ, I, т. XXVIII, № 21547; т. XXX, № 22837; Свод законов о состояниях. СПб., 1846, ст. 1293.
- ¹⁴⁵ ПСЗ, II, т. XL, № 41799, 42094.
- ¹⁴⁶ Там же, т. XIX, № 18546. Следует напомнить, что все «иногородцы», за исключением евреев, были освобождены от рекрутской повинности.
- ¹⁴⁷ Законы о состояниях (Свод законов, т. IX, изд. 1899 г., по продолжениям 1906, 1908 и 1909 гг.)/Сост. Я. А. Канторович, с. 453, а также ПСЗ, II, т. XXXVIII, № 39460.
- ¹⁴⁸ Руководство к русским законам о евреях/Сост. присяжный поверенный М. И. Мыш. СПб., 1898, с. V, 28.
- ¹⁴⁹ Об особых специфических чертах русского дворянства в связи с его постоянным пополнением представителями других сословий см.: *Федосов И. А.* Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма.— Вопр. истории, 1971, № 7, с. 58—59.
- ¹⁵⁰ См. об этом нашу работу «О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований» (Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972, с. 76).

**«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
ПО АКЦИОНЕРНОМУ УЧРЕДИТЕЛЬСТВУ
В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ**

Э. С. Виленская

Среди опубликованных источников «Полному собранию законов Российской империи» (далее: ПСЗ) обычно отводят строго установленное место — место законодательного источника, характеризующего правительственную политику царизма. Несомненно, что таковым он и является. В то же время в этом собрании законодательных актов содержатся и сведения фактического порядка из разных областей российской жизни, в том числе и такие, каких не доводилось встречать в литературе.

Многие из постановлений, включенных в ПСЗ, особенно в первые десятилетия XIX в. предварялись более или менее подробной преамбулой (чаще всего докладами лиц из высшей администрации или специально созданных комиссий), освещавшей положение дел в той или иной сфере. Они служили обоснованием для принятия нового узаконения. Нередко такие доклады извлекались исследователями из архивов после сложных поисков, тогда как они лежали на поверхности, будучи фактически уже опубликованным источником.

В ПСЗ содержится множество уникальных, иногда совершенно неожиданных сведений, способных не только украсить исследование новыми фактами, но и глубже проникнуть в сущность происходивших процессов. Правда, заранее планировать поиск таких случайных материалов — дело невозможное. Однако существует и такая историческая проблематика, которая обязывает обращаться к законодательным актам, и притом именно как к историческому источнику. Назову для примера такие, которые освещают состояние казенной и кабинетской промышленности, — так называемые «положения» и «штаты», относящиеся и к предреформенным годам. Они утверждались и по отдельным предприятиям и по промышленным группам (Уральским, Сибирским, Нерчинским и другим заводам). В них подробнейшим образом с цифровыми показателями приводились все основные сведения о действиях мануфактур — о стоимости их содержания, технической вооруженности, годовой выработке продукции, о кадрах основных и вспомогательных, оплате труда, формах этой оплаты и т. д. Время от времени такие «положения» и

«штаты» заменялись новыми, что позволяет проследить и динамику казенного предпринимательства.

По ПСЗ можно установить и изменения в оплате труда судорбочих разных категорий (также на протяжении всего дореформенного шестидесятилетия XIX в.) и выяснить количество потребной рабочей силы для прохода судов по основным речным магистралям. Такие сведения повторялись через каждые три-пять лет. Содержатся в ПСЗ и некоторые данные о частном фабрично-заводском предпринимательстве, а также — что весьма немаловажно — материалы о начальной стадии в развитии каменноугольной и нефтедобывающей промышленности.

Одна из проблем, по которой ПСЗ является важнейшим и незаменимым (хотя только отправным) источником,— это акционерное учредительство в России. В настоящей статье речь пойдет об акционерных компаниях, возникавших в дореформенное шестидесятилетие XIX в.

По этой теме, как известно, наша историческая наука располагает капитальным исследованием Л. Е. Шепелева «Акционерные компании в России», в котором дореформенному шестидесятилетию отведены особые главы. Еще раньше, в предшествовавшей этому исследованию статье «Акционерное учредительство в России (историко-статистический очерк)», автор, отметив ошибочность и недостаточность имевшихся в литературе данных о численности и капиталах акционерных компаний, писал о важности выяснения возможно более полной и точной картины учредительства акционерных компаний в России¹.

В статье Шепелев опирался на «Список акционерных обществ, товариществ и компаний по порядку их утверждения», опубликованный в вып. 1 «Ежегодника Министерства финансов» (1869 г.) и повторенный в вып. 5 того же издания (1874 г.). За 1799—1860 гг. в нем была поименована 191 учреждавшаяся компания. В дальнейшем Шепелев установил неполноту этих данных за первую треть столетия, выявив сверх компаний, значившихся в «Списке» за 1799—1836 гг., еще 42 акционерных общества, заметив, однако, что «сколько-нибудь удовлетворительные данные об акционерном учредительстве в начале XIX в. (до 1836 г.) отсутствуют»². За последующие же десятилетия (1837—1860) Шепелев целиком принял показатели «Списка». В результате он насчитал за дореформенное шестидесятилетие 233 учреждавшиеся акционерные компании.

Между тем в ПСЗ имеется 250 законодательных актов на учреждение акционерных обществ, т. е. на 17 более, чем выявлено Шепелевым. Фактически же превышение числа акционерных компаний по материалам ПСЗ над его сведениями является еще большим. Поименное погодовое сопоставление компаний, выявленных Шепелевым, а также фигурирующих в «Списке», с таковыми же по ПСЗ показывает, что за количественным совпадением не всегда значатся одни и те же компании. Многих, законодательно оформленных, нет ни в «Списке», ни у Шепелева; другие, имеющиеся там, отсутствуют в ПСЗ. В результате такого сопоставления выявляется новая и бо-

лее высокая цифра численности учреждавшихся акционерных компаний.

Однако раньше, чем перейти к такому сопоставлению, важно выяснить вопрос, какое же место занимает ПСЗ как источник по акционерному учредительству? Чем именно можно подкрепить степень его достоверности?

Согласно действовавшему в стране законодательству учреждение каждой акционерной компании требовало высочайшего утверждения. Об этом прямо говорилось в царском манифесте 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, привилегиях и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий». В нем приветствовалось создание компанейских фирм, которые при этом подразделялись на три типа: товарищество полное, товарищество на вере и товарищество «по участкам, которое слагается из многих лиц, складывающих воедино определенные суммы, коих известное число дает складочный капитал». Под последним типом и подразумевались акционерные компании.

Оформление двух первых типов товариществ было ограничено обязанностью представлять определенные сведения в магистрат или думу, которые, в свою очередь, должны были препровождать эти сведения министру коммерции. Иначе ставился вопрос о третьем типе: поскольку «цель оного служить важным видам государственного хозяйства, — говорилось в манифесте, — то сего рода компания учреждается с нашего утверждения, и по существу своему допуская участников из всех сословий, не прямо принадлежит к занятиям купечества»³. Данный пункт и был основополагающим во всем последующем акционерном учредительстве.

Важно иметь в виду, что ни у учредителей, ни у акционеров не было нужды обходить этот закон и скрывать от властей учреждение компании. Если товарищества двух первых видов не всегда давали сведения в магистраты и думы, а последние в соответствующие министерства, следствием чего был специальный сенатский указ от 13 сентября 1821 г., угрожавший не представившим сведения торговым домам уничтожением⁴, то ничего аналогичного по отношению к акционерным компаниям не было. Акционеры в случае задолженности или банкротства отвечали только суммой взноса, но не всем своим имуществом, что было законодательно утверждено еще в 1805 г.⁵ И естественно, что их прямые интересы требовали установленного оформления вновь учреждавшихся компаний, а следовательно, высочайшее утверждение испрашивалось во всех случаях при учреждении таких обществ и даже в тех, когда вся-то компания состояла из членов только одной семьи⁶.

Высочайшее утверждение превращало санкцию на учреждение акционерной компании в законодательный акт. Каждый такой акт в виде ли устава или простого описания содержал сведения о задачах и целях компании, о той хозяйственной сфере, в которой она действовала, величине складочного капитала, стоимости и числе акций, условиях действия компании и ее управления, а в подавляющем большинстве случаев и об учредителях, их сословной при-

надлежности, званиях и т. п. Кроме того, малейшие изменения в уставе компании — от увеличения или уменьшения капитала, продления срока распространения акций и до перемещения правления компании из одного города в другой — также оформлялись особыми актами, требовавшими утверждения императором. И лишь в тех случаях, когда выяснялось, что общество не состоялось или прекратило свое существование, это фиксировалось только сенатским указом, т. е. без высочайшего утверждения.

При подготовке к изданию первого ПСЗ акты об акционерном учредительстве как утвержденный императором документ и были в него включены. Издание всего огромного массива первого собрания (до 12 ноября 1825 г.) и начальных четырех томов второго собрания (включая 1829 г.) относится, как известно, к 1830 г. Можно не сомневаться в том, что составителям пришлось провести чрезвычайно обширные и нелегкие архивные изыскания и что при этом были не только возможны, но и неизбежны многочисленные пропуски, в том числе и по акционерному учредительству. Последующие тома второго собрания начиная с т. V (за 1830 г.) выходили через год после издания актов, в него включавшихся. Разумеется, выявлять прошгоднее акционерное учредительство было намного проще, чем за десятки минувших лет, что все же не исключало отдельных пропусков.

О таких пропусках говорят отсылки в некоторых актах об акционерных компаниях. Обычно при каких-либо изменениях в уставе компании или при ликвидации общества в соответствующем акте делалась ссылка на дату учреждения компании и на номер, за которым было включено ее учреждение в ПСЗ. В некоторых же случаях номер отсутствует и есть ссылка только на дату. Это значит, что акт об учреждении в ПСЗ не попал, возможно, что просто затерялся. Так, о том, что в 1822 г. была утверждена компания под названием «Первоначальное страховое заведение транспортов», становится известно из акта от 10 ноября 1833 г., в котором указаны число, месяц и год учреждения компании, но нет номера⁷. В высочайше утвержденном положении об учреждении «Феодосийской страховой компании» (19 января 1812 г.) упомянуто о ранее созданной «Одесской страховой конторе» без указания не только номера, но и даты⁸. Соответствующего акта об ее учреждении в ПСЗ не оказалось.

Несмотря на пропуски, но вследствие самой системы оформления акционерных компаний ПСЗ должно, на наш взгляд, служить отправным (хотя отнюдь не единственным и не исчерпывающим) источником по акционерному учредительству.

Из общего законодательства об акционерном учредительстве важное место принадлежит именному указу, данному Сенату, от 6 декабря 1836 г., которым высочайше утверждалось положение о компаниях на акциях. Этот указ, обсуждение в высших правительственных сферах его проекта и т. д. весьма подробно и с большим знанием дела разобраны Шепелевым⁹. Положение явилось известным итогом акционерного учредительства за первые три с половиной

десять лет XIX в. обстоятельный анализ Шепелева, осветившего историю и значение самого документа, освобождает от необходимости особо на нем останавливаться. Думается, однако, что автор несколько преувеличил роль положения 1836 г. в последующем росте учреждения акционерных компаний. Количество компаний, созданных в 1835 и 1836 гг., т. е. до издания данного акта, не отличается от числа учрежденных в 1837 или 1838 г. Скорее всего, активизация акционерного учредительства с середины 30-х годов, повлекшая положение 1836 г., явилась одним из проявлений начальной стадии процесса промышленного переворота в России.

Шепелев рассматривает дореформенное акционерное учредительство по трем периодам: с рубежа столетий до 1836 г. включительно, т. е. до издания положения об акционерных обществах, с 1837 по 1856 г. и с 1857 по 1860 г. Такое деление представляется вполне обоснованным, хотя 1856 г., пожалуй, логичней отнести к третьему периоду, т. е. первому послевоенному году. Но это вопрос принципиальный. Следуя за делением Шепелева, попытаемся выяснить те расхождения, какие имеются между данными «Ежегодника Министерства финансов», книги Шепелева и ПСЗ. Предварительно заметим, что эти расхождения не связаны с разным подходом к вопросу об учредительстве: во всех трех изданиях, например, одинаково учитываются учреждавшиеся, но по разным причинам не состоявшиеся компании.

По первому периоду расхождения между показателями «Ежегодника», с одной стороны, а с другой — сведениями, выявленными Шепелевым, а также содержащимися в ПСЗ, весьма существенны. В «Ежегоднике» поименно приводятся за 1799—1836 гг. названия только 16 компаний, в книге Шепелева итоговая цифра выше более чем в три с половиной раза — 58 обществ¹⁰, а в ПСЗ есть 54 акта на учреждение акционерных компаний. Примерно на 11—12 из них имеются ссылки и у Шепелева, правда, как дополнительные к архивным ссылкам. Как видим, численный разрыв между данными Шепелева и ПСЗ не столь уже велик, но при поименном сопоставлении выясняется, что одни компании, выявленные Шепелевым, отсутствуют в ПСЗ, других же, на которые есть соответствующие акты в ПСЗ, нет у Шепелева. Из этого следует, что общая численность учреждавшихся компаний до 1836 г. включительно была большей, чем по данным Шепелева, так же как и ПСЗ.

К сожалению, Шепелев назвал поименно из 59 компаний только 48, а 11 остаются для нас неизвестными. Между тем одно из поименованных — «Третье Российское страховое от огня общество», — отнесенное им к 1836 г., было учреждено в 1838 г. При этом оно даже в 1839 г. не распространило своих акций, и ему была дозволена годовая отсрочка, что, видимо, делу не помогло, и в 1841 г. районы его действия были переданы «Второму страховому от огня обществу»¹¹. Таким образом, сопоставлению подлежат 58 акционерных компаний из монографии Шепелева и 54 из ПСЗ.

В ПСЗ нам не удалось найти следующих акционерных компаний, названных Шепелевым: «Беломорской торговой» (1803), «Теат-

рального дела в Ревеле» (1809), «Мингрельской или Фазской торговой» (1809), «Одесского греко-российского страхового общества» (1811), «Искусственных минеральных вод в Москве» (1827), «Возделывания и выделки льна в Лифляндской губернии» (1828), «Искусственных минеральных вод в Одессе» (1828), страховой «Одесса» (1829), «Для учреждения фазтонов в Петербурге» (1830) — всего 9 компаний. Кроме того, в наш перечень не включена «Водолазная компания», созданная в XVIII в., так как никаких сведений о ее существовании в XIX в. мы в ПСЗ не нашли. Нет в ПСЗ и четырех компаний, не названных Шепелевым и учрежденных: одна — в 1823 г., одна — в 1825 г. и две — в 1828 г. Таким образом, в ПСЗ не обнаружено 14 компаний, выявленных за этот период Шепелевым.

Труднее определить, какие из компаний, на которые имеются соответствующие акты в ПСЗ, не были выявлены Шепелевым, поскольку автор все их поименно не называет. Судя по косвенным данным, ему остались неизвестны следующие акционерные общества: «Общество учредителей дилижансов по Московскому тракту» (1820), существовавшее и расширившее свои действия в 1828 г.¹², «Камчатская земледельческая компания» (1831), о которой приводятся в соответствующих актах весьма подробные и очень интересные сведения¹³; Рижско-Любекское пароходство (1832)¹⁴; «Заведение искусственных минеральных вод» в Каменке Подольской губ. (1833)¹⁵. Кроме того, акты ПСЗ на две единицы превышают цифровые данные Шепелева по 1835 г. и на четыре — по 1836 г. Всего же не учтенных им оказалось примерно 10 компаний из имеющих в ПСЗ.

Прибавляя эти 10 к данным Шепелева — к 58 компаниям — или же 14, выявленных им, но отсутствующих в ПСЗ, к 54 законодательным актам, получим в обоих случаях 68 компаний, число которых, очевидно, является минимальным в акционерном учредительстве в России до 1836 г. включительно. Из них 64 известны поименно.

Надо при этом отметить, что в отдельных актах ПСЗ имеются упоминания о компаниях, установить характер которых не удалось. Так, 11 февраля 1822 г. была выдана привилегия (т. е. по современному патент) на снаряд для газового освещения обер-гитенфервальтеру 8-го класса Матвею Кларку, англичанину Вильяму Гриффиту и компании¹⁶. Других сведений об этой компании не нашлось. Однако в 1834 г., когда высочайше была утверждена газоосветительная компания, учредителями которой стали другие лица, то ее действия ограничили определенными районами Петербурга¹⁷. Не значит ли это, что в иных частях столицы действовала другая, ранее созданная компания?

В 1834 г. прусский подданный Шведерский вошел с ходатайством в Министерство внутренних дел о дозволении открыть в Петербурге «Общество застрахования человеческой жизни». Тогда же и о том же хлопотало «Лондонское общество застрахования жизни» через своего уполномоченного — петербургского купца

Коха. Предпочтение было отдано Шведерскому, намеревавшемуся привлекать в компанию отечественных капиталистов. Однако и Коху было дозволено открыть действия от имени «Лондонского общества страхования жизни» и продолжать их, пока не составится общество Шведерского. При этом в тексте постановления была такая фраза: «...на том же основании, как компания Феникса и другие иностранные производили здесь страхование зданий до составления нашего „Страхового от огня общества“»¹⁸. В узаконениях 1858 г. упоминались какие-то купеческие компании, очевидно золотопромышленные, неизвестно ни когда созданные, ни каков был их характер. Именовались они «Чикойская компания», «Компания кяхтинских купцов», «Компания иркутских купцов»¹⁹.

Переходя к анализу акционерного учредительства после 1836 г., Шепелев пишет, что статистическое изучение его за этот период «может основываться лишь на материалах созданной в 1865 г. Редакции периодических изданий Министерства финансов»²⁰, т. е. на том же «Списке», который был опубликован в «Ежегоднике Министерства финансов». Между тем сопоставление данных «Списка» с учредительскими актами ПСЗ доказывает, что число высочайше утвержденных положений по учреждению акционерных компаний значительно превышает число компаний, учтенных в «Списке». В последнем перечислены 74 компании, учреждавшиеся в 1837—1856 гг. При этом в данные за 1837 и 1847 гг. вкрались ошибки. В 1837 г. дважды числится «Московское товарищество для фабрикации стеариновых свечей», один раз за порядковым № 20, другой — за № 26 под названием «Товарищество фабрикации калетовых свечей в Москве». В ПСЗ это товарищество значится под названием «Товарищество для фабрикации в Москве стеариновых свечей», и его капитал совпадает с капиталом, указанным в «Списке» «Ежегодника». В акте, утверждавшем учреждение данного товарищества, говорится, что его учредители приобрели за 50 тыс. руб. у французского инженера Каллета способ извлекать из сала стеарино-кислое вещество²¹. Отсюда и название свечей калетовые. Видимо, в документах, которыми пользовалась редакция «Ежегодника», в одном случае говорилось о стеариновых свечах, в другом — о калетовых. По 1847 г. в «Списке» стоит за порядковым № 56 «Компания пароходства по Волге». Это та же самая, что и учрежденная в 1843 г. (за № 47). 10 сентября 1846 г. ей было разрешено увеличить капитал на 1 млн. руб. серебром, а 9 января 1848 г. был утвержден более подробный устав²². Таким образом, в «Списке» фактически остаются 72 компании, учреждавшиеся в 1837—1856 гг.

За этот же период в ПСЗ имеется 101 акт об учреждении акционерных обществ, из которых 31 отсутствует в «Ежегоднике» (табл. 1), а двух из «Списка» — «Муртай-Абовского транспортного пароходства» (1841) и «Нового Петербурго-Любского пароходного общества» (1853) — не удалось найти в ПСЗ. В итоге число учреждавшихся за это двадцатилетие акционерных компаний оказывается значительно большим — 103 общества.

Т а б л и ц а 1

Акционерные компании, упоминаемые в ПСЗ и отсутствующие
в «Списке» «Ежегодника Министерства финансов» (1837—1856 гг.)

№ п/п	Год	Наименование компании	ПСЗ, II
1	1837	Товарищество для приготовления свинцовых белил новыми способами (в СПб.)	т. XII, № 10846
2	1838	Третье Российское страховое от огня общество	т. XIII, № 11281
3	»	Общество для введения способов к выгоднейшему удобрению земель «Церера»	» № 11307
4	»	Московская компания для хранения и залога громоздких движимостей	» № 11751
5	1839	Санкт-Петербургское товарищество по способу Варранда и свечного и мыловаренного производства	т. XIV, № 11988
6	»	Общество мореплавания и торговли на Черном море и с Востоком	» № 12095
7	»	Белорусское общество мануфактурной промышленности льном и пенькою	» № 12573
8	1841	Общество для выделки стеатитовых свечей и жировоска в Казанской губ.	т. XVI, № 15093
9	1842	Компания для хранения и залога движимого имущества (в Курске)	т. XVII, № 15289
10	»	Общество Ладожского пароходства	» № 15451
11	»	Первая акционерная компания золотопромышленности в Сибири	» № 16235
12	1843	Рижская полотняная фабрика	т. XVIII № 16418
13	»	Компания железно-конной дороги между Волгою и Доном	» № 17007
14	1844	Одесская для морского страхования компания «Надежда»	т. XIX, № 17895
15	»	Общество Митавско-Рижского пароходства	» № 18209
16	1845	Торговое депо фабричных, заводских, ремесленных и художественных изделий, производимых в России (в Москве и СПб.)	т. XX, № 19239
17	1846	Казанское товарищество парового бумагопрядения	т. XXI, № 20178
18	»	Компания Санкт-Петербургской шелковой мануфактуры	» № 20589
19	1847	Товарищество механической шелкопрядильной мануфактуры	т. XXII, № 21475
20	1848	Общество для торговли в Закавказском краю	т. XXIII, № 22063
21	1849	Одесская морская страховая компания «Ново-филемборгическая»	т. XXIV, № 22950
22	»	Морская страховая компания в Одессе «Мперва»	» № 23023
23	»	Общество «Меркурий» срочного пароходства по Волге, Оке, Каме и их притокам	» № 23167
24	»	Товарищество для содержания Московской губ. в Верейском у. бумагопрядильной фабрики	» № 23455

Т а б л и ц а 1. Окончание

№ п/п	Год	Наименование компании	ПСЗ, II
25	1851	Компания Невской бумагопрядильной мануфактуры (в СПб.)	т. XXVI, № 24849
26	»	Компания Троицкой машинной канатной фабрики в Касимове	» № 25166
27	»	Компания Петровской бумагопрядильной и ткацкой фабрики (в СПб.)	» № 25492
28	»	Компания для заготовления корабельных сухарей и печеного хлеба	» № 25564
29	1854	Компания Василеостровской бумагопрядильной мануфактуры	т. XXIX, № 28534
30	»	Золотопромышленная компания «Золотое руно» (в Сибири)	» № 28850
31	1856	Общество Ловатского Старорусского железного завода	т. XXXI, № 31029

Наиболее активно акционерное учредительство происходило в последние четыре предреформенных года. В «Списке» насчитывается 101 общество, возникшее в этот период. Правда, здесь тоже надо внести кое-какие коррективы. В «Список» включено «Товарищество конно-железной дороги по набережной Васильевского острова». Оно хотя и получило высочайшее утверждение своего устава, но не было акционерным предприятием. В уставе говорилось, что гвардии полковник Дитмар, отставной подполковник Лампе и отставной подпоручик Каншин устраивают на собственный их счет и страх конно-железную дорогу для перевозки грузов от Биржи до пристани Васильевского острова на Большой Неве. Ни о паях, ни об акциях, ни о складочном капитале здесь речи не было²³. Затем в «Списке» значатся как два разных акционерных общества «Компания Волжско-Донской железной дороги» и «Пароходство по Дону и Азовскому морю» за порядковыми номерами 121, 122. Возможно, что позже они и разделились, но учреждались в 1858 г. как единое «Общество Волжско-Донской железной дороги и пароходства»²⁴. Следовательно, по данным «Списка», за эти годы были учреждено 99 акционерных компаний.

В ПСЗ их значится 95. При этом отсутствуют акты на шесть компаний, имеющих в «Списке»: за 1857 г.— на «Российско-Финляндскую китоловную компанию», «Общество Варшавско-Бромбергской железной дороги» и «Варшавско-Венской железной дороги»; за 1858 г.— на «Миллерандские лесопильные и железоделательные заводы» и на «Пароходство между Петербургом и Кронштадтом»; за 1860 г.— на товарищество под названием «Русское хозяйство». В «Списке» же нет двух компаний, на учреждение которых имеются соответствующие акты в ПСЗ: «Общество пароходства и торговли по Каспийскому морю „Кавказ”»²⁵, вскоре слившееся с ранее

Таблица 2
Акционерное учредительство по отраслям

Годы	Производственные	Сельскохозяйственные	Транспортные			Страховые	Торговые	Благоустройства	Промысловые	Разные	Всего
			всего	железнодорожные	пароходные						
До 1836	20	6	11	1	8	16	5	3	1	2	64
1837—1856	53	1	21	—	19	12	6	4	—	6	103
1857—1860	51	1	30	7	22	2	2	8	4	3	101
Итого	124	8	62	8	49	30	13	15	5	11	268

существовавшим обществом «Меркурий», и «Общество Саратовской железной дороги»²⁶. Следовательно, устанавливается, что за 1857—1860 гг. учреждалось 101 акционерное общество.

Таким образом, сведения об акционерном учредительстве, извлеченные из ПСЗ, существенно пополняют наши знания о численности акционерных предприятий, возникавших в XIX в. на протяжении шестидесяти дореформенных лет. Вместе с тремя компаниями, учрежденными в XVIII в. и действовавшими в XIX в., их насчитывается не менее 272. Из этого числа в ПСЗ имеются прямые сведения о 250-ти, а отсутствуют о 22-х, выявленных Шепелевым и содержащихся в «Ежегоднике Министерства финансов». По данным же двух последних, их было 229 (если исключить 4 ошибочно внесенные), а следовательно, остались неизвестными 43 из имеющих в ПСЗ.

Попытаемся теперь проследить, как происходил в дореформенной России процесс акционирования, какие и когда именно отрасли он преимущественно охватывал? Мы располагаем теми или иными сведениями о поименно названных 268 компаниях. Пользуясь делением Шепелева, рассмотрим их разбивку по трем периодам (табл. 2).

Доминирующее место и в целом за шестидесятилетие, и по каждому из трех периодов принадлежало производственным акционерным компаниям, к которым мы отнесли как собственно фабрично-заводские, так и пищевые предприятия (например, свеклосахарные или по производству минеральных вод и виноградных вин). Их до реформы 1861 г. учреждалось 124 из 268, т. е. 46,3% от общего числа. Однако до 1836 г. удельный вес производственных обществ был ниже — только 31,2% (20 акционерных компаний из 64). Зато уже во втором и третьем периодах число производственных предприятий превышало половину всех учреждавшихся обществ.

Аналогичное явление — абсолютный и относительный рост — наблюдалось и в учредительстве пароходных компаний: их число выросло от 8 в первом периоде до 22 в последнее четырехлетие, т. е.

Таблица 3

Учредительство производственных акционерных компаний по отраслям

Годы .	Текстильные					Пищевые	Горнодобывающие и металлургические	Свечные, мыловаренные, клеевые	Писчебумажные	Разные	Всего
	бумагопрядильные и бумаготкацкие, бумажные изделия	полотняные и льняные	шерстяные	шелковые	всего текстильных						
До 1836	5	1	1	2	9	8	1	—	—	2	20
1837—1856	11	3	4	4	22	10	7	7	1	6	53
1857—1860	11	3	2	1	17	5	8	2	5	14	51
Итого	27	7	7	7	48	17	16	9	6	22	124

в 2,75 раза. Возрос и их удельный вес среди других акционерных обществ — от 12,5 до 21,8%.

В противоположном направлении эволюционировало страховое акционерное учредительство. В первой трети столетия оно занимало второе место после производственных товариществ: страховых компаний тогда было учреждено не менее 16, т. е. 25% от общего числа акционерных обществ. Затем наблюдается небольшое падение страхового учредительства по абсолютным цифрам (12 компаний) и весьма значительное по относительным (11,6%) во втором периоде. И, наконец, в последнее четырехлетие страховых компаний учреждаются только две, что и равно всего 2%. Кроме того, в 1851—1852 гг. прекращают свое существование сразу шесть обществ по страхованию морских судов. Это были одесские компании с капиталами от 100 до 300 тыс. руб. серебром. Видимо, они вытеснялись крупными страховыми компаниями вроде «Российского морского и речного страхования общества» с капиталом в 3 млн. руб. серебром.

Среди производственных акционерных компаний первое место принадлежало текстильным компаниям. Как видно из табл. 3, их было учреждено за шестидесятилетие 48, или 38% от всех производственных. Среди текстильных преобладали бумагопрядильные и бумаготкацкие, составляющие более половины (56%). Из пищевых главенство сохранялось за свеклосахарными и сахарорафинадными заводами и лишь в первом тридцатилетии — за производством минеральных искусственных вод и виноградных вин. В числе горнодобывающих было несколько золотопромышленных компаний, одна из которых была учреждена еще в 1835 г.²⁷

Почти все предприятия акционерных производственных товариществ были механизированы; на них применялись разного рода

машины и паровые двигатели. И тем не менее передовая для своего времени техника могла сочетаться с типично крепостническими элементами. В конце 1829 г. в Туле была учреждена «Компания для вырабатывания сахара из свекловицы». Ее создание обосновывалось тем, что, по имевшимся у учредителей сведениям, «десятина свекловицы, превращенной в сахар, может дать доходу от 600 до 1000 руб.», тогда как лучшая из «хлебных» десятин «не даст 120 руб.». На складочный капитал было решено купить или нанять вблизи Тулы землю, выстроить на ней завод и «возвращать на некотором числе десятин свекловицу». Одной из важных задач предприятия было «обучить дворовых людей и крестьян акционерских способу возделывать свекловицу и превращать ее в сахар», а также «способствовать акционерам, желающим завести у себя свекловично-сахарный завод, доставлением им нужных планов, наставлений, а если возможно, и машин»²⁸.

Нечто подобное содержалось и в уставе «Малороссийско-коммерческой компании для вырабатывания сахара из свекловицы» (Полтавская губ.). В одном из пунктов устава говорилось: «...показание всего производства работникам, присылаемым акционерами, дабы каждый из них мог узнать в подробности ту часть, для которой он предназначается своим владельцам и через то доставил бы ему способ учредить со временем собственный завод, подобно устроенному компаниию»²⁹.

Характерной печатью крепостничества был отмечен устав «Товарищества Суксунских горных заводов», утвержденного в 1848 г. Паями этого товарищества могли «только владеть лица, имеющие по существующим законам право на владение посессионными заводами». Суксунские заводы в Пермской губ. принадлежали потомкам знаменитого Никиты Демидова — флигель-адъютанту Петру и отставному штаб-ротмистру Павлу Григорьевичам Демидовым. В связи с долгами владельцев заводы по договоренности с кредиторами превращались на 12 лет в акционерное предприятие. Затем Демидовым предоставлялось право скупить все пай по их первоначальной цене (500 руб.) с прибавкой 10% в пользу акционеров. Это право действовало только три месяца, после 12 лет, а если владельцы им не воспользуются, должна была совершаться купчая крепость на имя компании. Таким образом, став акционерным предприятием, заводы по-прежнему оставались посессионными. Они и оценивались по числу закрепленных за ними душ. Так, в уставе говорилось, что 9400 душ, поступивших во владение акционеров, составляют «капитал» в 2 350 000 руб. (по 250 руб. каждая). Компания выпускала пай двух видов — одни на удовлетворение претензий кредиторов, другие с премией — для вступающих в компанию с наличными деньгами для составления оборотного и запасного капитала³⁰.

Посессионными заводами оставались и горные заводы обанкротившегося купца Кнауфа, также ставшие акционерным предприятием. Еще в 1824 г. его кредиторами была составлена особая комиссия для определения долгов. Главным кредитором была казна³¹.

Заводы и были взяты в казенное управление. В 1853 г. по прошению кредиторов, задолженность которым составляла около 3,5 млн. руб., была создана акционерная компания и заводы вместе с 7346 душами и землей (около 280 тыс. дес.) оценены в 1 424 565 руб. серебром³². Так в дореформенной России организационные формы, присущие сравнительно высокому уровню капиталистического развития, переплетались с крепостническими.

Второе место по численности учреждавшихся в дореформенное шестидесятилетие акционерных компаний занимали транспортные. Их удельный вес был не столь уже велик — всего 23% от общего числа, но по технической оснащенности и по капиталам они опережали все остальные. Из 62 транспортных компаний только пять обходились гужевой силой: «Общество учредителей дилижансов по Московскому тракту», созданное в 1820 г., а в дальнейшем шире распространившее свои действия; «Компания железно-конной дороги между Волгою и Доном», основанная в 1843 г. и уже в 1845 г. увеличившая свой капитал; учрежденные в 1859 г., но не состоявшиеся из-за неразбора акций «Общество С.-Петербургских публичных карет» и «Общество Московских общественных экипажей»³³, а также «Компания для учреждения фаянзов в Петербурге» (1830 г.)³⁴. Остальные 57 товариществ были железнодорожными и пароходными.

Железнодорожные компании были крупнейшими предприятиями. Им отдавалось не только строительство дорог, но и на оговоренный срок их эксплуатация. Все они, за исключением «Общества акционеров для сооружения железной дороги от Санкт-Петербурга до Царского Села», учрежденного в 1836 г., были созданы в 1856—1859 гг. При этом Петергофская железная дорога строилась на личные средства придворного банкира барона А. Л. Штиглица и лишь с открытия движения превращалась в акционерное предприятие³⁵. Кроме крупнейшей акционерной компании со значительным участием иностранного капитала — «Главного общества железных дорог русских», были учреждены акционерные общества Рижско-Динабургской, Московско-Ярославской, Саратовской железной дорог и Волжско-Донской, объединявшей с железнодорожным строительством и эксплуатацией также пароходство по Дону и Азовскому морю. Эта последняя компания имела местное, но чрезвычайно важное значение, соединяя хутор Климово близ Царицына с затоном Колачевским на Дону, т. е. с Донецким каменноугольным бассейном. Компании было разрешено устраивать различные механические заведения для пароходов и паровозов, она освобождалась от таможенных и других пошлин на все виды оборудования, приобретаемого за границей. Кроме того, ей отводился антрацитовый участок в Земле Войска Донского. Возглавлял это мощное предприятие известный откупщик, а в дальнейшем крупный предприниматель В. А. Кокорев. Первоначально намеченный капитал в 8 млн. руб. серебром через два года был уменьшен до 6,4 млн. руб., а стоимость акций — с 500 до 400 руб.³⁶

Говоря об истории первых железных дорог в дореформенной России, стоит привести, кажется, неизвестный в литературе факт, характеризующий курьезы николаевского полицейского режима и обнаруженный в ПСЗ. Он касается казенной, а не акционерной железной дороги. Спуском в эксплуатацию дороги Петербург — Москва был издан именной указ, объявленный Сенату главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями. Этим указом предписывалось всем проезжающим предъявлять виды, присвоенные их званию, а также удостоверяющие, что полиция не находит препятствий к выезду данных лиц. От этого освобождались чиновники, ехавшие по делам службы и имевшие при себе предписания или подорожные. Для проверки видов затем был создан особый штат чиновников³⁷. И только 12 декабря 1857 г. был издан указ «Об отмене рассматривания и прописки пассажирских видов на всех вообще станциях Николаевской железной дороги»³⁸.

Намного раньше железнодорожного строительства началось в дореформенной России строительство парового флота, а соответственно и акционерного учредительства в этой отрасли. В значительной степени такое положение определялось государственной необходимостью совершенствовать военный флот, что видно из ПСЗ, где содержатся весьма примечательные документы. Первый из них характеризует состояние российского кораблестроения на начало XIX в.

4 мая 1804 г. был высочайше утвержден доклад «Комитета, для образования флота учрежденного». В докладе говорилось, что «построенные при здешнем Адмиралтействе в течение 40 лет, считая с 1762 г., восемь 100-пушечных, восемнадцать 74-пушечных и девять 64-пушечных, всего 35 кораблей и 51 меньшего рода парусных судов, кроме лесов и других припасов, равномерно не включая жалованья мастерам, подмастерьям и ученикам корабельной архитектуры, со стороны одного токмо содержания и довольствия в продолжение того времени мастеровых служителей и охтенских плотников, также платежа заработных матросам депег и вольнонаемным, обошлись в 4 361 945 рублей». В Англии же, говорилось далее, «где ремесленные люди несравненно дороже стоят, нежели в другом каком-либо месте», строительство перечисленных судов обошлось бы только в 3 294 547 руб. «Толь чувствительная разность между нашим и у англичан производимым кораблестроением уповательно происходит от того, — заключали авторы доклада, — что в Англии 74-пушечный корабль не более как 150-ю человекамп отстраивается в один год, у нас же оный 600-ми человек не ранее оканчиваем был как в два года, а иногда и более; и хотя содержание мастеровых состоит у нас в самой скудной плате, но от излишнего числа оных и от продолжительного времени накапливается из оной наконец сумма, превосходящая и самую дорогую плату. Ежели же присовокупить к тому, что при такой дороговизне кораблестроения нашего корабль не получают ни надлежащей чистоты и прочности во внутренней и наружной отделке, ниже достаточной крепости в составе своем, так что едва и шесть лет без величайших починок служить могут, то преимущество корабельных работ в

Англии пред нашим и более еще ощутительным быть должно»³⁹.

Однако достаточно реалистическая оценка состояния российского кораблестроения отнюдь не сопровождалась реалистическими же выводами. Последние не касались главного — социальных основ российского самодержавия, которые тяжким грузом ложились на экономическое развитие страны. Ведь даже по вычислениям авторов доклада дело было не столько в стоимости российского кораблестроения, превышавшей стоимость английского на неполных 25%, сколько в численности затраченной рабочей силы, которая в России превосходила английскую в 8 раз! Мероприятия, предлагавшиеся в докладе, сводились к некоторым облегчениям условий труда рабочих, а главным образом к усилению контроля над ними. Был среди них и пункт об устройстве при верфях и адмиралтействах разных машин.

Другой документ отражает ранние попытки применения более эффективных средств для «образования флота». Это именно указ от 10 декабря 1813 г. «О выдаче привилегии Американских Соединенных Штатов города Нового Йорка жителю Роберту Фультону на устройство и употребление в России изобретенного им водоходного судна, приводимого в движение парами»⁴⁰. Он был использован в литературе, хотя и с погрешностями, В. С. Виргинским, который, кроме того, по архивным материалам установил, что переговоры Фультона с русским правительством начались еще в ноябре 1811 г.⁴¹ Видимо, первоначально имелось в виду пароходное сообщение между столицей и морской крепостью страны, что, безусловно, соответствовало интересам правительства. Но Фультон хотел расширить сферу своей деятельности, о чем свидетельствуют следующие слова указа: Фультон просил «на употребление оного в действо не токмо для сообщения между Петербургом и Кронштадтом, но и на судоходных реках в России». Дозволение было высочайше дано. Привилегия, однако, объявлялась недействительной в том случае, если в течение первых трех лет не будет введено «в употребление» хотя бы одно паровое судно самим Фультоном или его поверенными⁴². Впрочем, с такой оговоркой выдавались в России все привилегии.

Спустя год с небольшим (в феврале 1815 г.) Фультон умер, а через несколько месяцев о привилегии на паровое судоходство подал ходатайство заводчик, механик, автор многих изобретений Карл Берд — англичанин, принявший русское подданство. В том же году он построил пароход для сообщения между Петербургом и Кронштадтом, но привилегия была ему выдана только осенью 1817 г., видимо, потому, что до декабря 1816 г. сохранялось действие привилегии Фультона и его наследники или поверенные имели право ею воспользоваться. Берд сделал заявку на многие водные системы страны⁴³. В выданной ему привилегии также говорилось, что она уничтожается на те реки, где в течение трех лет не будет открыто движение. Кроме того, привилегия Берда не распространялась на казну, на ее право строить и вводить в действие паровые суда⁴⁴. Строительство казенных пароходов началось в

1816 г. на Ижорских заводах⁴⁵. Стали возникать и частные пароходства, также получившие от правительства привилегии для действия на тех или иных реках или озерах.

Сравнительно ранним развитием парового судоходства в России было обусловлено и довольно раннее возникновение пароходных акционерных компаний. Первая из значившихся в ПСЗ была учреждена в 1823 г. Это была «Компания парового судоходства по рекам Волге, Каме и по Каспийскому морю», инициатором которой был помещик Ярославской губ. Д. П. Евреинов, единоличный владелец нескольких пароходов⁴⁶. Для учреждения акционерного общества он привлек представителей высшей, в том числе и придворной знати: обер-камергера Нарышкина, генерал-лейтенантов графа Воронцова и графа Комаровского, тайного советника графа Нессельроде, действительного статского советника Уварова. Как говорилось в акте от 17 октября 1823 г., высочайше утверждавшем эту компанию, данное общество «не только дозволено может быть, но и особенного покровительства заслуживает»⁴⁷.

Правительственное покровительство выражалось и в прямой помощи пароходным акционерным компаниям. Так, в 1833 г. было высочайше утверждено положение Комитета министров «Об учреждении общества акционеров для установления постоянных сношений между Одессою и Константинополем посредством пароходов». Из него выясняется, что три казенных парохода стоимостью около 1 млн. руб. ассигнациями были переданы желающим составить такое общество, названное «Черноморским обществом пароходов». Для составления оборотного капитала в 250 тыс. руб. учредители выпустили 500 акций по 500 руб. каждая. Казна должна была получать половину чистой прибыли, хотя ее взнос (пароходами) был в четыре раза больше, чем складочный капитал акционеров⁴⁸. Еще через два с половиной года был издан сенатский по высочайшему повелению указ, которым обществу уступалось право казны «на получение половины дивиденда с доходов», а также были подарены «навсегда» три казенных парохода⁴⁹. Общей же для акционерных пароходств (как и для частных пароходовладельцев) покровительственной мерой была система привилегий, предоставлявших монопольное право на паровое судоходство по той или иной реке или ее отдельным участкам. Однако к началу 50-х годов в связи с развитием пароходства такого рода монополии были отменены и объявлено свободное паровое судоходство.

Как видно из ПСЗ, пароходные компании были наиболее процветающими, если не считать железнодорожных. Об этом говорят, например, такие цифры: из 18 акционерных компаний, обращавшихся к правительству за разрешением на дополнительный выпуск акций (а следовательно, на увеличение капитала), 11, т. е. почти две трети, были пароходные. Некоторые из них ходатайствовали о том по два и даже по три раза, причем на коротком отрезке времени. Так, «Пароходное общество по Волге», учрежденное в 1843 г., капитал которого по уставу определялся в 225 тыс. руб. серебром, а каждый пай стоил 1,5 тыс. руб., всего через три года (в 1846 г.)

ходатайствовало о разрешении увеличить капитал еще на 1 млн. руб. путем выпуска 5200 акций вместо прежних 150 и уже по цене 250 руб. каждая. Затем с высочайшего дозволения в 1858 г. компанией было выпущено еще 2600 акций на сумму 650 тыс. руб.⁵⁰ Так первоначальный капитал в 225 тыс. руб. через 15 лет увеличился более чем в 8 раз.

Трижды увеличивало число выпускаемых акций «Товарищество Волжского легкого пароходства „Самолет“», суда которого действовали между Тверью, Рыбинском и Ярославлем. По уставу, утвержденному в 1853 г., оно должно было распространить 1 тыс. акций по 250 руб. каждая, т. е. на 250 тыс. руб. В 1856 г. товарищество по его просьбе было разрешено прибавить еще 1 тыс. акций, т. е. удвоить капитал, в 1858 г.—еще 2 тыс. акций, т. е. удвоить уже удвоенный капитал, и, наконец, в 1859 г. товарищество выпустило еще 2 тыс. акций и капитал стал полуторамиллионным. Затем в 1860 г. был разрешен и выпуск облигаций в половинной сумме складочного капитала с погашением в течение 15 лет⁵¹.

Товарищество «Самолет» наряду с пароходным обществом «Кавказ и Меркурий» пользовалось особым покровительством правительства. На пароходах этих компаний осуществлялась перевозка нижних чинов морского ведомства. Обществу «Самолет» было предоставлено право перевозки простой почтовой корреспонденции⁵².

Другие тенденции наблюдаются в страховом учредительстве. В отличие от производственного и транспортного, превышавшего за 1837—1860 гг. акционерное учредительство предыдущих трех с половиной десятилетий в 4,7—5 раз, учредительство страховых компаний было наибольшим как раз до 1836 г.—из 30 возникших за дореформенное шестидесятилетие компаний 16, т. е. более половины. Возможно, что действовавших страховых компаний тогда было еще больше (например, упоминавшийся «Феникс» и какие-то другие иностранные).

Большая часть страховых компаний первого периода возникала на юге страны и главным образом в Одессе. Эти компании учреждались на короткие сроки — от 3 до 8 лет, а затем ходатайствовали о продлении на 6—7 лет, иногда под новым наименованием и с другим капиталом. В 1837—1856 гг. число возникавших страховых обществ уменьшилось до 12, а одесских из них было всего четыре, да и те вместе с тремя ранее учрежденными были закрыты в 1851—1852 гг. В последнем четырехлетии до реформы были основаны всего две страховые компании.

Наиболее процветающими были страховые от огня компании. Первая из них под названием «Российское страховое от огня общество» была учреждена в 1827 г. Через 20 лет его капитал составлял 4 млн. руб. В 1835 г. было основано «Второе страховое от огня общество», действовавшее в районах страны, не охваченных первым, и с более скромным капиталом, числившимся к 1857 г. в 1½ млн. руб. Кроме них, в числе преуспевающих было «Страховое от огня общество „Саламандра“», основанное в 1846 г. и располагавшее к 1849 г. двухмиллионным капиталом⁵³.

В других хозяйственных отраслях акционерное учредительство за дореформенное шестидесятилетие было более чем скромным. Так, по городскому благоустройству в ПСЗ значилось 15 акционерных компаний. Подавляющее их большинство (11) было сосредоточено в столице. В основном это были водопроводные и газоосветительные общества. Среди них стоит упомянуть о двух особых товариществах, возникших в самые последние предреформенные годы. Одно из них — «Общество для улучшения в Петербурге помещений рабочего и нуждающегося населения» (1858 г.), второе — «Общество для устройства в Риге помещений нуждающегося населения» (1859 г.). Учредителями первого была петербургская, в том числе и высшая, знать — герцог Мекленбург-Стерлицкий, гофмейстер сенатор Хрущов, петербургский предводитель дворянства граф Шувалов, флигель-адъютант граф Бобринский и др. Компания была рассчитана на привлечение широкого круга участников, так как стоимость акции составляла всего 25 руб.⁵⁴ Несколько более скромным, к тому же смешанным, был состав учредителей Рижского общества. В него входили камер-юнкер двора Бревверн, статский советник барон Гейкинг и др., а также местные бургомистр и ратсгеры. Стоимость акции была несколько выше — 50 руб., а величина капитала в обоих случаях одинаковой — 200 тыс. руб.⁵⁵

Совсем незначительное место в акционерном учредительстве занимали сельскохозяйственные компании. До 1836 г. их учреждалось шесть, а в последующие периоды только по одной. Четыре были земледельческие и четыре овцеводческие. Почти все оказались убыточными и были закрыты. Так, «Компания для улучшения овцеводства» в Восточной Сибири, учрежденная в 1832 г., хотя и действовала успешно, не имела «способов к выгодному сбыту тонких рун», из-за чего и прекратила существование в 1842 г.⁵⁶ «С.-Петербургская акционерная компания овцеводства в южной России», устроенная в 1836 г., через 10 лет была вынуждена создать ликвидационную комиссию вследствие эпизоотий в Крыму и засухи. Ее официальное закрытие оттянулось из-за войны, когда принадлежавшие ей степные земли были взяты под сенокос для армии⁵⁷.

Из сельскохозяйственных компаний наиболее подробно освещена в ПСЗ история «Камчатской земледельческой компании», которая в «Список» «Ежегодника Министерства финансов» вообще не попала, видимо, потому, что была сначала в ведении Министерства внутренних дел, а затем Министерства государственных имуществ. В литературе она почти вовсе не известна. Слегка касается ее истории Ю. А. Белоножко⁵⁸. Сведения о компании извлечены ею из «Земледельческого журнала», а также из архивов. Однако, судя по тексту статьи, они менее подробны, чем содержащиеся в ПСЗ. Здесь имеются три акта, относящиеся к «Камчатской земледельческой компании». Это высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное Сенату управляющим Министерством внутренних дел об учреждении компании, затем положение Комитета министров, в которое вошло постановление акционеров этой

компании, и, наконец, положение «Об упразднении Камчатской земледельческой компании и о предполагаемых мерах к улучшению сельского хозяйства в Камчатке», в которое была включена записка министра государственных имуществ П. Д. Киселева от 18 октября 1840 г., подробно освещавшая историю компании⁵⁹.

Однако сначала о ее предыстории. В 1828 г. по ходатайству тогдашнего начальника Камчатки капитана 1-го ранга Голенищева в Петропавловский порт был направлен садовник Ридер, которому было вменено в обязанность устроить там казенный сад и поставить опыты по разведению хлебных и огородных растений и фруктовых деревьев. Он должен был также обучать садовому искусству способных молодых людей, собирать семена и растения Камчатки для Петербургского ботанического сада и, кроме того, по дополнительному ходатайству Голенищева основать оранжерею с теплицей. В 1829 и 1830 гг. Ридер осуществил несколько удачных опытов в посеве разных хлебных и огородных растений. Затем эти опыты были повторены в трех селениях полуострова и тоже удачно. Для распространения таких опытов с санкции министра внутренних дел Ридеру было разрешено расходовать на них по 1 тыс. руб. ассигнациями в течение трех лет.

«Удачные опыты посевов 1829 и 1830 годов,—говорилось в записке П. Д. Киселева,—возбудили в самих жителях Камчатки желание содействовать устройству правильного сельского хозяйства на полуострове: они составили на акциях земледельческую компанию под главным попечительством начальника Камчатки с целью усилить там хлебопашество, огородничество, скотоводство и лесоводство». Для этой цели компании был выделен земельный участок более чем в 2,5 тыс. десятин в 28 верстах от Петропавловского порта на реке Авача. К весне 1831 г. имелось уже 44 акционера (по уставу предполагалось 200), внесших 3750 руб. Кроме того, компания получила воспомоществование от казны по 1 тыс. руб. в год на первые три года, а также пожертвование от Московского общества сельского хозяйства⁶⁰.

В постановлении акционеров, т. е. фактически в уставе компании, указывалась и рабочая сила, на которую ориентировалось данное общество. В § 32 постановления говорилось: «Поелику ежегодно почти присылаются в Камчатку из Иркутска сыльные, то Компания для работ, в план действия ее входящих, по предварительному распоряжению местного начальства, принимает на возможных для себя условиях тех поселенцев, кои были сосланы в Сибирь за легкие преступления...». Компания обязывалась платить за них все государственные налоги и выдавать в месяц по 1 пуду 30 фунтов муки на семью и в год по 100 руб. жалованья⁶¹.

Однако, «несмотря на все усилия и содействия начальника Камчатки, казенного садовника Ридера и двух учеников Московской земледельческой школы», опыты компании не удались из-за суровости климата. Посевы вдоль восточного берега полуострова унич-

тожались холодными туманами или инеем во время цветения или созревания хлебов. Более удачными оказались опыты в Ключевском — закрытой с востока местности. Компания тем не менее пыталась продолжать свою деятельность, отправляя ежегодно свои отчеты в министерство, вплоть до 1836 г., после которого отчетов больше не поступало. П. Д. Киселев считал, что провал опытов компании был следствием неудачно выбранных участков и что на закрытых горами от вредных восточных ветров местах сельскохозяйственная деятельность может быть успешной. К моменту ликвидации компании она состояла из 57 акционеров и располагала капиталом в 1423 руб. 68⁴/₇ коп. серебром, который просила разрешения употребить на устройство в Петропавловске учебного заведения⁶².

В связи с техническими новшествами — железнодорожным строительством, развитием парового флота, началом машиностроительной промышленности и т. п. — возрастала потребность в каменном угле. Однако в дореформенное шестидесятилетие не было учреждено ни одной акционерной компании по добыче каменного угля. Более того, правительственные мероприятия в этой области были ориентированы на ремесленные разработки каменноугольных копей, причем силами лиц, принадлежащих «к войсковому сословию». Это было отражено в 1851 г. в высочайше утвержденном мнении Государственного совета, объявленном наказному атаману Войска Донского военным министром и озаглавленном «О порядке добывания жителями Войска Донского каменного угля»⁶³. В нем устанавливалось монопольное право указанных жителей на добычу угля, определялись размеры участков и т. п.

Однако прошло немногим менее пяти лет и несостоятельность такого постановления стала очевидной, тем более что импорт каменного угля значительно снизился в эти годы из-за войны. В результате 7 августа 1856 г. было высочайше утверждено положение Военного совета, объявленное Сенату военным министром, «Об учреждении частных компаний для разработок донского антрацита, о порядке добывания каменного угля жителями Войска Донского и об отводе Русскому обществу пароходства и торговли участка для добывания на Дону каменного угля».

Потребность в развитии каменноугольной промышленности здесь обосновывалась все возрастающими нуждами экономического развития страны. «Содержание в Черном море военных судов, исключительно паровых, предвидимое устройство железных дорог в Южном крае империи, учреждение Русского общества пароходства по Черному, Азовскому и Средиземному морям, а также по рекам Бугу, Днепру и Дону, развивающееся пароходство на Волге и, наконец, увеличивающаяся в Южном крае стоимость дров, происходящая от оскудения лесов, — все это убеждает, что потребность каменного угля для действий паровых судов и железных дорог, а также для топлива местным жителям будет несравненно более того количества, на которое правительство рассчитывало в 1851 г.».

т. е. на основании постановления о привилегиях «войскового сословия» и мелких кустарных разработок.

Создание крупных компаний в каменноугольной промышленности мотивировалось также необходимостью снижения цены на каменный уголь. «Предприятия, с действиями которых сопряжено потребление каменного угля, — говорилось далее, — могут тогда только процветать или даже существовать, когда будет возможность приобретать уголь по умеренным ценам». Вместе с тем здесь же выражалось сомнение по поводу надежды «достигнуть дешевых цен на каменный уголь при разработке на Дону сего минерала одною компаниею и одиночными соединенными работами местных жителей, ибо, при недостаточности средств донских обывателей, они не в состоянии будут завести ни паровых машин, ни других для добывания угля усовершенствованных орудий, могущих удешевить стоимость оного; компания же, при отсутствии соперничества, конечно, из собственных своих выгод не понизит цен на уголь». Поэтому добыча каменного угля объявлялась «для избежания монополий промыслом свободным», допускавшим учреждение любого числа компаний. Однако «полная свобода» сохранялась лишь «за сословием Войска Донского», которое могло заниматься разработкой каменного угля независимо от своей другой деятельности. Для всех не принадлежавших к «сословию» вводились определенные ограничения. Свобода каменноугольного промысла разрешалась только «обществам, составленным для такого рода предприятий, с действиями которых сопряжено потребление каменного угля, как-то: компаниям железных дорог, обществам пароходства, компаниям для плавки металлов в большом размере и т. п.». Они имели право добывать уголь не только для себя, но и на продажу, как в пределах Земли Войска Донского, так и за ее пределами⁶⁴.

Фактически такая оговорка закрывала пути для учреждения собственно каменноугольных акционерных компаний, лишь расширяя сферу деятельности некоторых, преимущественно транспортных, акционерных обществ, по ходатайствам которых им отводились определенные участки в Донецком бассейне. Кроме «Русского общества пароходства и торговли», просьба которого и послужила одним из поводов для издания цитированного общего постановления, подобные же участки получили пароходное общество «Кавказ» (еще до слияния с «Меркурием»), «Общество Волжско-Донской железной дороги и пароходства» (о чем говорилось выше), которому прямо рекомендовалась и торговля добытым углем, «Общество Саратовской железной дороги»⁶⁵ и др.

Труднее по ПСЗ (а возможно, и по другим имеющимся документам) установить судьбы большинства компаний, учреждавшихся в дореформенное шестидесятилетие. По существовавшему законодательству, ликвидация акционерного общества, как не состоявшегося из-за отсутствия или недостатка желающих приобрести акции, а также действовавшего в течение каких-то лет, но оказавше-

гося «невыгодным» и т. д., должна была оформляться сенатскими постановлениями. Но это далеко не всегда выполнялось. Первое из обнаруженных в ПСЗ постановлений о несостоявшейся компании относится к 1839 г. («Товарищество персидской торговли»⁶⁶); первое о прекращении действий существовавшей — к 1840 г. («Камчатская земледельческая компания»⁶⁷). Между тем в акте об учреждении «Морской страховой компании» в Одессе от 13 апреля 1826 г. говорилось, что все страховые конторы в Одессе, существовавшие до того, ликвидировались⁶⁸. По данным Шепелева, за 1799—1836 гг. открыли действия примерно 40 компаний⁶⁹, следовательно, 18—19 акционерных обществ из числа учреждавшихся не состоялось. Но в ПСЗ ни на них, ни на одесские страховые постановления нет. Начиная же с 1839 г. в ПСЗ имеются сенатские указы на 20 несостоявшихся компаний, учреждавшихся с 1838 по 1859 г. При этом о некоторых несостоявшихся компаниях становилось известно спустя много лет. По-видимому, в 1848—1849 гг., а затем в 1851—1852 гг. Министерство финансов проводило проверку деятельности компаний, от которых не поступало сведений. Именно к этим годам относится закрытие как несостоявшихся нескольких компаний, учреждавшихся в конце 30-х — начале 40-х годов. Так было, например, с «Виленской свеклосахарной компанией», устав которой был утвержден в 1838 г., а сенатское постановление о ее ликвидации «за неразбором акций» появилось спустя 10 лет⁷⁰. По той же причине и в том же 1848 г. было оформлено закрытие «Общества выделки нетканых сукон», учредителем которой был глава торгового дома и известный банкир Людвиг Штиглиц, умерший в 1843 г. О том, что компания не состоялась из-за недостатка желающих приобрести акции, стало известно в 1848 г. уже от сына Штиглица — Александра — придворного банкира и железнодорожного магната⁷¹.

При всей неполноте сведений о несостоявшихся компаниях в ПСЗ они еще более скудны в «Списке» «Ежегодника Министерства финансов». За те же годы (1838—1859) в «Списке» значится всего 11 несостоявшихся компаний, при этом совпадает по ПСЗ и «Списку» только одна компания — «Общество легкого пароходства по рекам Оке, Волге и Каме „Русалка“», устав которой был утвержден в 1856 г., а год спустя частично собранный капитал и заказанные пароходы были переданы пароходному обществу «Меркурий»⁷². Шесть несостоявшихся компаний, на которые имеются соответствующие сенатские постановления, числятся в «Списке» прекратившими действие, т. е. какое-то время существовавшими. Это как раз те, которые как несостоявшиеся были обнаружены через несколько лет. В частности, к ним относятся обнаруженные в 1849 г. несостоявшимися «Общество Пушкинской шерстогребенной мануфактуры», «Белорусское общество мануфактурной промышленности льном и пеньюком», «Казанское общество для выделки стеатитовых свечей и жирювоска»⁷³.

В большинстве же случаев сенатские указы извещали о том, что та или иная компания не состоялась через год-другой после утверж-

дения устава. Некоторые из учреждавшихся компаний, не нашедшие в установленный срок желающих приобрести акции, ходатайствовали о продлении срока раздачи, и их просьбы обычно удовлетворялись. Даже в дальнейшем процветавшее «Общество пароходства „Меркурий”» дважды обращалось с такой просьбой, получив отсрочку почти на целых два года⁷⁴. Чаще, однако, отсрочки не способствовали открытию действий компаний и они попадали в число несостоявшихся. Так было, как говорилось, с «Третьим Российским страховым от огня обществом».

Если к числу несостоявшихся компаний, оформленных сенатскими указами, вошедшими в ПСЗ, прибавить 18—19, выявленных Шепелевым и 10 числившихся несостоявшимися в «Списке» «Ежегодника Министерства финансов» (исключая «Русалку», как значащуюся в ПСЗ), то, по этим данным, за дореформенное шестидесятилетие не открыло действий 48—49 учреждавшихся компаний.

Что же касается акционерных компаний, действовавших, но закрытых на протяжении того же периода, то тут данные ПСЗ не сопоставимы с показателями «Списка»: в последнем речь идет о прекращении действий к 1874 г., в данной статье — к 1861 г. До 1840 г. в ПСЗ нет специальных сенатских постановлений о ликвидации акционерных обществ, а за последующие десятилетия их выявлено 30. Иногда прекращение действий объяснялось истечением обусловленного в уставе срока, в других случаях — расстройством дел или невыгодностью предприятия. Но было несколько указов, в которых ликвидация компании (или даже то, что она не состоялась) объяснялась тем, что предприятие поступило в личную собственность одного из акционеров. Так было с учрежденным в 1842 г. «Обществом пароходства по Ладожскому озеру и реке Свири» с капиталом в 400 тыс. руб. серебром. Пароходство было открыто в установленный срок, но общество не состоялось, поступив в единоличную собственность надворного советника Вышинского⁷⁵. В 1844 г. была учреждена «Компания Рижской мануфактуры шерстогребенных изделий». До того эта мануфактура принадлежала рижскому купцу и фабриканту Ф. Гасселькусу и была акционирована его кредиторами. Имущество фабрики было оценено в 50 тыс. руб. серебром и разделено на 100 акций. Бывший владелец оставался директором фабрики по контракту. Однако один из акционеров — рижский купец 1-й гильдии, он же ольденбургский и бременский консул Шепелер приобрел все акции и стал единственным владельцем мануфактуры⁷⁶. Такое же положение было с «Троицкой машинной канатной фабрикой» в Касимове, учрежденной петербургскими и касимовскими купцами с капиталом в 100 тыс. руб. серебром в 1851 г. Из сенатского указа от 23 февраля 1860 г. выясняется, что один из акционеров — горбатовский 2-й гильдии купец Андрей Зайцев (не состоявший, кстати, в числе учредителей) приобрел все акции и компания перестала существовать⁷⁷.

Некоторые из закрывшихся компаний пытались до ликвидации сохраниться путем уменьшения числа или цены акций, т. е. скла-

дочного капитала. Так, «Пароходство по Днепру», учрежденное в 1838 г. и объявившее складочный капитал в 1180 тыс. руб. ассигнациями, в 1839 г. уменьшило его до 300 тыс. руб., но в 1849 г. прекратило существование⁷⁸. «Архангельской морской и речной страховой компании», капитал которой по уставу, утвержденному в 1848 г., должен был составлять 150 тыс. руб. серебром, было разрешено открыть действия с собранным в 1849 г. капиталом в 75 тыс. руб. В 1855 г. компания была ликвидирована «вследствие неблагоприятных обстоятельств», т. е. из-за войны⁷⁹. Вместе с поименованными акционерными обществ, уменьшивших капитал, насчитывалось в ПСЗ всего шесть.

Наконец, последнее, на чем стоит остановиться и что выявляется по законодательным актам ПСЗ,— это весьма внушительный список учредителей акционерных компаний. Лишь в незначительном числе актов учредители не поименованы. Иногда с ходатайством об основании той или иной компании выступали официальные лица и учреждения — генерал-губернаторы, Рижский биржевой комитет и т. п., ссылавшиеся на намерения неких лиц. Но в абсолютном большинстве учредительских актов перечислены учредители, их имена, звания, сословная принадлежность, а в отдельных случаях и количество акций, которое каждый из них оставлял за собой. Эти сведения представляются весьма важными, так как вскрывают удельный вес купечества и дворянства в акционерном учредительстве.

По ПСЗ за дореформенное шестидесятилетие удалось насчитать 716 человек, выступавших как учредители акционерных обществ. Из них купцов разных гильдий 168, 89 иностранных купцов, часть которых являлись и временными российскими купцами. 19 человек значились инженерами, механиками, докторами, аптекарями, архитекторами и т. п. Кроме того, было еще 8 человек, обозначенных только именами без указания сословной или чиновной принадлежности. Остальные 432 человека — это дворяне по помещичьей или чиновной принадлежности. Таким образом, русские купцы (в том числе и прибалтийские немцы) составляли 23,3%, иностранные купцы — 12,4, дворяне и чиновники — 60,3%

99 учредителей участвовали в основании от двух до шести компаний. И здесь больше половины (56 человек) составляли бюрократические и военные чины высоких рангов. В число же остальных 43 человек входили и иностранные гости. Учредителями шести компаний состояли граф А. Бенкендорф (он же председатель правления в некоторых из них) и статский советник Н. Новосельский.

Шепелев отмечал, что учредители акционерных компаний нередко привлекали чиновных тузов, чтобы с их помощью получать даруемые правительством привилегии⁸⁰. Это, безусловно, так. Кроме того, имеются данные о том, что правительственные органы сами навязывали учредителям знатных чиновников. Когда в 1835 г. прусский подданный Шведерский обратился с ходатайством об учреждении «Общества для застрахования пожизненных и других срочных доходов и денежных капиталов», Государственный совет

обязал его пригласить в число учредителей несколько особ, пользующихся известностью и общим доверием, которые и должны стать директорами. Были приглашены граф Бенкендорф, граф Строганов, тайный советник Булгаков и петербургские купцы 1-й гильдии Плитт и Карр⁸¹.

Стоит отметить участие в акционерном учредительстве и будущих тузов из купечества. Не говоря уже об известном откупщике В. Кокореве — коммерции советнике в 50-х годах и участнике в учредительстве трех акционерных компаний, назовем, например, четырех братьев Залогиных, значившихся в числе учредителей двух и трех товариществ, И. Ф. Мамонтова (три компании), Саввы Морозова (две компании). Однако в целом российское купечество уступало первенство в акционерном учредительстве и по численности и по капиталам чиновному и помещичьему дворянству.

* * *

Таким образом, в «Полном собрании законов Российской империи» содержится целый ряд данных как общего порядка (о численности и характере акционерного учредительства в дореформенной России), так и частных сведений о состоянии отдельных компаний. Разумеется, ПСЗ не может служить единственным или исчерпывающим источником по данной теме, как, впрочем, и по другим, но как отправной для последующих изысканий он представляется весьма важным, о чем свидетельствуют приведенные материалы.

Безусловно, акционерное учредительство — далеко не единственная тема, которая освещается в законодательных актах. Нам удалось найти в них немало фактических материалов, касающихся истории каменноугольной промышленности, которые отсутствуют, например, в обстоятельном исследовании Г. Д. Бакулева «Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна» (М., 1955), по экономическому развитию Закавказья, которых нет в обобщающем труде Э. В. Хоштария «Очерки социально-экономической истории Грузии» (Тбилиси, 1974), или они страдают некоторой неточностью в солидной монографии З. Г. Карпенко «Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 годах» (Новосибирск, 1963). То же самое можно сказать о многочисленных работах по металлургической промышленности Урала. Нередко те или иные сведения попадают в исследования из архивных источников, тогда как они в качестве мотивировочной части опубликованы в ПСЗ.

Настоящая статья имеет своей главной целью на материалах акционерного учредительства привлечь внимание историков (а также авторов исторических повестей и романов) к ПСЗ как к очень интересному и немаловажному историческому источнику.

- ¹ *Шепелев Л. Е.* Акционерное учредительство в России (историко-статистический очерк).— В кн.: Из истории империализма в России: Сб. ст. М.; Л., 1959, с. 135
- ² *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973, с. 23.
- ³ ПСЗ, I, т. XXIX, № 22418. Подробно этот манифест разобран в монографии Шепелева «Акционерные компании...», с. 17—19. Слова о службе компаний важным видам государственного хозяйства, потому и требующих высочайшего утверждения, имели в виду прежде всего «Российско-Американскую компанию», которая и сама определяла свои цели не только как хозяйственные, но и политические (ПСЗ, I, т. XXXVIII, № 29083 от 27 июня 1822 г.).
- ⁴ ПСЗ, I, т. XXXVII, № 28755.
- ⁵ Там же, т. XXVIII, № 21900; *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании..., с. 17.
- ⁶ Например, «Гарднерский фарфоро-фаянсовый завод». Компания состояла из отца и восьми его сыновей (ПСЗ, II, т. XXXII, № 32288 от 18 октября 1857 г.).
- ⁷ ПСЗ, II, т. VIII, № 6566.
- ⁸ ПСЗ, I, т. XXXII, № 24956.
- ⁹ *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании..., с. 36—58.
- ¹⁰ Там же, с. 30. С этой цифрой не всегда совпадают данные, приводимые на других страницах. Так, в сноске на с. 23 говорится, что в отличие от цифровых данных «Ежегодника» автором установлено, что в 1799—1806 гг. были учреждены три компании (они перечислены на той же странице), в 1807—1829 гг.— 19 компаний и в 1830—1836 гг.— 30 компаний. Если к ним присоединить еще три, созданные в XVIII в. и продолжавшие существовать в XIX в., учитываемые автором в числе 58-ми, то общий итог получится все же не 58, а 55 компаний за период до 1836 г. включительно. Эти цифры расходятся с приводимыми на с. 24. Здесь даны погодные показатели за 1823—1829 гг. и их сумма— 17 компаний, а несколько выше Шепелев называет поименно пять обществ, учрежденных в 1809—1822 гг. Но тогда их за 1807—1829 гг. оказывается не 19 (как в сноске на с. 23), а 22 и общий итог до 1836 г.— 57. На с. 29 приводятся данные о численности компаний, учрежденных за каждый год с 1830 по 1836 г., и общая их сумма составляет не 30, а 31 компанию. Условно нами принята цифра 59 компаний, учрежденных в этот период.
- ¹¹ ПСЗ, II, т. XIII, № 11281 от 6 июня 1838 г.; т. XIV, № 13005 от 19 декабря 1839 г.; т. XVI, № 14942 от 20 октября 1841 г.
- ¹² ПСЗ, I, т. XXXVII, № 28317 от 15 июня 1820 г.; ПСЗ, II, т. III, № 1992 от 24 апреля 1828 г.; № 2017 от 8 мая 1828 г.
- ¹³ ПСЗ, II, т. VI, № 4760 от 18 августа 1831 г.; т. VIII, № 6048 от 14 марта 1833 г.; т. XV, № 13931 от 12 ноября 1840 г.
- ¹⁴ Там же, т. VII, № 5564 от 16 августа 1832 г.
- ¹⁵ Там же, т. VIII, № 6607 от 5 декабря 1833 г.
- ¹⁶ ПСЗ, I, т. XXXVIII, № 28925 от 11 февраля 1822 г.
- ¹⁷ ПСЗ, II, т. IX, № 7517 от 30 октября 1834 г.
- ¹⁸ Там же, № 6900 от 13 марта 1834 г.
- ¹⁹ Там же, т. XXXIII, № 32832 от 6 марта 1858 г.
- ²⁰ *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании..., с. 58—59.
- ²¹ ПСЗ, II, т. XII, № 10693 от 9 ноября 1837 г.
- ²² Там же, т. XXIII, № 21871.
- ²³ Там же, т. XXXIV, № 34327 от 3 апреля 1859 г.
- ²⁴ Там же, т. XXXIII, № 33413 от 19 июля 1858 г.
- ²⁵ Там же, № 32998 от 15 апреля 1858 г.
- ²⁶ Там же, т. XXXIV, № 34754 от 17 июля 1859 г.
- ²⁷ Там же, т. X, № 8296 от 9 июля 1835 г.
- ²⁸ Там же, т. IV, № 3203 от 1 октября 1829 г.
- ²⁹ Там же, т. V, № 3704 от 10 июня 1830 г.
- ³⁰ Там же, т. XXIII, № 22246 от 7 мая 1848 г.
- ³¹ ПСЗ, I, т. XXXIX, № 30079 от 3 октября 1824 г.
- ³² ПСЗ, II, т. XXVIII, № 26929 от 13 января 1853 г.
- ³³ ПСЗ, I, т. XXXVII, № 28317 от 15 июня 1820 г.; ПСЗ, II, т. III, № 1992

- от 24 апреля 1828 г.; № 2017 от 8 мая 1828 г.; т. XVIII, № 17007 от 3 июля 1843 г.; т. XX, № 18786 от 27 февраля 1845 г.; т. XXXIV, № 34009 от 2 января 1859 г.; № 34549 от 29 мая 1859 г.
- ³⁴ *Шенелев Л. Е.* Акционерные компании.... с. 29.
- ³⁵ ПСЗ, II, т. XI, № 9009 от 21 марта 1836 г.; т. XXXI, № 30837 от 9 августа 1856 г.
- ³⁶ Там же, т. XXXIII, № 33413 от 19 июля 1858 г.; т. XXXV, № 36301 от 8 ноября 1860 г.
- ³⁷ Там же, т. XXVI, № 25623 от 14 октября 1851 г.; № 25652 от 19 октября 1851 г.
- ³⁸ Там же, т. XXXII, № 32545 от 12 декабря 1857 г.
- ³⁹ ПСЗ, I, т. XXVIII, № 21283.
- ⁴⁰ Там же, т. XXXII, № 25496.
- ⁴¹ *Виргинский В. С.* Начало парового судоходства в России. М., 1948, с. 24.
- ⁴² ПСЗ, I, т. XXXII, № 25496. В. С. Виргинский называет лишню Петербург — Кронштадт пригородным рейсом, т. е. лишенным государственного значения водным сообщением. С этим трудно согласиться. Вряд ли здесь имелись в виду загородные развлекательные прогулки.
- ⁴³ К 1847 г. у Берда было 10 пароходов, из них 8 ходили по Финскому заливу (ПСЗ, II, т. XXII, № 21257 от 27 мая 1847 г.).
- ⁴⁴ ПСЗ, I, т. XXXIV, № 27120 от 30 октября 1817 г.
- ⁴⁵ *Виргинский В. С.* Указ, соч., с. 35.
- ⁴⁶ Там же, с. 32—33.
- ⁴⁷ ПСЗ, I, т. XXXVIII, № 29630.
- ⁴⁸ ПСЗ, II, т. VIII, № 6216 от 16 мая 1833 г.
- ⁴⁹ Там же, т. X, № 8656 от 5 декабря 1835 г.
- ⁵⁰ Там же, т. XVIII, № 17146 от 7 сентября 1843 г.; т. XXIII, № 21871 от 9 января 1848 г.; т. XXXIII, № 33077 от 29 апреля 1858 г.
- ⁵¹ Там же, т. XXVIII, № 27648 от 30 октября 1853 г.; т. XXXI, № 30582 от 12 июня 1856 г.; т. XXXIII, № 33342 (без даты); т. XXXIV, № 35221 от 8 декабря 1859 г.; т. XXXV, № 36362 от 29 ноября 1860 г.
- ⁵² Там же, т. XXXV, № 35483 от 25 февраля 1860 г.; т. XXXI, № 30491 от 15 мая 1956 г.
- ⁵³ Там же, т. II, № 1202 от 12 июня 1827 г.; т. XXII, № 21381 от 7 июля 1847 г.; т. X, № 7930 от 6 марта 1835 г.; т. XXXII, № 31863 от 21 мая 1857 г.; т. XXI, № 19661 от 26 января 1846 г.; т. XXIV, № 22884 от 3 января 1849 г.
- ⁵⁴ Там же, т. XXXIII, № 33591 от 3 октября 1858 г.
- ⁵⁵ Там же, т. XXXIV, № 35286 от 25 декабря 1859 г.
- ⁵⁶ Там же, т. VII, № 5862 от 27 декабря 1832 г.; т. XVII, № 15695 от 27 мая 1842 г.
- ⁵⁷ Там же, т. XI, № 9027 от 24 марта 1836 г.; т. XXXIII, № 32948 от 4 апреля 1858 г.
- ⁵⁸ *Белоножка Ю. А.* Опыты русского земледелия на Камчатке и в Российской Америке: Агроном Е. Л. Черных.— В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1976, вып. V, с. 194—214.
- ⁵⁹ ПСЗ, II, т. VI, № 4760 от 18 августа 1831 г.; т. VIII, № 6048 от 14 марта 1833 г.; т. XV, № 13931 от 12 ноября 1840 г.
- ⁶⁰ Там же, т. XV, № 13931.
- ⁶¹ Там же, т. VIII, № 6048.
- ⁶² Там же, т. XV, № 13931.
- ⁶³ Там же, т. XXVI, № 25669 от 22 октября 1851 г.
- ⁶⁴ Там же, т. XXXI, № 30827.
- ⁶⁵ Там же, т. XXXIII, № 32998 от 15 апреля 1858 г.; т. XXXIII, № 33413 от 19 июля 1858 г.; т. XXXIV, № 34754 от 17 июля 1859 г.
- ⁶⁶ Там же, т. XIV, № 12733 от 30 сентября 1839 г.
- ⁶⁷ Там же, т. XV, № 13931 от 12 ноября 1840 г.
- ⁶⁸ Там же, т. I, № 259 от 13 апреля 1826 г.
- ⁶⁹ *Шенелев Л. Е.* Акционерные компании..., с. 34.

- ⁷⁰ ПСЗ, II, т. XIII, № 11068 от 18 марта 1838 г.; т. XXIII, № 22635 от 5 октября 1848 г.
- ⁷¹ Там же, т. XVI, № 14349 от 11 марта 1841 г.; т. XXIII, № 22557 от 7 сентября 1848 г.
- ⁷² Там же, т. XXXI, № 30744 от 20 июля 1856 г.; т. XXXII, № 32225 от 12 сентября 1857 г.
- ⁷³ Там же, т. XIII, № 10961 от 8 февраля 1838 г.; т. XXIV, № 23679 от 25 ноября 1849 г.; т. XIV, № 12573 от 25 июля 1839 г.; т. XXIV, № 23225 от 4 мая 1849 г.; т. XVI, № 15093 от 2 декабря 1841 г.; т. XXIV, № 23555 от 6 октября 1849 г.
- ⁷⁴ Там же, т. XXIV, № 23563 от 11 октября 1849 г.; т. XXV, № 24526 от 10 октября 1850 г.
- ⁷⁵ Там же, т. XVII, № 15451 от 31 марта 1842 г.; т. XXVII, № 26088 от 22 марта 1852 г.
- ⁷⁶ Там же, т. XIX, № 17964 от 6 июня 1844 г.; т. XXVII, № 26364 от 11 июня 1852 г.
- ⁷⁷ Там же, т. XXVI, № 25166 от 27 апреля 1851 г.; т. XXXV, № 35480.
- ⁷⁸ Там же, т. XIII, № 10959 от 8 февраля 1838 г.; т. XIV, № 12521 от 8 июля 1839 г.; т. XXIV, № 23313 от 13 июня 1849 г.
- ⁷⁹ Там же, т. XXIII, № 21987 от 13 февраля 1848 г.; т. XXIV, № 23562 от 11 октября 1849 г.; т. XXX, № 29204 от 8 апреля 1855 г.
- ⁸⁰ *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании..., с. 32—33.
- ⁸¹ ПСЗ, II, т. X, № 8391 от 4 сентября 1835 г.

**НОВЫЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ВОТЧИННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
В МОСКОВСКОМ УЕЗДЕ В XVI В.***

В. Б. Павлов-Сильванский

Писцовые и другие поместно-вотчинные книги Московского уезда XVI в. представляют исключительный интерес для изучения истории феодального землевладения. Однако все книги уезда за данное столетие, которыми располагают исследователи, не только сохранились во фрагментарном виде, но и имеют множество самых разнообразных дефектов. Сказанное относится и к наиболее значительному по объему списку писцовой книги 1584—1586 гг. Т. А. Хлопова «с товарищи»¹. Его изготовили в 1622 г. для «приправки» писцам Л. А. Кологривову и Д. Скирину. Уже к тому времени состояние подлинника было столь плачевным, что в Указную книгу Поместного приказа сочли нужным записать: «...и даны приправочные книги Лаврентью не сполна, потому что Тимофеевы книги Хлопова в Московское разоренье згнили и станы не сполна, многих земель в станах за помещики и за вотчинники и порозжих земель не было»². Но просмотр скрепы («ди-ак-Иван-Гря-зев») убеждает в том, что и сам список имеет утраты листов. Всего насчитывается 18 перерывов скрепы. Даже если в каждом случае предполагать утрату лишь стольких листов, сколько недостает частей скрепы, получается внушительная цифра — 40 листов³. Однако нельзя поручиться за то, что всякий раз перед нами не нечто большее. Например, соседние листы отмечены частями скрепы: «Иван-ди»; на первый взгляд, здесь нет всего двух листов с частями скрепы: «Гря-зев»; в то же время не исключен ведь и такой вариант: «Иван- [Гря-зев-ди-ак-Иван-Гря-зев]-ди» и т. д. Кроме того, список дошел до нас без начала и конца, что всегда таит в себе любые неожиданности, касающиеся объема утраченного текста.

Наряду с этим текст действительно имеет массу других, различных по своему характеру дефектов — результат как плохой сохранности подлинника писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарищи» к моменту изготовления с нее данного приправочного списка, так и тех повреждений, которые получил сам список. Общее состояние текста списка можно в какой-то мере проиллюстрировать следующим образом. Хотя при подготовке к печати рукопись не была предварительно подвергнута детальному источниковедческому ана-

* Текст этого источника, подготовленный к печати В. Б. Павловым-Сильванским, помещен в разделе «Публикации» данного сборника.

лизу и в силу того издателям «Писцовых книг Московского государства» удалось выявить далеко не все дефекты, все же в подстрочных примечаниях ими перечислены 126 таких случаев. Значительную часть их составляют места текста, выделенные издателями словом «пробел» или отточием⁴. На самом деле дефектов гораздо больше, причем положение осложняется крайне плохой сохранностью итоговых данных.

В предлагаемой статье автор ставил целью проанализировать один документ, который, существенно восполняя утраты списка писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарищи», позволяет расширить представление как о ней самой, так и о некоторых процессах, происходивших на территории столичного уезда в XVI столетии. Для этого в первую очередь нужно обратиться к самому началу изучения означенной писцовой книги.

В середине прошлого века были напечатаны два труда И. Д. Беляева, в которых он обосновывал свою точку зрения на так называемые приправочные книги, относимые им к особой разновидности описательных работ, существовавшей наряду с писцовыми, дозорными, переписными и иными книгами. В статье «О поземельном владении в Московском государстве» определение приправочных книг сформулировано так: наряду с наказами «при составлении писцовых книг принимались в руководство и в основание книги приправочные, в которых подробно излагалось, кому принадлежат какие имения и по каким документам на право владения»⁵. В предисловии к своей публикации «Приправочная книга Рязанского уезда 7124 года и Приправочная книга Московского уезда 7094 года» Беляев уточнил это определение: «Значение приправочных книг в древней Московской администрации было по преимуществу юридическое. Приправочные книги составлялись, собственно, для засвидетельствования, на каких правах кто владеет каким недвижимым имением». (Владельцы приносили эти документы писцам, которые и записывали в книгу имения со ссылками на соответствующие «крепости»⁶.)

В обоих случаях Беляев подкрепил свое определение таким аргументом: «как именно сказано в одной выписи из приправочных книг: „Лета 7094-го выписано из книг Московского уезду половина писма и меры Тимофея Андреевича Хлопова с товарищи, которые бояре и дворяне и дети боярские и приказные люди и вдовы и недоросли владеют вотчинами по старым книгам и по купчим крепостям и по изустным памятам и по закладным кабалам, и крепости на те вотчины клали“»⁷. В качестве примеров «формы описи этой книги» им были взяты фрагменты текста: в статье — описание вотчины Ф. В. Пушкина, а в предисловии к публикации — описание вотчины Б. И. Полева.

Заглавие публикуемой книги Московского уезда Беляев передал словами: «Приправочная книга по Московскому уезду 7094 году. (Отрывок)», не указав ее архивного шифра. Ю. В. Готье установил, что Беляевым издана «часть книг письма и меры Тимофея Андреевича Хлопова с товарищи 7093 и 7094, т. е. 1584—1586 годов,

закрывающая описание Горетова стана». Но при этом он отметил: «Неизвестно, каким списком пользовался Беляев для издания отрывка книги Хлопова; можно только думать, что это не был список архива министерства юстиции», так как в отрывке «вовсе не помещено описание вотчины вдовы царевича Ивана Ивановича — старицы Леониды». (Для сравнения Готье привел соответствующие страницы издания ПКМГ⁸.)

Во всем разобраться помогает приведенный Беляевым архивный шифр источника, названного им «Выписью из приправочных книг» («Архив Вотчинного Департамента № 1»), который мог остаться вне поля зрения Готье по той причине, что он помещен не в предисловии к названной публикации книг, а в статье «О поземельном владении в Московском государстве»⁹. Сравним этот шифр с данными, которыми снабжена книга, хранящаяся в ЦГАДА и заключающая в себе список описания Московского уезда Т. А. Хлопова «с товарищи», опубликованный в издании ПКМГ. Переплет тома имеет два стандартных ярлыка, содержащих следующие печатные и вписанные от руки сведения. На верхней доске: «Москва. Книга приправочная 7094 года № 01. 1835 г. № 1» и на корешке: «Приправочная. Москва 7094. Архив II вотч. Разб. Комит. 1835 года. Кн. 257». На первом листе почерком XVII в. написано: «Список с книг 7094-го году»¹⁰. Сотрудник Разборного комитета 1835 г. том «читал», «считал» и среди обнаруженных «предметов» отметил в предпосланной тому справке наличие на л. 729 текста, начинающегося словами: «Лета 7094-го выписано из книг Московского уезду половина писма и меры Тимофея Андреевича Хлопова с товарищи...» (и т. д.). Это и есть вводная часть «Выписи», которой пользовался Беляев. Следовательно, речь идет об одной и той же архивной единице хранения, только Беляев обозначил ее шифром из более ранней системы учета. Позже в описи Московского архива Министерства юстиции и ныне в описи ЦГАДА она значится под номером 257. Сравнительный анализ текста также показал, что источником обеих публикаций (Беляева и ПКМГ) послужила начальная большая часть именно этой книги № 257 (л. 1—728). Беляев напечатал из нее «Отрывок» — описание Горетова стана; в ПКМГ текст был издан полностью. Описание вотчины старицы Леониды Беляев не напечатал, видимо, не заметив, что оно тоже относится к Горетову стану, так как расположено уже после общего итога стана¹¹.

Сотрудники Разборного комитета 1835 г. не восприняли «Выпись» как особый документ. Располагая записью на первом листе рукописи «Список с книг 7094-го году» и начальными словами «Выписи»: «Лета 7094-го году выписано из книг Московского уезду...» и заметив, что в обоих текстах встречаются названия одних и тех же станов, они, видимо, посчитали, что основной текст тома (л. 1—728) — сама книга Т. А. Хлопова «с товарищи» 1584—1586 гг., а «Выпись» — извлечение из нее, касающееся только вотчин. Поэтому было сочтено возможным использовать сведения вводной части «Выписи» о книге для ее характеристики в описи архива. Этим

дело и ограничилось. По счастливой случайности не было допущено ошибки, ибо, как убедимся ниже, «Выпись» имеет прямое отношение к данному писцовому описанию.

Таким образом, Беляев и при передаче архивного шифра используемого им источника и в своих рассуждениях о нем опирался на точку зрения авторитетного учреждения, отраженную в его официальной документации.

Беляев также полагал, что в качестве основного доказательства всех перечисленных выше положений ему послужил один источник — приправочная книга Т. А. Хлопова «с товарищи» 1584—1586 гг. Первая часть тома — сама книга Т. А. Хлопова (из нее он опубликовал «Отрывок» и на его материале охарактеризовал черты приправочных книг); вторая же часть тома, названная им «Выписью», — извлечение из той же книги Т. А. Хлопова, касающееся только вотчин (именно она оказала решающее влияние на возникновение у Беляева представления о приправочных книгах как особой разновидности описательных работ; текстом вводной части и описаниями двух владений из нее он подкрепил свое определение книг)¹². Только наличием такого взгляда на источник можно объяснить тот факт, что ученый не сопоставил тексты обеих частей тома. Попробуем сделать это, касаясь, конечно, лишь основных моментов, на примере описания вотчины Б. И. Полева¹³.

1) В «Выписи» начало описания, содержащее обоснование владельческих прав на вотчину, выглядит так: «Богдан Иванов сын Полев: вотчины за ним отца его 61-го по докладу преосвященнаго митрополита Макарья всеа Русии по духовной грамоте Огрофены Григорьевы жены Иванова сына Нагово, Ондреевы дочери Иванова сына Товаркова, что выкупил у архиморита у Феогноста»; аналогичное место текста напечатанного Беляевым «Отрывка» самой книги о том же сообщает: «За Богданом за Ивановым сыном Полева старая отца его вотчина». Уже одно это показывает, что здесь мы имеем нечто иное, чем просто текст приправочной книги и «Выпись» из нее. Похоже даже на то, что в данном случае, наоборот, «Выпись» могла послужить источником краткого резюме приправочной книги: «старая отца его вотчина».

2) «Выпись» отметила в вотчине сельцо Кочабарова и деревню Корнаухову «с пустошми»; «Отрывок» книги — деревню Кочабарову, пустошь, «что был починок» Корнаухов, и шесть пустошей, «что были деревни». Столь разноречивые сведения вряд ли могли исходить из одного источника. Более того, для таких изменений в состоянии населенных пунктов был необходим весьма значительный промежуток времени.

3) Оба источника зафиксировали в вотчине одинаковое количество четвертей земли: «Выпись» — 136 четв. «пашни и перелог»; «Отрывок» книги в итоге по всей вотчине — 25 четв. «пашни паханые» + 111 четв. «перелогом» = 136 четв. Подсчет же в «Отрывке» данных по каждому населенному пункту дает иные цифры: 25 четв. «пашни паханые» + 171 четв. «перелогом» = 196 четв. Конечно, нельзя исключить возможность здесь ошибки самих писцов

или описки, появившейся при создании списка писцовой книги. Но более вероятно, что цифры «Выписи» были внесены в нее из документов, предъявленных владельцем вотчины, и отражают хозяйственные данные о ней за более раннее время.

4) Судя по «Выписи», вотчина была расположена в Сурожском стане. В «Отрывке» книги она записана в Горетове стане, а в конце имеется фраза: «Да за Богданом же в вотчине в *Горетове стану* 209 четьи, а подлинно писано в том стану» (курсив мой.— В. П.-С.). Упомянутая вторая вотчина Б. И. Полева обнаруживается всего несколькими листами ранее в этом же разделе того же Горетова стана — сельцо Малинки на речке Веине с четырьмя деревьями и четырьмя пустошами; «средней» земли 209 четьв. Однако в аналогичной по характеру фразе, завершающей ее описание, сказано: «Да за ним же в *Сурожском стану* 136 четьи» (курсив мой.— В. П.-С.)¹⁴. В этой части списка писцовой книги скрепа дьяка Ивана Грязева не имеет перерыва. Следовательно, перед нами тот случай, когда список отразил дефект подлинника, в котором листы были разрознены, перепутаны, и не исключено, что в такой последовательности заново переплетены. В результате текст описания вотчины Б. И. Полева в Сурожском стане (136 четвертей земли) попал в раздел вотчин Горетова стана¹⁵.

Разбор всего лишь одного примера из «Выписи», приведенного Беляевым, уже не подтверждает его вывода о характере этого источника. Более того, пользуясь образным выражением В. О. Ключевского (относящимся, правда, к писцовым книгам в целом), можно сказать, что и сам источник, и соотношение его сведений с данными, содержащимися в книге Т. А. Хлопова, «задают очень много дела исторической критике»¹⁶.

Дальнейшая судьба дела № 257 сложилась так. Первая его часть — «список» XVII в. писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарищи», сохранившийся без начала и не содержащий данных о времени своего составления, а также о писцах (л. 1—728), — была напечатана, как отмечалось, в 1872 г. в ПКМГ. Издатели озаглавили ее своими словами: «Список с писцовой книги 7093 и 7094 (1584—1586) гг. поместных и вотчинных земель в станах: ... письма и меры Тимофея Андреевича Хлопова с товарищи...»¹⁷. Совершенно очевидно, что извлечь эти сведения (как и И. Д. Беляев) они могли только из текста, открывающего так называемую «Выпись». Но наличие ее в томе издателями не отмечено. На это обратил внимание Готье, который в архиве работал непосредственно с самим томом и видел «Выпись». Он писал: «Самая обширная из сохранившихся писцовых книг Московского уезда XVI века представляет, как видно из приписки в рукописи, пропущенной в печатном издании, список с книг письма и меры Тимофея Андреевича Хлопова с товарищи 7093 и 7094, т. е. 1584—1856 годов. Она издана Калачевым под № 4». В сделанной автором сноске читаем: «Моск. Архив Министерства юстиции: писц. кн. 257, л. 729: „лета 7094 выписано из книг Московского уезда письма и меры Т. А. Хлопова с товарищи...“»¹⁸. Это и есть текст, открывающий «Выпись». Однако он был

принят Готье всего за «приписку в рукописи», предвещающую извлечение из данной писцовой книги, а потому и использован им только для обоснования датировки книги, установления имен писцов и описываемого уезда. Все остальные исследователи, обращавшиеся к писцовой книге Т. А. Хлопова «с товарищи», пользовались не оригиналом, а изданием ПКМГ. Так трижды оказавшись в поле зрения ученых, «Выпись» даже не была сопоставлена с текстом писцовой книги. В результате природа и характер этого источника остались невыясненными, и он вновь на долгие годы был обречен пребывать без всякого применения.

Между тем анализ «Выписи» показывает, что это не извлечение из книги Т. А. Хлопова «с товарищи», а дошедший до нас в копии XVII в. уникальный по содержанию документ писцового делопроизводства XVI в. Условно его можно назвать явочным списком вотчинных владений той «половины» Московского уезда, которую описывали данные писцы.

Документ расположен в томе непосредственно за текстом писцовой книги и занимает 41 с половиной лист¹⁹. Но совершенно очевидно, что он дошел до нас не полностью. Последний лист завершается подзаголовком: «Стан Кошелев», после чего должен был следовать перечень имевшихся в нем вотчин. Кроме того, этот последний лист помечен частью скрепы: «Иван», т. е. можно подозревать утрату по меньшей мере двух листов с частями скрепы «Грязев». Нахождение явочного списка в одном томе со списком писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарищи» при наличии единой для обоих источников скрепы дьяка Ивана Грязева указывает на то, что его текст сохранился не в подлинном виде. Он был переписан вместе с писцовой книгой этих писцов в 1622 г. и включен в приправочный комплекс для Л. А. Кологривова и Д. Скирина, посланных заново описать ту же часть Московского уезда.

Вводная часть явочного списка объединяет его общее название и заголовок лишь первого раздела, касающегося вотчин лиц, которые перед писцами «крепости на те вотчины клали». Но помимо этого, имеются еще два раздела: 1) «Да в Московском же уезде за дворяны и за детми боярскими вотчины за ними старые их, а владеют ими по приправочным книгам и по записному списку, а крепостей не клали» и 2) «Да в Московском же уезде которые бояре и дворяне и дети боярские владеют вотчинами, а в приправочных книгах те вотчины и в продажном списку не написаны, и крепостей на те вотчины не клали»²⁰. Внутри каждого раздела материал приведен по станам. В первом разделе это станы: Сурожский, Горетов, Манатын, Быков и Коровин, Бохов, Воря и Корзенов, Шеренский, Отъезжий, Почернев, Кошелев. Во втором разделе это станы: Сурожский, Горетов, Манатын, Бохов, Радонез и Бели, Радонез и Корзенов, Воря и Корзенов, Шеренский, Пехорский, Почернев, Кошелев, Васильцов. В третьем разделе — это станы: Сурожский, Горетов, Манатын, Быков и Коровин, Бохов, Воря и Корзенов, Шеренский, Кошелев.

Явочный список содержит сведения о 170 вотчинниках на середину 80-х годов XVI в. и 125 бывших владельцах этих вотчин, прежде всего членах государева двора. Основное внимание уделено документальным обоснованиям владельческих прав на вотчины. Остальное изложено весьма кратко: названия населенных пунктов и пустошей (иногда всех, чаще лишь основных со стандартными добавлениями типа: «да 15 деревень», «да 5 пустошей» или просто «з деревнями», «с пустошми», или «селище, а имяним в купчей не написано» и т. д.), а также общие цифры четвертей «пашни паханые и перелог».

Сопоставим теперь более детально тексты явочного списка и писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарищми».

Явочный список подтверждает косвенные указания самой писцовой книги на то, что в ней недостает описаний трех станов — Васильцова, Кошелева, Почернева, — и добавляет к ним еще один — Пехорский. Путем сравнения порядка расположения станов в обоих источниках устанавливается, что перечисленные станы помещались в писцовой книге вслед за описанием Шеренского стана. Более того, явочный список позволяет восстановить вотчинную часть этой утраты текста писцовой книги. (По отношению к сохранившимся в ней описаниям десяти станов четыре стана составляют 40%; соответственно к 147 описаниям вотчин, имеющимся в книге, описания 30 вотчин этих четырех станов составляют 23,7%. Но если к ним присоединить описания еще десяти вотчин, утраченные благодаря дефектам текста в станах, которые есть в писцовой книге, то общее число таких вотчин возрастет до сорока и составит уже 27%)²¹. К сожалению, текст последнего раздела явочного списка о вотчинах, не отмеченных ни в приправочных книгах, ни в «продажном списке» и на которые владельцы «крепости не клали», обрывается как раз на подзаголовке «Стан Кошелев».

Несомненна важность впервые представляемого явочным списком комплекса сведений обо всех вотчинах этих четырех станов. Вот несколько тому примеров.

Из писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарищми» было известно, что один из руководителей особого двора Грозного — Деменша Иванович Черемисин владел вотчинами в станах «Манатыне, Быкове и Коровине» и Объезжем (314 четв.)²², а его брат Демид Иванович — в Объезжем стане (253 четв. с полуосьминою)²³. Но описания данных владений завершаются указаниями на то, что в Кошелеве стане братья имели еще вотчины: первый — 412 четв., а второй — 329 четв. с осьминою. Благодаря явочному списку стали известны некоторые подробности об этих их вотчинах. Деменша Иванович «купил у Ивана у Прюестева 92-го году селцо Лешовова» — 225 четв. и «купил ис порозжих земель сельцо Мишнево да пустошь Панова Буринова тож» — 187 четв. с осьминою (всего 412 четв. с осьминою)²⁴. Вотчину Демидова составили: купленные «из порозжих земель деревни Осева (так в рукописи. — В. П.-С.). И всего 2 деревни да 7 пустошей» — 190 четв.; купленная «у Микифора у Давыдова пустошь Серина» — 41 четв. с полуосьминою и «старое

его вотчина деревня Мизинова. И всего 3 деревни» — 125 четв. (всего 356 четв. с полусьминою)²⁵.

Особым положением и ролью рода Романовых в XVI — начале XVII в. объясняются неоднократные научные изыскания с целью выявления вотчин, принадлежавших его представителям. Поэтому не может остаться без внимания свидетельство явочного списка о том, что в Васильцове стане находилась крупная вотчина брата царицы Анастасии боярина Никиты Романовича Юрьева — села Измайлово и Рубцово с семью деревнями и тремя пустошами (657 четв. с осьминою)²⁶.

В Кошелеве стане владел значительной вотчиной Андрей Петрович Клешнин (дядька царя Федора; в первые годы его царствования вошел в ближнюю думу сначала в чине думного дворянина, а затем окольничего; по свидетельствам современников, деятель, близкий к Борису Годунову). Вотчина состояла из следующих частей: деревни Шкиня и Тимофеевская, купленные «в 94-м году... у Дмитрея у Вельяминова»; деревня Жаркова, которая «в приправочных книгах... стоит за Левоньем за Нероновою да за Микитою за Тряпизоновым в вотчине»; «пустошь Колова, а Совостьяново тож. И всего 4 пустоши (так в рукописи.— В. П.-С.), а в приправочных книгах те пустоши стоят в поместье за Лобаном за Федоровым сыном Шаблыкина»; сельцо Микифорово «по записным книгам 91-го году, что купил у аптекаря у Якова». И это еще не все. Неподалеку братья Н. А., И. А. и С. А. Топорковы имели вотчину, записанную за ними «по приправочным книгам» (село Сопково с пустошами — 126 четв. без полуосьмины). Однако «по записным книгам 94-го году тое ж вотчины пустошь Новинки, пустошь Круглое 63 четьи за околничем за Андреем Петровичем Клешниним»²⁷. Даты купчих и упоминания о приправочных книгах, которыми располагали писцы Т. А. Хлопов «с товарищи», показывают, что А. П. Клешнин приобрел земли за сравнительно короткий промежуток времени. Можно выделить: сам факт приобретения в вотчину бывшего поместья Л. Ф. Шаблыкина; бывшую вотчину Топорковых, дополняющую сведения о земельных владениях этого рода, собранные С. Б. Веселовским²⁸, и кажется, самое раннее свидетельство о земельном владении аптекаря, очевидно, выезжего иноземца.

В Почерневе стане записано: «Дяк Дорофей Иванов сын Бохин: вотчины за ним по купчей 92-го году, что купил у Исака, а прозвищу у Босарги Федорова сына Левонтьева да у ево сына у Петра селцо Поворова да 3 пустоши: пашни паханые и перелогу 84 четьи с осминою»²⁹. Главные участники сделки хорошо известны. Покупатель вотчины — «дьяк Разбойной пзбы, 25 мая 1584 г.»³⁰; продавец вотчины — опричник, осуществлявший вместе со своим братом Басенком «правеж» п межевание в Двинском уезде³¹, в середине XVI в. служил по Москве³². И тем не менее данный текст явочного списка от начала до конца крайне интересен. Начать с того, что известные документы, касающиеся жизни и деятельности Леонтьева, сообщают только его прозвище — Басарга. В. Д. Назаровым была предпринята попытка выяснить крещальное имя Ба-

сарги³³. Благодаря тексту явочного списка устанавливается, что в привлеченном Назаровым для этой цели документе под именем «Иван», по-видимому, действительно упомянут брат Басарги — Басенок, а имя самого Басарги — «Исак». Далее, если раньше сведения об Исаке (Басарге) Федоровиче Леонтьеве обрывались на 1568—1569 гг., то теперь мы знаем, что он был еще жив в 1585—1586 гг. и имел сына Петра, совместно с которым владел вотчиной в столичном уезде. Известие об этой вотчине тоже важно, ибо до сих пор было обнаружено лишь то, что братья Басарга и Басенок Леонтьевы имели земельные владения в Переславском и Каширском уездах³⁴.

Во многом уточняются данные и о вотчинах: думного дворянина И. П. Татищева (Почернев стан, деревня Юркина — 62 четв. с осьминою); известного деятеля, позже тоже думного дворянина, В. Б. Сукина (Почернев стан, село Троицкое с деревнями — 285 четв. без полуосьмины и Кошелев стан, пустошь Соколово — 125 четв.); Ф. В. Шереметева (Васильцов стан, сельцо Губино — 72 четв. с осьминою) и Ф. И. Шереметева (Васильцов стан, сельцо Кусково с 11 деревнями — 190 четв. с осьминою)³⁵.

Наряду с этим явочный список восполняет пробелы в описаниях тех станов, которые есть в списке писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарищи».

Так, согласно списку писцовой книги, в стане Манатыне, Быкове и Коровине владели вотчиной Семен и Алексей Фомины дети Третьякова (село Витенево с 17 пустошами — 558 четв.)³⁶. Подтверждая это, явочный список здесь же сообщает: «Семен Фомин сын Третьякова один: вотчина за ним по приправочным книгам село Ховрино да 5 пустошей: пашни паханые и перелого 247 четви с осминою»³⁷. В своем полном виде данное известие не только подтверждает, что вотчина Третьяковых была значительно больше, чем отразил из-за дефекта текста список писцовой книги, но и представляет интерес в связи с тем значением, которое играл мощный род Головиных (к нему принадлежали и Третьяковы) в последние годы царствования Ивана Грозного и в дворцовой борьбе, развернувшейся после его смерти. В частности, лишний раз подтверждается тот факт, что, несмотря на сложные внутриполитические перипетии, некоторые представители рода Головиных к 1586 г. не утратили своих значительных земельных владений.

Из явочного списка мы узнаем, что в стане Воря и Корзенов находилась вотчина З. А. Руготина, которую он купил в 7058 (1549/50) г. у И. М. Вешнякова — государственного деятеля, пользовавшегося особым расположением Ивана Грозного³⁸. То же самое можно сказать о довольно большой вотчине князя Ивана Стародубского в Манатыне стане (треть села Льялова с пустошами — 268 четв. без полуосьмины)³⁹, а также о находившейся по соседству вотчине хлебников Я. П., Д. П. и Г. М. Басовых (деревня Вознесенская — 81 четв. с полуосьминою)⁴⁰.

Большую значимость имеют сведения явочного списка о документах на право владения вотчинами. Взять хотя бы тот факт,

что список писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарищи» содержит даты всего восьми документов⁴¹. Явочный список увеличивает число датированных документов до шестидесяти восьми. Естественно, что большинство их упомянуто в первом разделе, где речь идет о вотчинах, на которые владельцы перед писцами «крепости клали». Среди них: жалованная грамота 1568/69 г.; две духовные — 1552/53 и 1571/72 гг.; три данные — 1570/71, 1574/75 и 1579/80 гг.; три рядные записи — 1566/67, 1580/81 и 1584/85 гг.; две «изусные памяти» 1569/70 и 1571/72 гг. Основную массу составляют купчие: три из них — 1550/51, 1554/55 и 1569/70 гг., подавляющая же часть приходится на 1571—1586 гг.

Во втором разделе — о вотчинах, которыми «владеют... по приправочным книгам и по записному списку, а крепостей не клали», — права землевладельцев неоднократно обосновываются ссылками на «продажные списки» и «записные книги» 7082 (1573/74), 7083 (1574/75), 7084 (1575/76), 7085 (1576/77) гг. Но, несмотря на указание подзаголовка раздела о «крепостях», в нем упоминаются: деловая грамота 1560/61 г., данная грамота 1574/75 г. и несколько купчих 90-х годов XVI в. (при этом названо 16 бывших владельцев).

Даже в последний раздел о вотчинах, права на которые оказались ничем не подтвержденными, попала одна ссылка на «записные книги» 1575/76 г.⁴²

Насколько наличие даты документа (да еще подчас в совокупности с дополнительными деталями) расширяет представление о происхождении владения, можно было убедиться на примере вотчины Б. И. Полева. Приведем еще несколько примеров.

Вот что сообщают в этом плане о вотчине Бериги Григорьевича Вельского (Сурожский стан) оба имеющихся в нашем распоряжении источника.

*Список писцовой книги
Т. А. Хлопова с «товарищи»⁴³*

Составные части вотчины:
«...что было преж того за Иваном Петровым сыном Голохвастова» (полтреди сельца Юркина с деревней Шишкиной и пустошью Седелпиково)
«...что было преж сего за Гаврилом за Ивановым сыном Михайлова сына Тимофеева» (село Воскресенское и «дер. селцо Кортуново» с деревнями)
«...по купчей 88-го году, что было преж того в вотчине Овдотьи Степановы дочери Калитина» («пуст., что было слц. Еспилева» и «пуст., что было слц. Евсюкова»)
«...по купчей, что была преж того за Иваном да за Михайлом за Федоровыми детьми Чубарова» (село Терентьево с деревней Одишцево)

*Явочный список
тех же писцов⁴⁴*

Составные части вотчины:
«...что купил у Ивана у Петрова сына Голохвастова» («полтреди сельца Юркина да деревня живущая да пустошь»)
«...по купчей 85-го году, что купил у Гаврила у Михайлова сына Тимофеева» («село Воскресенское да селцо Старое Кортунова з деревнями»)
«...по купчей 88-го году, что купил у Овдотьи у Степановы дочери Калитина, а у Андреевы жены Борисова сына Ступишина да у ее сына у Прокофья» («селцо Еспилево да пустошь»)
«...что купил у Ивана да у Михаила у Федоровых детей Чубарова 86-го году» («селцо Терентьево да деревню Овишцево»)

Текстуально дополнения явочного списка здесь не столь уж значительны. Однако они позволяют совсем по-иному взглянуть на происхождение данного земельного комплекса В. Г. Бельского. По списку писцовой книги две составные части этой сборной вотчины были куплены (одна из них в 1579/80 г.), способы же приобретения еще двух частей не устанавливаются (приведены лишь имена их бывших владельцев). Оказывается, все части вотчины являлись куплями, осуществленными за весьма короткий срок. Именно в эти годы Бельские «занимали при дворе исключительное положение благодаря близости к Ивану IV виднейшего опричника Малюты Скуратова Вельского, а позднее его племянника Богдана Яковлевича, который, по словам Горсея, был главным любимцем царя»⁴⁵. Племянник Б. Я. Бельского Петр (Верига) Григорьевич Бельский в калужском походе 1576 г. рында с копьем; в 1577—1580 гг. он упоминается в чине стольника⁴⁶. Видимо, такое положение при дворе благоприятствовало активному приобретению вотчинных владений, в том числе путем их покупок.

Стати, сказанное относится не только к Бельским. Многие дворовые Ивана Грозного, пользуясь своей близостью к государю, скупали, а иногда — возможно, незаконно — захватывали подмосковные земли. В этом плане, а также для характеристики особенностей сведений явочного списка показателен следующий пример. В списке писцовой книги имеется довольно глухое свидетельство о том, что в Горетове стане «за дьяком за Яковом за Ондреевым сыном Витовтова селцо Повадино в вотчине» (с деревней Сохино)⁴⁷. Явочный список среди вотчин Сурожского стана упоминает: «Дьяк Яков Витовтов: вотчины за ним 93-го году, что было преж того за Семейкою за Ододуrowым. И государь ево пожаловал за ево иск селцо Повадино да деревню Сохину: пашни и перелогу 105 четъи»⁴⁸. Теперь становится ясным, что сын новгородского дворянина Семен Григорьевич Адодуrow, принятый во двор Ивана Грозного, каким-то образом стал владельцем этой вотчины; сразу же после смерти царя законность прав на вотчину была оспорена дьяком Я. Витовтовым, которому она перешла «за ево иск».

Явочный список показывает, как с воцарением Федора Ивановича лица из его ближайшего окружения начали активно приобретать земли в Московском уезде. Среди них были и приказные деятели — дьяки В. Щелкалов, С. Сумароков, М. Бледной⁴⁹. В то же время многие старые дворовые Ивана Грозного подчас утрачивали свои владения⁵⁰.

Очень важны сведения явочного списка, имеющие отношение к мероприятию правительства по продаже в Московском уезде «порожных» поместий в вотчины (1572—1577 гг.).

Из сохранившегося в Указной книге Поместного приказа изложения указа 1572/73 г.⁵¹ известно, что такие земли предполагалось продавать служилым людям, чинам приказов и «мочным гостем» с предоставлением им и их детям права продажи и отдачи в приданое купленных вотчин («только в монастыри тех вотчин не отдавати»). С этой целью в 1572/73 г. был создан особый приказ во

главе с князем Д. А. Друцким и дьяком К. Горниным, действовавший до 1577 г. (последние два года вместо казенного Друцкого его возглавлял князь И. Гагарин). Однако до сих пор не обнаружен ведшийся все это время и фиксировавший подобные сделки «продажный список». Сохранилось всего несколько купчих и незначительное число упоминаний в «писцовых» книгах Московского уезда 70-х и 80-х годов XVI в. относительно того, что вотчины были куплены из «порозжпх» поместных земель.

На основании этого исследователи пришли к выводу о том, что данное мероприятие правительства не осуществилось столь широко, как было задумано. Правда, С. Б. Веселовский, отметив в первую очередь состояние источниковой базы, писал: «...судя по всему, что известно (курсив мой.— В. П.-С.), покупкой подмосковных пустошей в вотчину воспользовалось небольшое количество лиц, преимущественно из верхов московского дворянства»⁵². Вывод же В. И. Корецкого, опиравшегося на те же источники, более категоричен: «Продажа запустевших поместий в вотчины даже в ограниченной сфере Московского уезда успеха не имела в силу слабости товарно-денежных отношений в стране»⁵³.

Следует заметить, что само по себе наличие в распоряжении исследователей лишь немногих купчих не может служить основанием для такого вывода. Судя по явочному списку и писцовым книгам Московского уезда XVII в., подавляющее большинство этих документов находилось у владельцев приобретенных вотчин или лиц, к которым земли перешли позже, и их отложение в фондах архивов являлось делом случая. Нельзя также не учитывать возможности гибели многих таких документов и того, что в архивах подчас еще имеются не разобранные значительные документальные комплексы поместно-вотчинных учреждений.

Удалось установить, что дошедшие до нас во фрагментарном состоянии книги Московского уезда 70-х годов XVI в. вовсе не являются писцовыми⁵⁴. За исключением описания Васильцова стана из «книг писма и дозору Ивана Коробова и Волдыря Симанова с товарищи 82-го году» (1573/74), это «книги писма и отделу Ондreja Молчанова 85-го и 86-го году» (1576—1578). Причем последние не только не дают полной картины землевладения на той части территории уезда, которую они охватили, но даже всего поместного землевладения. Они отразили осуществление «поместного верстанья» 7085 (1577) г. и «приговора» 7086 (1578) г. о поместных окладах лишь тех лиц, которые составляли низший слой московских служилых людей. Кроме того, в сохранившемся фрагменте отдельной книги зафиксированы испомещения всего 67 человек из 260, внесенных в десятню П. И. Татева и дьяка С. Абрамова.

Наделение вновь «в оклады» почти всех этих лиц и «додачи им в оклады» производились за счет частей сразу нескольких «порозжпх» поместий. В каждом случае «отдельщики» тщательно записывали в свои книги, из чьих поместий происходили «дачи» и «додачи», что отразило интерес Поместного приказа не просто к сведениям о более ранних владельцах, но и к самой возможности

в будущем получить представление о некогда цельных земельных комплексах⁵⁵.

Благодаря именно этому в отдельной книге и дошло до нас несколько свидетельств о поместьях, купленных в вотчины. Так, по поводу одной из частей поместья, данного П. Чибикину, сообщается: «...что было преж сего за Васильем за Васильевым сыном Коробова, а осталось за продажею у Романа у Пивова»⁵⁶. (Книга Т. А. Хлопова «с товарищи», содержащая описания не только поместий, но и вотчин, позволяет установить, что Р. Пивов купил из бывшего поместья В. Коробова пустошь Филино⁵⁷.) У соответствующих частей поместий П. О. Федорова, Р. Т. Руднева и С. Кузминского (каждый из них получил «треть деревни Сазонова с пустошами») «отдельщики», не указав прежнего владельца, трижды отметили: «...что осталось за продажею у дьяка у Василья Щелкалова у села у Болшова»⁵⁸. (Из книги Т. А. Хлопова «с товарищи» узнаем, что купленное В. Щелкаловым село Болшево с деревнями и пустошами «преж сего было в поместье за дьяки за Микитою за Щелепиным да за Вторым за Федоровым»⁵⁹.)

То же наблюдается в отдельной книге и в отношении поместий, частично оставшихся нерозданными. Так, после описания того, что некогда принадлежало князю Ф. Татеву, значит: «Да того ж князя Федоровского поместья пустошь Шеметова продана в вотчину дьяку Шемету Иванову»⁶⁰. О бывшем поместье дьяка А. Щелкалова, находившемся на оброке за дьяком Р. Русиновым, «отдельщики» сообщили: «Да того ж Ондреевского поместья пустошь Ескино продана в вотчину дьяку Рохманину Русинову»⁶¹.

Таким образом, отсутствие в данной отдельной книге большинства сведений о «порозжих» поместьях, проданных в вотчины по указу 1572/73 г., вполне объяснимо тем, что в компетенцию ее составителей входило не собственно описание уезда, а «отдел» поместий весьма узкому кругу лиц с одновременной фиксацией тех «порозжих» поместных земель, которые «остались за роздачею у детей у боярских».

Обратимся теперь к писцовой книге Т. А. Хлопова «с товарищи» 1584—1586 гг., содержащей всего 12 прямых указаний на имевшие место покупки вотчин из «порозжих» поместий⁶².

Для начала нужно вспомнить замечание Готье о том, что «Московский уезд, как вследствие очень большого своего протяжения, так и вследствие своего первостепенного значения, делавших его описание более сложным, описывался обыкновенно не одним писцом, а несколькими»⁶³.

Известно, что в 20-е годы XVII в. уезд был описан тремя группами писцов. Для этого Замосковную «половину», расположенную на левом берегу реки Москвы, разделили на две части. Северо-западную часть «писали» в 7131 и 7132 (1622—1624) гг. Л. А. Кологривов и подьячий Д. Скирин⁶⁴. Для них в качестве одной из приправочных книг и служила писцовая книга Т. А. Хлопова «с товарищи» 1584—1586 гг.⁶⁵ Юго-восточную часть данной «половины» уезда в те годы описали С. В. Колтовский и подьячий А. Ильин⁶⁶.

В тексте их книги широко представлен приправочный материал. Это в первую очередь писцовая книга 7095 (1586/87) г. И. Фефилатьева «с товарищи», дозорная книга 7082 (1573/74) г. И. Коробова и Б. Симанова, писцовая книга 7079 (1570/71) г. А. Сабурова, а в станах Каменском, Доблинском и Рогожском — отдельная книга 7085 и 7086 (1576—1578) гг. А. Молчанова⁶⁷.

Зарецкая «половина» уезда, расположенная по правому берегу реки Москвы, в 7134, 7135 и 7136 (1625—1628) гг. была описана Ф. Ф. Пушкиным и дьяком А. Строевым. В ЦГАДА их «книги» составляют две архивные единицы хранения. Первая из них содержит описания поместных, вотчинных и монастырских земель⁶⁸, а вторая — описание «порозжих земель, опричь тех земель, что примерно в вотчинах и в поместьях»⁶⁹. Основным приправочным материалом этим писцам служил «список с книг писма и меры Елизарья Сабурова с товарищи 94-го году» (1585/86).

Хорошо видно, что и в середине 80-х годов XVI в. Московский уезд описывался тремя группами писцов. Поэтому сохранившийся список с очень дефектного оригинала писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарищи» является лишь частью этого общего описания. (Е. Д. Сташевский, основываясь на перечне станов и волостей, составленном Готье⁷⁰, полагал, что книга охватывает около трети станов и волостей и около четверти всей тогдашней территории Московского уезда⁷¹.)

Описания же 80-х годов XVI в. И. Фефилатьева «с товарищи» и Е. Сабурова «с товарищи» до сих пор не обнаружены. Между тем даже в писцовых книгах 20-х годов XVII в. имеются прямые свидетельства того, что и на тех частях территории уезда, которые ранее описывали эти писцы, происходили покупки вотчин из «порозжих» поместий согласно указу 1572/73 г.

В книге Ф. Ф. Пушкина и дьяка А. Строева описана «старинная вотчина» Ф. И. и В. И. Колычевых (половина села Котлякова с тремя пустошами), которой те владели «по грамоте 81-го года за приписью дьяка Кирея Горина»⁷². По соседству была расположена «старая вотчина» А. Д. Колычева (вторая половина того же села с тремя пустошами), принадлежавшая ему тоже «по грамоте 81-го году за приписью дьяка Кирея Горина»⁷³. Часть большой и приобретенной в разное время различными путями вотчины П. М., С. М. и К. М. Чириковых (деревня Сапуново) значителен за ними «по купчей 85-го году, что тое деревню Сапуново купил дядя их родной Тимофей да отец их Михайло из государевых порозжих земель»⁷⁴.

В книге С. В. Колтовского и подьячего А. Ильина описана вотчина П. С. Корсакова (половина деревни Михайловское с половинами двух пустошей), которой он владел «по купчей 85-го году и по закладной Юрья Оврамова 127-го году, что было в поместье за Григорьем да за Андреем Нагими»⁷⁵. (Вероятно, заложив вотчину, Ю. Оврамов передал повому владельцу и более ранний на нее документ.) За думным дьяком Ф. Лихачевым и его братом Б. Лихачевым записано: «по государеве грамоте 127-го году и по припра-

вочной книге Ивана Фефилатьева 95-го году по продажному списку старые вотчины»⁷⁶. (Писцы отметили приправочную книгу конца XVI в., ибо в ней на основании «продажного списка» эта вотчина была зафиксирована как «старая».) Тем самым число известных до сих пор фактов, относящихся к данному вопросу, увеличилось.

Если же говорить о писцовой книге Т. А. Хлопова «с товарищи», то, как представляется, редкие упоминания в ней продаж «порозжих» поместий в вотчины не могут быть объяснены лишь тем, что она охватила часть территории уезда, и тем, что уже в XVII в. ее текст был крайне дефектным. Некоторые другие причины такого положения помогает установить рассматриваемый явочный список. Судя по нему, приправочный комплекс писцов содержал широкий круг документальных материалов. Помимо более ранних писцовых, дозорных и отдельных книг, обозначенных общим термином «приправочные книги», неоднократно упоминаются: «продажный список» (один раз прямо назван «продажный список 83-го году»)⁷⁷, «записные книги» (в том числе книги «84-го», «85-го», «86-го», «89-го», «94-го», «96-го» годов)⁷⁸, а также «записные списки» (в том числе «записной список 82-го году»)⁷⁹. Насколько можно понять, под «продажными списками» подразумевались «списки», фиксировавшие именно продажи «порозжих» поместий в вотчины; «записные книги» и «записные списки» учитывали все сделки, касавшиеся собственно вотчинных земель.

Писцы использовали все перечисленные документальные материалы. Однако сведения из них отражены весьма скупо даже в явочном списке — документе, который должен был дать писцам начальное представление о владельческих правах на вотчины. И вот почему. В первом разделе явочного списка, где сосредоточены сведения о вотчинах, чьи владельцы перед писцами «крепости на те вотчины клали», последние фиксировали непосредственно такие документы. Для исследователей это очень важные данные, но, так как значительная часть «крепостей» относится к концу 70-х годов — 80-м годам XVI в., история вотчин за предыдущий период, в том числе за интересующий нас в данном случае промежуток времени (1572 г. — конец 70-х годов), не прослеживается.

Поясню сказанное тремя примерами. В явочном списке за Г. Т. Хомяковым значится вотчина «по рядной записи 89-го году, что дал тесть ево Федор Ябедин за свою дочью полпустоши Киселевой, и с рядной з записи список положил...»; С. Г. Дмитриев владел вотчиной «по закладной кобале 83-го году, что заложил у нево Иван Федоров Чертков...»; Г. П. Хорошев предъявил «купчую 92-го году» на пустошь Мышкину, «что купил у Вяшняка у Селина»⁸⁰. Характер приобретения этих вотчин прежними владельцами не устанавливается, но вспомним, что возможность всех подобных сделок распространялась и на вотчины, купленные из «порозжих» поместий. Сам явочный список показывает, что та или иная вотчина за весьма короткий срок могла несколько раз сменить владельцев (например, «Борис Володимиров сын Лодыгин: вотчины за ним по закладной кобале 88-го году, что заложил у нево Иван Васильев

сын Кобылин купил своей, что купил Иван у Володимира у Желнинского селцо Голубое с пустошами...»⁸¹).

Лишь в тех случаях, когда что-то обращало на себя внимание писцов, они привлекали вместо «крепостей» материалы своего приправочного комплекса (иногда такие материалы дополняли предъявленные «крепости»). Благодаря этому в явочный список попали сведения о лицах, которые сами купили вотчины из «порозжих» поместий и сохранили их вплоть до описания уезда Т. А. Хлоповым «с товарищии». В первом разделе это конюшенный дьяк Ш. Иванов с племянником Г. Ивановым и Д. И. Черемисинов, а во втором разделе — А. П. Клешнин⁸². (По-видимому, владельцев на месте не оказалось, купчие предъявлены не были, но, выяснив по «продажному списку» происхождение вотчин, писцы сочли возможным этим ограничиться⁸³.)

Сюда же следует отнести еще два места явочного списка: «Да за Никитою ж за Романовичем (Юрьевым.— В. П.—С.) в вотчине по закладной кобале пустошь, что было селцо Шипилово, а Шипово тож с пустошми... а в продажном списке та вотчина написана за Олексеем за Исаковым»; «Игнатей Петрович Татищев: вотчины за ним деревня Юркина, а в продажном списке та деревня стоит за князем Иваном за Звенигородцким...»⁸⁴. (Похоже, что перед нами опять-таки случаи, когда владельцы вотчин, приобретенных из «порозжих» поместий, осуществили свои права распоряжения ими, предусмотренные указом 1572/73 г.).

Во втором разделе, объединившем «вотчины ... старые ... а владеют ими по приправочным книгам и по записному списку, а крепостей не клали», обоснования владельческих прав в большинстве своем лаконичны. Чаще всего встречаются формулировки: «вотчина за ним», «вотчина за ним старая», «вотчина за ним отца ево» или «вотчина за ним старое ево по приправочным книгам», «вотчина за ним по записному списку», «вотчина за ним отца ево по вотчинным книгам» и т. п. Ссылки на датированные книги и списки довольно редки. Так, вотчины записаны за князем Н. Р. Трубецким — «по записному списку 82-го году, что купил» у П. Дедевшина; за боярином Н. Р. Юрьевым — «по записным книгам 84-го году, что купил» у М. Д. и И. Д. Карповых; за дьяком Е. Вылузгиным — «по записным книгам 89-го году, что купил у Девятова у Царевского да у дву Иванов у Марковых»; за А. П. Клешниним — «по записным книгам 91-го году, что купил у аптекаря у Якова»⁸⁵. Из документов приведены лишь три купчие, причем все относятся уже к середине 80-х годов XVI в.⁸⁶

Последний раздел, где перечислены вотчины, которые «...в приправочных книгах ... и в продажном списке не написаны, и крепостей на те вотчины не клали», естественно, дает еще меньше обоснований владельческих прав.

И все же, хотя происхождение многих вотчинных владений остается пока неясным, явочный список наряду с увеличением числа известных фактов приобретения вотчин из «порозжих» поместий выявляет одну существенную деталь. Т. А. Хлопов «с товарищии»

имели в своем приправочном комплексе и использовали часть «продажного списка», которая относилась к описываемой ими территории. Нельзя не вспомнить также свидетельства писцовой книги XVII в. (С. В. Колтовского и подьячего А. Ильина) о том, что еще одна часть того же «продажного списка» была в приправочном комплексе другой группы писцов уезда 80-х годов XVI в.— И. Феллатьева «с товарыщи».

Но тогда можно с большой долей уверенности предположить, что, помимо приказа Д. А. Друцкого (позже — князя И. Гагарина), текст «продажного списка» располагал Поместный приказ, снабдивший каждую из групп писцов уезда соответствующими его частями. Однако вряд ли Поместный приказ передал писцам части имевшейся у него копии «продажного списка»; несомненно, была изготовлена еще одна копия, которую и поделили между писцами при отправке их в уезд. Следовательно, есть основания говорить о возможном существовании в 80-х годах XVI в. по меньшей мере трех экземпляров «продажного списка», а это в известной мере увеличивает вероятность обнаружения столь важного источника³⁷.

И, наконец, сопоставим еще в одном плане тексты явочного списка и писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарыщи».

Обращает на себя внимание то, что текст писцовой книги отразил большую работу писцов по дополнению сведений явочного списка о прежних владельцах вотчин, а иногда и документах на право владения ими. Главным образом это коснулось вотчин из второго и третьего разделов явочного списка. Значительная часть сведений изложена кратко. Предположение о возможной причине такой краткости уместнее высказать чуть позже, а здесь привести для наглядности несколько примеров параллельно из обоих источников.

*Список писцовой книги
Т. А. Хлопова «с товарыщи»⁸⁸*

«За Степаном да за Ортемом за Бартеневыми: пуст., что была преж сего в вотчине ж за Степаном за Лыковым, что была дер. Соколова...» (с. 106)

«За Федором за Ивановым сыном Тушина старая отца его вотчина дер. Юркина, а Манаково тоже, на р. на Выходне...» (с. 141)

«За Левонтьем за Ивановым сыном Аксакова в вотчине купли, что было прежде того за князем Федором Хованским дер. Даниловская, на рчк. на Уче...» (с. 182)

«За Федором за Костянтиновым сыном Фофанова в вотчине: слд. Воронино на р. на Рудне, что было преж сего Лукьяна Ракова...» с деревней Горки и пустошамп (с. 130)

*Явочный список
тех же писцов⁸⁹*

«Степан да Ортем Бартеневы; вотчина за ними пустошь Соколово...» (л. 750 об.)

«Федор Иванов сын Тушин: вотчины за ним деревня Юркино...» (л. 751 об.)

«Левонтей Иванов сын Оксаков: вотчина за ним деревня Даниловская...» (л. 755)

«Федорко Костентинов сын Фофанов: вотчины за ним селцо Воронино да деревня Горка с пустошми, а в приправочных книгах и в продажном списке та вотчина не написано, а крепости люди ево не положили...» (л. 765 об.)

«За Елизарьем за Ивановым сыном Благово в вотчине, что было преж сего за Степаном да за Федором за Тушиными купли: дер. Опраксно на рчк. на Химке...» с деревней Оносьино п пустошью Подъелки (с. 140)

«Елизарей Иванов сын Благой: вотчины за ним деревня Опраксина да пустошь Подъелкино, а в приправочных книгах н в продажном списке та вотчина не написана. А крепости на ту вотчину Елизарей не положил...» (л. 766)

Сведения писцовой книги, о которых идет речь, несмотря на свою краткость, уже служат отправной точкой для дальнейших разысканий относительно подробностей происхождения вотчин. Однако наряду с появлением в писцовой книге подобного рода сведений, отсутствующих в явочном списке, наблюдаются и другие тенденции.

1) Почти сплошное сокращение текста книги по сравнению с явочным списком именно за счет фактического материала, касающегося истории вотчин и подтверждений владельческих прав на них. Так, отсутствует подавляющее большинство дат документов на вотчины. Сведения о самих документах стали короче и глуше: «вотчина за ними старая отца их ... а написана по старым крепостям», «в вотчине купли» или «вотчины за ним по купчей», причем имена прежних владельцев указаны далеко не всегда. Еще чаще дело ограничивается записями: «старая отца его вотчина», «в вотчине старая их вотчина», «старая его вотчина» «в вотчине за ним», «в вотчине, что было преж сего» (указано имя прежнего владельца).

2) Различный подход при фиксировании сведений о прежних владельцах вотчин. Иногда — явное стремление отметить наиболее раннего из известных владельцев. Так, в явочном списке значится: «Боярин Никита Романович Юрьев: вотчина за ним по записным книгам 84-го году, что купил у Михаила да у Ивана у Долматовых детей Карпова...»⁹⁰. В писцовой книге вместо этого записано: «За боярином за Никитою Романовичем Юрьевым ... что было преже сего за Долматом за Федоровичем Карпова...»⁹¹.

В других случаях из сведений о нескольких сменявших друг друга владельцах остаются в книге лишь последние из них. Например, в явочном списке: «Борис Володимеров сын Лодыгин: вотчины за ним по закладной кобале 88-го году, что заложил у нево Иван Васильев сын Кобылин купли своей, что купил Иван у Володимера у Желнинского...»⁹²; в писцовой же книге: «За Борисом за Володимеровым сыном Лодыгина в вотчине, что было преж сего за Иваном за Васильевым сыном Кобылина...»⁹³.

Однако подчас соседствуют примеры непоследовательности при избрании того или иного подхода к данному вопросу. В явочном списке о двух частях из большого владения дьяка В. Щелкалова записано: «...вотчины за ним по купчей 93-го году, что купил у Фомы у Буторлина селцо Ларево...», «Да за Васильем ж в вотчине: по купчей 93-го году, что купил у Фомы у Буторлина селцо Марфино Щербино тож да 12 пустошей...»⁹⁴. В первом случае писцовая книга без упоминания Ф. Буторлина отметила, что за В. Щелкаловым «слц. Ларево пусто, что было преже сего за Некрасом за Он-

древным сыном Глебовым в вотчине»⁹⁵; во втором же, сохранив известие явочного списка, добавила имя еще более раннего владельца: «За дьяком за Васильем Яковлевым сыном Щелкаловым в вотчине по купчей, что было преж сего за Васильем за Петровым сыном Головина, а после этого было за Фомою за Буторлиным» (то же село с пустошами)⁹⁶.

3) Сохранение писцовой книгой подробностей явочного списка относительно владельческих прав на вотчины: порою это передано в ней дословно, а в других случаях — несколько иными словами⁹⁷.

Думается, что в дошедшем до нас списке писцовой книги те или иные формы записи этих частей текста не являются отражением первоначально выработанной самими писцами системы, а сложились в несколько этапов, видоизменяясь всякий раз под влиянием особых факторов. (Нужно только подчеркнуть, что приводимые ниже соображения пока распространяются лишь на означенные части, для которых благодаря обнаружению явочного списка появился сопоставляемый текст.)

Получая от самих владельцев или их «людей» подтверждения прав на вотчины, писцы уже в явочном списке постарались придать записям ту форму, по которой эти данные должны были отразиться в тексте писцовой книги. По ходу дальнейшей работы им удалось выявить сведения еще о многих вотчинах. Несомненно, что весь имевшийся фактический материал (указания на разновидности документов, их даты, характер сделок, имена прежних владельцев вотчин и т. д.) был затем включен в текст писцовой книги⁹⁸. Только наличие такого материала могло позволить считать выполненной одну из задач этого писцового описания — дать представление о землевладении столичного уезда после бурных событий второй половины царствования Ивана IV.

Выше отмечалось, что к 1622 г., когда для писцов Л. А. Кологривова и Д. Скирина изготовлялся приправочный список с книги Т. А. Хлопова «с товарыщи», она уже имела очень серьезные дефекты («...и даны приправочные книги Лаврентью не сполна, потому что Тимофеевы книги Хлопова в Московское разоренье згнили и станы не сполна, многих земель в станах за помещики и за вотчинники и порозжих земель не было»)⁹⁹. Слово «згнили» указывает на то, что дело было не только в утратах отдельных тетрадей или листов, но и в повреждениях собственно текста; причем не исключено, что могли оказаться поврежденными и те его места, где располагались данные о владельческих правах на вотчины, а это, в свою очередь, должно было отразиться на приправочном списке не только в количественном, но и в качественном отношении.

Но, кажется, наибольшим изменениям текст писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарыщи» подвергся при изготовлении с нее приправочного списка.

Указная книга Поместного приказа прямо отметила, что в плачевном состоянии находилась сама писцовая книга и что с нее-то и был изготовлен приправочный список, который по причине дефектности подлинника не мог быть и не считался приказными чинами

«полным». Именно этот приправочный список хранится ныне в ЦГАДА (ранее МАМЮ) и был напечатан Н. В. Калачевым более ста лет тому назад. (О том, что это так, свидетельствуют приведенные выше особенности рукописи и факт принадлежности ее к общему приправочному комплексу для писцов XVII в.— Л. А. Кологривова и Д. Скирина.) Следовательно, в данном случае между несохранившимся подлинником писцовой книги и сделанным с нее приправочным списком, которым мы располагаем и здесь исследуем, нет промежуточных текстов. Это важно, ибо дает возможность путем сопоставления явочного списка (документа, непосредственно связанного с писцовой книгой и исходящего от самих Т. А. Хлопова («с товарищи») и приправочного списка попытаться установить: почему и при помощи каких приемов определенная часть интересующего нас материала не была включена в текст последнего из названных источников.

Произведенная до этого группировка отличий и совпадений обоих текстов показывает, что в процессе изготовления приправочного списка преследовалась цель передать в нем лишь суть обоснований владельческих прав на вотчины. Однако осуществлена она была не единообразно: с одной стороны, формулировки «старая отца его вотчина»; «старая его вотчина»; «в вотчине за ним»; «в вотчине, что было преж сего за...» (имя прежнего владельца)¹⁰⁰, с другой стороны, упоминания разновидностей документов без дат с именами прежних владельцев или без них («по купчей, что было преж сего в вотчине за...»; «по купчей, что купили у...»; «по закладной кобале, что заложил...» или «в вотчине за ним по купчей»; «в вотчине по записным книгам» и т. д.). Точно таким же образом переданы и сведения, полученные писцами и внесенные в писцовую книгу после составления ими явочного списка.

Наличие в приправочном списке нескольких мест, дословно или приблизительно совпадающих с тем, что есть в явочном списке, по существу, не меняет представления об общем характере переработки текста XVI в. Из всего материала, представленного в явочном списке, эти места не являются особо важными, интересными, а также связанными со спорными или запутанными ситуациями. Возможно, по каким-то причинам они привлекли к себе внимание переписчиков и потому не были сокращены. Вместе с тем есть одна деталь, которая заставляет допускать и другой вариант. Подобные места (за некоторым исключением) не рассредоточены по всему приправочному списку, а расположены на нескольких, хотя и немногих, листах подряд¹⁰¹. Значит, не исключено, что, когда подлинник писцовой книги был «рознят» и роздан переписчикам, кто-то из них тщательнее передал текст подлинника или просто предпочел переработке текста, связанной с известной нагрузкой, его приближенное воспроизведение.

Эта переработка текста XVI в. вряд ли была вызвана тем, что исключенные из него подробности могли вообще не понадобиться писцам первой четверти XVII в., или сжатыми сроками, отпущенными на изготовление приправочного списка, и какими-то техниче-

скими сложностями. По-видимому, причина кроется в ином. Все писцы были обязаны выявить, тщательно проверить и внести в свои книги обоснования владельческих прав на момент описаний. Сюда входили: указания разновидностей документов, их даты, определения характера сделок, имена более ранних владельцев и т. п. При поступлении книг в приказы эти сведения перепроверялись (порой некоторые из них писцам приходилось дополнять или исправлять) и затем использовались с самыми различными целями, в разнообразных формах, особенно интенсивно вплоть до следующих описаний ¹⁰².

Однако для последующих писцов тех же территорий уже сам факт того, что в предыдущих книгах земли записаны за теми или иными лицами (и не менее важно, что это было признано приказами), превращал данные книги в основной документ, удостоверяющий тогдашнюю владельческую принадлежность земель. Спустя годы, когда многое изменилось, новых писцов, естественно, в первую очередь интересовали реальное положение дел и правовые документы, возникшие после предыдущего описания (даже лица, которые с тех пор сами продолжали владеть землями, могли получить подтверждающие грамоты). Что касается «старины», то в подавляющем большинстве случаев достаточно было указать: «а по приправочным книгам (дата и сведения о писцах.— В. П.-С.) было за...» или просто привести из них имена прежних владельцев, тем более что, если возникали сомнения, спорные ситуации и т. д., писцы имели право потребовать от владельцев самим предъявить им «грамоты», «выписи» из писцовых, дозорных и других книг или «прислать» их, допросить «окольных людей», взять у них «скаски за руками», навести справки в местной приказной избе, произвести дополнительное расследование по возвращении в Москву. Все это отчетливо прослеживается в книгах XVII в. многих уездов, в том числе и Московского ¹⁰³.

Представляется, что главным образом данное обстоятельство и избавляло от необходимости дословно (или очень приближенно) переносить сведения о владельческих правах из более ранних книг в изготовлявшиеся с них приправочные книги. Сопоставление подобных текстов по Московскому уезду и наблюдения над приправочными книгами Вяземского ¹⁰⁴, Звенигородского ¹⁰⁵, Коломенского ¹⁰⁶, Рузского ¹⁰⁷ уездов подтверждают, что такая переработка текстов подлинников книг применялась достаточно широко.

Благодаря этому появилась возможность добавить к характеристике приправочных книг как источника еще одну свойственную им черту. Прежде было установлено, что в процессе изготовления приправочных книг их подчас дополняли документами, не относящимися к самим описаниям, и фрагментами других книг, а также, как правило, не включали в них имевшиеся в описаниях перечисления дворов и имен «людей», крестьян, бобылей (речь идет об уездных книгах). Теперь можно с достаточной степенью уверенности говорить о том, что одновременно тексты самих описаний сокращались за счет более лаконичного формулирования обоснований

владельческих прав на земли. Однако стоит еще раз подчеркнуть, что установление того, в какой степени тексты приправочных книг воспроизводят подлинники более ранних описаний, в каждом случае нуждается в тщательном источниковедческом анализе, ибо это зависело от целого ряда факторов, в том числе от задач новых описаний, требований наказов писцам, наличия в приказах прежних описаний и сохранности их текстов, квалификации непосредственных изготовителей приправочных книг и т. д. Не исключено, что немаловажную роль играли и традиции как самих описаний территорий, так и изготовления приправочных книг, сложившиеся в разных столах Поместного приказа (а внутри них — «городов, которые города в статье» того или иного дьяка, иногда — подьячего), четвертях, других приказных учреждениях.

В свете сказанного относительно приправочных книг вообще и приправочных книг с отдельной книги А. Молчанова и с писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарищи» в частности становится ясным, что названные книги не отражают полной картины реализации указа 1572/73 г. о продаже порозжих поместий в вотчины, а также последующего осуществления покупателями таких вотчин предоставленного указом прав распоряжения ими. Потому приведенные выше мнения ученых по данному вопросу, которые в значительной мере основаны на этих приправочных книгах, нельзя признать окончательными. Так, уже явочный список Т. А. Хлопова «с товарищи» и писцовые книги Московского уезда первой четверти XVII в. дали весьма существенный дополнительный материал в пользу того, что указ был реализован более широко, чем предполагали ранее. Очевидно, нужно продолжить поиски в этом направлении новых источников. Степень сохранности и особенности приправочного списка писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарищи» нужно иметь в виду также при использовании его для изучения процесса формирования столичного дворянства, чиновной структуры государева двора и других вопросов.

* * *

Подведем итоги. 1) Исследование не напечатанного в ПКМГ текста последних листов тома, содержащего приправочный список писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарищи», показало, что это не извлечение из данной писцовой книги, касающееся только вотчин (мнение И. Д. Беляева и Н. В. Калачева) и не «приписка в рукописи» (мнение Ю. В. Готье), а особый документ писцового делопроизводства конца XVI в. Условно его можно назвать явочным списком этих писцов на вотчины той «половины» Московского уезда, которую они описывали. Насколько известно, документов такого рода в распоряжении ученых до сих пор не было.

2) Благодаря явочному списку восстанавливается вотчинная часть четырех станов, отсутствующих в приправочном списке пис-

цовой книги, а также описания многих вотчин из станов, сохранившихся в нем, но имеющих утраты текста.

3) Явочный список гораздо подробнее, чем приправочный список писцовой книги, передает обоснования владельческих прав на вотчины. Этот материал представляет исключительный интерес для изучения истории вотчинного землевладения и мобилизации земельной собственности в Московском уезде в середине — второй половине XVI в.

4) Явочный список помогает нагляднее представить сам механизм составления писцовой книги. Если раньше из наказов и приказной переписки было известно о тщательной проверке писцами владельческих прав на земли, то теперь мы имеем сводный документ, отразивший первоначальные результаты этой стороны их деятельности. В ходе дальнейшей работы писцы много сделали для ознакомления с документами на вотчины тех лиц, которые сперва таковые не предъявили; полученный материал был включен в писцовую книгу.

Данные о населенных пунктах и хозяйственном состоянии некоторых вотчин относятся к более раннему времени, так как внесены в явочный список непосредственно из предъявленных документов. Естественно, они не совпадают с тем, что позже «по досмотру», «по выпису околных людей» и на основании приправочных материалов было зафиксировано в писцовой книге. Такие данные важны для исследователей, но само наличие их в явочном списке нельзя игнорировать при его использовании.

Сравнение явочного списка писцов конца XVI в. с подлинниками писцовых книг Московского уезда XVII в. (С. В. Колтовского и Ф. Ф. Пушкина) дает основание полагать, что аналогичные явочные списки составлялись писцами и этого столетия, причем не только по вотчинам, но и по поместьям. Так, весьма заметно влияние на структуру этих писцовых книг документов типа явочного списка: внутри разделов поместья и вотчины сгруппированы в подразделы в зависимости от степени обоснованности владельческих прав на них.

Пока нельзя судить о том, всегда ли явочные списки включались в приправочные комплексы для позднейших писцов. Если же включались, то они, как вспомогательный материал, могли не переплетаться вместе со списками поместно-вотчинных книг. Думается, что в силу крайней дефектности писцовой книги Т. А. Хлопова «с товарищи» их явочный список приобрел значение основного приправочного материала, ибо без него Л. А. Кологривов и Д. Скирин не получили бы сведений о значительной части территории, которую им предстояло описать. Поэтому он и был помещен в одном томе с самим приправочным списком книги.

5) Явочный список важен и для изучения приправочных книг как источника. Он впервые дал возможность сопоставить приправочный список писцовой книги XVI в. не с одной-двумя сотными выписями из нее (что, кстати, тоже удается сделать довольно редко), а с документом, также исходящим от писцов, но охватившим

почти все вотчины описанной ими территории. Сопоставление показало, что при изготовлении приправочного списка текст подлинника писцовой книги подвергся сокращению за счет подробностей обоснований владельческих прав на земли; удалось выявить конкретные приемы, посредством которых это было осуществлено. Просмотр под таким углом зрения приправочных списков писцовых книг XVI — первой четверти XVII в. не только Московского уезда, но и ряда других уездов позволил предположить, что в этом, возможно, проявилась еще одна черта, свойственная приправочным книгам вообще.

6) Рассмотренный случай с явочным списком писцов Московского уезда 1584—1586 гг. должен обратить внимание исследователей на важность тщательного подхода каждый раз ко всем составным частям тех архивных единиц хранения, где находятся тексты писцовых книг и особенно их приправочных списков.

- ¹ Центральный государственный архив древних актов (далее: ЦГАДА), ф. 1209, Поместный приказ, оп. 1, кн. 257, л. 1—728. Опубликовано в кн.: Писцовые книги Московского государства (далее: ПКМГ)/Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1872, ч. I, отд. 1, с. 96—277.
- ² Указная книга Поместного приказа/С предисловием и примечаниями В. Н. Сторожева.— В кн.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1889, кн. VI, отд. III, Историко-юридические материалы, с. 79.
- ³ Здесь приведены листы книги (по архивной нумерации), между которыми должны были находиться утраченные листы: ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257: до первого сохранившегося листа, л. 89—90, 219—220, 246—247, 266—267, 286—287, 413—414, 431—432, 447—448, 449—450, 470—471, 471—472, 472—473, 475—476, 512—513, 516—517, 712—713. Последний лист с текстом — 728-й имеет часть скрепы: «Иван».
- ⁴ Отметив некоторые дефектные места текста, издатели приняли решение не публиковать их. См.: ПКМГ, I, 1, с. 136, 137, 138 (два случая), 185, 216, 267 (два случая).
- ⁵ *Беляев И. Д.* О поземельном владении в Московском государстве.— *Москвитянин*, 1848, № 7. Перепечатано в кн.: *Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете* (далее: *МОИДР*). М., 1851, кн. 11, с. 74. (Здесь и далее цитируется по последнему изданию.)
- ⁶ *Беляев И. Д.* Приправочная книга Рязанского уезда.— В кн.: *Временник МОИДР*. М., 1852, кн. 13, с. II.
- ⁷ *Беляев И. Д.* О поземельном владении..., с. 74—75; *Он же.* Приправочная книга..., с. II—III.
- ⁸ *Гоγγе Ю. В.* Замосковский край в XVII в. 1-е изд. М., 1906, с. 8—10.
- ⁹ *Беляев И. Д.* О поземельном владении..., с. 75.
- ¹⁰ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257.
- ¹¹ ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 167—171.
- ¹² Подробнее о данном аспекте терминологии поместно-вотчинных книг см.: *Павлов-Сильванский В. Б.* К историографии источниковедения писцовых книг: (приправочные книги).— *История СССР*, 1976, № 5, с. 99—118.
- ¹³ *Беляев И. Д.* Приправочная книга..., с. II—III, 115, 123, 135—136.
- ¹⁴ ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 130—131.
- ¹⁵ Сравнение этой части текста списка писцовой книги с «Выписи» подтверждает, что то же самое относится и к вотчинам Д. Л. Оболенева, Б. Ф. Годунова, Я. П. Витовтова (ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 134, 136; ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257, л. 729 об.—730, 730 об.).
- ¹⁶ *Ключевский В. О.* Соч. М., 1959, т. VIII, с. 187.
- ¹⁷ ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 96.

- ¹⁸ Готье Ю. В. Указ. соч., с. 7—8.
- ¹⁹ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257, л. 729—770 об.
- ²⁰ Разделы соответственно занимают: первый — л. 729—749 об.; второй — л. 750—764 об.; третий — л. 764 об.—770 об.
- ²¹ В явочном списке тексты описаний этих четырех станов см. на л. 746 об.—749 об., 760 об.—764 об.; тексты описаний отмеченных десяти вотчин — на л. 743, 745—746, 751 об., 754—754 об., 758—758 об.
- ²² ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 184—185, 267.
- ²³ Там же, с. 266—267.
- ²⁴ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257, л. 748.
- ²⁵ Там же, л. 747 об.
- ²⁶ Там же, л. 764. До этого было известно лишь о его вотчине в Манатьпне стане (855 четв.) (ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 176—178).
- ²⁷ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257, л. 749—749 об., 762—762 об.
- ²⁸ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947, т. I, с. 294, 357; *Он же*. Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 153, 447.
- ²⁹ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257, л. 746 об.
- ³⁰ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 67.
- ³¹ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950, с. 199, 200, 202—204, 206, 209, 322—324, 326, 462.
- ³² Кобрин В. Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного.— В кн.: Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960, с. 45—46.
- ³³ Назаров В. Д. Из истории аграрной политики царизма в XVI в.— Советские архивы, 1968, № 3, с. 108: «Допустимо в кредиторе Г. Ф. Маштафина — Иване Леонтьеве усматривать одного из двух знаменитых братьев-опричников Басаргу или Басенка Федоровичей Леонтьевых».
- ³⁴ Кобрин В. Б. Указ. соч., с. 45—46.
- ³⁵ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257, л. 761, 761 об. и 763, 764, 764—764 об.
- ³⁶ ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 184.
- ³⁷ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257, л. 754 об.
- ³⁸ Там же, л. 743.
- ³⁹ Там же, л. 754.
- ⁴⁰ Там же, л. 745 об.—746.
- ⁴¹ ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 99, 101, 102, 104, 216, 241, 248.
- ⁴² ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257, л. 766—766 об.
- ⁴³ ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 99.
- ⁴⁴ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257, л. 730 об.—731 об.
- ⁴⁵ Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период великого княжения Симеона Бекбулатовича.— В кн.: Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977, с. 163.
- ⁴⁶ Там же, с. 164.
- ⁴⁷ ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 136.
- ⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257, л. 730 об.
- ⁴⁹ Там же, л. 739 об.—740, 737, 738.
- ⁵⁰ Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Указ. соч., с. 153—193.
- ⁵¹ Памятники русского права. М., 1959, вып. V, с. 461—463.
- ⁵² Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, с. 98—99.
- ⁵³ Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970, с. 80.
- ⁵⁴ Павлов-Сильванский В. Б. К истории источниковедческого изучения писцовых книг Московского уезда XVI в.— В кн.: Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976, с. 41—45.
- ⁵⁵ Видимо, такое задание в числе других получили в 1584—1586 гг. и Т. А. Хлопов «с товарищип». Похоже на то, что к этому времени все лица (кроме двух человек), перечисленные в отдельной книге, утратили полученные поместья и новые писцы даже не упоминают их в качестве прежних владельцев. Если данные земли были уже вновь розданы, прежними владельцами указаны лица, которым они принадлежали в 50—60-х годах XVI в. Если же все части таких поместий опять временно оказались в фон-

- де «порозжих» земель, они снова описаны как единые комплексы с указанием имен их владельцев в 50—60-х годах XVI в.
- ⁵⁶ ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 26.
- ⁵⁷ Там же, с. 212.
- ⁵⁸ Там же, с. 21—22.
- ⁵⁹ Там же, с. 211.
- ⁶⁰ Там же, с. 15.
- ⁶¹ Там же, с. 17.
- ⁶² Там же, с. 104, 180, 209, 210, 211, 212, 214, 258.
- ⁶³ *Готье Ю. В.* Указ. соч., с. 8.
- ⁶⁴ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 9806. Есть еще список середины XVIII в., изготовленный, как полагал Готье, в связи с предстоящим Генеральным межеванием и дословно повторяющий список XVII в. (Там же, кн. 685).
- ⁶⁵ Помимо нее, в приправочный комплекс входили: дозорная книга 7082 (1573/74) г. И. Коробова и Б. Симанова, писцовая книга 7079 (1570/71) г. А. Сабурова и отдельная книга 7085 и 7086 (1576—1578) гг. А. Молчанова.
- ⁶⁶ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 261.
- ⁶⁷ Кстати, факт наличия у обеих групп писцов одних и тех же книг 70-х годов XVI в. показывает, что в дошедшем до нас и опубликованном Н. В. Калачевым приправочном комплексе Л. А. Кологривова и подьячего Д. Скирина эти книги представлены частично не только вследствие утрат текстов, но и потому, что при изготовлении приправочных списков их тексты были поделены между писцами XVII в. соответственно той территории, которую те должны были описать.
- ⁶⁸ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 9807.
- ⁶⁹ Там же, кн. 262.
- ⁷⁰ *Готье Ю. В.* Указ. соч., с. 575—581.
- ⁷¹ *Сташевский Е. Д.* Московский уезд по писцовым книгам XVI в.— Университетские известия, Киев, 1907, № 1, 7, 12 (с прил. и картой).
- ⁷² ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 9807, л. 135 об.—137 об.
- ⁷³ Там же, л. 138—139.
- ⁷⁴ Там же, л. 616 об.
- ⁷⁵ Там же, кн. 261, л. 191 об.—193.
- ⁷⁶ Там же, л. 110—116 об.
- ⁷⁷ Там же, кн. 257, л. 736, 743 об., 756—756 об., 761, 765—765 об., 766, 767, 767 об., 768—768 об., 769 (дважды).
- ⁷⁸ Там же, л. 738, 744, 745 об., 749 об., 753, 755 об., 756 об.—757, 759, 760, 763 об., 766 об., 768 об., 769.
- ⁷⁹ Там же, л. 752 об.—753, 756.
- ⁸⁰ Там же, л. 733, 734 об., 742 об.—743.
- ⁸¹ Там же, л. 739.
- ⁸² Там же, л. 743 об., 747 об.—748 об., 762 об.
- ⁸³ Наоборот. в другой раз отмечены лица, предъявившие «крепости» на свои вотчины, не записанные «в приправочных книгах и в продажном списке» (Там же, л. 736).
- ⁸⁴ Там же, л. 755 об.—756, 761.
- ⁸⁵ Там же, л. 752 об.—753, 755 об., 760, 762.
- ⁸⁶ Там же, л. 758, 759, 760—760 об.
- ⁸⁷ В. И. Корецким была обнаружена в ЦГАДА «Выпись слово в слово» из «продажного списка» о покупке гостями Таракановыми вотчины из «порозжего» поместья князя М. Ростовского. Значит, текст этого документа уцелел в пожар 3 мая 1626 г. (*Корецкий В. И.* Развитие феодальной земельной собственности в России XVI в.— В кн.: Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпоху: Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории, Ростов н/Д, 1978. Ростов н/Д, 1980. с. 50—51).
- ⁸⁸ ПКМГ, ч. I, отд. 1. В скобках указаны страницы издания
- ⁸⁹ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257. В скобках указаны листы источника.
- ⁹⁰ Там же, л. 755 об.
- ⁹¹ ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 177.
- ⁹² ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257, л. 739.

- ⁹³ ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 137.
- ⁹⁴ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257, л. 739 об.
- ⁹⁵ ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 179.
- ⁹⁶ Там же, с. 178.
- ⁹⁷ Там же, с. 101, 132, 216 и др.; ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 257, л. 733 об., 735, 742 и др.
- ⁹⁸ То, что это приходилось делать иногда даже на последней стадии оформления книг и как осуществлялось практически, показывает писцовая книга Московского уезда 1625—1628 гг. Ф. Ф. Пушкина и дьяка А. Строева. Один из разделов Гоголева стана озаглавлен: «В Гоголеве ж стану за помещики поместья за ними писаны по скаске околных людей, а государевых грамот и писцовых и отделщиковых выписей на те поместья у писцов не клали, а которые помещики положили грамоты после книжной переписки, и под теми статьями те грамоты писаны пмянно» (ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 9807, л. 462). Заранее предвидя такое развитие событий, писцы в подобных случаях несколько меняли расположение материала. После имени владельца помещали обоснование его прав — «по скаске околных людей», а в конце оставляли пустое место (нередко даже со значительным запасом) для последующей записи документальных подтверждений. Например, «За Иваном за Ивановым сыном Годуновым отца ево поместье (далее идет описание вотчины, а весь последующий текст вписан на оставленном для этого месте.— В. П.-С.). А написана за Иваном Годуновым то поместье по грамоте отца ево 112-го году и по скаске околных людей» (Там же, л. 474—475 об.). Надо только учесть, что здесь писцы не могли воспользоваться сведениями приправочного комплекса и тем ограничиться, так как в нем последние по времени писцовая книга Е. Сабурова «с товарищи» относилась к 708 $\frac{1}{2}$ (1585/86) г.
- ⁹⁹ Указная книга Поместного приказа/С предисловием и примечаниями В. Н. Сторожева, с. 79.
- ¹⁰⁰ Естественно, что везде, где Т. А. Хлопов «с товарищи» не сочли нужным или не смогли конкретизировать права на вотчины (в основном из второго раздела явочного списка: «...владеют ими по приправочным книгам и по записному списку, а крепостей не клали»), изготовители приправочного списка вынуждены были сохранить и без того краткую их формулировку — «вотчины за ним».
- ¹⁰¹ См., например: ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 101—102, 104, 105, 106, 107, 131, 132, 136, 137 и др.
- ¹⁰² Сказанное вовсе не означает, что после составления повых книг старые книги совсем утратили свое значение. Находясь в архивах приказов, они в любой момент могли быть извлечены для наведения справок, аргументации при вынесении решений по земельным делам и т. п.
- ¹⁰³ К сожалению, менее всего это относится к описанию Л. А. Кологривова и Д. Скрипина, для которых в качестве приправочной служила писцовая книга Т. А. Хлопова «с товарищи». И не только потому, что оно сохранилось в списке конца XVII в., столь ветхом и перепутанном, что одно прочтение его стоит большого труда. Первые книги данных писцов, переданные в приказ, сгорели в пожар 3 мая 1626 г. Сразу после этого им было велено изготовить «другие таковые книги с черных книг, а велено им те книги наспех писать, а для поспешенья даны им ис Помеснова приказу десять человек молодых подъячих» (ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 9806, л. 100—100 об.). Такое «поспешенье» и, может быть, уровень квалификации помощников ощущаются буквально во всем, особенно в объеме сведений из «приправочных книг», а также в искажениях имен и фамилий многих бывших владельцев земель.
- ¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 618 и 619. Частично опубликованы в ПКМГ, ч. I, отд. 2, с. 567—831.
- ¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 125; ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 660—730.
- ¹⁰⁶ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 200; ПКМГ, ч. I, отд. 1, с. 335—611.
- ¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 426.

ЛИЦЕВОЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД XVI В. И ЕГО ИСТОЧНИКИ

(Об одной историографической легенде)

В. В. Морозов

Исследователи отечественной истории XVI в. располагают великолепным комплексом источников: Никоновской¹, Воскресенской² летописями, Степенной книгой³ и Лицевым летописным сводом⁴. Каждое из этих сложнейших по составу произведений средневековой литературы замечательно само по себе, но особенно интересна их тесная взаимосвязь: три первых являются, по мнению исследователей, источниками Лицевого свода⁵.

Задача данной статьи — рассмотреть их взаимоотношения и, что особенно важно, роль источников в складывании концепции русской истории в интерпретации составителей Лицевого свода, их место в развитии летописания как вида (жанра) средневековой литературы.

Эти значительные памятники средневековой литературы созданы в относительно узких хронологических рамках. Как полагает Б. М. Клосс, составление первой части Никоновской летописи по ее оригиналу — списку Оболенского — относится к 1526—1530 гг.; к Никоновской летописи примыкает и так называемый Академический XIV, или Патриарший, список, представляющий собой копию Никоновской летописи (до 1520 г.), Воскресенской летописи (до 1533 г.) и Летописца начала царства поздней редакции (до 1556 г.); вторая часть списка Оболенского следует за Воскресенской летописью (до 1541 г.) и Летописцем начала царства (до 1556 г.); в третьей части изложены события до 1558 г. Итак, создание Патриаршего и оформление списка Оболенского в том виде, в каком он дошел до нас, следует относить ко второй половине 50-х годов XVI в.⁶

Создание Степенной книги датируется П. Г. Васенко 1560—1563 гг. Коррекция, вносимая в последнее время, хронологически незначительная, крайне важна для истории создания Лицевого свода — вторая половина 60-х годов XVI в.⁷

И, наконец, в спорах исследователей все более превалирует мнение о второй половине 70-х годов XVI в. как о времени создания Лицевого свода. Эта лицевая (иллюстрированная) летопись традиционно считается копией Никоновской летописи, подтверждением чего является уже факт публикации Лицевого свода в ее составе. Отдельные же вставки, заимствованные из других источников, вероятно, по мнению публикаторов, не меняли концепцию Ни-

коновской летописи, а лишь дополняли какими-то деталями освещение отдельных эпизодов. Поэтому, наверное, и утвердилось за одним из последних томов Лицевого свода — Синодальным (с известиями 1535—1541, 1553—1560, 1563—1567 гг.) — название Никоновская с рисунками.

Такой взгляд на развитие летописания был бы правомерен, если бы не некоторые обстоятельства. Основная часть списка Оболенского — продукт конца 20-х годов XVI в. Маловероятно, чтобы его концепцию без изменений могли принять во второй половине 70-х годов. Кроме того, следует напомнить и о существовании Воскресенской летописи. С. А. Левина относит составление ее основной редакции к началу 40-х годов XVI в., но три списка летописи — Библиотечный II, Карамзинский и Музейный — доведены до 1560 г.⁸ Эта дата является важной вехой Лицевого свода. По предположению А. А. Шахматова и А. А. Зимина, известиями 1560 г. заканчивался протограф и Лицевого свода⁹. Сопоставление Синодального тома со списком Оболенского показывает независимость первой летописи от второй: в Синодальном томе нет ошибок списка Оболенского, в Синодальном том вошли известия, отсутствующие в списке Оболенского. Вероятно, протограф Лицевого свода отразился в Летописце Нармацкого¹⁰, настолько близком к Синодальному тому, что С. Б. Веселовский принял его за копию Лицевого свода¹¹. Однако текстологический анализ показал отличия Летописца Нармацкого от Синодального тома. Поэтому было высказано предположение о существовании летописи, условно названной Сводом 1560 г., который и лег в основу последней части Лицевого свода¹².

Простое присоединение текста Лицевого свода к Никоновской летописи при их публикации привело к необходимости введения в ряде случаев параллельных столбцов текста (для каждой из летописей), значительные фрагменты Лицевого свода приведены в подстрочных примечаниях и еще большие фрагменты (самостоятельные повести) — в примечаниях в конце тома. Это обстоятельство позволяет достаточно полно выявить сам процесс составления лицевой летописи.

Сравним тексты Повести о приходе Тахтамышеве на Москву Никоновской летописи, Повести о Московском взятии от царя Тахтамыша и о пленении земли Рязанския Лицевого свода, Повести о Московском взятии от царя Тахтамыша и о пленении земли Руския Воскресенской летописи.

*Никоновская
летопись*

Царствующу царю Тахтамышу на Воложскомъ царствии, и поморскимъ грады обладающу, и Саран, и бысть в третье лето царства его, посла слугы своя во градъ,

*Лицевой
свод¹³*

(Царствующу царю Тахтамышу на Волжскомъ царствии, и поморскимъ грады обладающу) [во Орде и въ Саран, (и бысть в третие его лето царства его), [посла Та-

*Воскресенская
летопись*

Царствующу ему въ Орде и въ Саран, и того же лета царства его после татаръ своихъ в Болгары, еже есть градъ на Волзе, и ту повеле торговцы Руския избити

нарицаемый Болгары, еже есть Казань на Волзе, и повеле христианския гости Руския грабити, а суды ихъ и съ товары отнимати и провадити къ себе на перевозъ. А самъ собравъ силы многи и поиде къ Волзе... (XI, 71)¹⁴.

тарь своихъ] (во градъ, нарицаемый Болгары, еже есть Казань на Волзе, и повеле христианския) купцы [избити], а (гости Руския грабити, а суды ихъ и товары отнимати и провадити къ себе на перевозъ. А самъ) [съ] великою [яростию] (собравъ силы многи и поиде къ Волзе) [со князи своими и] [со] всею [силою] своею [Татарскою]... (XI, 71).

и гостей грабити, а суды ихъ и съ товаром отымати и поправдити къ себе на перевозъ; а самъ подшався съ яростию, събра воа многи и поиде къ Волзе съ всею силою своею... съ всеми князи своими и съ безбожною силою Татарскою (VIII, 42).

Сопоставление приведенных текстов показывает, что основа Никоновской летописи дополнена вставками, заимствованными из Воскресенской летописи. Составители Лицевого свода, как мы видим, провели сложную работу по изменению первоначального текста Никоновской летописи, и новый вариант — текст Лицевого свода — существенно отличается от исходного не только фактическими подробностями, но прежде всего — оценкой события, его главных действующих лиц.

Сложный процесс складывания Повести о Московском взятии от царя Тахтамыша для Лицевого свода становится наглядным при сравнении ее с Повестью о походе Игоря на половцев («О Олговичехъ како ходиша на Половцы и много зла сотворися им»), скомпонованной в Лицевом своде на основе соединения текстов Никоновской и Воскресенской летописей.

*Никоновская
летопись*

*Лицевой
свод*

*Воскресенская
летопись*

Того же лета... Половци же притиснуша ихъ къ воде

И бысть брань велика... от нихъ на Русь; потом же... «приндите по братию свою». Князь велики же... разыдохася въ страны своя.

Половци же слышавше ихъ... яко же Саул Давида (X, 12—17).

О Олговичехъ како ходиша... устремшася на нихъ, и притиснуша ихъ къ воде

И бысть брань велика... от нихъ на Русь; Некто же гость... мы къ вамъ идемъ по своихъ», Князь велики же... разыдохася въ страны своя.

О Половцехъ. Услышаша же... бысть за грехи наши (X, 12—16).

О Олговичехъ како ходиша... устремшася на нихъ, и притиснуша ихъ къ воде

и бишася съ ними... и гордость Некто же гость... мы къ вамъ идемъ по своихъ». Слышавше же то... и разыдохася кийждо восводяси.

О Половцехъ. Услышаша же... бысть за грехи наши (VII, 98—99).

Компонуя новую редакцию Повести о походе Игоря, составители Лицевого свода поочередно заимствовали сюжетно самостоятельные фрагменты из Воскресенской, Никоновской, затем снова из Воскресенской, Никоновской и, наконец, опять из Воскресенской летописей. Переписчик белого текста мог (при известном допущении

нии) в данном случае пользоваться двумя размеченными протографами (ему было нужно только указать последовательность переписываемых текстов).

В случае же с Повестью о Московском взятии от царя Тахтамыша дело обстояло значительно сложнее. Здесь было нужно не только вставить отдельные фрагменты из Воскресенской летописи, но и изменить их последовательность.

Лицевой свод

Воскресенская летопись

...со князи своимъ и со всею силою своею Татарскою...

...съ всею силою своею... съ всеми князи своимъ и съ...силою Татарскою...

При подготовке нового текста была сделана и вставка, принадлежащая скорее всего перу составителя («купцы»). В данном случае предположение о возможном использовании переписчиком не двух летописей (двух кодексов), а какого-то черного текста, специально подготовленного для перебеления его в лицевую летопись, становится весьма основательным. Специальное составление новой редакции текста для включения его в Лицевой свод допустимо, видимо, для каких-то больших фрагментов, имеющих самостоятельное литературное значение, наравне с использованием отдельных фрагментов летописей-протографов.

Таким же сложным было зачастую и использование Степенной книги. Ярким примером такого заимствования здесь может быть сравнение текстов Повести о нашествии на Москву Магмет-Гирея в 1521 г. по Никоновской летописи, Лицевому своду и Степенной книге.

*Никоновская
летопись*

*Лицевой свод*¹⁵

Степенная книга

Того же лета, пуля, безбожный гордый Крымский царь Магмедь-Кирей, забывъ своея клятвы правду, на ны воинствуетъ: ни дружбы первые, ниже клятвъ вспоманулъ, собрався з братьею своею и з своими детми, и съ Крымскими людми, и Болшия Орды Заволжьскыя, и съ Нагаи, вскоре прииде безвестно на великого князя отчину, иже при брезе Оки-реки; съ воинствомъ прииде, удобъ прииде спю, и Коломенская места повоевавъ... Въ лето 7030. Прииде вестъ великому князю, что безбожный царь

[По сихъ же немного время мину, лукавейши] (безбожный гордый Крымский царь Магмедь-Кирей, забывъ своея клятвы правду, на ны воинствуетъ: ни дружбы первые, ниже клятвъ вспоманулъ, собрався з братьею своею и з своими детми, и съ Крымскими людми, и Болшия Орды Заполские, и съ Нагаи) [со всеми своимъ безбожнымъ вопнствомъ и скороустремительно достигше въ пределы Русскыя] (на великого князя отчину). И прииде вестъ къ великому князю, что безбожный царь Магмед-Гирей

По сихъ же не много время минувшу лукавейший той царь Магмедь-Гирей со всеми вои безбожными вопнствомъ безвестно и скороустремительно достигше во пределы Русскыя. Суровейшимъ же напрасньствомъ и реку Оку прендоша, богу спце попустившу имъ... (XXI, 599).

Магмедъ-Кпрей Крымскн, возгордевя, хочеть птти на землю его... (XIII, 37—38).

Крымскый возгордевя) и прииде къ Русскимъ пределомъ, [суровнейшимъ же напрасствомъ] и великую Оку-реку (удобъ преиде, и Коломенская места повоевавъ), [богу сице попустившу имъ] ... (XIII, 38).

Из рассмотренных (как и предыдущих) текстов выявляется сложная работа составителей Лицевого свода. Здесь не только прямое заимствование из двух кодексов по принципу слоеного пирога, но и перестановка фрагментов текста источника (в Никоновской летописи: «...удобъ преиде... Прииде вѣсть...»; в Лицевом своде: «...прииде вѣсть... удобъ преиде...»), его свободный пересказ (в Степенной книге: «...достиге во пределы Русьския»; в Лицевом своде: «...прииде къ Русскимъ пределомъ»), редакторские вставки и уточнения (в Лицевом своде «Заполские» вместо «Заволжскія», «великую Оку-реку» вместо «реку Оку»).

Анализ данного фрагмента Лицевого свода становится важным аргументом в пользу предположения о существовании чернового текста, составленного специально для Лицевого свода.

И, наконец, все три рассматриваемых источника Лицевого свода использовались при составлении отдельных его частей. Примером может служить житие Александра Невского.

<i>Никоновская летопись</i>	<i>Лицевой свод</i> ¹⁶	<i>Степенная книга</i>	<i>Воскресенская летопись</i>
...славя господа бога и пречистую богородицу.	...ныне и присно и в веки векомъ, аминь.	...ныне и присно и во веки векомъ Аминь.	...славя святаю троицю, отца и сына и святаго духа, аминь.
Того же лета Батыевы Татарове... Ярославу Всеволодовичу Владимерскому, и мало пребывъ у отца, и иде въ Переяславль на княжение, иже на Клещине озере. Того же лета Немцы: Медвежане, Велиадцы и Юрьевцы со княземъ Ярославомъ Владимеричемъ взяша Изборескъ, и выпдоша противу ихъ Псковичи... (X, 123).	(Того же лета Батыевы Татарове... Ярославу Всеволодовичу Владимерскому), [съ матерью своею, и со княгинею и со всемъ дворомъ своимъ]. (Того же лета взяша Немцы: Медвежане, Юрьевцы, Велиадцы со княземъ съ Ярославомъ Володимеричемъ городъ Изборескъ). [И прииде вѣсть во Псковъ яко взяша Немци Изборескъ, и выпде противу ему весь градъ]... (X, 123).	...И того же лета богомерзесыи Немцы, самовольнии отъметьницы православныя веры, дьяволомъ навучени, внезапно собравшеса купно Медвежане, Юрьевцы, Велпажане со княземъ Ярославомъ Владимеричемъ градъ Изборескъ взяша. ...Плескович же приидоша помощь сотворити Изборску... (XXI, 284—285).	Того же лета взяша Немци, Медвежане, Юрьевцы, Велиадцы, со княземъ со Ярославомъ Володимеричемъ, городъ Изборескъ. И прииде вѣсть во Псковъ, яко взяша Немци Изборескъ и выпде противу имъ весь градъ... А великий князь Александръ отъеха въ землю Суздальскую въ Переяславль градъ, съ матерью и съ княгинею и со всемъ дворомъ своимъ... (VII, 149).

В результате, во-первых, закономерно возникает вопрос не об отнесении Лицевого свода к особой редакции Никоновской летописи, а о выделении его в особую летопись, отражающую воззрения идеологов «самодержавства» 70-х годов XVI в. (напомним, что Никоновская летопись есть не что иное, как произведение полустолетней давности, т. е. 1520-х годов), а во-вторых, требует основательного рассмотрения тенденций, привносимых в Лицевой свод включением в него Степенной книги и Воскресенской летописи.

Первый вопрос встал вновь в связи с работой Б. М. Клосса, полагавшего, «что текст Лицевого свода представляет по существу особую редакцию (разрядка моя.— В. М.) Никоновской летописи, дополненную по Воскресенской летописи, Новгородскому своду 1539 г., Степенной книге и „Летописцу начала царства“»¹⁷. И здесь, вероятно, следует обратиться к рассмотрению самих понятий нового летописного памятника и редакции летописного памятника. Эти понятия определены Д. С. Лихачевым следующим образом: «Если новый летописный памятник возник на основе одного предшествующего текста, — он может в известной мере считаться новой редакцией предшествующего текста... Если же новый текст возник на основе не одного, а нескольких предшествующих, то перед нами безусловно будет новый памятник». Другой путь возникновения новой летописи — «в очень сильной степени... переработанный текст предшествующего памятника»¹⁸.

Как уже было показано, в Лицевом своде не повторяется механически текст Никоновской летописи, составители отнюдь не ограничиваются ее иллюстрированием, но перерабатывают, изменяют ее столь значительно, что в данном случае по отношению к работе составителей Лицевого свода применима оценка, которую М. Н. Тихомиров давал составлению Никоновской летописи: она «решительно переделывает старые известия на новый лад, передает их, не только перефразируя старый текст, но порой и снабжает их новыми комментариями»¹⁹.

Для понимания, для правильной оценки сути работы составителей необходимо рассмотреть тенденции, привносимые в текст Лицевого свода включением в него текстов отдельных источников.

Обратимся к Степенной книге (заимствования из нее в Лицевом своде частично уже рассмотрены А. Е. Пресняковым²⁰ и Г. З. Кунцевичем)²¹.

Сопоставление текстов показывает, что из Степенной книги в Лицевой свод вошли: рассказ о походе Андрея Боголюбского к Новгороду (XXI, 237—239; IX, 241—244), широко известном по иконе «Чудо от иконы „Знамения“ в Новгороде» («Битва новгородцев с суздальцами»), значительные фрагменты жития Александра Невского (XXI, 279—287, 289; X, 118—128, 134—135, 138—139), известие о преставлении Варлаама Хутынского (XXI, 278; X, 128), Повесть о Михаиле Черниговском и боярине его Федоре (XXI, 267—277; X, 237—244), Повесть о Темир-Аксаке (XXI, 424—440; XI, 243—254), Сказание о великой княгине Евдокии, жене Дмитрия Донского (XXI, 408—411; XI, 198—201), известие о престав-

лении новгородского архиепископа Ионы (XXI, 530; XII, 125), послание митрополита Филиппа в Новгород и поучение Феофилово (XXI, 532—533; XII, 127—129), фрагменты Повести о походе Ивана III на Новгород (XXI, 536—542; XII, 132—142), Повесть о «чудесном» рождении Василия III (XXI, 554—555; XII, 190—192), фрагменты Повести о пришествии Ахмата на Угру, включая послание Вассиана Рыло (XXI, 557—565; XII, 203—212), известия о посылке воевод «на Ясыку и Юзшана» и переходе Юзшана на службу великому князю (XXI, 565; XII, 215), фрагмент рассказа о соборе на новгородских еретиков (XXI, 567—568; XII, 224—225, 227), рассказ о чуде явления Александра Невского, пожаре во Владимире и исцелении духовника Ивана Грозного — Андрея, будущего митрополита Афанасия (XXI, 569—570; XII, 229—230), фрагмент рассказа о поимании Андрея Ивановича Углицкого (XXI, 570; XII, 231—232), Повесть о нашествии на Москву Магмет-Гирея в 1521 г. (XXI, 598—603; XII, 37—43), Повесть о «чудесном» рождении царя Ивана (XXI, 605—609; XIII, 48—53), Похвала Василию III (XXI, 611; XXIX, 217)²², фрагменты Повести о болезни и смерти Василия III (XXI, 612—615; XIII, 409—419), прорицание казанской царевны Ковгоршад (XXI, 639—640; XIII, 440), пять рассказов-знамений, предшествующих Повести о поставлении Свияжска (XXI, 640—641; XIII, 463), рассказ о чуде на Свяге в составе Повести о поставлении Свияжска (XXI, 641; XIII, 465—466), рассказ о чудесном прокормлении русского войска на пути к Казани (XXI, 642—643; XIII, 496), а также четыре рассказа о чудесах, предзнаменующих падение Казани (XXI, 644—648; XIII, 502—503).

Займствования в Лицевой свод из Воскресенской летописи также частично указаны Б. М. Клоссом²³; приведем, однако, их полностью.

Из Воскресенской летописи в Лицевом своде займствованы: легенда о походе Владимира Мономаха на Царьград (VII, 23; IX, 144), фрагмент рассказа о княжеских междоусобицах 6660 (1152) г.²⁴ (VII, 56—58; IX, 191—194), рассказы о смерти Юрия Долгорукого (VII, 66; IX, 208), о гибели Мстислава Изяславича и начале княжения Глеба Юрьевича (VII, 84; IX, 238—239), о убийстве Андрея Боголюбского (VII, 89—90; IX, 240—250), о восстании во Владимире 6684 (1176) г. (VII, 91; IX, 254), о встрече Всеволода Юрьевича с половцами «у града Тугчина» (VII, 96; X, 9), о походе на болгар и бегстве половцев (VII, 96—97; X, 10), о походе Святослава Всеволодовича на половцев (VII, 98; X, 11), фрагменты Повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. (VII, 98—99; X, 12—17), летописные статьи о возведении городской стены в Суздале, о походе Ярослава Владимировича на Луки и взятии им Юрьева в 6699 (1191) г., о походе Ярослава Владимировича к Пскову в 6700 (1192) г. и пожаре во Владимире (VII, 101—102; X, 19—20), о строительстве детинца во Владимире, поновлении кровли Рождественского собора в Суздале, закладке Спасского собора на Хутыни и рождении Дмитрия Всеволодовича (VII,

102; X, 20—21), об основании городов Городец и Переяславль (VII, 102; X, 22), фрагмент известия о преставлении Игоря Глебовича (VII, 102; X, 22), фрагмент рассказа о княжеской междоусобице 6704—6705 (1196—1197) г. (VII, 103—106; X, 24—29), летописные известия об освящении Рождественского собора и надвратной церкви Иоакима и Анны во Владимире (VII, 106; X, 29), о принесении «дъски гробной» из Селуни, изгнании Ярополка Ярославича из Новгорода и вокняжении там Ярослава Владимировича (VII, 106; X, 30), о преставлении Давида Смоленского, вокняжении в Смоленске его сына Мстислава, рождении Иоанна Всеволодовича в 6706 (1198) г. (VII, 106; X, 31), о приходе новгородцев к Всеволоду Юрьевичу с просьбой о поставлении сына «княжить Новугороду», о преставлении новгородского архиепископа Мартирия и возведении на его место Митрофана, о вокняжении Ярослава Всеволодовича в Новгороде и «обложении» Русы новгородцами (VII, 107; X, 32—33), о преставлении Игоря Святославича и освящении Успенского собора во Владимире, «в монастыре княгинине» (VII, 107; X, 33), фрагменты известия о разорении Киева Рюриком Ростиславовичем (VII, 107—108; X, 35), известие об освобождении Ростислава Рюриковича и его вокняжении в Киеве (VII, 108—109; X, 36), Повесть о взятии Константинополя крестоносцами (VII, 109—111; X, 37—41), известия об иконе Одигитрии, «сию же икону списа Лука евангелистъ» (VII, 111; X, 41—42), об изгнании из Киева Всеволода Чермного и вокняжении Рюрика Ростиславовича, о солнечном затмении 28 февраля 1206 г., о пребывании Константина Всеволодовича у Всеволода Юрьевича (VII, 113—114; X, 52), о взятии Киева Ольговичами в 6715 (1207) г. (VII, 114; X, 53—54), небольшие фрагменты известия о походе Мстислава Мстиславича к Торжку и известие о приходе рязанских князей Изяслава Владимировича и Кир Михаила Всеволодовича к Москве (VII, 116; X, 61—62), известия о целовании креста Юрию Всеволодовичу (VII, 117; X, 63—64), о княжеском съезде 6721 (1213) г. (VII, 118; X, 66), фрагмент Повести о битве на реке Липице (VII, 123—124; X, 74—77), известия о вокняжении Юрия Всеволодовича в Суздале, Владимира Всеволодовича — в Стародубе (VII, 125; X, 78—79), о принесении во Владимир мощей («часть некую отъ страстей господнихъ») 6726 (1218) г. (VII, 125; X, 79), о взятии Галича Мстиславом Мстиславичем (VII, 126; X, 82), рассказ о походе «на Болгары» 1219 г. (VII, 126—128; X, 83—86), известия о приходе литвы к Чернигову, о походе Мстислава Романовича к Галичу и преставлении княгини Агафьи, жены Константина Всеволодовича (VII, 128; X, 86), два фрагмента Повести о битве на реке Калке (VII, 129—130; X, 89—90), известия о разгроме литвы Ярославом Всеволодовичем (VII, 133; X, 93), о походе Юрия Всеволодовича на мордву 6736 (1228) г. (VII, 134; X, 94—95), о приходе мордвы к Нижнему Новгороду, об оставлении Кириллом Ростовской епископии, «О Авраамьи мученице», о «противстве» и примирении Ярослава Всеволодовича и Юрия Константиновича (VII, 135; X, 97—98), о принесении мощей Авраамия во Владимир (VII, 136; X,

98—99), о свадьбе Всеволода Юрьевича (VII, 136; X, 99), группа известий о стихийных бедствиях, предзнаменующих гибель Руси от татарского нашествия, известия о примирении Михаила Черниговского с Ярославом Всеволодовичем и о море в Смоленске (VII, 136—137; X, 99—101), о преставлении Федора Ярославича и митрополита Кирилла в 6741 (1233) г. (VII, 138; X, 103), о возведении Георгиевского собора в Юрьеве (VII, 138; X, 103—104), фрагменты Повести о Батыеве нашествии (VII, 139—143; X, 105—113), известия об «обновлении» Суздальской земли Ярославом Всеволодовичем (VII, 143—144; X, 113—114), о принесении во Владимир останков («мощей») Юрия Всеволодовича, о свадьбе Александра Невского, о походе Ярослава Всеволодовича к Каменцу (VII, 144; X, 114), о битве с татарами за Чернигов, о походе Ярослава Всеволодовича на Литву («смолянъ бороня») (VII, 144; X, 114—115), о приходе Батгя на Волынь (VII, 145; X, 117—118), фрагменты жития Александра Невского (VII, 149—151; X, 123—128), Похвала Ярославу Всеволодовичу (VII, 156; X, 133), фрагменты Повести о Куликской битве (VIII, 40, 41; XI, 66, 67), Повести о Московском взятии от царя Тохтамыша (VIII, 42—47; XI, 71—81), рассказов о явлении иконы Богоматери Тихвинской (VIII, 48; XI, 83), о походе Дмитрия Ивановича на Новгород в 6894 (1386) г. (VIII, 50—51; XI, 88—90), о битве на реке Вехре (VIII, 51—52; XI, 91—92), известие о приходе послов литовского князя Лугвена в Новгород (VIII, 52; XI, 94—95), житие Дмитрия Донского (VIII, 53—56; XI, 108—113), рассказ о благословении Василия Дмитриевича на великое княжение (VIII, 56; XI, 114), Слово о преставлении Дмитрия Ивановича Донского (VIII, 57—60; XI, 116—121), известия о заключении мира Василия Дмитриевича с Новгородом и Пскова с Новгородом, о присоединении к Москве Нижнего Новгорода (VIII, 61; XI, 122—123), фрагмент известия о возвращении послов с Софьей Витовтовной (VIII, 61; XI, 123), известия о набеге новгородцев на Устюг и Белоозеро (VIII, 63; XI, 155), о встрече Василия Дмитриевича и Витовта в Смоленске, два фрагмента жития Стефана Пермского (VIII, 69—70; XI, 164—166), фрагмент известия об отъезде из Твери в Москву Ивана Всеволодовича (VIII, 70; XI, 167), рассказ о присылке в Москву помянок из Царьграда (VIII, 71; XI, 168), фрагменты Повести о житии и преставлении Михаила Александровича Тверского (VIII, 73—74; XI, 179—180, 181), известие о набеге казанцев на Владимир и Муром в 6956 (1448) г., фрагмент известия о походе Василия Васильевича на Галич (VIII, 121; XII, 73), известие о поставлении на митрополию Ионы (VIII, 121—122; XII, 74), начало Повести о взятии Царьграда турками (VIII, 125; XII, 78), известия о приходе Орды на Дон, о лунном затмении и стихийных бедствиях 6974 (1466) г., о преставлении Вассиана Сарайского, о море в Новгороде и Пскове, о преставлении монахини Ефросинии, бывшей жены Петра Дмитриевича, о стихийных бедствиях 6975 (1467) г., о рождении сына у Василия Ивановича Рязанского, о преставлении великой княгини Марии, об уходе с Ростовской епископии Трифона

(VIII, 151—152; XII, 116—117), известия о покупке Иваном III половины Ростова (VIII, 180; XII, 157), о взятии турками Кафы, о похищении устюжан на Каме (VIII, 181; XII, 158), о взятии турками Крыма (VIII, 183; XII, 168), о возведении Успенского собора в Москве и освящении его (VIII, 201; XII, 192—193), рассказ о перенесении мощей московских митрополитов (VIII, 201—203; XII, 193—196), известия о походе Андрея Оболенского на «немцы», о поимании новгородского архиепископа Феофила (VIII, 203—204; XII, 197), рассказ о попытке побега братьев великого князя, Андрея и Бориса, в Новгород (VIII, 204; XII, 197—198), известие о приходе Ахмата на Оку (VIII, 204—205; XII, 198)²³, два рассказа о звоне колоколов Симонова монастыря (VIII, 205; XII, 199—200), известие о поставлении епископа Никиты на Коломну, о закладке Благовещенской церкви на Троицком подворье в Москве, о приезде в Москву Андрея, шурина Ивана III (VIII, 205; XII, 200), фрагменты Повести о пришествии Ахмата на Угру (VIII, 205—207, 213; XII, 200—203, 212), известия о закладке приделов Архангельского собора, о рождении Дмитрия Ивановича (VIII, 213; XII, 213), о преставлении жены Михаила Борисовича Тверского, о преставлении Василия Ярославича («в железах») (VIII, 214; XII, 214), о посылке новгородцев на Тверь, о рождении Ивана Ивановича, о поимании в Крыму Муртозы, сына Ахмата, о набеге Орды на Крым в 6993 (1485) г. (VIII, 216; XII, 217), о преставлении Михаила Андреевича Верейского, об освящении митрополичьей Ризположенской церкви в Москве (VIII, 217; XII, 218), о попытке внести раздор («крамолой»), между Иваном III и Андреем Углицким, «О Новгородскихъ попехъ», о выводе новгородцев на Москву, об оставлении Ростовской архиепископии Иоасафом и поставлении Тихона (VIII, 217—218; XII, 219—220), о посольстве в Валахию, о поставлении на митрополию Зосимы (VIII, 219—220; XII, 223—224), фрагменты рассказа о соборе на новгородских еретиков (VIII, 220—221; XII, 225—227), известия о возвращении посольства Ивана Лихорева из Валахии, о комете, о прибытии орденского посла Семюна Вармцара, о посылке «немецъ Ивана да Виктора» на Печору в поисках серебряной руды (VIII, 224; XII, 228), о посылке князей Воротынских на Масальск (VIII, 225; XII, 235), о поставлении деревянной стены в Москве (VIII, 226; XII, 236), о закладке каменной стены «возле Неглимы» в Москве, о расчистке города «за рекою Москвою», о посылке воевод под Выборг (VIII, 229—230; XII, 240), «О войне на Свейские же немцы» 7004 (1496) г. (VIII, 231; XII, 242), о поставлении Евфимия на Сарскую епископию, о поставлении Протасия на Рязанскую епископию (VIII, 233; XII, 245), начало известия об опале Ивана III на сына Василия (VIII, 234; XII, 246), о посылке к Казани воевод (VIII, 237; XII, 250), о посылке воевод в Ливонию в 7010 (1502) г. (VIII, 241; XII, 254), о приходе ливонских войск к Иван-городу (VIII, 241—242; XII, 255), о бое с ливонскими войсками у Смолина (VIII, 242; XII, 256), фрагменты рассказа о походе Дмитрия Ивановича на Казань (VIII, 246; XIII, 2—3), о пребывании в Москве крымского

посольства, о восшествии на польский трон Сигизмунда (VIII, 247; XIII, 4), об отпуске казанского посольства из Москвы (VIII, 247—248; XIII, 6), рассказ о положении мощей великих князей в Архангельском соборе (VIII, 248; XIII, 8), фрагменты известий о возвращении посольства из Казани (VIII, 248; XIII, 8), о росписи Благовещенского собора, о пожарах в Москве и Новгороде, известия о завершении строительства церквей итальянскими мастерами (VIII, 249; XIII, 9—10), о сведении новгородского архиепископа Серапиона (VIII, 250; XIII, 11), о создании каменной стены в Туле (VIII, 250; XIII, 12), о поновлении иконы Владимирской богородицы, о закладке каменной церкви в Москве (VIII, 254—255; XIII, 17—18), фрагменты рассказов о поимании Михаила Глинского, о бое под Оршей (VIII, 257—258; XIII, 21—22), фрагмент известия о походе на Литву 7027 (1519) г. (VIII, 268; XIII, 34).

Столь значительные дополнения из Степенной книги и Воскресенской летописи к тексту Никоновской летописи, вероятнее всего, были продиктованы какими-то причинами, которые в известной мере раскрываются тематикой приведенных статей.

Рассмотрим характер работы с Степенной книгой. Прежде всего, отдельные самостоятельные ее части заимствовались в Лицевой свод более целостно, фрагментарность почти исключена, а тематический круг уже. Это значительные фрагменты жития Александра Невского, повести о «чудесных» рождениях Василия III (с Похвалой) и его сына Ивана IV, показывающие богоизбранность великих князей, освящающие их особы. Напомним, что Д. С. Лихачев называл Степенную книгу «иконой всех святых Московского государства»²⁶, а ее «ложь во спасение» государственного престижа²⁷, используемая в Лицевом своде, превращает и сам свод в своеобразную икону святых великих князей владимирских и московских.

Спешествование небесных сил «богоизбранным самодержцам» останавливает, как пытаются доказать составители Лицевого свода, используя Степенную книгу, и Темир-Аксака, и Ахмата, и Магмет-Гирея. Эти же небесные силы прорицают казанскую победу Ивана Грозного «чудесами», также заимствованными из Степенной книги.

Другая важная тема использования Степенной книги — Новгород, обличение его «лукавых умышлений», еретичества, отступлений от крестоцелования великому князю.

И, наконец, в небольшом фрагменте рассказа о поимании Андрея Ивановича Углицкого составители Лицевого свода пытаются показать милосердие Ивана III, строгого к изменнику, который «грамоты свои посылалъ въ Литву къ королю Казимиру, одиначяся съ нимъ», но милующего тех, кто «неухищреннаго права» (XII, 231—232).

Рассмотрим проблематику сюжетов, заимствованных из Воскресенской летописи. Она довольно четко ограничивает круг интересов составителей Лицевого свода.

Самая большая количественно группа известий, приведенных в Лицевой свод из Воскресенской летописи, связана с постройкой и освящением соборов во Владимире и Москве (по одному разу на-

зываются также Суздаль, Юрьев и Хутынь), принесенным в них «мощей» и «святынь». Все эти известия призваны показать «благоверие» и «христоробие» владимирских князей и их московских преемников. Этой же цели служат фрагменты жития Александра Невского («своею ревностию по святей троицы и по святей Софее») (X, 125), Похвала Ярославу Всеволодовичу («сей великий князь положи душу свою за други своя и за землю Русскую») (X, 133), Слово о житии и преставлении Дмитрия Донского. Послушание «отъ божественныхъ писаний» становится, по мысли составителей Лицевого свода, причиной миролюбия великих князей при отступлении «въ крестном целовании» их братьев в рассказах о «противстве» и примирении Ярослава Всеволодовича и Юрия Константиновича, Ярослава Всеволодовича и Михаила Черниговского, о попытке Андрея Большого и Бориса Васильевичей «отступить» в Великие Луки, о «крамоле» Андрея Ивановича Углицкого. У самих же великих князей вражды «ни в думе не бывало» (XII, 220), они становятся жертвами «диаволя действа и наваждения и лихихъ людей совета» (XII, 246).

Великие князья, подчеркивают составители Лицевого свода, обращаясь к известиям Воскресенской летописи, являются заступниками простых людей (восстание во Владимире 1176 г.), они ограничивают или даже пресекают княжеские междоусобицы, «ихже ми есть неудобно терпети... мя съ ними богъ управить» (X, 54). При этом любопытна тенденция в освещении походов великих князей как обязательно успешных. Удельные же князья предпринимают акции (если они не санкционированы великим князем или проводятся вопреки его воле), заранее обреченные на провал, несущие беды Русской земле: «и побезени быша вси... и погибе Рускихъ вой память съ шумомъ», «И сотворися велико зло въ Руской земли, аково же и не бывало отъ крещения надъ Киевомъ» (X, 13, 35). Зато «обновление» земли после Батыева разорения — заслуга великого князя Ярослава Всеволодовича («и бысть радость велика христіаномъ») (X, 113).

Вместе с тем, как пытаются доказать составители Лицевого свода, на Руси есть исконные крамольники, проявляющие постоянное стремление к отделению от Москвы: архиепископ Феофил «по крамоле» хотел, чтобы Новгород был «за королемъ или за инымъ государемъ» (XII, 197), а рядовые новгородцы «въ думе» пытались убить Якова Захарьича, новгородского наместника (XII, 220). Новгородцы искони злокозненны: с одной стороны, жгут «у всякие улицы вне города... все хоромы» в страхе перед приходом Дмитрия Донского (XI, 88), с другой — «люди из лесовъ выводяще, мучаху» во время ушкуйного набега на земли великого князя — Устюг и Белоозеро (XI, 155)²⁸.

Характерной особенностью текста Лицевого свода является обилие всякого рода «чудесных» предзнаменований. Частично они заимствованы из Воскресенской летописи и предвещают «погибель» Русской земли от орд Батыя, падение новгородской вольницы при Иване III и победу на Угре.

Стремление к большей подробности в освещении важнейших для судеб Руси событий привело к активному использованию Воскресенской летописи при составлении новых редакций крупных самостоятельных повестей, вошедших в Лицевой свод. Это Повесть о битве на Калке, Повесть о Батыевом нашествии, Повесть о Куликовской битве, Повесть о Московском взятии от царя Тохтамыша, а также известия о битве с татарами за Чернигов и о походе Баты на Волынь.

Вероятно, можно оставить за рамками рассмотрения многочисленные известия, касающиеся внутренней жизни различных княжеских ветвей, — рождения, свадьбы, вокняжения и преставления. Обратимся к известиям внешнеполитического характера. Здесь внимание составителей Лицевого свода явно привлекают две темы: первая — борьба с Литвой и Ливонией за пограничные земли, вторая — походы русских воевод к Казани и описание набегов казанцев. Именно эти известия заимствуются из Воскресенской летописи в Лицевой свод. Сюда же примыкают повествования о событиях, непосредственно к Руси не относящихся: приход Орды на Дон и набег на Крым, а также взятие Кафы турками.

Пристальное внимание к истории Византии стало причиной привлечения Воскресенской летописи при составлении Лицевого свода для включения в него Повести о взятии Константинополя крестоносцами и Повести о взятии Царьграда, ведь Российское государство представлялось идеологам XVI в. своего рода преемником Византийского.

Таковы в принципе особенности редакционной работы составителей Лицевого свода при использовании Воскресенской летописи.

Как мы видим, заимствование известий Степенной книги и Воскресенской летописи при составлении Лицевого свода было целенаправленным. Обширный материал, содержащийся в этих источниках, давал большие возможности для их использования, но политические интересы, которыми руководствовались составители Лицевого свода (характеристика тенденциозности летописцев, данная А. А. Шахматовым²⁹, остается непреходящей), ставили перед ними очень четкие задачи, а по сему ограниченным стал и круг тем, привлекавший внимание создателей «Московской исторической энциклопедии XVI века». Это было время, по определению А. Е. Преснякова, «когда Московская Русь, упоенная высоким положением, какого достигла — по крайней мере в сознании государственных людей и своих княжников — под властью Грозного царя, подводила итоги своим историческим воспоминаниям, ища в них оправдания притязаниям, шедшим так далеко»³⁰. Раскрываются же эти оправдания притязаниям лишь при тщательном, скрупулезном сопоставлении Лицевого свода с предшествующими ему летописями. Такой путь был намечен О. И. Подобедовой, справедливо подчеркивающей, что «в выборе источников, в сокращении и распространении изложения, в отборе деталей для восполнения рассказа наглядно выявляется тенденция редактора»³¹.

Как мы уже видели, тенденции составителей Лицевого свода последовательно проведены при использовании Степенной книги и Воскресенской летописи. Они совпадают, подчиняясь единым задачам. И здесь, пожалуй, логично будет обратиться к рассмотрению характера Лицевого свода как исторического произведения. В нем нет оригинальных известий (любое обнаруживается в той или иной летописи), но между тем это отнюдь не компиляция³².

Основанный на тщательном анализе источников, а затем синтезирующий их под углом зрения важнейших задач своего времени, Лицевой свод предстает перед читателем как новый этап в развитии летописания. Есть основания полагать, что в конце 60-х годов XVI в. оно не только не «утратило прежний размах, а затем и вовсе прекратилось», не только не «было насильственно пресечено» вследствие «ареста» летописей³³, но претерпело качественные изменения. Лицевой свод представляется уже «четвёй» книгой, состоящей из ряда житий великокняжеского рода владимирских и московских «самодержцев», дополненного житиями «новых» святых, русских по происхождению или связанных деятельностью с Русью и канонизированных в основном на соборах 1547 и 1549 гг. Идея «богоизбранности» «государства Российского царства» (термин Царственной книги; XIII, 420) нашла в Лицевом своде свое подробнейшее и ярчайшее воплощение. К тому же лицевой характер свода (изобразительный материал занимает около двух третей рукописи) делал ее и наглядной.

¹ Опубликована в ПСРЛ. СПб., 1862—1906, т. IX—XIII. Фототипическое переиздание: М., 1965.

² Опубликована в ПСРЛ. СПб., 1856—1859, т. VII—VIII.

³ Опубликована в ПСРЛ. СПб., 1908—1913, т. XXI.

⁴ Текст опубликован в ПСРЛ, т. IX—XIII.

⁵ Историография вопроса наиболее полно изложена в работе Б. М. Клосса «Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв.» (М., 1980, гл. 1. Вопрос о Никоновском своде в работах исследователей русского летописания, с. 7—18).

⁶ Там же, с. 190—199.

⁷ Васенко П. Г. «Книга степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904, ч. 1, с. 217. См. также изложение доклада Н. Н. Покровского «Томский список Степенной книги и некоторые вопросы ранней текстологии памятника» (Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981, с. 338).

⁸ Левина С. А. О времени составления и составителя Воскресенской летописи XVI в.—Тр. Отдела древнерусской литературы. М.: Л., 1955, т. XI, с. 375—379; Она же. Воскресенская летопись XVI в. (ее редакции, источники и значение).—Тр. Моск. гос. историко-архивного ин-та, 1957, т. 10, с. 402—403; Она же. Списки Воскресенской летописи.—В кн.: Летописи и хроники: Сб. ст., 1984 г. М., 1984, с. 51—58; Лангев В. В. Воскресенская летопись.—Учен. зап. Ленингр. гос. педагогич. ин-та им. А. П. Герцена, 1955, т. 102. Исторический факультет, с. 165—239.

⁹ Шахматов А. А. Критический отзыв на работу Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков».—В кн.: Изв. Отделения русского языка и словесности (далее: ИОРЯС). СПб., 1899, т. IV, кн. 4, с. 1478—1481; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 68—69; см. также: Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия XVI в.—В кн.: ИОРЯС. СПб., 1900, т. V, кн. 3, с. 868.

- ⁴⁰ Книга, глаголемая Летописец Федора Кирилловича Нормантского.— В кн.: *Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете*. М., 1850, кн. 5.
- ⁴¹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 286—288.
- ⁴² *Морозов В. В.* Царственная книга как памятник летописания XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979, с. 15—16.
- ⁴³ Фрагменты текста Лицевого свода, аналогичные тексту Никоновской летописи, заключены в круглые скобки, Воскресенской — в прямые.
- ⁴⁴ Здесь и далее указываются номер тома ПСРЛ и страница.
- ⁴⁵ Фрагменты текста Лицевого свода, аналогичные тексту Никоновской летописи, заключены в круглые скобки, Степенной книге — в прямые.
- ⁴⁶ Фрагменты текста Лицевого свода, аналогичные тексту Никоновской летописи, заключены в круглые скобки, Воскресенской — в прямые, Степенной книге — выделены курсивом.
- ⁴⁷ *Клосс Б. М.* Указ. соч., с. 209.
- ⁴⁸ *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962, с. 352.
- ⁴⁹ *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979, с. 335.
- ²⁰ *Пресняков А. Е.* Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893, с. 12—17; *Он же.* Московская историческая энциклопедия XVI в., с. 861—867.
- ²¹ *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905, с. 455—457, 545—547.
- ²² Листы Лицевого свода с Похвалой Василию III утрачены, но часть их скопирована в Александровско-Невской летописи, что обоснованно позволяет считать Похвалу входившей в состав Лицевого свода. Об этом см.: *Морозов С. А.* Летописные повести по истории России 30—70-х годов XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979, с. 12.
- ²³ *Клосс Б. М.* Указ. соч., с. 209—212.
- ²⁴ Здесь и далее принимается дата летописи.
- ²⁵ За данной статьей 1480 г. в Лицевом своде следуют известия о пожаре в Москве «марта в 29 день» и о падении звезд «того же месяца... 30 день», текстуально сходные с Воскресенской летописью, однако даты в них другие — «сентября в 9 день», «того же месяца в 21 день» (VIII, 205; XII, 199). Возможно, изменение дат было сделано редактором-составителем текста Лицевого свода.
- ²⁶ *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1967, с. 291.
- ²⁷ *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973, с. 131.
- ²⁸ Здесь следует отметить, что Устюг и Белоозеро к этому времени (1393 г.) еще не входили в состав Московского княжества. См.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой.— В кн.: *Куликовская битва: Сб. ст. М., 1980, с. 41—48; Он же.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984, с. 279, 306—308. [*Шахматов А. А.*] Повесть временных лет. Пг., 1916, т. I, с. XVI.
- ²⁹ *Пресняков А. Е.* Московская историческая энциклопедия XVI в., с. 824.
- ³¹ *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965, с. 114.
- ³² См.: *Тихомиров М. Н.* Что нового внес А. А. Шахматов в изучение древнерусских летописей.— В кн.: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание, с. 14.
- ³³ *Скрынников Р. Г.* О времени работы Ивана Грозного над Лицевым сводом.— В кн.: *Культурное наследие Древней Руси: (Истоки. Становление. Традиции)*. М., 1976, с. 161, 154, 156.

ЗАМЕТКИ О РОГОЖСКОМ ЛЕТОПИСЦЕ

Л. Л. Муравьева

Рогожский летописец (далее: Рог.), который датируется 40-ми годами XV в., является одним из немногих сохранившихся до наших дней памятников раннего летописания. В нем отразились московская и тверская летописные традиции XIV — первых десятилетий XV в. Рог. найден и опубликован в 1922 г. Н. П. Лихачевым¹. Еще до публикации к нему было привлечено пристальное внимание специалистов, начиная с А. А. Шахматова. Это очень ценный памятник. Достаточно сказать, что Рог. фактически наравне с Симеоновской летописью (далее: Сим.) использовался М. Д. Приселковым для реконструкции текстов утраченной Троицкой летописи (далее: Тр.)². Однако он еще полностью не изучен. Не случайно в последнее время вновь поднят вопрос о его составе, дискутируется характер генетической связи Рог. с Сим. и Тверским сборником (далее: Тв. сб.) за XIV в., точнее — за вторую и третью четверти этого столетия.

Сделанный А. А. Шахматовым и А. Н. Насоновым в основном верный вывод о соотношении Рог. и Тв. сб. за 1328—1375 гг. и общем источнике этих двух памятников действительно нуждался в уточнении и развитии. Шахматов наметил состав Рог., кратко оговорив возможность разбить его на несколько частей в зависимости от сходства и связи последних с теми или иными летописными сводами. И данное мнение утвердилось в литературе. Наибольшее внимание он уделил первой части (до 1288 г.). Что касается XIV—начала XV в., то ученый устанавливал здесь родство Рог. с Сим. и Тв. сб. Шахматов указал, что за 1288—1327 гг. Рог. тождествен с Тв. сб., а с 1328 по 1375 г. представляет собой компиляцию, созданную из материала Сим. и тверской летописи, а от 1375 г. и до конца (1412 г.) — текст протографа Сим.³ Он не разъяснил, какая конкретно тверская летопись за вторую — третью четверти XIV в. слита с текстом Сим. Возможно, имелся в виду источник, общий с Тв. сб., который лежит в основе обоих памятников с конца XIII в. до 1327 г.

Известна шахматовская точка зрения на сопоставляемые с обследуемой летописью 40-х годов XV в. Сим. и Тв. сб. Напомним ее. Сим. имеет (от ее начала, с 1177 г.) до 1390 г. почти идентичный текст с Тр.; исключение составляют 1235—1237, 1239—1249 и 1361—1364 гг., где объединены материалы «Свода 1408 г.» и «Сво-

да 1479 г.» (последний памятник близок Сим. п за XV в.)⁴ Шахматов считал Тв. сб. сочинением середины XVI в. и в его составе видел две самостоятельные части: до 1255 г. и после 1247 г. (с учетом стыковки их источников под этими годами). По его словам, в первой части был использован ростовский «Свод 1534 г.», во второй — привлечены московский «Свод 1499 г.» и тверской памятник середины XV в. Он полагал, что московский памятник конца XV в. представляет собой ростовский «Свод 1419 г.» с продолжением и в редакции, которая послужила источником Воскресенской летописи (далее: Воскр.). Он указывал на общие тексты Тв. сб. и Воскр. с 1318 по 1410 г. включительно. Согласно Шахматову, главный источник «Свода 1499 г.» — это сокращенный ростовский свод, который в части до 1419 г. тождествен с Академическим списком того же памятника, объединен с тверской летописью 1409/10 г. и обогатлен известиями 1420—1499 гг. Он называл дополнительным и самостоятельным источником Тв. сб. тверскую летопись середины XV в. и прослеживал включение ее материала в текст статей сборника, начиная с 1326 г. и затем на протяжении всего XIV в. и первой четверти XV в. Ученый писал о вспомогательной роли ростовского «Свода 1419 г.» в первой части Тв. сб. и о возможных заимствованиях во второй — из «Свода 1534 г.», источниками которого были Софийская I (далее: СI), Новгородская I и другие летописи⁵.

Насонов в целом разделял мнение Шахматова о Рог. и Тв. сб. и продолжил первоначальные наблюдения И. А. Тихомирова о последнем памятнике⁶, высказав ряд иных суждений о нем. Насонов считал Тв. сб., как и Тихомиров, ростовским памятником 1534 г., а его основным источником — общерусский свод первых десятилетий XVI в. Он прослеживал следы этого свода как в первой, так и во второй частях Тв. сб., в частности после 1375 г. Одним из источников второй части Тв. сб. он называл ростовский свод. Кроме того, Насонов прослеживал во второй части Тв. сб., т. е. после 1247 г., единый протограф тверского происхождения в московской редакции конца XV в. (а не два самостоятельных тверских источника). По его словам, в основе данного протографа лежит сокращенная редакция тверского свода середины XV в. Согласно Насонову, предполагаемый им тверской свод отразился в более полной редакции в Рог. (до 1375 г.) и Никоновской летописи (далее: Ник.). К названному своду отнесены до 1375 г. все лишние по сравнению с Тв. сб. тексты двух последних летописей и общий со всеми тремя памятниками материал Сим. — при одинаковых записях известий в Рог. — Тв. сб. Путем сравнения Тв. сб. и Ник. (и некоторых других летописей) Насонов устанавливал его промежуточную редакцию 1425 г. и отдельно в Ник. — особую, кашинскую традицию этого времени, вышедшую из тверского памятника 1409 г. Он отмечал следы обеих традиций и в Сим. (после 1390 г.). Насонов писал, что тверской памятник времени епископа Арсения лежит непосредственно в основе Владимирского Полихрона, известного по СI, Воскр., Новгородской IV (далее: NIV), Ермолинской, Львовской (далее: Льв.) летописям⁷.

Касаясь вопроса о тверском источнике Ник., Б. М. Клосс определил его как кашинскую редакцию тверского великокняжеского свода времени Ивана Михайловича Тверского, доведенного до 1414 г. По его мнению, это свод епископа Арсения, отредактированный при епископе Антонии⁸.

В 70-х годах Рог. вновь стал предметом пристального внимания специалистов. Г. М. Прохоров высказал мнение о третьем, московского происхождения общерусском источнике Рог. 1375 г. (первоначальная редакция Летописца Великого Русского)⁹. К нему им отнесены находящиеся в Рог. избыточные тексты, которые читаются как дополнение к общей с Сим. основе. Постановка вопроса об «излишках» Рог. за XIV в. по сравнению с Сим. и Тв. сб. вполне правомерна. Уже Приселков, занимаясь реконструкцией Тр., выразил сомнение в том, что сложная по составу Ник. не может служить, как полагал Насонов, дополнительным источником при отборе материала в Рог.¹⁰ Потом Я. С. Лурье обратил внимание на параллельные тексты за XIV в. Рог. с Владимирским летописцем (далее: Вл.) и Супрасльской летописью (далее: Супр.)¹¹. Он не склонен поддерживать и Приселкова, обратившегося при решении вопроса об объеме сокращений Сим. (против Тр.) к материалу Московского свода конца XV в. Лурье не согласился с мнением Прохорова о том, что первоначальным источником свода, лежащего в основе Рог., является Летописец Великий Русский. На его взгляд, требует, в частности, объяснения, почему этот источник, доходивший до 1375 г., изменен в Сим., представляющей с Рог. единую тверскую редакцию Тр. 1412 г., и затем с этого года в переработке 1392 г. одинаково читается в Рог и Сим. Он определяет протограф Тр.—Сим.—Рог. как московский свод конца XIV — начала XV в., отождествление которого на всем протяжении текстов с названными памятниками полагает маловероятным. Что касается «излишков» Рог. по сравнению с Сим. и Тв. сб., то, по его мнению, они представляют материал двух заключенных в нем летописей — тверской и общерусской (где имеются аналогии Супр. и Вл.)¹².

Проведенное нами сравнительное обследование текстов Рог., Сим. и Тв. сб. за 1328—1375 гг. позволило несколько распространить ранее сделанные специалистами наблюдения о их взаимозависимости в указанных хронологических границах. За названный хронологический период, где текст Рог. носит компилятивный характер, данный памятник и Сим. содержат 180 одинаковых известий (из них шесть тверских). Это материал их общего источника, отразившего Тр.; Рог.—Тв. сб. включает тут 40 идентичных или близких сообщений, из них 37 тверских или московско-тверских (другие — о Великом Новгороде, 1328 г.; об Александре Суздальском, 1331 г.; о затмении, 1375 г.). Это тексты единого обоим памятникам тверского протографа. О двух упомянутых источниках Рог.—Сим. и Рог.—Тв. сб. говорит и другой материал, общий всем трем сравниваемым летописям; но в одной из них, а именно Сим., он изложен, как правило, по-иному — в самостоятельной редакции.

Рог. в отличие от Тв. сб. дает иногда более пространное описание одних и тех же событий.

Представляет интерес наличие и одинаковых записей о событиях в трех сопоставляемых летописях в пределах 1327—1339 гг., отражая влияние московского источника на тверскую летопись до начала XV в. К ним относятся записи: 1327 г.— о сыне князя Ивана Калиты, о московской церкви Успения, о князе Иване Ярославском, о «великом Спасе» в Москве; 1328 г.— о князе Иване Калите; 1332 г.— о голоде в Русской земле; 1339 г.— о князе Семене Гордом, о походе Товлубия против Смоленска, о князе Андрее Козельском, о князе Иване Даниловиче Калите и его сыновьях, о князе Иване Даниловиче, о князе Василии Ярославском и Романчюке Белозерском¹³. В этих летописях встречаются сходные записи сообщений и позднее 1339 г. Так, почти дословно они передают под 1370 г. сообщение о снежном обвале в Нижнем Новгороде¹⁴.

Каждая из сравниваемых летописей имеет «лишний» материал. В «избытке» текстов Сим. находится девять известий, из них пять, очевидно, московских (их нет в Рог. и Тв. сб.). К ним относятся: 1329 г.— о церкви св. Петра в Москве; 1334 г.— о г. Юрьеве; 1335 г.— о поездке князя Ивана Даниловича в Торжок; 1338 г.— о сыне князя Семена Ивановича; 1360 г.— о митрополите Алексее; 1369 г.— о Переяславле; 1370 г.— о дождливой осени; 1371 г.— о возвращении князя Дмитрия Московского из Орды с князем Иваном Тверским; 1373 г.— о князе Владимире Андреевиче Серпуховском¹⁵. «Избыток» текста Тв. сб. составляет пять известий, из них два тверских, два ростовских и одно суздальское. Однако два коротких сообщения последнего памятника о тверских князьях — Константине и Василии — читаются в его статье 1339 г. как поздняя вставка в общий текст с Рог.—Сим. Их описание взято из «Предисловия Летописца княжения Тферскаго», заключающего Тв. сб. Три остальные сообщения имеют аналогию в Московском Академическом списке Суздальской летописи (далее: МАк.; дополнительно в Тв. сб. под 1375 г. помещен отрывок из жития митрополита Алексея). Они касаются событий 1360 г.— о передаче Владимирского княжения князю Дмитрию Суздальскому, 1362 г.— о споре ростовских князей, 1363 г.— о князе Андрее Ростовском¹⁶.

Насонов писал, что Тв. сб. с 1340 по 1363 г. (за исключением вставки под 1357 г.) целиком заполнен материалом общего с МАк. протографа¹⁷. Правда, здесь имеется текст только за 1341, 1353—1355, 1359—1365 гг. И он действительно аналогичен соответствующим записям МАк. Сходные записи с МАк. обнаруживаются в Тв. сб. и позднее, с возобновлением его текста после обрыва на 1363 г. (см., например, записи 1368, 1370, 1371, 1372 гг.). Поэтому мы можем говорить о широком влиянии ростовского свода (в составе московской летописи конца XV в.) на текст XIV в. в Тв. сб. Не случайно, что почти весь материал упомянутых лет Тв. сб. и МАк. известен в несколько иных и более полных записях Сим.—Рог., протограф которых представляет московскую традицию.

Теперь перейдем к рассмотрению избыточного материала Рог. 1328—1375 гг. К нему относятся 160 известий. Помимо этого, большая группа общих известий Рог. и Сим. (которых нет в Тв. сб.) читается в первой летописи иначе и часто подробнее (и прежде всего тверских или московско-тверских). Они могут быть причислены тоже к «избытку» Рог. по сравнению с двумя другими летописями (см., например, записи 1338, 1347, 1356, 1361, 1362, 1367, 1368, 1370, 1372, 1375 гг.). Избыточный материал Рог. включает тверские, нижегородско-суздальские, московские, смоленские, новгородские, ростовские, псковские, татарские, литовские, о стихийных бедствиях и некоторые другие известия. Он занимает особое место в составе памятника. Уже Приселков заметил особенность Рог., что его составитель не смешивал изложения привлеченного им материала и поэтому он довольно удовлетворительно может быть разложен исследователем на свои источники¹⁸. В целом общие тексты Рог.—Сим. и Рог.—Тв. сб. и избыточные тексты Рог. композиционно располагаются как три отдельных корпуса известий и читаются цельными «кусками». Каждый из них спаян им только присущей идейной направленностью (промосковской или протверской), в том числе материал, находящийся в «избытке» в Рог. В нем, как и в общем источнике Рог.—Тв. сб., обнаруживается — и довольно отчетливо — антимосковская тенденция. Но ряд лишних известий Рог. вкраплен в общие тексты с Сим. (см. известия 1339, 1340, 1341, 1347, 1350, 1354, 1357, 1362, 1363, 1365, 1368, 1369, 1372 гг.), с Тв. сб. (см. известие 1368 г.) или находится в статьях на границе пересечения материалов московского и тверского источников (см. известия 1329, 1330, 1332 гг.). Некоторые из них вполне могли быть в составе общих протографов Рог.—Сим. или Рог.—Тв. сб. Не случайно, что Сим. в пределах 1328—1375 гг. тоже, как упоминалось выше, имеет «излишки» по сравнению с Рог.

Я. С. Лурье, подтвердивший близость текстов Тр. (-Сим.) и Супр. за 1340—1368 гг., выделил во втором памятнике за данный промежуток общие известия с Рог., которые в нем находятся в «избытке» (по сравнению с Сим. и Тв. сб.). Это касается десяти разных сообщений за 1341, 1343, 1344, 1347, 1352, 1354, 1359 гг.¹⁹ Вместе с тем избыточный материал Рог. занимает по отношению к другим общим его текстам с Тр.—Сим. вполне самостоятельное место. Следует иметь в виду такое важное обстоятельство, что ни одно известие большого корпуса «избытков» Рог., в том числе московских, не имеет за исследуемый период аналогии среди многочисленных выписок Н. М. Карамзина из Тр. На наш взгляд, довольно широкое и не всегда последовательное привлечение Приселковым Рог. для реконструкции Тр., например, почти полностью статей 1361—1364 гг., которые в Сим. изложены в основном по Московскому своду конца XV в., не вполне оправдано (в текст Тр. за эти годы введена часть лишних известий Рог., включая его повторные сообщения). Здесь требуется более осторожный отбор материала Рог., который в целом лучше сохранил общий протограф с Сим.

Прослеженная Лурье близость чтений текстов Вл. и Рог. за 1361—1364 гг.²⁰ ограничена их общими материалами с Сим. и не распространена на корпус лишних известий Рог.

В числе «избытков» Рог. имеются такие, которые повторно, но в других записях и иногда под другими годами дает протограф Сим.—Рог. (см. 1331—1333, 1341/42, 1342—1344, 1354/55, 1356/57, 1357, 1359, 1360, 1361 — 3 известия, 1362, 1364, 1364—1365 — 2 известия, 1365 гг.). Это весьма примечательно. Подобные повторы служат свидетельством того, что избыточный материал Рог. является дополнением к общей основе с Сим. (со случаями пересечения). Рог. не обнаруживает ни одного повтора к общей основе с Тв. сб. За обследуемый промежуток Тв. сб. опускает материал почти за 25 лет (из 47), в том числе за счет дефекта рукописи XVII в. Известно, что настоящий памятник XVI в. имел в оригинале перепутанные листы, смещение в изложении событий и пропуски текстов²¹. Об этом говорят, в частности, обрывы от года до пяти лет и пустые статьи на протяжении трех — одиннадцати лет. Обрыв под 1337 г. коснулся тверского материала, возобновление текста под 1339 г. начинается в нем тоже с изложения (без начала) тверских событий. В промежутке же под 1338 г. в Рог. находятся избыточные тексты, непосредственно связанные с тем, о чем повествуется под 1337 и 1339 гг. (о князе Александре Тверском). Прерванный под 1363 г. текст возобновляется с московско-тверского известия середины 1368 г., которое является одним из целой серии сообщений, повествующих о конфликте Твери с Москвой под этим годом.

Г. М. Прохоров обратил внимание на то, что свободный от влияния Тр.—Сим. так называемый Сборник Музейного собрания ГИМ (далее: МТв.), который близко передает Рог., содержит некоторые его избыточные тексты — целиком за 1333—1335 гг. (пустые — в Тв. сб.) и отчасти за 1339 и 1340 гг. (пустой — в Тв. сб.)²². Здесь материал выходит за пределы чисто тверских сообщений. Дошедшие до нас общие тексты Тв. сб. и Рог. в целом значительно отличаются по своему характеру от корпуса избыточного материала сравниваемого памятника, который является общерусским по составу известий. Тверской материал этого корпуса имеет специфику. Прохоров справедливо подметил, что в нем большое число известий отведено Кашину, удельным представителям связанного с ним Тверского княжеского дома, выходцу из Кашина — епископу Федору Доброму²³. Особо отметим, что кашинские известия Рог., которые не знает Тв. сб., приходятся и на те статьи, которые хорошо сохранились в его рукописи XVII в. (см., например, 1368 г.). Тв. сб. не включает и параллельные кашинско-тверские известия Сим. и Рог. (см., например, 1342, 1367, 1368 гг.).

В избыточном материале Рог. преобладают кашинско-тверские, нижегородско-суздальские и московские известия. Названные выше другие сообщения менее значительны. В общем они насчитывают 61 известие, которые читаются под 1330, 1333 (2), 1334, 1335, 1341 (2), 1352 (4), 1354, 1356, 1357 (4), 1358, 1359 (5), 1360 (6), 1361 (4), 1362 (5), 1363 (10), 1365 (3), 1369 (2), 1370, 1372 (2),

1373, 1374 (2), 1375 (2) гг.²⁴ Назовем среди них смоленские тексты: 1341 г.— о Тешплоче, 1352 г.— о море в Смоленске, 1356 г.— о Брянске и Смоленске, 1360 г.— о Ржеве, 1362 г.— о Коршеве, о Смоленске, 1365 г.— о смолянах, о Смоленске, 1369 г.— о Смоленской волости, 1372 г.— о Смоленске, 1375 г.— о Смоленской волости. Указанные тексты за 1341, 1356, 1359, 1360, 1369, 1375 гг. имеют аналогии в Ник.²⁵ Больше всего кашинско-тверских известий — 64 из 160. Перечислим эти известия: 1328 г.— о владыке Варсонофии, 1335 г.— о князе Федоре Александровиче, 1338 г.— о тверских боярах, отъехавших в Москву, о князе Федоре Тверском, 1339 г.— о перевозе тверского колокола в Москву, 1340 г.— о князе Константине Тверском, 1344 г.— о тверском епископе Феодоре, о Твери, о епископе Феодоре, 1352 г.— о князе Михаиле Тверском, 1354 г.— о епископе Феодоре, 1357 г.— о князе Всеволоде Холмском, о князе Василии Тверском, о тверском владыке, о великом князе Иване и князе Василии Тверском, о князе Всеволоде Холмском, 1358 г.— о князе Василии Тверском и его сыне Александре, о князе Всеволоде Холмском, о владыке Феодоре, о князе Василии Тверском, о митрополите Алексее и владыке Феодоре, 1359 г.— о владыке Феодоре, о князе Всеволоде, 1360 г.— о князе Андрее Тверском, о князе Всеволоде, о владыке Феодоре, о болезни Феодора, об оставлении Феодором епископии, 1361 г.— о князе Василии Кашинском, об ордынском после в Твери, о князе Василии Кашинском и его братьях, о князе Всеволоде, о поездках митрополита в Тверь, о тверской княгине и владыке Феодоре, о воевании литвой Тверских волостей, 1362 г.— о мире князя Михаила Тверского с литвой, о князе Василии Кашинском, 1363 г.— о поездке тверской княгини в Литву, о князе Василии Кашинском, о смерти сына у князя Василия Кашинского, 1364 г.— о тверской церкви св. Спаса, о крещении тверской княгини митрополитом Алексеем, 1365 г.— о Кашине, о Твери, о смерти тверской княгини, о князе Семене Константиновиче, о смерти князя Андрея Александровича и его княгини, о смерти князя Владимира Александровича, о Твери, 1366 г.— о Новом городке на Волге, о споре князя Михаила Тверского с кашинским и дорогобужским князьями, о суде тверского владыки Алексея, 1367 г.— о тверской княгине, 1368 г.— о смерти тверской княгини, о князе Еремее Дорогобужском, о Кашине, о князе Михаиле Кашинском и его княгине, о владыке Василии, 1369 г.— о князе Михаиле Тверском, 1370 г.— о поездке владыки Василия в Москву, об ордынском после в Твери, о тверской рати под Волоком, о зиме в Тверских волостях, 1375 г.— о Твери²⁶.

Заметим, что Прохоров не учел в числе «избытков» Рог. ряд кашинско-тверских известий (см., например, 1335, 1338, 1340, 1354, 1360, 1370 гг.)²⁷ и недостаточно оценил их место в выделяемом им источнике. К тверским же сообщениям можно отнести и некоторые другие, в частности под 1352 г. о митрополите Романе — «сыне боярина тверского», идущие в едином контексте данные о митрополитах Феогносте, Алексее и Романе, Царьграде — Константинополе, Литве (см. 1344, 1352, 1354, 1356, 1357, 1362 гг.). Редкое упо-

минание летописей под 1352 г. о патриархе Каллисте находится в Рог. среди тверских текстов и в связи с ними. На это обращено внимание в литературе²⁸. В корпусе избыточных известий Рог. привлекают внимание внутренние связки в текстах, введенные, очевидно, тверской рукой при компоновке материала и объединении записей источников. Укажем эти случаи. В Рог. под 1334 г. в одной записи (через союз «а») говорится о выходе князя Ивана Даниловича из Орды и гибели там князя Бориса Дмитровского; под 1352 г. летописец, сообщая о женитьбе князя Михаила Тверского в Нижнем Новгороде, отмечает, что «тогда же» состоялась свадьба Бориса Суздальского; под 1354 г. в одной записи сообщается о мятеже в Царьграде, поставлении на Русь митрополитов Алексея и Романа и митрополичьих послах к тверскому владыке Феодору; под 1360 г. летописец пишет, что тверской владыка заболел «потом» — после затмения и мора в Пскове; под 1362 г. — о поездке князя Михаила Тверского в Литву «тогда», когда немцы захватили в плен сына князя Кейстутия; под 1363 г. в одной записи (через союз «а») повествуется о поездке митрополита Алексея и тверской княгини «в Литву же», о смерти князя Василия Кашинского и о благословении нижегородским владыкой князя Андрея; под 1364 г. летописец, описывая знамение, указывает, что «тогда же» вернулась из Литвы тверская княгиня с внучкой, под 1365 г. в одной записи (через союз «а») извещается о море в Кашине и о «розмирии» смолян с литвой, под 1372 г. в одной записи говорится о смерти князя Владимира Пронского, «потом» князя Еремея Дорогобужского, «потом» тверского владыки Василия²⁹ и т. п.

С тверским источником Рог. следует связывать описание им в протверской редакции общих с Сим. тверских и московско-тверских событий. Это касается таких событий, как, например, 1338 г. — о князе Александре Тверском, 1367 г. — о тверском епископе Феодоре и споре тверских князей, 1368 г. — о поездке князя Михаила Тверского в Москву, 1370 г. — о споре между князем Михаилом Тверским и Дмитрием Московским, 1371 г. — то же³⁰ и т. д. Это своего рода также «избыток» памятника середины XV в.

Нижегородско-суздальские известия избыточных материалов Рог. содержат 22 сообщения. Речь идет о следующих известиях: 1341 г. — о князе Константине Суздальском, 1343 г. — о споре между князем Константином Суздальским и князем Семеном Гордым, 1347 г. — о князе Константине Суздальском, 1350 г. — то же и о Нижнем Новгороде, 1352 г. — о князе Борисе Суздальском, 1359 г. — о князе Андрее Суздальском и Дмитрие Московском, 1360 г. — о суздальских князьях Дмитрие и Андрее, 1361 г. — о князе Дмитрие Суздальском (повтор), о князе Андрее Суздальском, о князе Дмитрие Суздальском, о Запьянье, 1362 г. — о суздальском владыке Данииле, 1363 г. — о Нижнем Новгороде, о князе Дмитрие Суздальском, о князе Борисе Суздальском, о Нижнем Новгороде, о поездке суздальского владыки в Литву, о князе Андрее Суздальском, 1365 г. — о суздальском епископе Алексее (повтор), 1367 г. — о нижегородской княгине, 1375 г. — о Нижнем Нов-

городе³¹. Они играют в корпусе «избытков» вспомогательную роль. Часть этого материала нашла отражение в Супр., московских сокращенных сводах конца XV в. (далее: СС), Льв., Ник. Сверх этого лишние нижегородско-суздальские тексты обследуемого промежутка времени находятся также, например, в СС, НIV, МАк., Ник. и выходят за пределы того объема, который известен Рог. в «избытке» по сравнению с Сим. и Тв. сб. Так, «избыток» нижегородско-суздальских текстов, в частности, читается в СС под 1357 (2), 1360, 1363 гг. В этих памятниках содержатся и редкие известия нижегородско-суздальского происхождения, которые имеют аналогию только с Ник. (1355/56, 1359, 1363 гг.), с Рог. (1363 г.)³² и т. д.

Московские известия избыточного материала Рог. значительно уступают по количеству кашинско-тверским и нижегородско-суздальским сообщениям. Их всего 17. Вот эти известия: 1332 г.— о князе Иване Калите, 1333 г.— то же, 1334 г.— то же, 1338 г.— то же, 1354 г.— о князе Иване Красном, 1356 г.— о московских боярах, о князе Иване Красном, 1357 г.— о Москве, о князе Иване Красном, 1358 г.— о князе Иване Красном и московских боярах, 1361 г.— о князе Дмитрие Московском (повтор), 1362 г.— о Москве, о коломенском владыке Афанасии, 1363 г.— о князе Дмитрие Московском, 1373 г.— о князе Дмитрие Московском, о князе Владимире Серпуховском, 1374 г.— о князе Дмитрие Московском и Мамае³³. Они слабо представляют искомый корпус в целом. Некоторые из них находятся среди вкрапленных сведений в общий корпус Сим.—Рог. (как-то: известия 1332, 1354, 1363, 1374 гг.) и могут принадлежать их общему протографу с Тр.—Сим. В других московских известиях великий князь Иван Данилович называется по имени без отчества, как-то: под 1333, 1334, 1338 гг. Это характерная черта немосковских записей (например, тверских; см. 1333, 1338, 1357 гг.). В известии 1356 г. сообщается о московско-рязанском, в известиях 1361 и 1362 гг.— о московско-нижегородских событиях. Оба последних известия находятся в группе повторных сообщений Рог. по отношению к Сим.—Рог. Возможно, что последние записи также имеют немосковское происхождение, а соответственно — рязанское и нижегородско-суздальское. Часть подобных «излишков» Рог. по сравнению с Сим. прослеживается в испытанных влияниях Тр.—Вл. или Ник. (см., например, 1333, 1334, 1354, 1356, 1357, 1358 гг.).

Таким образом, корпус «избытков» Рог. можно признать самостоятельным источником памятника, где использован летописный материал разных княжеств. Здесь мы можем согласиться с Прохоровым. Однако мы не можем разделить с ним сомнения о том, что искомый корпус представляет собой наследие тверской летописной работы (как полагали Шахматов и Насонов), и считать его, как и он, московским по происхождению. По всей вероятности, Рог. отражает две традиции тверского летописания — собственно тверскую (Рог.—Тв. сб.) и кашинско-тверскую (Рог.). Этот памятник 40-х годов XV в., возможно, содержит здесь летопись времени князя Ивана Михайловича, в основании которой лежали тверской «Свод

1409 г.» и «Свод 1425 г.» кашинской редакции. По сравнению с ним Тв. сб.— тот же тверской «Свод 1409 г.» с продолжением и свод времени князя Бориса Александровича. Думается, что Рог. действительно еще свободен от влияния свода второй половины XV в. Общий протограф Рог. и Тв. сб. был доведен до 1412/13 г. (под 1425 г. летописец фиксировал только смерть великого князя Ивана Михайловича). Кашинская редакция «Свода 1425 г.» читается в Ник. и Сим.— Рог. с 1390 по 1412 г.³⁴

Тверской источник Рог.— Тв. сб. уже дает в сокращении материал тверской летописи с 1285 г. до княжения великого князя Михаила Ярославича. Но их тождественный текст идет только до 1327 г.; даже общие тверские тексты, особенно до 60-х годов XIV в., читаются в Рог. в более полной редакции. Не исключено, что сокращение тверской летописи до великого князя Михаила Ярославича проведено не позднее, чем в своде времени князя Ивана Михайловича, который одновременно был пополнен известиями других княжеств. Вероятно, до названного времени тверская летопись бывала в основном без сокращения. Об этом косвенно свидетельствует Тр., имевшая своим источником свод времени епископа Арсения. Что касается сокращения тверской летописи в Тв. сб., обнаруживаемого после 1327 г., то это согласуется с обработкой, проведенной при составлении так называемого Свода 50-х годов XV в.

Исходя из сделанной выше посылки, параллельные материалы МТв. и «избытков» Рог., половина из которых — тверские известия (но не кашинские), объясняются тем, что они могли быть в составе свода времени князя Ивана Михайловича, из которого вышла кашинская редакция (и пополнена, по мнению Насонова, за счет свода времени епископа Арсения)³⁵. Совпадение некоторых «избытков» Рог. с Супр. касается в основном нижегородско-суздальского материала, который связан, очевидно, непосредственно (или по другой линии) с местным источником и поэтому существует в целом автономно от соответствующего корпуса известий памятника. В целом излишние тексты Рог. в названных выше летописях (против Сим. и Тв. сб.) могут говорить об отражении в них ранней тверской традиции, в частности через свод времени епископа Арсения и по вышедшей фактически из него кашинской редакции. Его влияние испытали те же Тр. (Вл.), НIV, Льв., Ник. и т. д. Вполне вероятно, что некоторый материал из «избытков» представляет опущение Сим. против их общего протографа, связанного с Тр.

Заключая, отметим, что Рог. является только одним из целой группы летописных памятников, обладающих значительным «архивом» избыточных текстов, ведущих исследователя к не дошедшим до нас звеньям непрерывной эволюционной цепи летописной работы, которая насчитывает около семи столетий.

- ¹ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). М., 1965 (Фототипическое воспроизведение текста издания 1922 г. 1863 г.), т. XV, предисловие, с. VIII; *Кучкин В. А.* Арсений Николаевич Насонов: Биография и творческий путь.— В кн.: Летописи и хроники: Сб. ст., 1973 г. М., 1974, с. 12.
- ² *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950, с. 18—23.
- ³ *Шахматов А. А.* Обзорные русские летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 311—312.
- ⁴ *Шахматов А. А.* Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в.— В кн.: Изв. Отделения русского языка и словесности. СПб., 1900, т. V, кн. 2, с. 451—553.
- ⁵ *Шахматов А. А.* Разбор сочинения П. А. Тихомирова «Обзорные летописных сводов Руси северо-восточной».— В кн.: Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899 (Зап. имп. Академии наук по Историко-филологическому отделению, т. IV, № 2), с. 199—233.
- ⁶ *Тихомиров П.* О сборнике, именуемом Тверскою летописью.— Журнал Министерства народного просвещения, 1876, № 12, отд. 2, с. 262—308.
- ⁷ *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества: Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в.— Изв. Академии наук СССР. VII сер. Отд-ние гуманитарных наук, Л., 1930, № 9, с. 723—738; № 10, с. 739—742.
- ⁸ *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980, с. 147—148.
- ⁹ *Прохоров Г. М.* Избыточные материалы Рогожского летописца.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины (далее: ВИД). Л., 1976, т. VIII, с. 185—206; *Он же.* Центральнорусское летописание второй половины XIV в.— Там же. Л., 1978, т. X, с. 159—181.
- ¹⁰ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 116; *Он же.* Троицкая летопись, с. 21—22.
- ¹¹ *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 37—42.
- ¹² *Лурье Я. С.* О московном летописании конца XIV в.— В кн.: ВИД. Л., 1979, т. XI, с. 10—11, 18—19.
- ¹³ ПСРЛ, т. XV, с. 44, 46, 51, 52.
- ¹⁴ Там же, с. 95.
- ¹⁵ Там же. СПб., 1913, т. XVIII, с. 91, 92, 100, 109, 110, 113.
- ¹⁶ Там же, т. XV, с. 421, 428, 468.
- ¹⁷ *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества, с. 724.
- ¹⁸ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 43.
- ¹⁹ *Лурье Я. С.* Троицкая летопись и московское летописание XIV в.— В кн.: ВИД. Л., 1974, т. VI, с. 88—90.
- ²⁰ Там же, с. 87.
- ²¹ ПСРЛ, т. XV, с. VI—VII.
- ²² *Прохоров Г. М.* Избыточные материалы..., с. 199—200.
- ²³ Там же, с. 192—194.
- ²⁴ ПСРЛ, т. XV, с. 45, 47, 54, 61, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 75, 78, 79, 91, 93, 104, 106, 113.
- ²⁵ Там же. М., 1965 (Фототип. воспроизведение текста издания 1885, 1897 гг.), т. X, с. 213, 228, 231; т. XI, с. 12, 24.
- ²⁶ Там же, т. XV, с. 45, 47, 52, 53, 55, 61, 63, 65, 66, 67, 69, 70, 71, 73, 75, 76, 78, 79, 81, 83—84, 91, 92, 93, 95, 110.
- ²⁷ *Прохоров Г. М.* Избыточные материалы..., с. 190—192.
- ²⁸ *Попов Г. В., Рындина А. В.* Живопись и прикладное искусство Твери XIV—XV вв. М., 1979, с. 29.
- ²⁹ ПСРЛ, т. XV, с. 47, 61, 63, 70, 73, 75, 76, 78, 104.
- ³⁰ Там же, с. 48, 83—84, 87, 92, 95; т. XVIII, с. 92, 106, 107, 109—110.
- ³¹ Там же, т. XV, с. 54, 55, 58, 60, 61, 68, 69, 71, 74, 75, 79, 85, 112—113.
- ³² Там же. М.; Л., 1962, т. 27, с. 241, 242, 323, 325, 326, 327; т. X, с. 223, 231; т. XI, с. 2; т. XV, с. 75.
- ³³ Там же, т. XV, с. 46—47, 48, 63, 65, 66, 71, 73, 74, 104, 106.
- ³⁴ *Насонов А. Н.* Летописные своды Тверского княжества.— Доклады Академии наук СССР. Сер. В. Л., 1926, ноябрь-декабрь, с. 125—126.
- ³⁵ Там же, с. 127, 128.

ЗАВЕЩАНИЯ ЦЕРКОВНЫХ ИЕРАРХОВ XV В. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Г. В. Семенченко

Духовные грамоты светских феодалов XIV—XV вв. (в особенности князей) относительно полно исследованы. Хуже изучены завещания русских церковных иерархов XIV—XV вв. Целью настоящей статьи является изучение дошедших до нас от XV в. завещаний настоятелей крупных монастырей Северо-Восточной Руси. Они представлены грамотами Кирилла Белозерского и Дионисия Глушицкого.

Как установил Н. Н. Розов, подлинник духовной Кирилла до сих пор хранится в музее-заповеднике г. Кириллова. Сокращенное изложение грамоты содержит житие Кирилла¹. Духовную датировали началом XV в., 1427 г.² Ее нижняя грань — день смерти Кирилла, 9 июня 1427 г. Кирилл упоминает жену князя Андрея Дмитриевича Аграфену и его детей Ивана и Анастасию. Свадьба Андрея состоялась 8 октября 1403 г.³ Следовательно, дети у него появились не раньше середины 1404 г. (дата принимается из расчета, что не исключено одновременное рождение у Андрея сына и дочери). Примечательна формула о написании грамоты Кирилла «при своем животе». С. М. Каштанов показал, что эта формула включалась в завещания, писавшиеся при критическом состоянии здоровья. Грамота Кирилла, вероятно всего, также писана незадолго до его смерти. Житие Кирилла также утверждает, что он писал завещание, «виде себя от старости изнемогша»⁴. Таким образом, завещание Кирилла составлено, скорее всего, незадолго до 9 июня 1427 г. Оно имеет типичную для духовных грамот Северо-Восточной Руси начальную часть — символическую (крест) и словесную («во имя святых живоначальных Троицы») инвокацию, интитуляцию («се яз, Кирило игумен, чернъищо грешныи»), статьи о написании грамоты «при своем животе и в своем смысле»⁵. Основной же текст грамоты существенно отличается от основного текста завещаний светских лиц. Не распоряжения о передаваемом наследникам имуществе, а обращение игумена к князю Андрею Дмитриевичу и его семье — вот его содержание. Удостоверительная часть духовной Кирилла также существенно отличается от соответствующей части завещаний светских лиц: на ее подлиннике имелась печать, но не было статей о послухах и писце грамоты.

Завещатель просил, чтобы Андрей Дмитриевич обеспечил неприкосновенность монастырских вотчин, защитил обитель от «обидя-

щих» монастырь, присматривал за неизменностью монастырского устава, введенного Кириллом, наказывая нарушающих его и не слушающихся нового игумена Иннокентия⁶. Эти распоряжения Кирилла опровергают житийный миф о его «нестыжательстве»⁷. В то же время они подтверждают версию жития о недружелюбных акциях в отношении монастыря со стороны его соседей. Выясняется наличие в монастыре лиц, желавших изменить заведенный Кириллом устав и не признававших новым игуменом Иннокентия.

Итак, по духовной Кирилла, обитель подчинялась Андрею Дмитриевичу не только административно, но даже в так называемых «духовных делах» (соблюдение монастырского устава). Пока не вполне ясно, кому в начале XV в. монастыри были подведомственны в административном (судебно-податном) отношении — митрополитам и епископам или местным князьям (с конца XV в. административный контроль над монастырями определенно осуществлялся светскими властями). Однако в «духовных делах» монастыри в начале XV в. (да и позже), несомненно, подчинялись церковным властям⁸, так что законным сюзереном Кирило-Белозерского монастыря (во всяком случае, в «духовных делах») являлся ростовский епископ, в епархию которого входило Белоозеро. Завещание Кирилла оформляло отход от принятых норм сюзеренитета-вассалитета.

Возможно, именно желание придать известную законность сомнительным распоряжениям побудило Кирилла к написанию завещания. Оно положило начало многолетней борьбе белозерских князей и ростовских владык за сюзеренитет над Кирило-Белозерским монастырем, которая в 1478/79 гг. кончилась тем, что ростовскому архиепископу удалось добиться полного подчинения этого монастыря ростовской владычной кафедре⁹. Духовная называет князя Андрея Дмитриевича великим князем, а его жену Аграфену — великой княгиней. С. М. Соловьев видел в этом просто знак учтивости игумена к князю и его семье¹⁰. Однако в других посланиях Кирилла к князьям их титул определяется точно¹¹. С завещанием Кирилла перекликаются еще и жалованные грамоты белозерских князей. Андрей, а затем его сыновья Иван и Михаил с конца 20-х — начала 30-х годов XV в. систематически выдавали белозерским монастырям грамоты со статьей: «И кого к себе на те земли игумен перезовет людей из иных княжений, а не из нашей отчины, из великого княжения...»¹². Прямое взаимовлияние таких разных источников (исходящих к тому же от разных лиц), как духовная Кирилла, с одной стороны, и жалованные грамоты белозерских князей, с другой, по моему, маловероятно. Следовательно, эти источники независимо друг от друга говорили о великокняжеском достоинстве Андрея Дмитриевича, его жены и сыновей Ивана и Михаила. По-видимому, терминология завещания имела реальные основания.

Я. С. Лурье считает, что титулатура Андрея Дмитриевича отражала особый статус Белоозера как бывшего независимого от Москвы княжества и отчасти, может быть, претензии Андрея на московский великокняжеский стол¹³. Но предположение об особом статусе Белоозера не объясняет, почему Андрей называл себя великим князем

не с самого начала (еще в 1413 г. он был просто князем¹⁴). А предположение, что титул Андрея отражает его притязания на Москву, не объясняет, почему Белоозеро до конца жизни называл великим княжением и Михаил Андреевич, о претензиях которого на великокняжеский престол не может быть и речи.

Мне представляется наиболее вероятным, что Андрей объявил себя великим князем по отношению к местным белозерским князьям, владения которых в белозерских землях сохранились и после присоединения Белоозера к Москве¹⁵. Этот акт укреплял его авторитет на Белоозере. Принятие Андреем в пределах Белоозера титула великого князя, очевидно, следует отнести ко времени после 1413 г. В послании Кирилла к Андрею от 1413 г. последний еще именуется князем. Причем и в духовной, и в послании Кирилл обращается к нему, как к главе удела, а, значит, по титулатуре князя послание 1413 г. и духовная сопоставимы¹⁶. Кирилл «благославляет» и «прощает» Андрея, его жену Аграфену, сына Ивана, дочь Анастасию, но ничего не говорит о Михаиле. Очевидно, он еще не родился¹⁷. Так как духовная Кирилла, скорее всего, писалась незадолго до 9 июня 1427 г., то в июне 1432 г., когда умер Андрей, Михаилу было не более четырех—пяти лет и он не мог реально управлять полученным уделом. Очевидно, его уделом некоторое время управлял старший брат Иван. Этот вывод подтверждают наблюдения над летописями¹⁸, междукняжескими докончаниями¹⁹, жалованными грамотами²⁰.

Завещания, подобные грамоте Кирилла, по-видимому, были редким явлением, и их юридический авторитет был невысок. В 1478/79 гг. кирилловские старцы, отводя претензии ростовского владыки на патронат над их монастырем, утверждали, что при Андрее Дмитриевиче и Михаиле Андреевиче они были подведомственные белозерским князьям. Но в подтверждение своих слов они не привели духовную Кирилла, которая могла служить веским доказательством достоверности этих утверждений²¹. Очевидно, завещание Кирилла юридически было настолько неавторитетно, что бесполезно ссылаться на него.

Тем не менее духовная Кирилла не была единственной в своем роде. С ней схоже составленное в 1507 г. завещание Иосифа Волоцкого. Близка как мотивировочная часть обеих грамот (написаны из-за старости и частых болезней, приближающих смерть), так и их основное содержание (духовная Иосифа также оформляла нарушение норм сюзеренитета-вассалитета. Иосиф перешел под патронат Василия III, хотя его монастырь находился на территории Новгородской архиепископии и Волоцкого удела). Иосиф, который жил в Кирилло-Белозерском монастыре и знакомился с его уставом²², мог видеть даже подлинник завещания Кирилла. Весьма вероятно, что духовная Кирилла стала образцом для завещания волоколамского игумена.

Завещание Дионисия Глушицкого дошло в подлиннике. В нем упоминается церковь Покрова, заложенная в 1402 г. Значит, и грамота Дионисия писалась после 1402 г. 11 января 1436 г. она была

«явлена» ростовскому епископу Ефрему п, следовательно, скорее всего, написана (как и думают А. Е. Мерцалов и И. А. Голубцов) незадолго до этого дня²³. Вряд ли для сюзерена Глушицкого монастыря ростовского епископа Ефрема мог представлять интерес документ, писанный задолго до даты «явки» и потерявший в силу этого актуальность²⁴.

По форме завещание Дионисия гораздо ближе к завещаниям светских лиц, чем грамота Кирилла Белозерского. Грамота Дионисия близка к ним не только по построению начального протокола, но и по основному тексту грамоты (в ней фиксируется принадлежащее монастырю имущество), а также по построению конечных статей грамоты (указание на писца грамоты, послухов при ней) и прилегающему к тексту завещания постановлению о «явке» духовной епископу Ефрему.

Грамота построена по образцу завещаний Северо-Восточной Руси: называется духовной грамотой (новгородские и псковские завещания XV в. именовались рукописаниями); «явка» грамоты вышестоящему иерарху типична для Северо-Восточной Руси, но не для новгородских и псковских «рукописаний»; статья о послушестве («А у грамоты седел Григорей старец Лопот, да Амфилофей поп, да и братья [вс]я») отлична от статей послушества при новгородских и псковских завещаниях («а на то бог послух и отец мой духовный имя рек»); нет у Дионисия санкции за нарушение духовной (суд перед богом), характерной преимущественно для новгородско-псковских «рукописаний»²⁵. Вологодские земли — арена московско-новгородского соперничества. И оформление завещания игумена находящегося близ Вологды монастыря и по происхождению вологжанина²⁶ по московскому образцу показывает, что в первой трети XV в. московское влияние в вологодских землях вытесняет новгородское и в сфере делопроизводства.

Завещания светских феодалов носили распорядительный характер, передавали наследникам, как говорил К. Маркс, «то право, которым покойный обладал *при жизни*, а именно *право* при помощи своей собственности *присваивать продукты чужого труда*»²⁷. Дионисий же не мог распоряжаться имуществом монастыря, так как оно принадлежало корпорации в целом, а не игумену. Перечисление принадлежащего монастырю имущества носит в грамоте Дионисия инвентарный характер. Это опись монастырского имущества. Вслед за священными книгами, предметами богослужения и обихода, находящимися в церкви святого Покрова, Дионисий перечисляет земельные владения монастыря, среди которых 19 пустошей, четыре наволока, Каминская пожня, Капустино дворище, устье реки Пучкасы, половина волока Бояринова. Большая часть этих владений упомянута в описании монастыря 1543/44 гг. Они расположены в Бохтужской волости Вологодского уезда по берегам реки Глушицы и ее притоков. Пустоши Васильево и Кондратово выменены у князя Юрия Ивановича Ростовского-Бохтужского. На источник приобретения других земель духовная указывает в общей форме так: «А се пустоши и земли дано к святому Покрову в дом»²⁸. Очевидно, этот

источник — прежде всего посмертные вклады и пожалования. Таким образом, духовная Дионисия опровергает создаваемый его житием образ нестяжателя²⁹.

Грамоты, подобные завещанию Дионисия, вряд ли были широко распространены. Такого рода грамот настоятелей монастырей у нас больше нет, хотя архивы ряда крупных монастырей Северо-Восточной Руси неплохо сохранились. Вероятно, написание грамоты Дионисия связано с какими-то особыми обстоятельствами в жизни Глушицкого монастыря. Насчет этих обстоятельств можно строить более или менее обоснованные предположения, однако бесспорное решение вопроса на основании имеющихся данных едва ли возможно. И предлагаемое ниже решение носит гипотетический характер. К написанию духовной Дионисия побудила не болезнь, не непосредственная угроза смерти. Его грамота была «явлена» епископу Ефрему за полтора года до смерти Дионисия (Дионисий умер 1 июня 1437 г.) и не содержала типичных для составляемых при смерти завещаний формул «при своем животе», «отходя сего света», «в конце живота».

Возможно, опись имеющегося у Глушицкого монастыря имущества (оформленная как завещание) была затребована ростовским епископом Ефремом, которому была подведомственна обитель³⁰. О его интересе к духовной Дионисия говорит «явка» ему этой грамоты. Вероятнее всего, грамота Дионисия «явлена» Ефрему при посещении им Глушицкого монастыря во время объезда подвластных ростовской владычной кафедре северных монастырей (об этом событии сообщает житие Дионисия)³¹. Обращение к духовной Дионисия позволяет строить кое-какие догадки о причинах вероятного интереса ростовского архиепископа к реально имеющемуся около 11 января 1436 г. у Глушицкого монастыря имуществу.

Духовная Дионисия отмечает лишь центр монастыря — церковь святого Покрова, не сообщая о церквях Иоанна, Николы Чудотворца, Леонтия Ростовского, Воскресенской, которые, по житию, были заложены при жизни Дионисия. Церкви Иоанна Предтечи, Николы Чудотворца и Леонтия Ростовского фигурируют и в писцовом описании 1543/44 гг.³² Неупоминание их в завещании Дионисия допускает троякое объяснение. Житие могло приписать Дионисию создание церквей, заложённых после его смерти (хотя написанное спустя всего несколько десятилетий после смерти Дионисия и, по-видимому, имевшее восходящий к 1437—1454 гг. протограф³³, оно, думается, все же довольно точно определяло масштабы сделанного им). Церкви Иоанна, Николы и Леонтия могли быть заложены в последний период жизни Дионисия, после написания его духовной (11 января 1436 г.— 1 июня 1437 г.). Однако в отношении церкви Иоанна Предтечи такого рода предположение как будто бы опровергается текстом жития: в нем сообщается, что эта церковь освящена ростовским епископом Дионисием (1418—1426 гг.)³⁴.

Наконец, еще одно возможное объяснение неупоминания в духовной Дионисия ряда церквей заключается в том, что к началу 1436 г. они фактически не функционировали. Данное объяснение

представляется автору наиболее вероятным потому, что оно подтверждается некоторыми особенностями содержания духовной. Обращает на себя внимание как обилие пустошей среди упоминаемых в завещании владений монастыря, так и то, что духовная ничего не говорит о наличии в обители денег и другой движимости³⁵. Очевидно, в момент написания грамоты Дионисия монастырь переживал нелегкие дни. Трудности, испытываемые Глушицким монастырем в 1436 г. (которые скрывает житие Дионисия), могли быть вызваны моровыми и голодными годами, в избытке выпавшими на первую треть XV в., отмечаемой житием враждебностью многих жителей к монастырю³⁶. В 1435 г. Дионисиева обитель могла как-то пострадать от приходившей к Вологде галицкой рати. Ростовская владычная кафедра, которой подчинялся Глушицкий монастырь, в феодальной войне прочно держала сторону Василия Темного³⁷. О том, что во время прихода рати Василия Юрьевича Косого на Вологду в 1435 г. могли так или иначе пострадать держащие сторону Москвы вологодские монастыри, говорит, помимо, упоминание в духовной в числе послухов старца Григория Лопота³⁸. Трудности, переживаемые Глушицким монастырем, интересовали, конечно, ростовского епископа Ефрема, которому было важно знать, насколько сократились материальные возможности корпорации, чтобы определить размеры необходимой ей помощи. Это, вероятно, и побудило Ефрема затребовать описи имеющегося у монастыря имущества. Такой описью и стала грамота Дионисия.

Анализ завещаний Кирилла и Дионисия дает основание видеть в них скорее уникальные, чем типичные, источники. О нераспространенности письменного завещания среди настоятелей монастырей Северо-Восточной Руси в XV в. говорят неразработанность их формуляра и невысокий юридический авторитет. Вероятная причина нераспространенности письменного завещания среди настоятелей русских монастырей XV в.— ограниченность их права распоряжаться монастырским имуществом, которое, повторим, было собственностью корпорации. Настоятели монастырей были лишены важного стимула к написанию завещаний.

В XVI в. духовные настоятелей монастырей становятся более распространенным явлением. Вырабатывается и относительно устойчивый формуляр этих грамот (отличный от формуляра обоих рассмотренных в данной статье завещаний). Но это — тема особого исследования.

¹ *Розов Н. Н.* Определение подлинности документа современными техническими средствами.— *История СССР*, 1965, № 2, с. 232—233; *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.* (далее: АСЭИ). М., 1958, т. II, № 314, с. 279.

² *Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею.* СПб., 1841, т. I, № 32, с. 61; *Чтения в Московском обществе истории и древностей российских*, 1859, кн. III, отд. 1, с. 72; *Павлов А. С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871, с. 5; *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.: Л., 1951, с. 48; АСЭИ, т. II, № 314, с. 277.

- ³ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). М., 1978, т. 34, с. 152, 165; АСЭИ, т. II, № 314, с. 278.
- ⁴ АСЭИ, т. II, № 314, с. 279; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых. как исторический источник. М., 1871, с. 158—161; *Кашинов С. М.* К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XVI в.— В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины* (далее: ВИД). Л., 1979, вып. XI, с. 244—245.
- ⁵ АСЭИ, т. II, № 314, с. 277. Помимо типичных для завещаний статей начального протокола, в завещании Киприлла есть и нехарактерные для духовных светских лиц рассуждения о «впадении» завещателя в старость. Примерно такие же рассуждения имеются и в завещаниях митрополитов Киприана и Фотия (ПСРЛ. СПб., 1853, т. 6, с. 145; М.; Л., 1949, т. 25, с. 235).
- ⁶ Духовная упускает такую черту попечительства князя, как его суд над игуменом (АСЭИ, т. II, № 79, 98, 223, 239, 243, 270, 300, 301, 314, 315).
- ⁷ *Будовниц П. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966, с. 164—165, 168—170; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 338—341.
- ⁸ Княжеские уставы XI—XV вв. требуют, чтобы князь «не вступался» в монастырь (Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 90, 92, 99, 103, 107, 114, 120, 124, 125, 155, 170—178, 210). К концу XV в. в административном отношении большинство русских монастырей уже определено было подведомственно светской юрисдикции (*Кашинов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой трети XVI в. М., 1967, с. 126—138). Однако такого рода монастыри были и раньше — в конце XIV — начале XV в. (АСЭИ, т. II, № 315, с. 280—281).
- ⁹ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951, ч. II, с. 191—194.
- ¹⁰ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1960, кн. 2, с. 486.
- ¹¹ АСЭИ, т. II, № 311—313.
- ¹² Там же, № 48, 50, 65—67, 74, 76, 80, 140, 153, 156, 164, 182, 218, 222, 265, 317, 321, 322.
- ¹³ *Лурье Я. С.* Вопрос о великокняжеском титуле в начале феодальной войны XV в.— В кн.: *Россия на путях централизации*. М., 1982, с. 147—152.
- ¹⁴ АСЭИ, т. II, № 312. Здесь и далее принимаются даты публикаторов АСЭИ.
- ¹⁵ Не совсем ясно, сохранили белозерские князья остатки суверенитета, как думают В. Л. Янин и В. Б. Кобрин (*Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981, с. 224—225; *Кобрин В. Б.* Землевладельческие права княжат в XV — первой трети XVI в. и процесс централизации Руси.— *История СССР*, 1981, № 4, с. 43), или нет, как полагают А. В. Экземплярский и А. И. Копанев (*Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период (1238—1505 гг.). СПб., 1891, ч. II, с. 106—172; *Копанев А. И.* Указ. соч., с. 40—41). Статьи жалованных грамот Андрея Дмитриевича и его сыновей о перезыме людей «из иных княжений» как будто говорят о сохранении белозерскими князьями остатков суверенитета. Однако гипотеза Л. В. Черепнина (*Черепнин Л. В.* Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в.— В кн.: *Проблемы источниковедения*. М., 1955, вып. IV, с. 322—324) о том, что наличие этих статей говорит о реальном существовании суверенных образований в районе выдачи грамоты, нуждается в обосновании.
- ¹⁶ АСЭИ, т. II, № 312, с. 273—275. Андрей Дмитриевич именуется князем и в послании Киприлла к Юрию Галицкому, составленном в 1422 г. (АСЭИ, т. II, № 313, с. 275—277). Но в послании к старшему брату Андрея последний не мог быть назван великим князем.
- ¹⁷ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. М.; Л., 1948, ч. I; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.— В кн.: *Проблемы источниковедения*. М., 1956, вып. V, с. 275—413.
- ¹⁸ Михаил впервые упоминается в летописях только под 1445 г., Иван же начинает упоминаться в них уже с 1433—1434 гг. (*Экземплярский А. В.* Указ. соч., ч. II, с. 321—322, 330).

- ¹⁹ В 1433—1434 гг. Василий Темный и Юрий Галицкий заключают договоры с белозерскими князьями Иваном и Михаилом (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950, № 31, с. 80—82; № 32, с. 82—83). К грамотам привешены две печати: Василия Васильевича и Ивана Андреевича — в первом случае, Юрия Галицкого и Ивана Андреевича — во втором. Михаил не имел еще даже печати. К договору же Василия Темного с Иваном и Михаилом Андреевичами 1445 г. (когда Михаил был взрослым человеком) привешены печати Василия, Ивана и Михаила (Там же, № 41, с. 123).
- ²⁰ Сохранились жалованные, выданные от имени Михаила в 1432—1434 гг. (АСЭИ, т. II, № 65, 66, с. 42—43), но, скорее всего, упоминание о Михаиле в них было символическим. В 30-х годах XV в. Иван определенно имел власть в тех районах, где выдавал грамоты Михаил. В 1434 г. на ез Островский и пустош Чуровские выдается жалованная Кириллову монастырю от имени Михаила, а в январе 1435 г. — от имени Ивана. В 1434/35 гг. грамоту Ферапонтову монастырю на деревню Крохину у истока Шексны выдает Иван, а в 1435—1447 гг. — Михаил (АСЭИ, т. II, № 66, с. 42—43; № 67, с. 43—44; № 317, с. 300; № 318, с. 300—301; № 320, с. 303). Итак, в первые годы после смерти Андрея реальным правителем всего его удела был Иван. Поэтому он и выдавал жалованные грамоты на территории, принадлежащей Михаилу. Этот факт вызвал недоумение уже в конце XV в. и был не вполне ясен современным исследователям (*Каштанов С. М.* Предмет, задачи и методы дипломатики. — В кн.: *Источниковедение: Теоретические и методические проблемы.* М., 1969, с. 148).
- ²¹ АСЭИ, т. II, № 315, с. 280.
- ²² *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 48—49, 75—79, 99; *Великие Мниен Четни*, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1868, вып. 1, стлб. 490.
- ²³ АСЭИ, М., 1964, т. III, № 252, с. 273—274; Гос. биб-ка им. В. И. Ленина (далее: ГБЛ), ф. 304, № 603, л. 23; *Мерцалов А. Е.* Вологодская старина. СПб., 1888, с. 110.
- ²⁴ В грамоте есть деталь, на первый взгляд говорящая о составлении ее задолго до 11 января 1436 г., — упоминание в числе послухов при духовной «старца» монастыря Григория Лопота, который в 1426 г. ушел из Глушицкой обители, основав собственный монастырь (ГБЛ, ф. 310, № 298, л. 11—12; ф. 304, № 603, л. 35 об.—36). Но вряд ли духовная Дионисия писана до ухода Григория из монастыря в 1426 г. Тогда получается, что положение дел в Глушицком монастыре в 1436 г. мог отразить документ 10-летней (как минимум) давности. Конечно, это очень маловероятно, и упоминанию «старца» Григория в духовной Дионисия следует искать иное объяснение (эта попытка лишь предпринимается автором).
- ²⁵ АСЭИ, т. III, № 252, с. 273—274; *Андреев В. Ф.* Новгородские духовные XII—XV вв. — В кн.: ВИД. Л., 1981, вып. XIII, с. 131—148.
- ²⁶ *Ключевский В. О.* Указ. соч., с. 194.
- ²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 383.
- ²⁸ АСЭИ, т. III, № 252, с. 273; ГБЛ, ф. 304, № 603, л. 30; *Шумаков С. А.* Сотницы, грамоты и записи. М., 1902, вып. 1, с. 64—67.
- ²⁹ *Будовниц П. У.* Указ. соч., с. 177; АСЭИ, т. III, № 252, с. 273.
- ³⁰ Глушицкий монастырь располагался на территории подвластного ростовским князьям Бохтожского княжества (*Кучкин В. А.* Бохтожское княжество — политическая реальность средневековой Руси. — *Вопр. истории*, 1983, № 8, с. 164—169), входившего в Ростовскую епархию.
- ³¹ АСЭИ, т. III, № 252, с. 273—274.
- ³² Там же, т. III, № 252; ГБЛ, ф. 304, № 603, л. 16 об., 27 об.—28, 36 об., 37 об.—39 об.; *Шумаков С. А.* Указ. соч., вып. 1, с. 64—67.
- ³³ *Ключевский В. О.* Указ. соч., с. 193—195.
- ³⁴ ГБЛ, ф. 304, № 603, л. 28.
- ³⁵ Дионисий пресекал попытки братии утаить от него деньги. Деньги хранились в монастырской казне, распределителем которой он был (ГБЛ, ф. 304, № 603, л. 33 об., 36 об.—37).

- ³⁶ ПСРЛ. М.: Л., 1959, т. 26, с. 175, 180, 182, 184, 185; ГБЛ, ф. 304, № 603, л. 32—34, 38.
- ³⁷ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. М., 1960, с. 764; *Он же.* К вопросу о роли городов и горожан в процессе образования Русского централизованного государства.— В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 114—115, 118—119.
- ³⁸ АСЭИ, т. III, № 252, с. 274. Выше (в примеч. 24) отмечалось, что в 1426 г. Григорий основал неподалеку свой монастырь — Лопотов-Пельшемский. Однако из духовной Дионисия видно, что около 11 января 1436 г. Григорий на какое-то время снова обосновался в Глушицком монастыре. Не потому ли это случилось, что его монастырь был razорен захватившим в 1435 г. Вологду князем Василием Юрьевичем Косым? В этой связи примечательны сообщения жития Григория, будто в 1430 г. он стыдил захватившего Вологду Шемяку и был жестоко оскорблен им, а в 1431 г. отправился к захватившему Москву Юрию Галицкому убедить его вернуть великокняжеский престол Василию Темному. Рассказ, возможно, имел реальную основу. Не лишено вероятия предположение В. О. Ключевского (*Ключевский В. О. Указ. соч.*, с. 197—198), что составители жития Григория перепутали Дмитрия Шемяку с Василием Косым, который в 1435 г. захватил Вологду, где сурово обходился со сторонниками Василия Темного. От Василия Косого мог пострадать и Лопотов монастырь.

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

ОПЫТ И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ДОКУМЕНТАЦИИ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ (на примере эстонских)

А. М. Траат

Волостные суды настолько забыты в исторической литературе, что их не упоминает даже «Советская историческая энциклопедия». Краткая характеристика их имеется только в общих энциклопедиях, в том числе и в республиканских¹. Известно, что документальное наследие волостных судов огромно, но до сих пор почти не использовано. Поэтому Б. Г. Литвак совершенно прав, отмечая, что материал волостных судов еще «ждет своего исследователя-историка»². По имеющимся данным, пока только в Эстонской ССР начато исследование истории местных волостных судов и их документации³.

Настоящая статья посвящена изложению основных результатов количественного анализа материалов волостных судов в Эстонии. Отметим, что в историческом развитии сельской общины (в Эстонии она называлась крестьянским, или волостным, или мирским обществом) в коренной России и ее прибалтийских губерниях наблюдаются существенные различия. Поэтому нижеприведенное, в частности группировка дел волостных судов, может послужить лишь некоторым примером, а вовсе не эталоном для изложения аналогичных материалов по другим частям Российской империи.

Развитие крестьянского самоуправления в великорусском центре и Эстонии шло разными историческими путями. Русская община, издавна основывавшаяся на общинном замлевлении, сохранилась в значительной мере даже до Великого Октября. В Эстонии, напротив, старое сельское общество, базировавшееся на подворном землевладении крестьян, не смогло выдержать наступления крепостного права прибалтийско-немецких помещиков в XV—XVII вв. Поэтому оно потеряло черты крестьянской самоуправленческой единицы, но некоторые чисто хозяйственные реликты ее (главным образом общие пастбища и пастухи) остались. Одновременно все судебные и административно-полицейские функции по отношению к закрепощенным крестьянам перешли в руки помещиков.

Однако с середины XVIII в. помещичье хозяйство Эстонии⁴ для «рационализации» все больше нуждалось в помощи крестьянского института судебного и административно-полицейского характера и было восстановлено некоторое крестьянское самоуправление, носителем и органом которого стал волостной суд. Он состоял по меньшей мере из трех местных крестьян, избранных своими собратьями, и действовал в пределах мызы — волости. Сначала волостной суд был учрежден только в некоторых частновладельческих имениях по инициативе их более дальновидных помещиков, но вскоре первыми крестьянскими органами 1802—1804 гг. для Эстляндии и Лифляндии был уже официально введен во всех имениях Эстонии, кроме острова Сааремаа (Эзель).

Крестьянским законом 1816 г., предписавшим постепенную отмену крепостного права Эстляндии, в 1817 г. там же был устранен и волостной суд, но одновременно были созданы более естественные и прочные его основы — волостные и сельские общества (общины) как организационные единицы освобожденных без наделения землей крестьян. В Лифляндии же, наоборот, аналогичный закон 1819 г. реорганизовал и переименовал волостной суд в мирской, расширив его полномочия и введя очень важное новшество — обязательное протоколирование процессуальных дел этого суда.

Таким образом, в 1820 г. было положено официальное начало накоплению массовой документации волостных судов в Лифляндии. То же самое происходило и в Эстляндии после восстановления там в результате прибалтийской волостной реформы 1866 г. волостного суда по примеру и структуре лифляндского. К сожалению, сложившееся таким путем наследие мирских судов дошло до нас только частично. И все же в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР (г. Тарту), согласно его путеводителю, имеется 366 фондов, содержащих 241 915 единиц хранения за 1814—1918 гг., а по нашим подсчетам — 376 фондов, содержащих 260 738 единиц хранения.

Этот богатейший и ничем не заменимый первоисточник по истории крестьянства Эстонии до сих пор использовался в научных целях редко и случайно, главным образом для подкрепления или иллюстрации отдельных, часто произвольных и субъективных, положений авторов. Очевидно, что такой казуистический, бессистемный подход при отсутствии надлежащей критики источника не может привести к правильным выводам, не говоря уже о более глубоких обобщениях и об открытии закономерностей в по существу однородных, но внешне весьма пестрых отношениях крестьян в их повседневной жизни.

В означенных целях массовые материалы подлежат прежде всего статистической обработке. Для этого, в свою очередь, необходимо их предварительно систематизировать путем классификации. Наш опыт вполне подтверждает правильность положения Литвака о том, что «в принципе только классификация приговоров и последующая группировка их для погруппового изучения являются единственно возможным приемом подготовки содержащихся в них данных для

статистического изучения»⁵. Поскольку сразу все материалы волостных судов одному исследователю охватить не по силам, то их классификации предшествует выбор определенной части материалов и установление исходных принципов в зависимости от основной цели данного исследования.

Изучение истории волостных судов Эстонии с начала их учреждения до 1866 г., естественно, привело к тому, что анализу были подвергнуты материалы судов только до этого крайнего года. Как мы уже отмечали выше, письменное делопроизводство в волостных судах было введено лишь в Лифляндии, поэтому автор имел возможность проработать их наследие за 1820—1866 гг. по Южной Эстонии. Далее, среди материалов за эти годы самыми ценными первоисточниками являются протокольные книги, содержащие в виде кратких протоколов (вернее, записей) тысячи мелких конфликтов и их разрешений по правовым обычаям и пониманию самих крестьян. (Впрочем, характеристика деятельности волостных судей Изюмского уезда Харьковской губернии, данная местным мировым посредником, бывшим декабристом, эстляндским бароном А. Е. Розеном, вполне применима и к их эстонским коллегам: «В безграмотных судьях нечего искать законоведов и правоведов, но вы найдете в них сокровище здравого ума, в числе решений их вы найдете много превосходных и не много бестолковых»⁶.)

Само собой разумеется, что при необходимости постраничного, без малейшего пропуска, учета каждой записи обработка всех этих протокольных книг также оказалась невозможной. Это обстоятельство привело к очередному ограничению массы материала, к выборке протоколов лишь немногих волостных судов. В основу их отбора был положен принцип представительности, выражающийся в данном случае в расположении таких судов во всей Южной Эстонии, в охвате всех категорий их волостей и в полноте дошедших до нас протоколов. К сожалению, строго выдержать данный принцип в полной мере не удавалось, так как по многим волостям протоколов нет вообще или они сохранились в неполном составе. Из числа наиболее отвечающих нашим требованиям мы смогли обработать протоколы 22 волостных судов; результаты отражены в составленной нами сводной таблице (см. с. 166—169).

Если говорить о территориальном размещении, то выбранные для исследования мирские суды неравномерно распределены по всей Южной Эстонии. Вырусский и Тартуский уезды представлены лишь своими северными районами (кроме южных Вана-Антсла и Аакре), Пярнуский уезд — главным образом северо-восточной частью и южным краем, остров Сааремаа — западным побережьем. Зато через весь Вильяндский уезд проходит с северо-востока на юго-запад линия размещения выбранных волостей, продолжающаяся в Пярнуском уезде волостями Пёэгле и Лаатре-Веэликсе, а отчасти и Пати. Таким образом, эта линия большей частью проходит по территории, где, по имеющимся данным, размещались важные центры возникновения капиталистических отношений и национального движения и где представлены все виды волостей. Зачастую возможности

Содержание и число дел в 22 мирских судах Южной Эстонии за 1820—1866 гг.

Номера и названия групп и подгрупп дел	Наименование								
	частновладельческих имений								
	Вана-Пылтса-маа	Каарепере	Вана-Антс-ла	Караски	Аагре	Лыне	Цёргле	Лаатре-Везлин-се	Паю
I. Административные и регистрационные дела									
1. Выборы судей и других должностных лиц	64	1	11	13	3	—	2	76	—
2. Распоряжения, сообщения, предупреждения	51	3	37	24	2	1	6	31	1
3. Государственные повинности	23	—	59	22	4	9	4	142	1
4. Общественные повинности	89	—	19	7	—	—	2	51	—
5. Выдача разрешений на работу вне волости	118	—	2	3	1	1	—	191	1
6. Прочие административные и регистрационные дела	69	19	136	35	113	58	5	278	30
Всего	414	23	264	104	123	69	19	769	33
II. Гражданские и семейные дела									
1. Аренда земли, землепользование	582	92	504	390	265	60	20	275	13
2. Строительство, застройка	38	20	14	31	41	1	—	33	1
3. Трудовые отношения	195	40	64	27	264	89	20	415	14
4. Купля-продажа, обмен	29	6	28	10	10	1	3	49	1
5. Денежные займы	173	11	94	53	23	14	69	695	11
6. Хлебные ссуды из запасного магазина	53	3	14	9	1	—	1	224	1
7. Прочие ссуды в натуре	72	1	26	39	3	1	5	75	1
8. Аукционы	79	3	23	6	15	5	4	47	1
9. Задатки, поручительства, залогов, аресты имущества	61	3	55	6	8	2	4	23	1

судов волостей

	казенных имений							городских имений			церковных имений		Итого	
	Авиноурме	Выру	Холостре	Паги	Синди	Кихлу	Люманда	Тагамыза	Выйрагел	Вилуворе	Кастна	Рипина	Колга-Яани	число
1	3	22	22	29	6	5	7	3	6	5	5	—	284	1,18
3	3	13	40	68	12	2	7	—	3	—	7	—	314	1,31
15	35	107	68	27	12	2	1	9	1	—	—	—	541	2,26
2	—	28	5	37	1	7	1	—	2	1	2	—	254	1,06
2	1	8	1	6	—	—	1	1	1	—	—	—	338	1,41
70	21	322	107	61	13	30	44	17	2	10	5	2	1 447	6,03
93	63	500	243	228	44	46	61	30	15	16	19	2	3 178	13,25
272	51	253	169	91	14	53	32	9	16	18	4	4	3 187	13,28
10	9	97	52	40	1	4	3	6	4	3	—	4	412	1,72
17	31	395	245	152	20	22	9	23	21	12	4	1	2 080	8,67
20	10	63	20	11	2	3	1	4	6	1	5	5	288	1,20
37	44	343	158	67	10	14	9	18	12	4	4	8	1 871	7,80
91	—	21	54	2	20	32	8	1	—	—	1	2	538	2,24
4	3	38	13	10	2	6	6	1	5	1	—	1	313	1,30
31	6	29	8	30	11	14	6	7	—	7	—	7	339	1,41
21	6	37	13	30	—	2	3	1	—	4	—	—	280	1,17

Номера и названия групп и подгрупп дел	Наименование								
	частновладельческих имений								
	Вана-Пылт-самаа	Каарепере	Вана-Ангела	Караски	Аакре	Лыле	Пёгале	Лаагре-Везликсе	Паю
10. Возмещение убытков	199	27	87	41	3	8	13	294	11
11. Различные споры, пски, выяснения отношений	41	49	92	20	10	3	7	135	19
12. Отречения от помолвки, алименты, опека, приемыши	35	16	45	7	37	2	3	42	14
13. Учет наследства детей от прежнего брака	260	16	286	8	34	4	—	11	6
14. Прочие наследственные дела	61	17	56	15	6	14	4	57	9
Всего	1878	304	1388	662	720	204	153	2375	103
III. Дела о проступках									
1. Кража мызного имущества	250	32	144	19	11	10	15	970	12
2. Кража крестьянского имущества	302	33	103	17	4	4	3	173	18
3. Грабеж, мошенничество, присвоение	15	3	4	2	—	1	1	12	—
4. Самоуправство	56	15	33	5	—	—	—	37	—
5. Нанесение побоев, избивание, драки	204	21	101	26	5	4	4	147	14
6. Хулиганство, праздничатание	62	4	7	4	—	—	2	68	—
7. Оскорбление, клевета, угроза, ложный донос	110	14	41	17	1	5	3	91	6
8. Неявка в суд, неисполнение решений, сопротивление	96	38	61	15	14	—	4	122	4
9. Прочие проступки	62	23	66	18	7	7	5	152	14
Всего	1157	183	560	123	42	31	37	1772	68
Итого	3449	510	2212	889	885	304	209	4916	204
Число запротокколированных лет	39	37	36	14	16	17	7	40	34
Среднее число душ волости	3601	827	3666	376	1442	749	713	1186	304

судов волостей

казенных имений								городских имений			церковных имений		Итого	
Аннуиуме	Выру	Холостре	Пяти	Синди	Кухну	Люманца	Тагамыйза	Выйратси	Вилувере	Каетна	Ряпина	Колга-Яани	число	%
22	32	311	44	132	31	8	7	11	25	6	1	1	1314	5,48
28	21	161	71	135	13	23	12	8	14	27	—	3	892	3,72
38	69	47	26	60	16	6	7	9	5	2	1	4	491	2,05
49	57	51	13	18	4	6	11	7	3	3	—	26	873	3,64
78	42	126	50	54	6	13	13	6	1	6	—	1	635	2,65
718	381	1972	936	832	150	206	127	111	112	94	20	67	13 513	56,33
513	5	148	43	51	41	6	30	17	24	6	3	3	2 353	9,81
17	27	106	73	42	31	17	28	10	22	4	—	11	1 045	4,36
7	1	5	3	5	—	1	1	3	—	—	1	2	67	0,28
2	—	11	12	29	4	1	2	7	5	—	—	1	220	0,92
37	25	170	76	87	32	16	15	10	16	12	2	6	1 030	4,29
12	8	35	25	10	8	9	9	1	2	2	—	2	270	1,12
19	9	67	82	51	15	8	20	1	17	1	—	11	589	2,45
51	5	97	77	64	18	59	17	6	10	5	6	—	769	3,21
228	2	146	101	42	16	19	20	3	11	4	5	4	955	3,98
886	82	785	492	381	165	136	142	58	107	34	17	40	7 298	30,42
1697	526	3257	1671	1441	359	388	330	199	234	144	56	109	23 989	100,00
33	29	39	45	10	24	24	34	17	7	22	9	28		
3281	1202	2298	689	646	667	1158	1182	660	505	446	136	688		

выбора ограничивало отсутствие целых фондов или их необходимых частей. Так, например, на острове Сааремаа лишь в приходе Кихелконна сохранились некоторые фонды мирских судов¹, мы взяли для обработки сравнительно более полные из них.

При работе с фондами мы стремились выбрать те, материалы которых относились к более раннему времени, а именно к периоду введения обязательного протоколирования в мирских судах (начиная с 1820 г.). Этому требованию отвечают лишь фонды Колга-Яаниского, Каарепереского и Пёэглеского мирских судов, немногим позже началось протоколирование в Вана-Антсла, Лыве, Авинурме и Пати. Для всех указанных материалов характерно то, что в них отразились социальные отношения и деятельность мирского суда в последние годы существования крепостного права, а также некоторая подготовка к личному освобождению. Нижняя хронологическая граница трех фондов (Хольстре, Синди, Вана-Пылтсамаа) совпадает с годами раскрепощения (1823—1826). Все остальные фонды дают материал о крестьянстве и мирских судах уже в условиях личной свободы. Материалы половины казенных волостей, всех городских волостей и Ряпинаской церковной волости начинаются сравнительно поздно (1832—1856), но более полных фондов вместо указанных найти не удалось.

К сожалению, ни в отечественной, ни в иностранной литературе не удалось найти каких-либо конкретных методических приемов, которые были бы пригодны для классификации материалов мирских судов. Не удалось использовать для этой цели и основы подразделения судебных дел в других судах того времени, так как они отражали типы правовых отношений, зафиксированных в законах, и вообще не учитывали обычного права, которое в деятельности мирских судов имело более важное, чем закон, значение.

Таким образом, мы сами должны были прежде всего составить, опробовать, откорректировать и окончательно определить основы группировки материалов, исходя из функций мирского суда и содержания конкретного дела. Чтобы исследуемый материал по возможности охватывал все явления данной группы, его следовало собирать в архивных фондах мирских судов всех видов волостей — частновладельческих, казенных, городских и церковных имений. В результате отбора для обработки были взяты все сохранившиеся за указанный промежуток времени протоколы мирских судов.

Приступив к обработке документального наследия выбранных мирских судов, мы снова убедились, что его отдельные разделы далеко не равноценны и не одинаковы по хронологической непрерывности. Поскольку в то время в мирских судах деловые акты не велись, а все дела вместе с вынесенными решениями кратко записывались в протоколе заседания в последовательности их рассмотрения, то самым важным видом материалов являются протокольные книги. Кроме того, сохранность материалов других видов (различные кассовые и договорные книги, материалы по опеке, вакцинации и т. п.) носит случайный характер — в большинстве случаев они вообще отсутствуют². Но именно с точки зрения истории

крестьянства протокольные книги отражают самую важную и трудную сферу деятельности мирских судов как первоочередных органов активного разрешения различных споров, возникавших между крестьянами. Ряд официально зарегистрированных в протокольных книгах фактов позволяет исследовать комплекс взаимоотношений на селе с количественной и динамической стороны и сделать некоторые новые выводы.

По этим причинам рассмотрение основного содержания практики мирских судов и составление статистических таблиц были начаты с обработки протокольных книг. При составлении предварительной схемы систематизации было ясно, что ее разделы (группы) должны отражать все три основные функции мирских судов того времени — административную, гражданско-правовую и карательную.

Уже при беглом знакомстве с содержанием материалов выяснилось, что в протокольных книгах имеются дела еще одной, четвертой разновидности — непроцессуальные записи юридических фактов и действий, сделанных по настоянию участников сделки (например, фиксирование права собственности на строения, сооруженные из собственных материалов, выдача паспорта или разрешения на поиски работы; долговые обязательства и т. п.). Так как подобных дел сравнительно немного, то вполне оправданным было не выделять их в отдельную группу, а отнести все подобные краткие записи нотариального характера в раздел административных функций. Таким образом, первая группа дел получила название «Административные и регистрационные дела».

В свое время существовал общепризнанный принцип, по которому семейное право являлось одной из составных частей гражданского права, но мы их для ясности расчленили, озаглавив второй раздел схемы «Гражданские и семейные дела».

Законы того времени разделяли все уголовные дела на две основные группы — преступления и проступки. Правда, различия между ними теоретически не обосновывались, не говоря уже о трудностях, зачастую возникавших в практике. Деяния обоих видов объединялись общим принципом наказуемости, а сущность их различий заключалась в степени общественной опасности и соответственно в тяжести наказания. Различия между указанными подгруппами были чисто формальными: для рассматриваемых преступлений существовал уголовный суд, а проступков — полиция или полицейский суд. Несмотря на то что эти типы судов имели различное подчинение (в первом случае — судебное, во втором — административное), они сравнительно тесно сотрудничали, так как полицейские суды осуществляли известную селекцию наказуемых деяний по их расследованию и предварительному следствию на месте. В рассматриваемый период в Южной Эстонии уголовными судами для крестьян были ландгерихты, а полицейскими судами — ордунгсгерихты. Крестьянские законы Лифляндии не только ставили перед мирскими судами задачи ежедневного полицейского надзора, но и определяли судебно-полицейские функции. Поэтому мы находим в протокольных книгах записи о ссорах и драках, мелком воровстве

и т. п. Основными карательными мерами мирского суда за проступки служили: телесное наказание до 30 ударов, денежный штраф до 6 руб. и арест до 3 суток. Эти материалы и положены в основу третьего раздела нашей схемы — «Дела о проступках».

Классификация протоколов по трем указанным разделам позволяет выяснить количественные различия между ними, а следовательно, установить и удельный вес каждой из основных функций мирского суда и их изменение за изучаемый период. Это имеет решающее значение для выяснения сущности деятельности мирских судов и получения ответа на центральный вопрос: действительно ли мирской суд был главным образом учреждением для порки крестьян, как до сих пор утверждалось⁹, или его деятельность сосредоточивалась на выполнении других основных функций?

Поставив этот вопрос, мы столкнулись с важной социально-исторической проблемой влияния процесса разложения феодализма и возникновения зачатков капитализма на развитие преступных и гражданских отношений на селе.

Указанное разделение на три группы позволяло дать на эти вопросы количественные ответы, но не претендовало на глубокое изучение внутреннего развития общества. Ведь в действительной жизни встречались административные и регистрационные действия, а также проступки самого разного свойства, не говоря уже об обширной сфере гражданских и семейных отношений. Поэтому оказалось необходимым провести в трех группах подразделение на подгруппы, исходя из типов правовых отношений и имеющих в судебных протоколах различий по форме и содержанию. Чтобы избежать чрезмерного увеличения объема таблиц, мы ограничились выделением самых важных подгрупп дел, остальные же дела той же группы потом объединили в особую подгруппу. При выполнении такого плана отбора материалов все же возникали неясности, так как различные явления жизни вообще весьма трудно втиснуть в рамки определенных подгрупп.

Ниже приведена упомянутая схема деления с характеристикой материалов соответствующих подгрупп.

I. Административные и регистрационные дела

1. Выборы судей и других должностных лиц

Кроме судей, в мирском обществе были и другие должностные лица: два старшины, писарь, школьный учитель, а также ответственные за исполнение отдельных поручений — сторож хлебозапасного магазина, рассыльный, дорожный или мостовой кубьяс (надсмотрщик), торфяной кубьяс, межевой кубьяс и др. Часть их (судьи и старшины) избирались по закону, другие же — в соответствии с потребностями самого общества. Поэтому все указанные должностные лица имелись не в каждой волости. К сожалению, в протоколах слишком мало данных об их вступлении в должность. В некоторых

волостях подобные записи в протокольных книгах вообще не велись. В этом отразилась небрежность в ведении протоколов или уверенность в том, что закон предписывает протоколировать лишь процессуальные дела.

2. Распоряжения, сообщения, предупреждения

Мызное управление должно было доводить до сведения мирского суда указы, постановления и распоряжения вышестоящих инстанций (губернского правления, уездного и приходского судов и др.), а суд, в свою очередь, доводил их до сведения общества. В некоторых местах соответствующие документы вкратце вписывались и в протокольные книги, что встречается крайне редко. В эту подгруппу мы поместили также и безличные распоряжения мызной власти и мирского суда, а также извещения и предупреждения, которые иногда имели вид местных законов. Вообще, можно отметить, что распоряжения, извещения и предупреждения в основном отдавались мирскими судами по настоянию мызных правителей и лишь незначительная часть их отдавалась, по-видимому, по инициативе самих мирских судов при необходимости, например, заставить крестьян волости приводить детей на прививку оспы, оказывать помощь при тушении пожаров, в борьбе против эпизоотий и т. п.

3. Государственные повинности

Подушная подать в Эстляндии и Лифляндии была введена лишь 3 мая 1783 г. указом Екатерины II¹⁰. Так как в условиях натурального хозяйства заработать деньги крестьянам было крайне сложно, а первоначальный размер подати (70 коп. с души мужского пола) со временем почти удвоился, то плата подушной подати доставляла много хлопот батракам, бобылям и маломощным дворохозяевам. Многие плательщики зачастую были вынуждены брать деньги в долг у помещика или в волостной кассе. В наших данных, разумеется, отражены лишь наиболее серьезные случаи, когда должника вызывали в суд отчитываться в своих долгах и заставляли его поторопиться с уплатой долга, воздействуя на него строгим выговором или даже телесным наказанием.

Второй тяжкой государственной повинностью была рекрутчина, которую в Эстонии впервые ввели в 1797 г. Всех намеченных в рекруты мужчин вызывали в мирской суд, чтобы уладить их гражданско-правовые отношения с жителями, причем особое внимание уделялось взаимным долгам. В рекруты в первую очередь отдавали батраков и бобылей, поэтому большинству из них нужно было получить от дворохозяев свой заработок, а иногда и рассчитаться по задолженности. Отношения, возникавшие в таких случаях, мы должны учитывать в подгруппах трудовых отношений (II, 3), денежных долгов (II, 5) и т. д. В настоящую же подгруппу мы отнесли только те случаи, которые были отмечены в протоколе как заслушанные без разбирательства.

В качестве третьей категории мы включили сюда немногочисленные судебные дела солдат, не вошедшие по их сути в разделы гражданских отношений и проступков, ибо они были обусловлены прежними или продолжающимися служебными солдатскими отношениями (получение пайка, специальные распоряжения временно отпущенным в резерв и т. д.).

4. *Общественные повинности*

К главным повинностям жителей волости в пользу мирского общества, отразившимся в протокольных книгах, относятся гужевые перевозки, сооружение и ремонт дорог, учреждение и содержание волостной школы, доставка дров и т. п. Другие виды повинностей (предоставление подвод воинским частям и приходскому судье, сбор денег на жалованье заседателям и писарю (нотариусу) приходского суда, возмещение общественных расходов путем их подушной раскладки, организация содержания волостных бедняков и т. п.) встречаются в протоколах весьма редко. Многое из этого перечня, например подводы, предоставлялось по устному распоряжению.

Периодически исполняемой повинностью являлся ремонт дорог, проводившийся обычно весной; каждому хутору выделялся для ремонта отдельный участок дороги. В выполнении повинности было заинтересовано все общество, оно же совместно отвечало за нее. Если кто-либо из дворохозяев упорно отказывался от работы, приходилось сообща приводить в порядок и его участок дороги, невзирая на то, удастся ли позднее получить с виновного компенсацию или нет. В таких случаях в некоторых местах, а впоследствии уже почти повсеместно, отвечавший за эту повинность крестьянин — мостовой кубьяс — поручал кому-нибудь отремонтировать за соответствующую плату оставшийся недоделанным участок, что давало возможность взыскать с виновного деньги в судебном порядке.

5. *Выдача разрешений на работу вне волости*

Поначалу их выдавало мызное управление. Однако иногда записи о выдаче встречаются и в протокольных книгах мирских судов. По-видимому, это делалось по предварительной договоренности с мызным управлением. Позже, при реорганизации паспортных дел, мызные паспорта заменялись записями о выходе из общества и поступлении на работу, однако в них должна была стоять и подпись представителя мызной власти¹¹. Позднее служебные записи назывались позволительными видами и паспортами¹², т. е. в сущности это были разрешения на поиск работы. Утвержденные в 1863 г. правила об отлучках и о перечислении крестьян Остзейских губерний в другие общества перевели выдачу паспортов во всех волостях в компетенцию мирских судов (в Эстляндии — в компетенцию волостной полиции)¹³. Поскольку крестьянский закон 1849 г. предусматривал плату за паспорт, то некоторые дополнительные материалы можно найти в так называемых книгах паспортных денег, или

паспортной кассы. К этой подгруппе относятся еще и записи о том, что мирской суд разрешает какому-либо юноше отправиться в город на обучение к мастеру с условием по окончании обучения в течение определенного срока заниматься освоенным ремеслом в своей волости.

6. Прочие административные и регистрационные дела

На первый взгляд до середины 1860-х годов жизнь эстонских крестьян шла в общих чертах по-прежнему. Однако отмена крепостного права, учреждение мирского общества и образование системы крестьянских судов дали новые стимулы жизни и новые возможности развития. Например, закон 1819 г. содержал предписание о том, что в 1822—1825 гг. в Михайлов день помещик должен был сообщить заинтересованным лицам о том, кого он собирается отпустить на волю в Юрьев день следующего года, причем освобождаемые должны были взять себе фамилию (прозвание) для облегчения полицейского надзора за ними¹⁴. Но поскольку порядок сообщения об освобождении и принятии фамилии законом не был регламентирован даже в общих чертах, то многие помещики проводили это мероприятие на сходе общества перед мирским судом. Таким образом данные попадали в протокол. Далее, закон предусматривал, что освобождаемые крестьяне 10 ноября за год до освобождения должны были сообщить в мирской суд, хотят ли они остаться на прежнем месте или сразу после освобождения сменят место службы или жительства¹⁵. Так как это были непроцессуальные дела, то они лишь регистрировались в протоколах, но далеко не везде. Поэтому подобные записи не позволяют реконструировать общую картину предполагаемой миграции освобождаемых. Начиная с 1840-х годов в некоторых мирских судах регистрируется смена вероисповедания — переход из лютеранской в православную (или «русскую») веру. Такие переходы иногда были массовыми.

К данной подгруппе отнесены и дела желающих позднее переселиться, если таковые регистрировались. Включены сюда и факты, запротokolированные по желанию крестьян и мызного управления (например, свидетельства на право собственности; передача опекунами денег, унаследованных опекаемыми, на хранение в волостную кассу до достижения последними совершеннолетия; переписи скота и т. п.); вообще, различные свидетельства и дела, которые не вошли в пять предыдущих подгрупп.

Административные и регистрационные действия весьма скудно отражены в судебных протоколах. Вероятно, значительная часть их вносилась в протокол по усмотрению писаря, но большинство их по обычаю немедленно устно доводилось до сведения и для исполнения через сельских кубьясов и рассыльных.

Более тщательно заносились в протоколы материалы о выборах и оплате работы судей и других должностных лиц волости в Ряпина (8,93% от общего числа дел), Кагна (3,47%), Вилувере (2,57%), Тагамыйза (2,12%) и в Синди (2,01%). В 14 мирских судах про-

цент понижается с 1,85 до 0,06, а в трех судах таких протоколов вообще нет¹⁰. Главная причина этих различий заключается в том, что протоколы выборов следовало направлять в приходский суд. Поэтому часто считали излишним делать соответствующую запись и в протокольной книге мирского суда.

Распоряжения, извещения и предупреждения занимают по своему количеству первое место только в Ряпина — 12,50%, гораздо меньший удельный вес они имеют в записях в Синди — 4,72%, в Кихну — 3,34%, в других же местах этот процент ниже, чем 3. В Кастана, Вийратси и Колга-Яани нет ни одной подобной записи.

Государственные повинности лучше отмечались в Вырусской казенной волости — 6,66%, в Вийратси — 4,52 и в Пати — 4,07% записей. В Каарепере, Кастана и обеих церковных волостях такие данные отсутствуют.

Записи об общественных повинностях ни в одной из протокольных книг не занимают сколь-либо значительного места. Несколько лучше они отражены в Ряпина — 3,57%, в Вана-Пылтсамаа — 2,58 и в Синди — 2,57%. В Каарепере, Аакре, Лыве, Паю, Выру, Вийратси и Колга-Яани нет ни одной записи. Это вполне объяснимо, если учесть, что в то время раскладка общественных обязанностей проходила по обычаю в виде устных распоряжений.

Выдача разрешений на поиски работы шире практиковалась в Лаатре-Веэликсе — 3,88% и в Вана-Пылтсамаа — 3,42%. В других рассматриваемых нами волостях их удельный вес составляет ниже одного процента, причем в Каарепере, Пёэгле, Кихну, Люманда, Кастана, Колга-Яани и Ряпина следов выдачи разрешений через суд нет.

Прочие административные и регистрационные дела вследствие своего многообразия составляют наиболее обширную подгруппу. Так, в общем количестве всех запротоколированных дел эта подгруппа, например, составляет: в Лыве — 19,08%, в Паю — 14,71, в Тагамыйза — 13,34, в Аакре — 12,77, в Холстре — 9,87, в Ряпина — 8,93, в Вийратси — 8,55%. Кроме Колга-Яани (1,84%) и Вилувере (0,85%), ни в одной из исследуемых волостей упомянутая подгруппа не составляет ниже 2%.

В общем и целом административные и регистрационные дела чаще записывались в Ряпина — 33,93%, в Лыве — 22,70, в Тагамыйза — 18,48, в Паю — 16,18, в Синди — 15,82, в Лаатре-Веэликсе — 15,64, в Холстре — 15,35 и в Вийратси — 15,08%.

подавляющее большинство мыз в Южной Эстонии являлись частновладельческими, но частновладельческих волостей среди вышеприведенных восьми было лишь три (Лыве, Паю и Лаатре-Веэликсе). Отсюда можно сделать вывод, что рассмотренная группа дел несколько полнее отражена в протоколах мирских судов казенных, городских и церковных волостей.

II. Гражданские и семейные дела

1. Аренда земли, землепользование

Эта подгруппа дел имела наиболее важное значение в жизни крестьян. В нее собраны все попавшие на страницы протокольных книг данные по различным вопросам аграрных отношений. Учитывались возобновления арендных отношений, имеются краткие записи об аренде у мызы хуторов с обязательствами выплаты ренты по вакенбухам, а позднее смешанной или денежной ренты, отмечается передача хutorского хозяйства брату, сыну, пасынку и т. д. с согласия мызы. Записывались и отказы от хуторов со стороны мызы либо дворохозяев, а также предоставление возможности дальнейшего хозяйствования на хуторе при наличии поручителя, назначение на хутора новых дворохозяев в случаях разорения старых и встречающиеся в некоторых местах в 1860-е годы предложения мызного управления о продаже хуторов. Бывали случаи, когда батрак получал разрешение дворохозяина вырубить хutorской кустарник и использовать это место для выращивания зерновых с условием, что он отработает дворохозяину, помимо положенных, определенное число добавочных дней. Такие случаи мы рассматривали как аренду земельного участка за барщину и учитывали их в данной подгруппе, поскольку выделение кустарника батракам в качестве содержания нигде не предусматривалось и не фигурировало даже в обычном праве.

Обычно арендатором одного хутора или землепользователем одного участка в протоколе значится лишь одно лицо; таким образом, на крестьянской стороне существовали один объект и один субъект права. Трудности вызывали случаи, когда субъектов либо объектов, или даже обоих одновременно было несколько. В подобных случаях возникал вопрос, сколько правовых отношений занести в таблицу. Мы считали целесообразным принять за основу число объектов; например, если два крестьянина совместно арендовали один хутор, то в таблицу ставилось 1, если же два хутора, то 2.

Особые сложности возникали при учете одного случая землепользования. 5 августа 1843 г. в протоколе Авинурмеского мирского суда были зафиксированы индивидуальные арендные условия пользования имеющимися участками земли¹⁷, по которым каждый из 122 местных бобылей-арендаторов должен был отработать у своего дворохозяина определенное количество рабочих дней (96 случаев), выплатить ему денежную сумму (24 случая) или смешанную ренту (2 случая). Повторение имен позволило сделать вывод, что бобылей было несколько меньше указанного в протоколе числа и значительно меньше дворохозяев, ибо на одном хуторе дворохозяина зачастую проживало до пяти бобылей. Таким образом, протокол отражает число земельных участков (т. е. объектов, и тем самым число самостоятельных отношений), которое и было занесено в таблицу.

Затруднения возникали и при учете отработки у помещиков и прочих землевладельцев по задолженностям барщинных дней и дру-

гих повинностей, особенно, если гражданский иск сопровождался наказанием (обычно телесным). Мы сочли наиболее целесообразным отнести в эту подгруппу дела, заключавшиеся лишь в истребовании задолженностей по повинностям или в принуждении к их выполнению, дела же, по которым суд добавил наказание, мы отнесли в соответствии с их сутью к 8-й или 9-й подгруппам III группы. Теоретическим обоснованием такому разделению послужил тот факт, что, по мнению суда (и мызы), невыполнение обязанностей, а также поведение ответчика — проявление халатности или строптивости — усугубляли его вину, за что он и получал наказание. Тем самым ответчик становился обвиняемым и гражданское дело перерастало в проступок. Наказание остается главным признаком проступка даже в тех случаях, когда суд применял его лишь в качестве репрессивной меры для стимулирования быстреего исполнения барщины. Частое применение наказаний (особенно телесных) в гражданских делах было характерной чертой практики мирского суда, и к нему принуждало мызное управление.

Наиболее интенсивное вмешательство суда в вопросы аренды и пользования хуторами и земельными участками наблюдается в волостях частных мыз. Эта подгруппа дел первые места занимает в Караски (43,87%), в Аакре (29,94%), в Вана-Антсла (22,79%), в Каарепере (18,04%), в Вана-Пылтсамаа (16,87%), и лишь второе-третье места в Лыве (19,74%) и в Пёэгле (9,57%). Напротив, во всех казенных волостях эти чисто аграрные отношения нигде не стоят на первом месте, а лишь на втором—пятом [кроме Кяхну (3,90%, 11-е место), где в труде и пропитании народа этого небольшого острова преобладало рыболовство]. В числе городских и церковных волостей рассматриваемая подгруппа стоит на втором месте только в Каэсна (12,50%).

Из приведенных данных можно заключить, что аграрные отношения в частновладельческих волостях Южной Эстонии были значительно напряженней, чем в прочих волостях; следовательно, и поземельное положение крестьян там оказывалось худшим, чем в волостях остальных видов.

2. Строительство, застройка

По древнему праву было принято, что ближайшие соседи или все село помогали восстанавливать уничтоженные или сильно пострадавшие от пожара хуторские строения (особенно жилые риги); помощь выражалась в подвозе строительных материалов и выделении соломы для крыши, причем мыза бесплатно давала бревна из своего леса. Однако обязательная помощь и право на помощь не охватывали купивших хутора. При постройке новых хуторов существовал другой обычай — мыза освобождала дворохозяина от повинностей на три года, за это время он должен был сам отстроить хутор. Участие и заинтересованность мызы в постройке хуторов объясняются сохранением экономического потенциала хуторов, а также действовавшим в Эстонии принципом римского права, по

которому любое строение принадлежало владельцу земли, в данном случае — помещику. На этом основании собственностью мызы зачастую признавались и дома бобылей, если строитель не мог доказать, что домишко построен из собственных (купленных) материалов. Чтобы оградить себя от возможных притязаний мызы, некоторые бобыли фиксировали в протоколах мирского суда, что свое строение они соорудили из собственного материала и своими силами. Так как в подобных случаях дело касалось не столько строительства, сколько регистрации права собственности, то эти дела были включены в 6-ю подгруппу I группы. Туда же следовало бы отнести и надзор за состоянием строений и их осмотр со стороны мирского суда, но, поскольку это, как правило, проводилось по требованию мызы, подобные дела остались в разбираемой подгруппе.

Подгруппа строительства и застройки занимает весьма скромное место, так как до судебного разбирательства дело доходило главным образом только в тех случаях, когда от дворохозяина требовалось приведение в порядок находившихся в плохом состоянии строений или когда организовывалось сооружение новых строений взамен уничтоженных. Более внимательно вопросы застройки рассматривались в волостях частных мыз: Аакре, где подобные дела составили 4,63% (4-е место) от общего числа дел, Каарепере — 3,92 (10-е место), Караски — 3,49 (6-е место), а также в церковной волости Колга-Яани — 3,67% (8—11-е места).

3. *Трудовые отношения*

Основную массу этой обширной подгруппы судебных дел составляют требования батраков и батрачек о выплате им дворохозяевами заработка или его остатка (например, шубы, штанов, пуры ржи и т. п.), а также жалобы их на жестокое обращение и плохое питание. Часто встречаются и жалобы дворохозяев на то, что батраки не явились на работу к условленному сроку, которым по старинному обычаю в большинстве случаев являлся Юрьев день (23 апреля) — время смены места жительства и начала полевых работ. Часто хозяева жаловались и на то, что батраки и батрачки одновременно заключали трудовой договор с несколькими дворохозяевами и получали от них задаток. Несколько меньшее количество дел о самовольном оставлении службы или изгнании со службы, а также связанных с небрежным выполнением трудовых обязанностей или упрямством. Очевидно, частично дела, связанные с трудовой дисциплиной, разрешались на хуторах в порядке домашнего наказания, ибо закон об отмене крепостного права постановил: «Хозяин, или арендатор имеет власть исправлять своих работников за упущение их в должности домашними мерами, наказывая их не свыше, однако же, как шестью ударами палкою»¹⁸. Несмотря на то что это положение в законе 1849 г. упущено, на практике его кое-где все же применяли, что подтверждают жалобы батраков и батрачек на то, что дворохозяева их нещадно бьют.

Характерной чертой обострения внутриволостных отношений в период разложения феодализма была принудительная отдача волостным судом в батраки и батрачки на хутора трудоспособных людей из семей бобылей. Позднее, правда, это происходило лишь в тех случаях, если они сами не нанимались куда-нибудь на работу. В середине 1840-х годов и в 1850-е годы на сходах некоторых обществ (в Патт, Холстре и др.) дворохозяева заключали между собой договор, регулировавший высшую норму оплаты труда батраков и батрачек¹⁹.

Вместе с тем данные судебной практики позволяют утверждать, что даже в тех случаях, когда суд целиком состоял из дворохозяев, он все же принуждал платить наемным работникам в полной мере, если они исправно выполняли свои обязанности. Исключение из этого правила составляли случаи, когда договор был заключен на иных основаниях и у сторон имелись взаимные претензии. В случаях, когда следовало наказать батрака или бобыля, суды с самого начала стали приговаривать их к телесным наказаниям, дворохозяев же, если они недозволенно били своих батраков или наносили им иной ущерб, — к денежным штрафам²⁰. При этом ни в одном протоколе нет данных, чтобы батраку указали на возможность попросить заменить телесное наказание денежным штрафом или арестом (правда, у них, как правило, и не было реальной возможности заплатить необходимую сумму). И хотя батраки зачастую выражали суду свое недовольство по поводу унижительного наказания, все же длительное время суды придерживались древнего принципа наказания: богатый платит деньгами, бедный — своей собственной шкурой.

Дела, относящиеся к трудовым и служебным отношениям, в более чем половине рассматриваемых волостей занимают наряду с аграрными делами первые места. На первом месте эта подгруппа дел стоит в Лыве (29,27%), Пати (14,66%), Холстре (12,13%), Вийратси (11,56%) и Синди (10,55%). Второе — четвертое места они занимают в Аакре (29,83%), Пёэгле (9,57%), Вилувере (8,97%), Лаатре-Веэликсе (8,44%), Каарепере (7,84%) и Кастпа (8,33%). Из приведенных данных явствует, с одной стороны, большой удельный вес трудовых дел в жизни южноэстонских крестьян вообще, а с другой — незначительное преобладание этих дел в казенных и городских волостях.

4. Купля-продажа, обмен

Незначительное количество дел этой подгруппы во всех мирских судах как бы противоречит утверждению о некотором развитии товарообмена в эстонской деревне в первой половине XIX столетия. В действительности же никакого противоречия здесь нет, так как в суде улаживались только те торговые и обменные операции крестьян, по которым возникали претензии или задолженность по части платежей. Например, если случалось, что обманным путем был скрыт недостаток продаваемой вещи или скотины, особенно лошади,

то через суд покупатель добивался снижения цены или аннулирования договора на покупку. Объектами купли-продажи в первую очередь служили домашние животные и предметы обихода. Обменивались почти без исключения только лошадьми. Встречаются и единичные случаи обмена хуторами.

Сравнительно больше дел по купле-продаже и обмену было в мирских судах церковных волостей Ряпина — 8,93% (3—6-е места) и Колга-Яани — 4,59% (7-е место); в остальных волостях эти дела занимают 0,30—2,56% (с 11-го по последнее, 29-е место).

5. Денежные займы

Довольно значительное количество дел этой подгруппы служит надежным свидетельством сравнительно быстрого развития денежных отношений на селе в данный период, особенно в Пярнуском и Вильяндиском уездах. Размеры одалживаемых сумм в подавляющем большинстве случаев составляют от нескольких до двух десятков рублей. Реже встречаются требования вернуть долг в сотни рублей. Это указывает на развитие денежных отношений в первую очередь в ширину и меньше в глубину. Своеобразной чертой того времени (в Синди, Вана-Пылтсамаа, Холстре) является истребование через суд старых долгов (7-, 15- и даже 17-летней давности). К сожалению, судебные протоколы по этим делам немногословны и отражают лишь попытку суда установить факт одалживания и добиться договоренности о возвращении долга. Все же по некоторым протоколам видно, что в долг деньги брались по большей части для оплаты аренды, покупки зерна, скота, для дачи залога при получении зерна в хлебозапасном магазине и т. п., а в некоторых местах и для погашения долга корчме. При одалживании крупных сумм требовали поручительства или залога. О сроке погашения долга стороны договаривались сами или его назначал суд — зачастую он совпадал с ближайшим базарным днем. Как правило, денежные долги выплачивались деньгами, но бывали случаи, когда кредитор соглашался на отработку, особенно, если должником был бобыль, батрак или разорившийся арендатор хутора. В случае нетрудоспособности должника отработать долг обязывались его дети, а иногда и другие члены семьи, например братья или сестры. Проценты взимались редко, главным образом в конце исследуемого периода и обычно с крупных сумм²¹.

И в этой подгруппе встречались сложности, когда случай имел признаки дел, относимых нами к другим подгруппам, например, когда значительная денежная сумма одалживалась в присутствии суда, причем суд обязывал должника отработать долг самому или с помощью братьев к назначенному по договоренности сроку. Мы сочли более правильным отнести подобные случаи к подгруппе трудовых отношений, так как по существу здесь речь идет о предварительной выплате заработной платы.

Дела по займам составляют основную часть судебных процессов в Пёэгле (33,02%), вторые места они занимают в Лаатре-Везлпксе

(14,14%), Холстре (10,53%), Вийратси (9,04%) и Караски (5,96%). За этими волостями следует Паги (9,46%, 3-е место), Выру (8,37%), Колга-Яани (7,34%) и Лыве (4,60%), они стоят на четвертом-пятом местах. Удельный вес подгруппы нигде не опускается ниже 2,16% (или 17-го места).

6. Хлебные ссуды из запасного магазина

Полученные ссуды в хлебозапасном магазине общества и ее возвращение проходили в соответствии с крестьянским законом 1819 г. Значительно дополнил его специальный регламент о хлебозапасном магазине от 17 августа 1843 г., который в исправленном виде вошел в последующие крестьянские законы²². В соответствии с правилами весной все зерновые ссуды записывались в специальную магазинную книгу, где отмечалось также и их возвращение осенью после уборки урожая. В некоторых местах мыза давала землю под посевы зерновых для хлебозапасного магазина, которую общество совместно обрабатывало и убирало с нее урожай. В судебных протоколах нашли отражение только те зерновые ссуды, возвращение которых задерживалось, что вынуждало мирской суд как учреждение, материально отвечающее за магазин, приступать к принудительному взысканию долга. В некоторых местах (Вана-Пылтсамаа, Люманда, Холстре, Кярла, Тагамыйза, Кихну) часто практиковалась дача зерновой ссуды в долг перед судом под ответственность поручителя. Передача задолжавших хуторов зятю, сыну, брату, а иногда даже и чужому человеку вместе с задолженностью магазину зафиксированы в Синди, Вана-Пылтсамаа и в других местах. В единичных случаях поручитель брал с должника залог, хотя законных оснований для этого и не было²³. Некоторые суды были очень строги по отношению к хозяевам, задолжавшим магазину, применяя к злостным должникам, помимо внушения, и телесное наказание. Особенно часто это встречается в Авиноурме начиная с 1847 г. На заседание суда вызывались 10, а то и 21 должник и наказывались за халатность десятью, пятнадцатью или даже тридцатью ударами розог²⁴. Подобные случаи, рассматриваемые как проступки, мы поместили в 9-й подгруппе III группы. Принудительная распродажа учтена в подгруппе об аукционах (II, 8).

По имеющимся у нас данным, ссудами из хлебозапасного магазина больше занимались в Люманда — примерно 8,24% (3-е место) от общего числа запроотоколированных дел. В Кихну они составляют 5,57% (5—6-е места), в Авиноурме — 5,36% (4-е место) и в Лаатре-Везлкксе — 4,56% (7-е место). В Лыве, Выру, Вилувере и Кастина дела этой подгруппы совсем отсутствуют. В действительности их удельный вес в деятельности мирских судов несколько больше. Однако часто эти дела переплетались с делами другого характера, и поэтому данные о них недостаточно точны. В делах по передаче хуторов задолжавших хозяев другим владельцам долги хлебозапасному магазину наряду с прочими долгами играют далеко не последнюю роль.

7. Прочие ссуды в натуре

Эта незначительная по величине подгруппа состоит главным образом из дел между крестьянами по даче и возврату зерновых ссуд без участия хлебозапасного магазина. Обычно такие ссуды возвращались зерном того же вида, но иногда и деньгами, особенно в конце исследуемого периода. Эта подгруппа охватывает и немногочисленные случаи одалживания имущества, когда какое-либо орудие труда, предмет домашнего обихода или домашнее животное (чаще всего лошадь) давались в безвозмездное пользование с обязательством вернуть их в том же состоянии. Если же с одолженной лошадью что-либо случалось, например повреждение ноги и т. п., то получатель ссуды должен был возместить нанесенный ущерб.

Относительно больше подобных дел запротокколировано в Караски (4,39%, 4-е место) и Пёэгле (2,39%, 8—10-е места). В Ряпина в протоколах подобных сведений нет вообще.

8. Аукционы

При систематизации протоколов возникло сомнение, достаточно ли обосновано выделение аукционных дел в самостоятельную подгруппу, поскольку они как один из способов приведения приговора в исполнение относятся не к области гражданского права, а к области гражданского процесса. Основой проведения аукциона служили гражданско-правовые институты (долги по ссудам, аренде, платежам и т. п.), что теоретически позволило бы распределить их по различным подгруппам в соответствии с конкретными отношениями. Однако практически это невыполнимо, так как крайне редко аукционы проводились лишь на одном-единственном основании (например, при истребовании долга мызе). По имеющимся у нас данным, аукционы по большей части назначались для одновременного удовлетворения нескольких различных требований (для исполнения долгов мызе и хлебозапасному магазину, ликвидации задолженностей наемной рабочей силе, погашения подушной подати и т. п.). Поэтому их и следует объединить в специальную подгруппу.

В условиях безземельного освобождения крестьян объектом аукциона, разумеется, могло быть лишь движимое имущество: скотина, лошади, зерно, орудия труда и перевозочные средства, предметы домашнего обихода и т. п. Аукционы по размерам были двух видов: во-первых, когда для погашения долга продавалась какая-либо скотина или вещь и, во-вторых, когда с молотка пускалось все имущество должника, кроме железного инвентаря. Одновременно устанавливалось соответствие арендному договору по сохранности хуторских построек и состоянию изгородей. При необходимости часть долга отчислялась новому хозяину для покрытия расходов на приведение их в порядок²⁵. Подобные случаи встречались главным образом при конкурсах, когда долги превышали имущественные возможности должника, причем зачастую выяснялось, что вырученной суммы не хватает для покрытия даже и половины долгов, тогда

должники обязаны были после аукциона отработать непокрытую часть долга²⁶. Распродажа всего имущества чаще встречается в первые годы после личного освобождения крестьян, когда часть дворохозяев стала отказываться от хуторов и возвращать их помещикам. При этом предусматривался такой порядок, при котором крестьянина можно было в соответствии с законом практически ограбить, после чего такие дворохозяева становились батраками или бобылями. Позднее инициатором полной распродажи хуторского имущества обычно было мызное управление. В 1843 г. в Авинурмеской волости был проведен аукцион имущества семи дворохозяев, главным образом для покрытия долгов хлебозапасному магазину²⁷.

Чаще проводились аукционы в Колга-Яни (6,42%, 5-е место), Кагна (4,86%, 6-е место), Люманда (3,61%, 10—11-е места), Вийратси (3,51%, 12—14-е места).

Небольшие размеры подгруппы аукционов предупреждают нас о переоценке значения подобных судебных дел в процессе разорения крестьян в первой половине XIX столетия.

9. Задатки, поручительства, залогов, аресты имущества

В подгруппе наряду с гражданско-правовыми институтами присутствует и гражданско-процессуальный институт — арест имущества. Мы объединили эти дела в одну подгруппу по двум причинам: во-первых, все они по существу так или иначе были направлены на обеспечение будущих или уже предъявленных требований, и, во-вторых, разделение их на четыре самостоятельные подгруппы привело бы к чрезмерному увеличению объема таблиц без достаточных оснований.

Правовые институты этой подгруппы использовались для гарантии очень различных по характеру претензий, что затрудняло их классификацию. Вместе с тем теоретически названные институты являются лишь дополнением соответствующих претензий и поэтому должны учитываться вместе с последними. Однако, задавшись целью исследовать развитие правосознания крестьянства и рост его борьбы за действительное обеспечение своих прав, мы сочли недостаточно обоснованным рассеивать подобные явления в пестрой массе основных отношений (претензий), особенно арест имущества, который как судебная мера применялся, естественно, всегда после возникновения первопричинных отношений. Поручительства и залоговые отношения оформлялись в суде зачастую намного позже, чем первопричинные отношения, и фиксировались отдельным договором. Так как наш принцип состоял в том, чтобы не учитывать дважды (в двух подгруппах) одно и то же дело, мы разместили в данной подгруппе все те случаи, когда соответствующая гарантийная мера установилась позднее первопричинного отношения. Гарантийные меры, устанавливавшиеся одновременно и совместно с первопричинными отношениями (например, все договоры о найме, при которых по обычаю нанимаемому выдавался задаток), мы помещали в подгруппе трудовых отношений (II, 3). Некоторым недостатком этого метода

является то, что картина в отношении гарантийных мер будет у нас несколько неполной, особенно в части задатков, однако иной путь привел бы к еще более нечеткой классификации.

Подгруппа сравнительно невелика и потому, что в то время еще доверяли мужскому слову как древней форме гарантии²⁸. Поручительство или залог при первопричинных отношениях встречаются в протоколах по большей части в случаях одалживания крупной суммы. Требовать гарантий через суд в большинстве случаев начали лишь тогда, когда оказывалось, что должник не заслуживает традиционного доверия, оказавшись плохим хозяином или пьяницей, и с первого взгляда было очевидно, что он больше вряд ли в состоянии выполнять свои обязательства. Обычно поручительство следовало после обсуждения в мирском суде состояния хуторского хозяйства. При наличии поручителей было принято оставлять пока хутор задолжавшему хозяину в надежде на его исправление. В отдельных случаях (например, в Авинурме) поручительство заключалось при выдаче работникам аттестатов о поведении и образе их жизни.

Удельный вес дел, связанных с залогом, поручительством, задатком и арестом имущества, невелик — повсеместно дела этой подгруппы занимают не выше 11-го места из 29 выделенных нами подгрупп. Наибольшим является значение этих дел в Кастна (2,78%), Вана-Антсла (2,49%) и Синди (2,08%), в некоторых же волостях (Кихну, Вилувере, Колга-Яани, Ряпина) их нет совсем.

10. Возмещение убытков

Подавляющее большинство дел этой многочисленной подгруппы связано с убытками, нанесенными чужой скотиной (главным образом потравами). Принцип возмещения хозяевами скотины убытков, нанесенных ею, известен еще в «Ливонских Правдах» XIV—XV вв.²⁹, он сохранился и в крестьянских законах XIX в. Как явствует из них, застав на своем поле или покосе чужую скотину, пострадавший имел право задержать ее как доказательство своей жалобы. Тот же, чья скотина была задержана, не имел права сопротивляться, а должен был выкупить скотину, возместив требуемые убытки. Если же он не мог достигнуть договоренности с пострадавшим, то размеры компенсации устанавливались через суд³⁰. Допустимо предположение, что в суд обращались лишь тогда, когда добрососедских отношений не было или когда не могли договориться о размерах компенсации. В большинстве протоколов констатируются только размер убытка и требование его возмещения. В спорных случаях судьи проводили осмотр места происшествия и на основе этого осмотра назначали размеры возмещения убытков. Реже отмечается халатность пастухов, за что они подвергались наказанию.

Социального значения задержания скотины в заклад нельзя недооценивать, так как в середине XIX столетия этот институт получил дальнейшее законодательное развитие в упорядочении отношений, наиболее часто вызывавших споры в повседневной жизни.

Закон нормировал выкуп скотины (50 коп.— 1 руб. серебром) и уплату за содержание и уход за нею (5—25 коп. серебром в сутки)³¹. Задержание в заклад и требование компенсации применялись и к тем, кто не закрывал как следует ворота огороженного поля или покоса, в результате чего скотина могла нанести ущерб³².

Иски по возмещению убытков, нанесенных скотом, часто рассматривались в мирских судах, так как в то время поля и покосы нередко были широко разбросаны отдельными клочками. Больше всего подобных дел было в Вилувере (10,68%). Третье место занимают они среди судебных дел в Синди (9,16%), в Кихну (8,64%) и Караски (4,61%), четвертое место — в Холстре (9,55%) и в Латре-Везликсе (5,98%), пятое место — в Пёэгле (6,22%) и в Вийратси (5,53%) и шестое — в Вана-Пылтсамаа (5,77%). Наиболее незначителен их удельный вес в Тагамыйза (2,12%), Колга-Яанг (0,92%) и Аакре (0,34%).

11. *Различные споры, иски, выяснения отношений*

Как видно по названию, эта подгруппа имеет весьма пестрый состав и охватывает отношения, не вошедшие в предыдущие подгруппы гражданских отношений и в последующие семейные и наследственные дела. В эту подгруппу собраны преимущественно обязательственные отношения: возмещение убытков от поломки орудий труда, отдача скота на откорм и требования его возврата, требования по возмещению убытков от нанесения скотине увечий побоями или собаками по вине пастухов или соседей, процессы по оплате гужевых перевозок, улаживание вопросов найма жилых помещений, аренды мельницы и лавок, оплата прививок против оспы, внесение церковной подати, обнаружение и расследование недостачи в волостной кассе, учреждение пожарной кассы и страховки от града и т. п. В некоторых местах эта подгруппа дел из-за своего многообразия количественно довольно велика.

Среди рассмотренных в суде дел она на первом месте в Каэсна (18,76%), на втором — в Каарепере (9,60%), Синди (9,37%) и Паю (9,31%). В других местах подобных дел было сравнительно меньше, хотя по количеству дел эта подгруппа везде занимает места не ниже 11-го, за исключением Вана-Пылтсамаа (1,19%, 24-е место) и Ряпина, где ее нет.

12. *Отречения от помолвки, алименты, опека, приемыши*

Эта сравнительно немногочисленная подгруппа судебных дел по семейным отношениям мало отражает действительность. Семейные дела вообще относились к компетенции церковных органов (особенно заключение и расторжение брака), поэтому они редко рассматривались в мирском суде. Об обручении, которое регулировалось главным образом обычным правом, мы узнаем лишь в случаях его аннулирования, когда отвергнутый жених (реже и сама отказавшая невеста) требовали возвращения подарков и компенсации других

своих расходов. Внутрисемейные столкновения (избиение, драки и т. п.) в зависимости от признаков размещены в III подгруппе. Можно предположить, что в то время выплата алиментов на содержание внебрачных детей без вмешательства суда встречалась редко. Поэтому имеющиеся данные, вероятно, достаточно точно отражают действительное число таких случаев. То же самое можно предположить и об усыновлении, о котором требовалась запись в судебном протоколе³³. Хотя гуманные соображения не совсем исключены, но по большей части приемышей брали для приобретения дешевой рабочей силы³⁴. В повседневной жизни крестьяне, по-видимому, не делали резких различий между детьми, взятыми для помощи по хозяйству, и детьми, усыновленными ими в сегодняшнем понимании этого слова. В случае бездетности хозяев и хороших отношений с приемышами обычно по договоренности с мызой хутор и имущество оставляли приемному сыну.

На первом месте подгруппа семейных отношений находится в казенной волости Выру (13,12%). Затем идут Паю (6,86%) и Аакре (4,18%), где эти дела стоят на 4—7-м местах. В других волостях дела этой подгруппы занимают с 8-го по 23-е место, кроме Вана-Пылтсамаа (26-е место).

13. Учет наследства детей от прежнего брака

Эта средняя по размерам подгруппа образовалась на основе предписаний крестьянских законов³⁵. Требовалось, чтобы имеющий детей от первого брака вдовец (или вдова), вступая в новый брак, сообщал в мирской суд данные об имуществе покойного супруга, которое унаследуют дети, достигнув совершеннолетия. Эти данные записывались в суде, после чего выдавалась соответствующая справка, без предъявления которой ни один пастор не имел права обвенчать родителя-вдовца. Сюда же отнесены и те случаи, когда в протоколах имущество не упоминается, а отмечается только выдача разрешения на брак. По-видимому, в этих случаях у покойного имущества или несовершеннолетних детей не было.

Описи имущества, оставшегося детям, в случаях повторного брака вдового родителя занимают первое место среди прочих судебных дел лишь в Колга-Яаниской церковной волости (23,85%), второе место — в Вана-Антсла (12,93%) и в Вырусской волости (10,84%), третье место — в Вана-Пылтсамаа (7,54%), шестое место — в Аакре (3,84%) и восьмое — в Авинурме (2,89%). В Лаатре-Веэликсе подобных дел сравнительно немного, они занимают последнее место. В Пёэгле и Ряпина подобных записей нет.

14. Прочие наследственные дела

В предыдущую подгруппу мы выделили лишь один вид дел по наследованию, местами значительно перевешивавший количественно другие наследственные дела. Например, в Вана-Пылтсамаа и Вана-Антсла этих дел было в четыре-пять раз больше, чем прочих на-

следственных дел. Этот на первый взгляд противоречивый факт объясняется, очевидно, тем, что остальные дела по наследованию протоколировались в мирском суде значительно реже. Обычно, если оставался лишь один наследник или все наследники были совершеннолетними, то отпадала необходимость делать завешание в суде. Наследники решали свои дела по традиции согласно устным распоряжениям покойного. В таких случаях вмешательство мирского суда в гражданские отношения по своей инициативе не было обязательным и оправданным³⁶. В некоторых же мирских обществах картина полностью противоположна (например, в Лаатре-Веэликсе, Пати, Синди, Холстре). Можно предположить, что в этих волостях социальные отношения потеряли традиционную основу, поэтому и возникла необходимость чаще искать помощи и поддержки в мирском суде³⁷.

Подавляющее большинство дел разбираемой подгруппы составляют дела двух видов: завешания и раздел наследства. Завещателями почти без исключения являлись дворохозяева, ведь бобыли и батраки редко могли что-либо оставить в наследство. Наследовать можно было и в законном порядке, но такая форма использовалась весьма редко, обычно лишь в случаях, когда не было устных распоряжений покойного или когда он умирал скоропостижно. Дела по разделу наследства из-за споров между наследниками или из-за длительной процедуры продажи унаследованного имущества порой разбирались на нескольких заседаниях суда.

Дела по наследованию больше всего отражены в Выру (7,99%), в Лыве (4,60%), в Авинурме (4,59%) и в Вана-Антсла (2,53%), где они занимают 4—5-е места в общем количестве судебных дел. 7—9-е места они занимают в Кастина (4,17%) и Тагамыйза (3,94%). За ними следуют другие волости во главе с Холстре (10-е место — 3,87%). В Ряпина подобные дела в протоколах не отмечены.

III. Дела о проступках

1. Кража мызного имущества

В условиях феодальной эксплуатации эстонского крестьянства кражи на мызе были обычным явлением. Поэтому дополнительной обязанностью всех должностных лиц мызы стала со временем и охрана мызного имущества. Еще в XVII в. мызные кражи были распространенным явлением³⁸. В конце XVIII в. почти повсеместно происходят кражи зерна с мызного гумна, и для борьбы с этим было недостаточно и десяти надсмотрщиков³⁹. Ту же картину видим и в первой половине XIX в., когда мирской суд рассматривает многочисленные жалобы мызных властей о краже зерна, сена, солом, льна и водки (водку воровали не только на мызной винокурне, но и во время ее перевозок). Почти в каждой волости прибавлялись еще и кражи леса. Особенно часто это наблюдалось в богатых лесом волостях, где местное население занималось ремеслом на дому; например, производством деревянных изделий на про-

дажу (в Авпнурме). Но и в Лаатре-Везликсе, Кпхну, Холстре и в других местах было принято добывать материал для поделок (саннных полозьев, дуг и т. п.) в мызном лесу⁴⁰.

Наибольшее число мызных краж было зарегистрировано в Лаатре-Везликсе (970 случаев — 19,7%, или $\frac{1}{5}$ часть всех судебных дел). Почти в два раза отстает от него Авинурмеская волость, которая уже давно была известна кражами мызного леса⁴¹ (511 краж леса + 2 прочие кражи, в итоге — 30,23% от общего числа судебных дел). Положение в Лаатре отчасти объясняется тем, что крестьяне и там крали в основном мызный лес, а это в их представлении в то время не считалось преступлением. Иначе никак не сопоставить общепризнанное мнение о честности островитян с наибольшим числом мызных краж среди всех судебных дел в Кпхну (11,42%). В Вилувере за короткий промежуток времени (семь лет) также совершено множество мызных краж (10,26% — 2-е место). Затем по количеству мызных краж следуют Тагамыйза (30 случаев, 9,09%), Вана-Антсла (144 случая, 6,51%), Вийратси (17 — 8,54%), Вана-Пылтсамаа (250 — 7,25%) и Пёэгле (15 — 7,17%). Меньше всего мызных краж зарегистрировано в Выру (0,95%) и Люманда (1,55%).

2. Кража крестьянского имущества

Общую массу краж необходимо разделить на две подгруппы не только на основе социально-экономических различий между мызными кражами и кражами крестьян друг у друга, но и из-за полностью противоположных взглядов и оценок самих крестьян в отношении этих двух видов краж. В конце XVIII в. мызная кража с точки зрения народной морали считалась вовсе не кражей, а лишь присвоением имущества, по праву принадлежащего крестьянам, так как мызное имущество было добыто тяжелым крестьянским трудом на земле, некогда отнятой у их предков. И наоборот, посягательство на результаты труда своего собрата считалось в народе истинным преступлением и кое-где каралось самосудом⁴².

Наши данные показывают уже значительно изменившуюся картину. Хотя мызные кражи в большинстве волостей все же преобладают, повсеместно (кроме Ряпинской церковной волости) зарегистрированы кражи крестьян друг у друга, причем в некоторых местах их даже больше, чем первых (Вана-Пылтсамаа, Паю, Выру, Пати, Люманда, Колга-Яани). Здесь, конечно, следует учитывать, что мызных краж было несколько больше, чем значится в протоколах, ведь об определенной (удачной) части краж крестьяне просто не сообщали в суд. Однако кражи друг у друга разоблачались всегда, и с ними мирские суды боролись, обычно применяя к виновному высшую меру телесного наказания (30 ударов).

Из наших материалов совершенно ясно, что число краж между крестьянами в рассматриваемое время заметно возросло и традиционная народная мораль постепенно заменялась принципом — бери, где имеется и где плохо лежит. Несмотря на встречающиеся

кое-где отклонения, можно все же утверждать, что начиная с 1840—1850-х годов в большинстве волостей число краж, совершаемых крестьянами друг у друга, резко возрастает. Нет сомнения, что по сравнению со временем крепостного права материальные предпосылки стали более благоприятными, так как, несмотря ни на что, имущественное положение части крестьянства (крупных дворохозяев, дворохозяев, имеющих особенно плодородные земли, мельников, корчмарей) улучшилось. В известной мере это первоначальное накопление капитала в селе подготовило почву к росту числа краж крестьян друг у друга. С определенными оговорками можно говорить, что кражи — самая примитивная, начальная форма второй социальной войны.

За кражу имущества у своих собратьев перед судом чаще всего представляли колга-яаниские крестьяне (10,9%, 2—3-е места среди всех дел), затем следуют соответственно Вилувере (9,40%, 3-е место), Паю (8,82%), Вана-Пылтсамаа (8,76%, 2-е место), Кихну (8,64%), Тагамыйза (8,48%), Каарепере (6,47%) и Вана-Антсла (4,66%). Меньше всего подобных проступков в Аакре (0,45%) и в Авинурме (1,00%). В Ряпина подобных записей в протоколах нет. Приведенные сведения говорят о том, что авинурмесцы в то время имели еще вполне феодальные воззрения на собственность, так как наряду с многочисленными кражами мызного леса здесь весьма редко встречаются кражи крестьян друг у друга.

3. Грабеж, мошенничество, присвоение

Это самая малочисленная подгруппа проступков. В некоторых волостях подобные проступки совсем не встречаются, в других — единичные на протяжении ряда лет. Сравнительно чаще они встречаются в церковных волостях: в Колга-Яани — 1,83%, в Ряпина — 1,79% от общего числа дел, а также в городской волости Вийратси (1,51%).

Нельзя не отметить, что в источниках неопределенно проводятся различия по существу проступков, связанных с посягательством на имущество, из-за чего их зачастую трудно или даже невозможно подразделить. Например, под грабежом в протоколах понимается открытое отнятие предмета у его владельца, как правило, связанное с насилием (по большей части отнятие трубки или шапки в корчме или на дороге). Часто в этих же протоколах грабежом называется и принудительное приведение в исполнение судебного решения. Последние случаи в данной подгруппе, разумеется, не учтены.

4. Самоуправство

Под самоуправством подразумевалось, как и сегодня, осуществление своих действительных или предполагаемых прав незаконным путем. Поначалу между самовольством и самоуправством делалось различие. Однако вскоре на практике убедились, что проведение

тонких различий между самовольством и самоуправством — непостоянная задача, особенно для мирских судов. Поэтому позднее стали рассматривать как проступок лишь самоуправство. По протокольным резолюциям можно провести различие между самоуправством и грабежом, но тоже лишь весьма приблизительно. Если, кроме назначения наказания, нападавшему было не велено вернуть пострадавшему предмет, являющийся собственностью его (первого), то речь идет о самоуправстве. Если же предмет следовало вернуть или компенсировать его пропажу, — значит, речь идет о грабеже. А о самовольстве вообще уже речи не было.

Дела по самоуправству весьма редки в судебной практике (не занимают места выше 11-го) и встречаются чаще в Вийратси (3,51% от общего числа дел), Каарепере (2,94%) и Вилувере (2,14%), а в семи волостях их нет совсем.

5. Нанесение побоев, избивание, драки

В протоколах мирских судов все эти три понятия достаточно ясно разделяются уже хотя бы по наименованию, так как присущие им всем насилие над личностью имеет вполне очевидные различия как по активности сторон, так и по их умышленности. Обобщая данные судебной практики, можно утверждать, что под побоями подразумевалось нанесение какому-либо лицу отдельных (обычно от одного до трех) ударов в состоянии ожесточения или возмущения без предварительного умысла сделать это. Если же в ходе нанесения побоев обороняющийся начинал отвечать нападавшему такими же ударами, то это квалифицировалось как драка. Избиванием называлось умышленное и быстрое нанесение множества ударов, когда пострадавший не осмеливался или не имел возможности оказать сопротивление нападающему. Характерной чертой судебных приговоров этой подгруппы было взимание с виновного в пользу пострадавшего присужденной суммы денег для возмещения причиненной боли⁴³. Вдобавок к этому виновный еще наказывался розгами.

В предыдущих подгруппах (1—4) собраны самые распространенные проступки против имущества. В настоящей подгруппе довольно широко представлены мелкие преступления против телесной неприкосновенности. Эти проступки по своему количеству в среднем мало уступают главному виду имущественных проступков — воровству. Больше всего подобных проступков было рассмотрено в Кихнуском суде (8,91%, 2-е место) и в Кагна (8,33%), затем в Паю (6,86%), Вилувере (6,84%), Синди (6,04%)⁴⁴, Вана-Пылтсамаа (5,91%), Колга-Яани (5,50%), Холстре (5,22%) и Вийратси (5,03%). Следует отметить, что по своему количеству подобные дела нигде не занимают ниже 16-го места и нет волости, в которой бы они не встречались.

6. Хулиганство, празднoшатание

Термина «хулиганство» в крестьянских законах не было, но мы его применяем, так как он отражает сущность разнообразных нарушений порядка того времени. Проступком, часто связанным с хулиганством, было празднoшатание, которое, согласно протоколам, заключалось в бесцельном п шумном времяпрепровождении (особенно ночью), доставлявшем беспокойство окружающим.

Эти проступки были достаточно редки: в Тагамыйза они составляют 2,73% от общего числа дел, в Люманда — 2,32, в Кихну — 2,23, в Колга-Яани — 1,84%, в остальных волостях — еще меньше, а в четырех волостях их нет совсем. Поэтому на основе небольшого удельного веса этих проступков (12—27-е места), находящихся на стыке права и морали, нельзя делать предположений о каких-либо изменениях в крестьянской морали.

7. Оскорбление, клевета, угроза, ложный донос

Все указанные проступки, кроме угрозы, были направлены против чести и доброго имени людей. Угроза почти всегда, по данным протоколов, сопутствовала оскорблению и клевете, так что разделить их оказалось невозможно.

Оскорбление заключалось в бранных словах, публичном выражении презрения, указании внебрачным детям на их происхождение и т. п. Трудности при классификации этих дел возникали в случаях, когда оскорбление переходило в избиение, так как крестьянские законы 1819 и 1849 гг. трактовали данные случаи двойко: квалифицировали как оскорбление, которое, однако, наказывали как избиение. На практике придерживались точки зрения, что в подобных случаях оскорбление было лишь предшествующим избиению деянием, последнее же являлось более тяжким, а следовательно, и главным проступком. По-видимому, именно поэтому закон 1860 г. ликвидировал прежнюю двойственность и подобные случаи стали относить к избиениям. Мы разместили соответствующие дела также в пятой подгруппе.

По крестьянским законам клевета понималась довольно узко. Клеветником являлся лишь тот, кто клеветой стремился добиться своекорыстной цели, внося раздор между вступающими в брак, родственниками, а также работодателями и работниками. На практике же мирские суды принимали на рассмотрение и прочие обвинения в клевете, где приведенные признаки проступка отсутствовали.

Кроме действительных доносов, судебная практика признавала ложным доносом и те случаи, когда оскорбленный или оклеветанный не мог доказать правоту своей жалобы. В этом случае он сам подвергался наказанию, если только суд не признавал его возбудившим дело лишь «по глупости». Вообще дела о клевете и ложных доносах разбирались в некоторых мирских судах сравнительно часто. В Колга-Яани они составляли 10,09% от общего количества дел, в Вилувере — 7,27, в Тагамыйза — 6,06, в Пати — 4,90, в Кихну — 4,18, но в других волостях 0,11—3,54%.

8. Неявка в суд, неисполнение решений, сопротивление

За всякое неповиновение, оказанное мирскому суду, волостному правлению или предписаниям правительства, виновный наказывался мирским судом по мере обстоятельств, если конкретный проступок не заслуживал более строгих мер⁴⁵. Такова общая правовая основа всех дел данной подгруппы.

Следует обратить внимание на то, что в этой средней по своим размерам подгруппе сравнительно немного дел связано с сопротивлением выполнению распоряжений мызных властей, так как до 1865 г. еще оставалось в силе право домашнего наказания и поэтому мелкие сопротивления подавлялись тут же на мызе. В мирском суде разбирались только те случаи сопротивления на мызных работах, за которые, по мнению мызных властей, полагалось более суровое наказание (свыше 15 ударов палками или свыше двух дней строгого ареста). Поэтому основную массу дел подгруппы составляют случаи оказания сопротивления распоряжениям мирского суда и порядку его судопроизводства, что проявлялось главным образом в неявке по вызову в суд, а реже — в неисполнении решения суда. Как правило, суд приказывал явиться только ответчику или обвиняемому, если тот не являлся вместе с жалобщиком, причем неявка каралась как отдельная вина.

За неявку в суд без уважительной причины законы предусматривали в основном компенсацию расходов и убытков, связанных с подобным поведением неявившегося. На практике наблюдались серьезные отклонения от этого положения: на дворохозяев налагался штраф в волостную кассу. При повторных неявках сумму штрафа увеличивали, но не всегда пропорционально. Например, за трехкратную неявку в суд авинурмеский дворохозяин платил 3 руб. штрафа в пользу бедных, а в Каарепере за то же самое взымалось $1\frac{1}{2}$ руб.

Кроме штрафа, в случае неявки в суд довольно широко применялось и телесное наказание. Оно применялось не только параллельно со штрафом, но в некоторых волостях (Паю, Тагамыйза⁴⁶) почти исключительно само по себе, без штрафа. При повторной неявке число ударов увеличивали, зачастую до верхнего предела, разрешенного мирским судам, — до 30 ударов⁴⁷. Вину усугубляло в подобных случаях и нетрезвое состояние.

Из двух основных видов наказания за неявку в суд денежный штраф 1820—1866 гг. являлся прогрессирующей, а телесное наказание — регрессирующей формой. Крестьянские законы создали для этого соответствующие правовые предпосылки, что, в свою очередь, стимулировало крестьян в повседневной жизни. Многие мирские суды уже с начала своей деятельности практиковали получение денег в волостную кассу путем взимания штрафов и тем самым заменяли сбор в пользу бедных. Позднее законодательство ввело такую практику повсеместно.

О неисполнении решений суда мы узнаем в тех случаях, когда оправданная сторона подавала об этом жалобу. Виновного еще раз обязывали исполнять решение, а в случаях ослушания усугубляли наказание. В более важных делах контроль за исполнением решения или принудительным исполнением поручался судье соответствующего участка волости.

Из прочих дел этой подгруппы следует выделить принудительный привод обвиняемого в суд, что почти всегда квалифицировалось как грубое сопротивление суду и наказывалось.

Дела этой подгруппы наиболее часто встречаются в Люманда (15,20%), второе место они занимают в Ряпина (10,71%), далее следуют Каарепере (7,45%), Тагамыйза (5,15%), Кихну (5,01%), Пати (4,61%), Синди (4,45%) и Вилувере (4,27%), а в остальных волостях — 0,95—3,47%. В Лыве и Колга-Яани подобные дела в протоколах не отражаются.

9. Прочие проступки

Здесь собраны все проступки, не вошедшие в предыдущие подгруппы. Поэтому эта группа по содержанию весьма пестра. Ограничимся лишь указанием на наиболее распространенные проступки: продажа сена и соломы без разрешения мызы, нахождение без паспорта или с просроченным паспортом вне места жительства, неоправданное вторжение в чужое жилище, несообщение в мирской суд о беременности незамужней женщины, натравливание собак на людей, уклонение от обучения детей в школе, уклонение от профилактики эпидемических заболеваний (особенно от прививок), оставление непотушенным костра при уходе из леса, с пастбища или сенокоса, карточные и другие азартные игры, одалживание денег замужней женщине без ведома мужа, прелюбодеяние, пьянство, развратное поведение⁴⁸ и т. п.

Удельный вес подобных проступков больше всего в Авинурме (3-е место среди всех дел — 13,44%), затем соответственно Ряпина (3—6-е места, 8,93%), Паю (4—7-е места, 6,86%), Тагамыйза (5—6-е места, 6,06%) и Пати (5-е место, 6,04%). В других волостях эта подгруппа составляет от 0,38 до 4,90%.

Основные результаты исследования

Исследование основного содержания протоколов и разделение всего материала по годам позволили нам составить таблицы судебных дел. В них содержатся сводки по годам, группам и подгруппам, а также отмечен удельный вес каждой группы и подгруппы в общем числе дел (в процентах) и определено место, которое подгруппы занимают в общей массе дел. Содержание этих таблиц обобщено в приведенной сводной таблице.

Она показывает множество общих для разных волостей черт. Самым важным и типичным является преобладание гражданских дел в общей массе судебных дел. Из всех исследованных судебных

дел (23 989) 13 513, или 56,33%, являются гражданскими. В Аакре они составляют даже 81,35%, в Караски, Пёэгле и Выру соответственно — 74,46, 73,21 и 72,43% от общего количества дел в суде. Далее следуют 12 волостей, где этот показатель близок к среднему: Лыве — 67,10%, Кастина — 65,28, Вана-Антсла — 62,75, Колга-Яани — 61,47, Холстре — 60,55, Каарепере — 59,61, Синди — 57,74, Пати — 56,02, Вийратси — 55,77, Вана-Пылтсамаа — 54,45, Люманда — 53,09 и Паю — 50,49%. Лишь в шести мирских судах гражданские дела составляют менее половины судебных дел (от 48,31% в Лаатре-Везликсе до 35,72% в Ряпина). Таким образом, в большинстве волостей половина или даже три четверти судебных дел составляют гражданские и семейные дела.

Затем большую группу, но все же значительно меньшую, чем гражданские дела, составляет группа проступков — 7298, или 30,42% от общего числа судебных дел. Наибольшее число таковых в Авинурмеской волости — 52,2% дел (в подавляющем большинстве кражи леса!). Заметно выше среднего был процент проступков в Кихну (45,96%), Вилувере (45,73%), Тагамыйза (43,03%), Колга-Яани (36,69%) и Лаатре-Везликсе (36,05%). Эти волости в основном и составляют те указанные выше шесть волостей, где было меньше всего гражданских дел. Далее по количеству проступков разместились 11 волостей (от Каарепере — 35,88% до Кастина — 23,61%). Реже судопроизводство по проступкам осуществлялось в Пёэгле (17,70%), Выру (15,59%), Караски (13,84%), Лыве (10,20%) и Аакре (4,75%). Как показывает таблица, это как раз те волости, где было больше всего разбирательств и споров по гражданским делам.

При сравнении охарактеризованных выше двух групп судебных дел ясно выражена обратно пропорциональная тенденция: там, где много гражданских дел, мало проступков, и наоборот.

Меньший удельный вес в деятельности мирских судов имели административные и регистрационные дела — 3178, или в среднем 13,25%. Более тщательно они записывались в Ряпинаской церковной волости (33,93%) и в Лыве (22,70% от общего числа дел). В 15 волостях их удельный вес колеблется от 18,48% в Тагамыйза до 11,11% в Кастина. На последнем месте стоит Колга-Яани — 1,84%. В итоге можно сказать, что удельный вес административных и регистрационных дел в большинстве волостей составлял в среднем от 11 до 23%.

Количественное сравнение выделенных групп судебных дел позволяет сделать важный вывод, что мирской суд по существу своей практики был в первую очередь гражданским судом.

Мы отмечали факт применения телесных наказаний при разрешении гражданских дел. Но этот остаточный феодальный обычай, который был так ненавистен широким массам крестьянства, что в народной памяти осталась вышеуказанная окраска мирского суда, не должен являться препятствием для глубокого изучения богатой информации, содержащейся в судебных разбирательствах гражданских и семейных дел — основного массива дел мирских судов. Раз-

нообразии, отмеченное нами в общей картине, позволяет сделать вывод, что разложение феодализма и возникновение зачатков капиталистических отношений в сельском обществе Южной Эстонии в 1820—1866 гг. проходило с большими местными различиями, которые, в свою очередь, были обусловлены ходом всего предшествовавшего развития данных волостей.

Достаточно выделить только позиции 1, 3, 4 и 5 во II группе (см. таблицу) из общего числа гражданских дел, чтобы убедиться, что они сигнализируют о явлениях, характерных для развивающихся капиталистических отношений (7426 дел из 13 513). Вместе с тем «раскладка» этих дел по отдельным волостям показывает различие в интенсивности их возникновения: в Лыве названные дела составляют почти 81% всех гражданских дел, Пёэгле — 73, а в Паю — только около 38%, причем в последнем случае мы имеем комплекс дел за 34 года, в Лыве — за 17, а в Пёэгле — только за 7 лет. Если рассчитать среднегодовые различия, то они будут еще более разительны.

Для анализа социальных отношений на селе и выяснения динамики их развития предложенная классификация протоколов волостных судов открывает и дальнейшие возможности, не раскрываемые, однако, в ограниченных рамках настоящей статьи.

- ¹ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1971, т. 5, с. 328; Eesti nõukogude entsüklopeedia. Tallinn, 1976, 8, lk. 293.
- ² Лигвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979, с. 266.
- ³ Траат А. М. Волостной суд в Эстонии с середины XVIII в. до реформы 1866 г.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Таллин, 1978; *Он же*. О практике мирских судов Южной Эстонии в 1820—1866 гг. — Советское право (Таллин), 1978, № 5, с. 340—345; Traat A. Vallakohus Eestis 18. sajandi keskprai-gast kuni 1866. aasta reformini. Tallinn, 1980 (с резюме на рус. яз., с. 214—222).
- ⁴ В то время территория Эстонии входила в состав Эстляндской губернии или Эстляндии (Северная Эстония) и северной части Лифляндской губернии или Лифляндии (Южная Эстония).
- ⁵ Лигвак Б. Г. Указ. соч., с. 266.
- ⁶ Русская мысль, 1885, кн. IX, ч. XV, с. 162.
- ⁷ Документацию острова Сааремаа в 1918 г. немецкие оккупанты использовали на топливо.
- ⁸ В соответствии с Положением о волостном общественном управлении в Остзейских губерниях [Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ), II, т. XLI, № 43034] от 1866 г. при передаче административных и хозяйственных функций волостным старшинам, эти материалы оказались в фондах волостных правлений, но их сохранилось мало.
- ⁹ Kakk J., Vassar A. Lenini õpetus kapitalismi arenemise kahest teest põllumajanduses ja mõningaid Eesti agraarajaloo probleeme. — Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1970, № 2, с. 152: «...протокольные книжечки волостных судов, на страницы которых крестьянин обычно попадал только тогда, когда его секли или он каким-нибудь другим образом подвергался наказанию». (Пер. с эстонского наш. — А. Т.)
- ¹⁰ ПСЗ, I, т. XXI, № 15724.
- ¹¹ Лифляндское крестьянское поземельное уложение 1849 г. (ПСЗ, II, т. XXIV, № 23385), § 690 (далее: ЛКУ 1849).
- ¹² Положение о крестьянах Лифляндской губернии 1860 г. (ПСЗ, II, т. XXXV, № 36312), § 356, 358—359 (далее: ПКЛ 1860).

- ¹³ Правила о порядке увольнения во временные отлучки членов крестьянских, в Остзейских губерниях, обществ и о порядке перечисления их в другие общества (ПСЗ, II, т. XXXVIII, № 39849), § 1.
- ¹⁴ Положение о лифляндских крестьянах 1819 г. (ПСЗ, I, т. XXXVI, № 27735), § 8 и 11 (далее: ПЛК 1819).
- ¹⁵ Там же, § 17.
- ¹⁶ Так как волости весьма различны по количеству населения, то приведенные абсолютных чисел дел мы здесь (и в дальнейшем) считали неоправданным. Кроме того, эти цифры представлены в таблице.
- ¹⁷ Центральный государственный исторический архив (далее: ЦГИА) ЭССР, ф. 1134, оп. 2, д. 3, л. 21—23.
- ¹⁸ ПЛК 1819, § 476.
- ¹⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 3988, оп. 1, д. 2, л. 15; ф. 3671, оп. 1, д. 6, л. 199—200.
- ²⁰ В некоторой степени за счет этих штрафов пополнялась бедняцкая касса волости.
- ²¹ В Пюхьярве в 1862 г. была дана в долг тысяча руб. серебром с выплатой 5% (ЦГИА ЭССР, ф. 3113, оп. 2, д. 5, л. 107).
- ²² ЛКУ 1849, § 478—572; ПКЛ 1860, § 429—523.
- ²³ Например, в Кярла (1827 г.) в залог были взяты двое часов и канат (ЦГИА ЭССР, ф. 4439, оп. 1, д. 1, л. 48).
- ²⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 1134, оп. 2, д. 3, л. 38, 43, 44 и след.
- ²⁵ Именно так поступил Пюхьярвский мирской суд в 1847 г. (Там же, ф. 3113, оп. 2, д. 1, л. 72—73).
- ²⁶ Например, так было при распродаже имущества 11 дворохозяев в Лайус-Тяхквере в 1824 г. (Там же, ф. 3088, оп. 1, д. 3, л. 8—10).
- ²⁷ Там же, ф. 1134, оп. 2, д. 3, л. 20.
- ²⁸ В народе говорили: «Быка бери за рога, мужика — за слово».
- ²⁹ Назарова Е. Л. «Ливонские Правды» как исторический источник. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1979 г. М., 1980, с. 132—134.
- ³⁰ ПЛК 1819, § 563.
- ³¹ ЛКУ 1849, § 1131—1132; ПКЛ 1860, § 1065—1066.
- ³² ПЛК 1819, § 564; ЛКУ 1849, § 1133; ПКЛ 1860, § 1067. Тот факт, что мы поместили задержание скотины в заклад в раздел гражданских дел, может вызвать некоторое недоумение, так как все лифляндские крестьянские законы рассматривали его как проступок против чужого имущества. Вопрос этот приобретает особую важность в связи с тем, что в противоположность Лифляндии, эстляндские, а позже и все прибалтийские законы относили это деяние к гражданским отношениям. Изучив подробнее историческое развитие этого правового института, мы пришли к выводу, что, хотя оба принципа имеют свои обоснования, перевес все же имеет гражданско-правовая квалификация. Взятие в заклад на протяжении веков видоизменялось и в сознании народа и при систематизации законов, но главное оставалось неизменным — факт нанесения убытков и вытекающее из него право требования их возмещения. Взятие в заклад было направлено на скорейшее и полное возмещение убытков, причем владелец скотины не подвергался наказанию, если он самовольно не забрал взятого в заклад объекта.
- ³³ ПЛК 1819, § 369; ЛКУ 1849, § 1015; ПКЛ 1860, § 952.
- ³⁴ В 1833 г. в Авигурме шестерых детей (в возрасте от 2 до 11 лет) после смерти обоих родителей отдали в приемщи на несколько хуторов с условием, что они должны отслужить у приемных родителей 20 лет и лишь затем могут испросить зарплату и уйти (ЦГИА ЭССР, ф. 1134, оп. 2, д. 3, л. 15).
- ³⁵ ПЛК 1819, § 362; ЛКУ 1849, § 1008; ПКЛ 1860, § отсутствует.
- ³⁵ ПЛК 1819, § 126; ЛКУ 1849, § 758; ПКЛ 1860, § 702.
- ³⁷ Например, если сыновья плохо ладили между собой, ссорились и не слушали отца, последнему не оставалось ничего другого, как перед смертью оформить завещание в суде (ПЛК 1819, § 430; ЛКУ 1849, § 1076; ПКЛ 1860, § 1014). После смерти завещателя начинался судебный процесс по разделу наследства.

- ³⁸ *Soom A.* Der Herrenhof in Estland im 17. Jahrhundert. Lund, 1954, S. 386—387.
- ³⁹ *Hupel A. W.* Topographische Nachrichten von Lief- und Ehistland. Riga, 1777, Bd. 2, S. 135.
- ⁴⁰ Еще во второй половине XVIII в. отмечалось, что и в других странах подобные кражи были обусловлены главным образом бедностью и отчаянием (*Hommel K. P.* Des Herrn Marquis von Beccaria unsterbliches Werk von Verbrechen und Strafen/Hrsg. von J. Lekschas und W. Griebe. B., 1966, S. 99).
- ⁴¹ Подробнее см.: *Viires A.* Eesti rahvarärgane puutööndus. Tallinn, 1960, lk. 234.
- ⁴² Подробнее см.: *Traar A.* Взгляды эстонского крестьянства на право собственности.— Советское право, 1975, № 2, с. 120—126.
- ⁴³ ЦГИА ЭССР, ф. 3671, оп. 1, д. 1, л. 41, а также другие фонды волостных судов.
- ⁴⁴ Фабричные рабочие избили там в числе прочих и одного судью, который позднее скончался.
- ⁴⁵ ПЛК 1819, § 530; ЛКУ 1849, § 1097; ПКЛ 1860, § 1035 [с уточнением санкции: арест или бесплатная работа в пользу общества в продолжение трех-семи дней или передача обвиняемого в орднунгсгерихт (уездный полицейский суд) для более строгого наказания].
- ⁴⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 3612, оп. 1, д. 1, л. 10 и др.; ф. 3615, оп. 1, д. 1, л. 32 и др.
- ⁴⁷ Там же, ф. 3113, оп. 2, д. 1, л. 8.
- ⁴⁸ За разврат обычно назначалось телесное наказание в количестве 20 ударов мужчине, 15 ударов женщине (Там же, ф. 4518, оп. 1, д. 2, л. 1; ф. 3113, оп. 2, д. 5, л. 85).

О ФОРМИРОВАНИИ ТЕРМИНА «ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК» В РУССКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII В.

С. С. Илизаров

Наука не может развиваться без своего особого языка. Язык той или иной науки есть система понятий, дефиниций, терминов. Однако, как сейчас выясняется, совсем не просто ответить на вопрос, как возникают и эволюционируют научные термины, почему и как мы их понимаем¹.

В свое время С. О. Шмидт поставил вопрос о необходимости создания словаря источниковедческих терминов с историографическим комментарием: «...собрать примеры употребления таких пространенных слов, как „памятник“, „следы“, „источник“, „традиция“ и другие в исторической литературе»². Такая постановка проблемы позволяет избежать обоснования актуальности данного исследования для будущего всестороннего изучения историографии отечественного источниковедения.

Возникающие время от времени дискуссии о содержании научных терминов, и в первую очередь о смысле и границах термина «исторический источник», свидетельствуют, что до сих пор не сложилось его общепринятого определения. Однако современное понимание, и в этом едины все, является фундаментальным, всеобъемлющим, так как под источниками подразумевается все то, что отражает прошлое, или иначе — содержит информацию о прошлом и позволяет его изучать. Когда же возник указанный термин и какой смысл первоначально вкладывался в него?

В работах С. Н. Валка, Н. Л. Рубинштейна, Л. В. Черепнина, С. Л. Пештича, А. Т. Николаевой, Л. Н. Пушкарева и других историков тема «Исторический источник в историографии XVIII в.» не раз ставилась в качестве объекта исследования, но изучению подвергались главным образом общие вопросы источниковедческой эвристики и источниковедческой критики. Первым, кто попытался рассмотреть вопрос о происхождении термина «исторический источник», был Л. Н. Пушкарев³. Но нарисованная им картина истории формирования термина эскизна и требует корректировки, поскольку вычленение термина «источник» без изучения других предшествовавших, существовавших параллельно и продолжающих функционировать до сих пор понятий (синонимичных, эквивалентных или близких «источнику») не дает полного представления об истории термина⁴.

К пониманию значения источника для исторического исследования в русской историографии стали приходить еще в первой четверти XVIII в. Уже тогда были сделаны попытки найти слова, способные охарактеризовать ту основу, на которой и создается научное историческое исследование. Это обуславливалось особым значением доказательности в исторических трактатах, первые опыты которых носили нередко остро публицистический характер (обоснование того или иного политического акта, которыми была так богата эпоха Петра I). В произведениях того времени (работы П. П. Шафирова, Ф. А. Куракина, И. К. Кирилова и других, а также в некоторых правительственных указах)⁵ появляются такие слова, которые можно условно назвать предтерминами, как 'известия', 'ведомости', 'описания', 'материи' и т. п.* Первые попытки создания исторических работ свидетельствуют о стремлении их авторов, зачастую даже неосознанно, найти форму для выражения понятия, приближающегося по смыслу к 'источнику'. Нельзя сказать, что данные опыты были удачны, но тем не менее они наглядно характеризуют процесс начального этапа превращения исторических знаний в науку.

Первым отечественным историком принято считать В. Н. Татищева. И это тем более справедливо, поскольку именно он одним из первых всерьез задумался об источниках истории, хотя и не употреблял этого слова в данном контексте. Анализ языка его произведений показывает следующее. У Татищева, как и у большинства других историков XVIII в., не было какого-либо единого однозначного термина, обозначающего понятие «источник». Синонимия в терминологии⁶ на начальном этапе складывания терминологических систем особенно характерна и неизбежна в языке общественных наук, в истории.

В языке произведений Татищева можно найти по крайней мере около десяти различных (пред)терминов, близких по смыслу к «источнику». Если употребление таких слов, как 'документ', 'записи', 'повести' носит случайный характер, то другие нашли впоследствии достаточно широкое применение в трудах историков. Это прежде всего 'свидетельства', 'предания', 'манускрипты' (лат. 'manuskript'). Последний термин имел смысл «древняя рукопись» и являлся общим для летописей⁷. Термин же 'предания' был введен Татищевым, чтобы отличить и противопоставить письменный источник-документ легенде — устному преданию. Без письменности, отмечал он, «ничего в долгое время сохранить невозможно, и хотя *устные предания* от памяти долго сохранены быть могут, но не все цело»⁸.

Значительно труднее определить границы употребления слова «известия» как термина. Им пользовались почти все историки того времени, но без разграничения узкого (близкого к «источнику»)

* Здесь и далее для выделения смыслового отличия слова, заключенные в запятые с двух сторон сверху ('_____'), в отличие от слов, заключенных в кавычки („_____“), указывают, что данное слово выделялось из обычного языка и становилось термином или приближалось к нему.

и более широкого смысла (сообщение, информация). В рассмотренных работах Татищева слово «известия» встретилось двенадцать раз, употребленное, безусловно, как термин. Например: «...я все имеющиеся у меня, чрез много лет собранные к тому *известия* отдать готов»; для сочинения русской географии «мне искусства довольно и многих *известий* недостает»⁹.

Представляют интерес и введенные Татищевым также (пред-)термины: 'основание'¹⁰ и 'припасы'. Хотя сам Татищев не применял термин 'припасы', удачное сравнение работы строителя и историка, для которого необходимо, по его мысли, умение. «яко строитель... разобратъ припасы годные от негодных»¹¹, пропозвало впоследствии глубокое впечатление на некоторых исследователей (И. Н. Болтин).

Необходимо также отметить, что первый отечественный историк не всегда мог освободиться от средневекового понимания слова «история». «История» для него — не только наука или научное произведение, но и источник. В других же случаях Татищеву при всем обилии введенных терминов не хватало их, и тогда он писал: «забочусь о собирании *всего*, относящегося к русской истории»; «*нуждное*» к истории и т. п.¹²

Заканчивая краткий обзор творчества Татищева, следует заметить, что историк 14 раз применял слово «источник» в прямом смысле («источник» реки) и только один раз в переносном смысле, причем из контекста с трудом можно догадаться, что речь идет об «источнике» происхождения народов¹³. Терминологические поиски Татищева (во многом еще интуитивные) наметили пути последующего развития языка русской исторической науки.

Интересным явлением в отечественной историографии, в истории формирования терминологии является творчество Г. Ф. Миллера, для которого русский язык стал вторым после немецкого родным языком. Многие термины Миллера повторяют татищевские, но в то же время заметны и существенные отличия. В его творчестве мы, кажется, впервые встречаемся с употреблением термина 'источник'. Зафиксированы три случая его применения, из них два в неопубликованном тогда предисловии к «Истории Сибири», написанном им на русском языке в 1749 г. Причем первое употребление термина 'источник' в специальном научном смысле свидетельствует о происшедшей деформации семантики данного понятия. Как известно, первоначальный его смысл — начало, то, откуда (или из чего) что-либо начинается¹⁴. У Миллера же, и это впоследствии стало стандартной лексической моделью, 'источник' — то (что), откуда (из чего) «черпают» (берут, используют, заимствуют и т. д.). Например: «...всех *источников*... *вычерпать* не мог»; «...в *источниках*, из которых сам *почерпал*»¹⁵. Трудно судить, на какой основе возникло подобное сочетание со словом «источник». Скорее всего, оно появилось под влиянием фразовых штампов немецкого языка или латыни. Именно на латыни велась запись одного из эпизодов дискуссии Миллера и М. В. Ломоносова (1750 г.),

в которой встречается выражение: «...с авторитетом *источников*, из которых оно *почерпнуто*»¹⁶. Но самое интересное, что ни сам Миллер, даже в то время, когда термин 'источник' сравнительно широко бытовал в литературе, ни его оппонент Ломоносов в дальнейшем его не использовали. Поэтому правомерно утверждение: несмотря на то что Миллер первым применил термин (исторический) 'источник', его употребление для самого автора явилось едва ли не случайным¹⁷. Вообще мотивация в терминоведении, т. е. выяснение психологических причин выделения того или иного слова в качестве доминирующего термина, является особо сложной и малоизученной проблемой. Тем более это касается начального этапа формирования терминологии.

Основным эквивалентом 'источнику' у Миллера был термин 'свидетельство'. Анализ контекста употребления этого термина показывает следующее. 'Свидетельство(а)' у Миллера были: «исторические»¹⁸, «достоверные»¹⁹, «подлинные и бесспорные»²⁰, «домашние»²¹; на них ('свидетельства') ссылаются, по ним «составляют сочинения»²², они служат доказательством²³. Хотя у ученого и намечалась тенденция к выделению 'свидетельства' как основного эквивалента 'источнику', что создало бы действительно термин, сам Миллер не придерживался единства. Так, им, помимо таких терминов, как 'основания', письменные 'памятники'²⁴, 'материал', 'следы', устные 'предания и повести', широко применялось то же слово, что у Татищева, — 'известия'. Причем этот термин выступал в тех же семантических позициях, что и 'свидетельства' ('известие(я)' — письменные, достоверные и т. п.); одновременно «известия» могли быть и географическими и просто сообщениями — информацией. Чрезвычайно широкие понятийные границы слова «известия» долго мешали выработке терминологии.

К числу интересных опытов Миллера следует отнести введение в научный оборот архивоведческих понятий: 'архивные письма', 'списки' и 'архивное дело'²⁵.

При изучении истории формирования научных терминов представляет большой интерес анализ научных дискуссий того времени, так как дискуссионные явления обостряют суггестивные и контрсуггестивные моменты в процессе научного восприятия. К сожалению, здесь невозможно провести подобный анализ, хотя XVIII в. и знает несколько научных дискуссий историков, например между Миллером и Ломоносовым.

О вкладе Ломоносова в развитие национальной научной терминологии писали очень много, и повторяться нет необходимости. Поэтому ограничимся рассмотрением понятий, которыми оперировал Ломоносов-историк. Как показывает материал, он употреблял те же термины, которые уже сложились к его времени. Новым было введение термина 'остатки'. Этот термин, впоследствии прочно вошедший в историческое источниковедение, у Ломоносова выступал как нечто сохранившееся от прошлого — 'остатки' языка древних народов²⁶. Близким к нему было и понятие 'след'. Термину 'памятник' («*Scandinavorum monumentis*»), употребленному Ломо-

носовым вслед за Миллером, не следует придавать большого значения, так как у обоих этот термин был применен только один раз и сохранился лишь в упомянутой записи (на латыни) дискуссии 1750 г.

Ломоносов не применял термин 'исторический источник', хотя слово «источник» встречается в лексике его произведений. Этот термин, так же как и у его предшественников, выражался другими основными понятиями: 'свидетельства' и 'известия', граница между которыми была невелика. Контекст терминов уже знаком: 'свидетельства' и 'известия' могли быть «древними, знатнейшими» и пр.; они являлись «опорой и основанием». Особенностью Ломоносова в использовании термина 'свидетельство' является чаще, чем у других, употребление этого слова в глагольной форме — «свидетельствует».

Новый и важный этап в формировании термина 'исторический источник' обычно связывался с творчеством А. Л. Шлёцера²⁷, в частности с изданием в Германии в 1768 г. его книги «Probe russischer Annalen», где действительно был употреблен термин «Quelle». Однако вопрос о распространении книги в России и, следовательно, о ее влиянии еще требует изучения. Сам Шлёцер спустя много лет не раз сетовал на незнание своей работы в среде русских историков и считал, что она не произвела в России никакого действия. Но годом раньше, в 1767 г., Академия наук опубликовала «Русскую летопись по Никонову списку» с предисловием Шлёцера, подготовившего данное издание. Об этой работе Шлёцера в историографии отечественного источниковедения упоминается редко, а между тем здесь Шлёцер не только впервые изложил свои принципы археографии, но и впервые после Миллера употребил термин 'источник' на русском языке. По его мнению, древнерусские летописи есть «источники всего того, что ни есть истинного в истории нашего Отечества». В другом месте Шлёцер писал, что автор издаваемой летописи «почерпал из техже источников, из которых черпали и все другие летописатели»²⁸.

Остался незамеченным также и следующий интересный и важнейший для изучаемого вопроса историографический факт. В 1769 г. молодой ученый Х. А. Чеботарев подготовил и издал перевод популярного на Западе в начале XVIII в. учебного пособия по всеобщей истории И. Фрейера. Дополнив учебник Фрейера материалами по русской истории, Чеботарев предпослал книге весьма интересное и пространное предисловие, которым заявил о себе как о вполне сложившемся ученом-педагоге.

Интереснее другое: в предисловии Чеботарев писал, что учитель в процессе преподавания, помимо учебника, из «источников может изъяснить все пространнее», и тут же в подстрочном примечании дал первое и, очевидно, единственное во всей русской историографии XVIII в. определение 'источнику'. Оно гласило: «Источниками в Истории называются сочинения, искусными людьми о той или другой материи писанныя, из которых повествуемая проишествия взяты, и на которых их истина и справедливость, как на своем

основании утверждается»²⁹. Вряд ли стоит строго судить данное определение. Смещение исторического источника и исторического исследования, наблюдаемое здесь, спустя еще очень долгое время было нередким явлением. Исключителен сам факт попытки дать определение столь сложному понятию. Значение этого опыта еще более возрастает, если учесть, что определение 'источника' было помещено не в ученом трактате для узкого круга специалистов, а в учебнике для «юношества», которому и посвятил «сей первый публичный опыт» Чеботарев. К сожалению, нам слишком мало известны его труды, чтобы точно судить о том, насколько характерно (или, наоборот, случайно) употребление термина 'источник' было для самого автора первой дефиниции³⁰.

В последующие годы частота употребления термина 'источник' постепенно начинает возрастать³¹, но даже в научной литературе этот термин продолжал существовать параллельно с другими, возникшими главным образом раньше. Терминологический разноречивостью наблюдаем во многих работах историков.

В то же время даже такой формально непрофессионал, как И. И. Голиков, уже свободно оперирует термином (исторический) 'источник'. В самом заголовке своей публикации он употребляет этот термин: «Деяния Петра Великого... Из *достоверных источников* и расположенных по годам»³².

Форма употребления термина 'источник' оснащается им такими же атрибутами, какие раньше придавались 'свидетельствам' и 'известиям'. У Голикова, в частности, 'источник(и)', — «подлинный», «достоверный», «обильные», «отечественный нашей истории»; из него «черпают» сведения³³. Но наряду с этим он не свободен и от терминологической синонимии. В качестве 'источника' могли выступать 'материалы' — «наивернейшие», которые «в своем роде источники» и «собрателем» которых является сам автор³⁴, или 'документ(ы)' — «подлинные», «важные», «редкия»³⁵.

Если Голиков — исследователь одной сравнительно узкой темы, то М. М. Щербатов был не только историком широкого масштаба, но и острейшим публицистом с языком богатым и точным. Однако первый том его основного исторического произведения «Истории Российской от древнейших времен» (1770 г.) не содержит ни термина «исторический источник», ни какого-либо другого слова, обозначающего данное понятие.

Неразвитость терминологического аппарата в первых исторических работах Щербатова для того времени уже являлась свидетельством архаизма и отставания от общего развития. Впрочем, и содержание первых томов «Истории» во многом не соответствовало уровню науки, что и было подмечено его острейшим критиком и оппонентом, другим выдающимся историком того времени — И. Н. Болтиным.

В первых же своих выступлениях Болтин обратил внимание на значение источника в историческом исследовании. Будучи последователем Татищева в освещении некоторых сложных вопросов отечественной истории, Болтин во многом и терминологию заимство-

вал у него, наполняя ее, правда, новым содержанием. Это прежде всего касается употребления термина 'припасы'. Если у Татищева слово «припасы» — не более как метафора, то у Болтина 'припасы' «исторические», их «черпают», «черпают ... из самого источника»; необходимо умение «припасы разобрать, очистить, связать, образовать, расположить и украсить. Требуется к сему особое искусство, дар, остроумие, обильность воображения, тонкость разсуждения и точность определения»³⁶. Совершенно новым термином, введенным Болтиным, был 'вещества', но семантика и контекст его определения соответствует 'припасам'; оба термина — синонимы.

Болтин оснастил существовавший ранее термин 'остатки' новым содержанием. Если у предшественников 'остатки' — это след (археологический, языковой) прошлого, то у него появляется выражение «письменные остатки», т. е. все те непосредственно сохранившиеся от прошлого письменные исторические источники, которые «изображают вкус и нравы народа тогдашнего века»³⁷. Известен Болтину и термин 'источник', но границы его применения не очень четки. В одном случае, как было отмечено, 'источник' — это то, откуда «черпают» 'припасы', в других — термин выступает в привычном для нас значении, но слово «черпать» — его непрменный атрибут.

Результаты острокритического выступления Болтина не замедлили сказаться в творчестве Щербатова. В «Уведомлении» к т. V «Истории», вышедшему в 1789 г., Щербатов писал, что давно имел желание «пересмотреть весь мой труд, вновь его сличить со всеми источниками, откуда что я почерпнул, и искренно признаться в моих ошибках». В том же 1789 г. Щербатов издал ответное «Письмо», доказывая, что весь его труд основан на «лучших... Российских памятниках»³⁸. Именно термин 'памятник' стал для Щербатова основным, передающим понятие «исторический источник».

Спустя три года, в 1792 г., вышло новое обширное исследование Щербатова, в котором от оправданий-обороны он перешел к критике критика — Болтина. Псевдоанонимная форма издания этого последнего произведения позволила его автору выступить в роли как бы стороннего, непредвзятого наблюдателя. Именно здесь с полной силой проявился его талант и историка и публициста. Анализ текста данной работы показал, что более 60% среди употребленных терминов приходится на 'памятники'³⁹. Формы употребления термина, его смысловые позиции уже таковы, что если бы заменить «памятник» на «источник», то получилось бы внешне весьма близкое к нашему современному пониманию «исторического источника». У Щербатова 'памятник(и)' — «исторические», «письменные», «древние», «прошедших веков», «вернейшие», «достоверны (нейшие)», «наши» (т. е. отечественные); топонимы могут выступать в роли 'памятников' при отсутствии письменных данных⁴⁰. Защищая свою многоотомную «Историю», Щербатов писал, что его труд полезен хотя бы «собранием и упоминанием толь великаго числа памятников»⁴¹. Чтение последнего произведения не оставляет ни-

каких сомнений, что 'памятник' для Щербатова и есть 'источник'.

Убеждает в этом и то, что все другие употребленные термины или служат для обозначения различных видов источников, или приобретают другой смысловой оттенок. Что же касается термина 'источник', то он для Щербатова не редок. Иногда у него 'памятник' и 'источник' — синонимы. Интересен также случай такого выражения — «первоначальными источниками»⁴²; отсюда один шаг к современному стандарту «первоисточник». Очень часто Щербатов употребляет слово «источник» в прямом и переносном смысле. Глагол «черпать, почерпнуть», ставший неизменным спутником в научном языке XVIII в. термина 'источник', встречается у Щербатова и без него, но контекст употребления близок к сложившемуся штампу⁴³.

Небезынтересные данные для изучения психологии научного творчества дает сравнительный анализ языка Щербатова и Болтина. Выясняется, что все термины, кроме 'источник', у этих историков не совпадают. Совпадения в употреблении термина 'припасы' не следует учитывать, так как Щербатов все три раза использовал его только по необходимости при цитировании (без кавычек) текста Болтина. В произведениях Болтина наблюдается полное совпадение с терминологией Татищева. Случаи несовпадения приходится только на те термины, которых Татищев еще не употреблял, — 'остаток' и 'источник'. (Напомним, что у Болтина 'вещества' — синоним 'припасов'.) В свою очередь, у Щербатова имеется полное совпадение с терминологией Миллера, который, как хорошо известно и в чем сам не раз признавался Щербатов, оказал на него очень сильное воздействие. Особенно показательным это на примере употребления термина 'архивные письма', встречающегося только у данных историков.

На протяжении XVIII в. в формировании термина 'исторический источник' было сделано очень многое. В этом участвовали все историки. И уже в конце столетия происходит неизбежный процесс убыли синонимии в терминологии.

В 1809 г. был переведен на русский язык и издан в трех томах главный труд Шлёцера по изучению древнерусских летописей «Нестор» (написан в 1802 г.). В судьбе русского источниковедения «Нестор» сыграл значительную роль, о чем особенно много писалось в историографии XIX в. Издание этой работы на русском языке как бы подвело итог терминологическим поискам ученых XVIII в. и закрепило за термином 'источник' его функции.

Если раньше 'источник' или подразумевался как «исторический», или писался по модели «источник истории...», то в «Несторе» впервые встречается выражение «исторический источник»⁴⁴. 'Исторический источник(и)' у Шлёцера: «первый, древнейший, единственный», «главный(нейший)» (Haupt-quellen), «побочный» (Neben-quellen), «отечественный... русской истории», «византийский» (т. е. иностранный); из них ('источников') берут или «черпают» известия; его необходимо «очищать» (т. е. критика источника); из их числа могут исключаться как недостоверные «выки-

нут сии бредни из числа исторических источников» (например, исландские саги) и т. д.⁴⁵ Интересен случай (первый?), когда слово «источник» в одной фразе употреблено и в прямом смысле, и как термин: «Настоящие *источники!* а эти *источники* были неизвестнее, чем некогда источники Дуная и Нила!»⁴⁶ Редко слово «источник» могло выступать как «источник происхождения», например все летописи, «временники, хотя и *текут* из одного *источника*, но по большей части наполнены глупыми сказками»⁴⁷.

Большая частота употребления слова «известия» в рассматриваемом тексте не свидетельствует о дублировании термина 'источник'. Анализ всех случаев употребления этого слова показывает, что оно выступало только в смысле «известия — сообщения». Другие употребленные термины также не заменяли 'источник'. Например, 'памятник' у Шлёцера имеет примерно тот же смысл, когда мы говорим «летописный памятник», а термин 'предание' вводится для контраста 'источнику' и указывает на легендарный, сомнительный характер того или иного сообщения (устного или в записанном позднее виде).

Хотя «Нестор» Шлёцера был издан в начале XIX в., он целиком принадлежит русской историографии предшествовавшего столетия⁴⁸ и является естественной разграничительной чертой, отделяющей первый этап формирования термина 'исторический источник' в русской науке XVIII в.

Попробуем теперь бросить ретроспективный взгляд на процесс формирования в XVIII в. термина 'исторический источник', абстрагируясь при этом от конкретных лиц (историков) — создателей термина. Выясняется, что в первой половине столетия применение слова «источник» в качестве термина — явление исключительно редкое, возможно, даже случайное. В формирующемся языке зарождавшейся русской исторической науки не наблюдается однозначного выделения какого-либо слова в качестве термина 'исторический источник'. Чаще всего употребляются такие предтермины, как 'свидетельство', 'предание', а также 'известия'. Отчетливая тенденция выделения слова «известия» как понятия «информации», а не термина 'исторический источник' свидетельствует о наступившем прогрессе в выработке терминологии во второй половине XVIII в. Анализ материала позволяет утверждать, что именно тогда происходило формирование и первичное становление терминов 'памятник'⁴⁹ и 'исторический источник'. Среди выделенных нами из языка научной литературы XVIII в. двадцати шести слов, которые условно названы здесь предтерминами, слово «источник» постепенно становится преобладающим. Данное слово, употребляемое как термин, приобретало в языке науки характер всеобщего абстрактного понятия. В отличие от термина 'источник' другие слова приобретали функции указания на тип (или вид) тех или иных исторических источников.

Таким образом, благодаря усилиям нескольких поколений историков XVIII в. в русской исторической науке постепенно не только вырабатывалось понятие исторического источника, которое возни-

кает очень рано, но и происходит формирование термина, обозначающего понятие. Необходимость создания научного терминологического аппарата понималась многими учеными того времени. Например, М. М. Щербатов писал, что «сама природа нас учит, чтобы слова наши соответствовали предмету для чего они произносимы»⁵⁰, а Н. М. Карамзин провозглашал в 1793 г.: «Дефиниции или определения служат фаросом в путях умствования, — фаросом, который беспрестанно должен сиять пред глазами нашими, если мы не хотим с прямой черты совратиться»⁵¹.

- ¹ *Налимов В. В.* Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1979, с. 116; см. также: *Фарсобиц В. В.* Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983.
- ² *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 56—57.
- ³ *Пушкарев Л. Н.* Определение исторического источника в русской историографии XVIII—XX вв. — В кн.: Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968; *Он же.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.
- ⁴ Здесь уместно напомнить слова М. М. Покровского: «История значения известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимичными с ним и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» (*Покровский М. М.* Избр. работы по языкознанию. М., 1959, с. 70).
- ⁵ *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945, с. 86—87, 108.
- ⁶ Подробнее см.: *Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки: (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). М.; Л., 1964; *Она же.* Формирование терминологии физики в России. Период предломоносовский: первая треть XVIII в. М.; Л., 1966.
- ⁷ *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962, т. 1, с. 91, 107, 113—114, 123, 125.
- ⁸ Там же, с. 93. Здесь и далее курсив мой. — *С. И.*
- ⁹ *Татищев В. Н.* Избр. труды по географии России. М., 1950, с. 103, 99.
- ¹⁰ *Татищев В. Н.* История Российская, т. 1, с. 137, 311.
- ¹¹ Там же, с. 83.
- ¹² Там же, с. 18, 32, 123.
- ¹³ Там же, с. 321.
- ¹⁴ *Словарь Академии Российской.* СПб., 1794, ч. VI, стб. 80; *Словарь современного русского литературного языка.* М.; Л., 1956, т. 5, стб. 555—556.
- ¹⁵ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937, т. 1, с. 162—163.
- ¹⁶ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 6, с. 73 — современный перевод.
- ¹⁷ Уж будучи зрелым ученым, Миллер в предисловии к первому изданию работы А. И. Манкиева неожиданно вводит слово «доказательство» в смысле «исторический источник», нарушая тем самым связанную со словом функцию распределения смыслового содержания. Ср.: «...подлинных доказательств ему не доставало»; «...находящихся у меня письменные доказательства»; «...за скудостью о тех временах исторических доказательств» ([*Манкиев А. И.*] Ядро Российской истории. сочиненное... Андреем Яковлевичем Хилковым... М., 1770, с. [V], [VII], [X] — без пагинации).
- ¹⁸ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 44, 45, 56 — современный перевод; *Миллер Г. Ф.* О народах пздревле в России обитавших. СПб., 1773, с. 131.
- ¹⁹ *Миллер Г. Ф.* История Сибири, т. 1, с. 162.
- ²⁰ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 45 — современный перевод.
- ²¹ Так в первом русском издании (*Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства... СПб., 1750, с. 2). Современный перевод с немецкого этого места

- передает «домашними их свидетельствами» как «исторических источников» (Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 169).
- ²² Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 162, 164.
- ²³ Там же, с. 163, 164; Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 6, с. 56; Миллер Г. Ф. О народах..., с. 131.
- ²⁴ Современный перевод с латинского «monument». Слово «монумент» довольно рано проникает в русский язык. Например, в известном проекте Ф. Салтыкова (1714 г.) «монументы долее ставить за знаменитыя победы над неприятелями» (Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897, с. 16).
- ²⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 149, 159, 162, 163. К сожалению, здесь нет возможности хронологически проследить эволюцию в употреблении терминов в трудах Миллера. Творчество Миллера и его значение для развития отечественного источниковедения рассмотрены Л. В. Черенным (Черенный Л. В. G. F. Müllers Bedeutung für die Quellenkunde der russischen Geschichte.— In: Ost und West in der Geschichte des Denkens und der Kulturellen Beziehungen. В., 1966, S. 303—311).
- ²⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 6, с. 211, 294. Л. Н. Пушкирев отмечает, что «термин „остаток“ был введен в источниковедение в конце XIX в. немецкими историками... Под остатками в источниковедении первоначально подразумевалось лишь то, что непосредственно осталось от прошлого» (Пушкирев Л. Н. Классификация..., с. 60).
- ²⁷ Валк С. Н. Исторический источник в русской историографии XVIII в.— Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 7/8, с. 40—46; Пушкирев Л. Н. Классификация..., с. 30—31; Он же. Определеие..., с. 76.
- ²⁸ Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767, ч. 1, с. [XI], [VIII] — без пагинации. Предисловие датировано 17 августа. Удивительно, что ровно за месяц (17 июля) до написания рассматриваемого здесь предисловия Шлёцер в предисловии к первому изданию Русской Правды также дважды употребил слово «источник», но контекст был иным. Здесь источники — это причины происшествий, благополучия или бедствий (Правда русская данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича/Изд. Августа Шлёцера. СПб., 1767, с. [VI], [VII] — без пагинации).
- ²⁹ Фрейер И. Краткая всеобщая история. М., 1769, с. [VII] — без пагинации.
- ³⁰ Х. А. Чеботарев в свое время был широко известным и популярным профессором русской истории. В 1847 г. О. М. Бодянский было опубликовано «Вступление в настоящую историю о России», приписанное Х. А. Чеботареву. Этому ошибочному утверждению, так как публикация является переводом из вышеупомянутой книги А. Л. Шлёцера, следовали все от С. М. Соловьева... до С. Л. Пештича.
- ³¹ См., например: «Санкт-петербургские учебные ведомости на 1777 год» Н. И. Новикова. 2-е изд. А. Н. Неустроева. СПб., 1873, с. 109—110.
- ³² Голиков И. И. Деяния Петра Великого. М., 1788, ч. 1.
- ³³ Там же, с. X; Он же. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1790, т. 1, с. [VIII], [VI].
- ³⁴ Голиков И. И. Дополнение..., т. 1, с. [I], [VI], [V].
- ³⁵ Голиков И. И. Деяния..., ч. 1, с. VII—VIII; Он же. Дополнение..., т. 1, с. [VIII].
- ³⁶ Болтин И. П. Прмечания на историю древняя и нынешняя России г. Леккерка. Б. м., 1788. т. I, с. 268, 279; т. II, с. 552, 542.
- ³⁷ Там же, т. II, с. 60.
- ³⁸ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1789, т. V, ч. IV, с. II; Он же. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю... М., 1789, с. 84; см. также с. 136.
- ³⁹ Выбор этого термина, возможно, произошел под влиянием французского языка, на котором Щербатов знакомился с древней и новой зарубежной литературой.
- ⁴⁰ [Щербатов М. М.]. Примечания на ответ господина генерал-майора Болтина, на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории... М., 1792, с. 270; 43, 117, 334, 359; 22, 61, 87, 88; 217; 115; 428, 527.

- ⁴¹ Там же, с. 534.
- ⁴² Там же, с. 527, 540.
- ⁴³ Там же, с. 1, 11, 45, 129, 159, 280.
- ⁴⁴ Шлёцер А. Л. *Нестор*. СПб., 1809, ч. 1, с. 55, 427.
- ⁴⁵ Там же, с. лз, 425; лз, мс, рн0, р0а, ро; 425, 475; р0, п0, 394, 425, 455; 1, 14, 32, 232, 467; и1, рки, 377, 459; рки; 427.
- ⁴⁶ Там же, с. рме. «Настоящие» источники, известия и т. д.— характерные выражения для языка XVIII в. Смысл приблизительно соответствует современному «подлинные», достоверные» и т. п.
- ⁴⁷ Там же, с. 417, 13, 350.
- ⁴⁸ Черепнин Л. В. А. Л. Шлёцер и его место в развитии русской исторической науки.— В кн.: *Международные связи России в XVII—XVIII вв.* М., 1966, с. 186—187; перепечатано в кн.: *Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв.* М., 1984, с. 73.
- ⁴⁹ Термин «памятник», как справедливо указал Л. Н. Пушкирев, до сих пор наиболее многозначный из всех «применяемых для определения источника» (*Пушкирев Л. Н. Классификация...*, с. 60).
- ⁵⁰ [Щербатов М. М.]. *Примечания на ответ...*, с. 164. В другом месте (с. 585) он писал: «...часто разные люди, разные знаменования единым словом приписывают, от чего чинится затмение истинны и споры увеличиваются».
- ⁵¹ Карамзин Н. М. *Нечто о науках, искусствах и просвещении.*— В кн.: Н. И. Новиков и его современники: Избр. соч. М., 1961, с. 381. Ср.: «Одной из первых основ всякой хорошей философии является ясная и точная терминология, выработанная специально для каждой науки, где каждый термин выражает вполне определенную и ограниченную известными пределами идею, и строго аналитический метод для точного определения и ограничения идей» (*Кондорсэ Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума.* М., 1936, с. 57).

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СУДЬБЫ И СЕМЕЙНЫЕ СВЯЗИ МОСКОВСКИХ КУПЦОВ — ИМЕНИТЫХ ГРАЖДАН

А. И. Аксенов

Звание именитых граждан было введено Жалованной грамотой городам 1785 г. Его назначение состояло в том, чтобы выделить верхушку всего городского населения. Поэтому Городовое положение определяло семь групп обывателей, которые могли называться пмелитыми гражданами: лица, дважды выбиравшиеся в высшие городские сословные должности; ученые, художники; «капиталисты, кои объявят более 50 000 руб.»; банкиры с капиталом от 100 до 200 тыс. руб.; оптовые торговцы и судовладельцы, «отправляющие свои корабли за море»¹.

Данное деление, которое, по мысли авторов закона, должно было отразить профессиональный принцип формирования именитого гражданства, можно свести к двум категориям городских жителей: 1) высшая группа торгово-промышленного населения города, т. е. наиболее имущее купечество; единственно из его среды и могли быть выбраны заседатели совестных судов и губернских магистратов, бургомистры и городовые головы²; только самые богатые из купцов могли объявить капитал свыше 50 тыс. руб., торговать оптом и иметь суда для морских перевозок; 2) городская интеллигенция.

Объединение указанных групп не имело под собой ни экономических, ни социальных, ни политических предпосылок и оказалось несостоятельным. В 1807 г. это было вынуждено признать и правительство. Манифестом о дарованных купечеству новых выгодах, отличиях и преимуществах оно отменило звание именитых граждан для купцов, «как смешивающее разнородные достоинства», оставив его только для ученых и художников³.

Однако сам факт введения института именитого гражданства имел большое значение для представителей богатейшей части купечества. Получение этого звания не только ставило их над всей остальной массой городского населения⁴, но и, что особенно важно, открывало путь в дворянство. Именитому гражданину, достигшему 30-летнего возраста, дед и отец которого «безпорочно сохранили» данное зва-

ние, дозволялось «просить» дворянства⁵. Именитые граждане, таким образом, должны были стать своего рода переходным звеном от купечества к дворянству, получая отличную от всех других слоев городского населения привилегию перехода в дворянское сословие в третьем поколении.

Поэтому изучение генеалогии именитых граждан может представлять интерес прежде всего возможностью выяснения условий и характера формирования наиболее могущественных в экономическом отношении купеческих фамилий конца XVIII в. Прослеживая судьбы детей и ближайших потомков этих лиц не только покажет реальную ценность законодательной привилегии, но и должно раскрыть историческое место ее носителей.

Объектом данного исследования являются московские купцы — именитые граждане, представлявшие многочисленную группу. Состав их был довольно стабилен, а изменения — незначительны. В так называемой Очередной книге 1801 г., в которой фиксировались службы московских купцов и их положение, нет лишь двух из тех, кто фигурирует как именитые граждане в 80—90-х годах XVIII в. Интересно, что эти двое — женщины. А. П. Бабушкина, дочь известного 1-й гильдии купца Басманной слободы П. А. Бабушкина, выбыла из почетного звания, выйдя в 1795 г. замуж за князя Ю. Н. Волконского⁶. С. Ф. Долгова, вдова получившего чин титулярного советника Л. И. Долгова, еще в 1800 г. числилась именитой гражданкой, объявив капитал 50 тыс. руб.⁷

Минимальным было и пополнение среди именитых граждан 1785—1807 гг. Из новых можно отметить только И. О. Бургареля, прибывшего «из иностранных временно»⁸, И. А. Макарова и И. Д. Орлова.

Общее число московских купцов — именитых граждан, исключая Бургареля, составляло 15 фамилий. Кроме названных, именитыми гражданами были: Гусятниковы, М. П. Губин, В. Я. Жигарев, Г. А. Кирьянов, Колосовы, Д. Д. Мещанинов, И. С. Насонов, В. В. Суровщиков, А. Я. Уваров, П. И. Хрящев, А. И. Шапкин.

Выясняя их происхождение, мы сталкиваемся с фактом, что лишь четыре рода ведут свое начало от старинных московских тяглецов, а все остальные прибыли в Москву из разных мест в подавляющем большинстве уже во второй половине XVIII в.

Самое раннее известие связано с фамилией Гусятниковых. В 1689 г. С. Гусятников был назначен казенным целовальником «Купецкой палаты» соболиной казны для приема соболей и «мягкой рухляди» из Сибирского приказа. В 1713 г. он еще числился среди «наличных московских жителей», а с 1717 г. его место занял сын П. С. Гусятников⁹. С именем последнего связано начало подъема торгово-промышленной деятельности этого рода, в особенности развернувшейся при его сыне Михайле. Поскольку род Гусятниковых уже исследовался Е. А. Звягинцевым¹⁰, здесь нет необходимости излагать все факты, относящиеся к его истории. Поэтому мы остановимся только на некоторых характерных, а также не освещенных моментах.

Раскрывая механику накопления Гусятниковыми богатства, Звягинцев справедливо ставил на первое место участие в откупах. Однако основное внимание он уделял откупам 50—60-х годов XVIII в., когда Гусятниковы уже владели шляпной и полотняной фабриками, и лишь вскользь упоминал о том, что П. С. Гусятников являлся членом компании, ведавшей в 30-х годах водочной торговлей в Москве. Между тем именно этот вид предпринимательской деятельности был одним из основных источников первоначального накопления, что подтверждается материалами следственного дела «О злоупотреблениях московских компанейщиков питейных сборов»¹¹.

П. С. Гусятников состоял среди 13 компанейщиков, заключивших в 1729 г. контракт на сбор питейных денег. В его «ведомстве» находилось 17 кабаков и фартин в Малой Алексеевской и Рогожской четвертях Москвы, за Яузскими воротами и «на Ямах», с которых, как выяснилось в ходе следствия, он получал «прибыльных по 100, 150 рублей» в месяц. Активное участие в откупной деятельности принял М. П. Гусятников, который привозил в дом отца «сборные» деньги и подтвердил, что «при высылке сверх настоящих грошевых денег поступало по 100, 150 рублей в месяц»¹².

К сожалению, мы не имеем прямых данных о том, чем занимались Гусятниковы до того, как стали откупщиками. Лишь некоторое представление об этом дает ведомость о сборе оброчных денег с лавок и торговых мест Москвы 1737 г., по которой у М. П. Гусятникова было 13 лавок и 15 станков в разных частях Москвы¹³. Конечно, нет оснований считать, что все они были во владении у его отца до 1729 г., поскольку многие из них могли быть прикуплены уже с откупных доходов¹⁴. Однако данное известие можно вполне истолковать в том смысле, что накопление собственно купеческого капитала, необходимого для вступления в компанию, осуществлялось с лавочной торговли.

Более бесспорен факт, что накопления с доходов от питейных сборов и продажи были вложены в промышленность. В течение десятилетия после окончания откупного срока¹⁵ М. П. Гусятников, ставший к этому времени главой семьи¹⁶, заводит две фабрики. В 1745 г. ему и четверем его товарищам (И. Черникову, И. Обросимову, П. Архипову и И. Ножевщикову) был отдан «в их содержание» казенный шляпный завод. По рапорту содержателей фабрики 1746 г., «на первый случай», т. е. для постройки помещений и заготовки инструмента, ими было употреблено 20 тыс. руб.¹⁷

Участие М. П. Гусятникова в шляпной компании было определяющим, и уже с 1747 г. фабрикой владел он один¹⁸. О сумме средств, которые он имел, можно заключить из следующих фактов. 10 мая 1748 г. сгорело здание старого казенного шляпного завода. В июле того же года началось новое строительство в доме Гусятниковых в Замоскворечье (в приходе церкви Живоначальные Троицы в Кожевниках), а уже с августа по декабрь было изготовлено шляп в два раза больше, чем в 1746 г. Через два года, в 1750 г., М. П. Гусятников купил у вдовы А. Семенова первую полотняную фабрику вместе с селом Клишино (Зарайского уезда Рязанской гу-

бернии), где она находилась, и приписными крестьянами. В 1764 г. на 97 ее станах было изготовлено 250 кусков фламки, 800 кусков ревендука, 500 кусков парусины и 800 аршин каламинки. Наконец, несколько позже, в 1769 г., он уже выступает как содержатель еще одной, «запроданной» ему от И. И. Овошникова, полотняной фабрики. Важно отметить, что эта покупка была использована для межфабричного разделения труда. Пряжа для новой фабрики изготовлялась и белилась в Клишине¹⁹.

Выясняя источники капиталов Гусятниковых, нельзя не отметить внешней торговли, которую обогел вниманием Звягинцев, а между тем она занимала в их деятельности важное место. По ведомости о численности и занятиях купцов Москвы, составленной в Московском магистрате в начале 60-х годов, М. П. Гусятников с детьми Михайлой и Иваном числились среди тех, кто вел заграничную торговлю. Оборот их торгов, которые они вели к Петербургскому порту и в Сибирь, достигал громадной цифры в 100 тыс. руб. и был одним из самых высоких²⁰. В числе товаров, которыми они торговали, были красная юфть, полотна, пенька, пушнина²¹.

Перечень названных товаров показывает, что торговля для Гусятниковых не была лишь средством реализации изготовленных на принадлежавших им фабриках товаров. Ни кожа, ни пенька, ни пушнина не были предметом их производства. Поэтому вернее будет рассматривать эту деятельность в качестве источника накопления денежных средств в сфере обращения путем выгодной сибирской торговли, которые затем вкладывались в промышленность. Важно отметить, что еще в 30-х годах Гусятниковы торговали с Украиной разными товарами. По записной книге Московской большой таможи «всяким привозным иностранным товарам» 1737 г., приказчик М. П. Гусятникова 13 января «явил» по зачетной записи Севской пограничной таможи 40 пудов (9 кип) красной пряденой бумаги («македонской»), «покупной в малороссийском городе Пушке». 20 августа уже сам М. П. Гусятников привез оттуда же 22 половинки шленского сукна «указной меры»²².

Могущество, которого Гусятниковы достигли благодаря активной предпринимательской деятельности Михаила Петровича, явилось тем основанием, на котором строилась жизнь его сыновей и внуков. В 1776 г., незадолго до своей смерти²³, М. П. Гусятников, как глава семьи, в последний раз объявил сумму своего капитала, с которого он должен был заплатить 1% налога. Она равнялась 40 тыс. руб. и превышала суммы, объявленные другими московскими купцами. Есть основания считать, что эта цифра была значительно ниже истинных размеров капитала. Не случайно, после раздела состояния М. П. Гусятникова его наследники в 1778 г. в общей сложности объявили 62 тыс. руб. Надо полагать, значительными были и суммы приданого четырем его дочерям, вышедшим замуж: Татьяна — за тульского купца И. И. Пастухова, Марья — за московского купца М. И. Миняева, Александра — за И. П. Колосова, будущего именитого гражданина, и Елизавета — за камердинера царского двора («полковничья ранга») А. С. Попова²⁴.

После смерти М. П. Гусятникова значительная часть его состояния была сосредоточена в руках старшего сына Михаила, который, кроме положенной ему доли наследства, «своего капиталу приторговал» столько же — 10 500 руб. Он же распоряжался наследством младших братьев, Семена и Федора, «не пришедших еще в указной срок», т. е. не достигших совершеннолетия. Если учесть, что Семен умер в 1782 г., а Федор — в 1791 г.²⁵, то станет ясно, что и их деньги в конце концов были присоединены к капиталам Михаила. Не лишне заметить, что он был женат вторым браком на дочери 1-й гильдии купца В. В. Суровщикова Бере, и, надо полагать, получил за ней немалое приданое.

Однако М. М. Гусятников умер в 1792 г., 47 лет от роду, а его сыновья Николай, Алексей и Александр не поддержали начинаний отца и деда, совершенно не занимались предпринимательской деятельностью и даже на первых порах после смерти отца не содержали собственного дома, проживая у своего дяди, Петра Михайловича²⁶. Однако полученное наследство не только ставило их в один ряд с богатейшими купцами своего времени, но и позволяло добиться высокого положения в обществе. В 1795—1800 гг. они были включены в состав московских именитых граждан, объявляя капитал от 50 100 до 51 тыс. руб.²⁷ Н. М. Гусятников воспользовался заслугами деда и отца па право приобретения дворянского звания и был первым из фамилии Гусятниковых, кто в конце концов добился дворянства²⁸. Его брат Алексей состоял позднее именитым гражданином «по ученой части»²⁹.

Наиболее крупным представителем рода Гусятниковых после Михаила Петровича был его второй сын Петр. Он не получил такого большого наследства, как Михаил Михайлович, но воспринял от отца предпринимательскую жилку, позволившую ему стать «выдающимся по богатству москвичем». В 90-х годах только он один среди Гусятниковых занимался торговлей, имея торг «разными выписными товарами». Кроме того, он содержал в это время вместе с братом Сергеем Клишинскую полотняную фабрику, единственную из промышленных заведений Гусятниковых, оставшуюся в их владении³⁰.

Звание именитого гражданина Петр Михайлович получил сразу после его введения. С 1797 г. он уже не объявлял капитал как именитый гражданин и в 1801—1811 гг. числился 1-й гильдии купцом. Причину выхода установить трудно, но вряд ли это было связано с имущественным положением, поскольку он до конца жизни (ум. в 1816 г.) был богатейшим человеком. Только на полотняной фабрике в 1797—1799 гг. вырабатывалось в год по 1350—1400 кусков ревендука (около 70 тыс. аршин) и по 420—435 кусков парусины на сумму 19 635, 19 738 и 19 830 руб. Кроме того, в 1799 г. у Гусятниковых в Москве было 34 лавки, из которых 9 принадлежали Петру Михайловичу. Возможно, необъявление им в 1797 г. капитала и тем самым выбытие из состава именитых граждан объяснялось в какой-то мере смертью 5 апреля 1797 г. его первой жены Анны Ларионовны, дочери тульского купца Лугина, и младшей дочери Елизаветы, умершей 30 июля 1797 г.³¹ Психологически вполне понятно состоя-

ние подавленности и бездеятельности, вызванное такими событиями.

Для судеб детей П. М. Гусятникова характерен отход от купечества. Михаил, Петр и Владимир были «уволены» из купечества в статскую службу и в университет, дочь Евгения вышла замуж за академика-художника Н. А. Майкова. Вместе с тем нужно отметить тот факт, что самый видный из них, Петр, добившийся дворянского звания, кроме имения в Волоколамском уезде владел тремя полотняными фабриками в Зарайском уезде³².

К числу именитых граждан, роды которых происходили из старинных тяглецов московских слобод, принадлежали Бабушкины, Колосовы и Суровщиковы. По 1-й ревизии, в Басманпой слободе жил своим двором И. Г. Бабушкин, 53 лет, с сыном Андреем, 31 года, а за Москвой-рекой в доме зятя А. Скобенкова — «природный» тяглец Мясницкой полусотни П. В. Колосов, 17 лет. Имя В. В. Суровщикова, 26 лет, впервые встречается в 1747 г. Однако он и в 1725 г. был, очевидно, московским жителем, поскольку по ревизии 1747 г. числился среди основного состава купцов Кошельной слободы, состоявших в 40-алтынном окладе, а не в «прибылых». К тому же и в окладной книге 1748 г., строго фиксировавшей все случаи прибытия, об этом ничего не говорится³³.

Названные роды не были столь могущественны, как Гусятниковы, но во многом они схожи, а судьбы их представителей удивительнейшим образом переплетались между собой в течение XVIII в.

В компании московских питейных откупщиков состоял вместе с П. М. Гусятниковым, правда «сверх контракта и кондиции», А. И. Бабушкин. В его «ведомстве» находилось 13 кабаков и фартин, с которых он имел «прибыльных» по 100, 150, 200 руб. в месяц. Кроме того, с рядом компанейщиков (И. Веселовский, Г. Трофимов, И. Рыбинский, М. Савин и А. Турчанинов) он торговал «сибирскими товарами», в частности тканями китайкой и камкой³⁴.

В 1744 г. А. И. Бабушкин купил у вдовы известного фабриканта А. Спиридонова шелковую фабрику, размещавшуюся на бывшем Посольском дворе. Начало этой фабрики восходит к 1717 г., когда она была заведена по указу Петра I П. Шафировым и П. Толстым. В 1721 г. «вступили к ним в компанию» М. и И. Еврейновы, Ф. Старцов, А. Павлов, Ф. Мыльников, М. Короткой и С. Аникеев. В 1725 г., через год после того как мануфактура была отдана компанейщикам «в полную власть», они разделили ее «по партиям». Часть взяли Еврейновы, часть — все остальные с отдельным содержанием. Позднее А. Спиридонов, сын Спиридона Аникеева, женившись на дочери А. Павлова, объединил в своих руках «нееврейновскую» часть, которая и досталась А. И. Бабушкину³⁵.

В 1745 г. на фабрике имелось 37 станов для производства бархатов, цветных штофов, тафт, чулок и работало 76 человек разных специальностей «да для разматывания шелка баб и детей 150 человек». Вероятно, последние были представлены жителями деревень, которые Бабушкину было позволено купить указом Мануфактур-коллегии «до 200 дворов»³⁶.

Производство фабрики непрерывно расширялось, и с 50-х годов на ней имелось уже 60 станов, которые обслуживали в 1762 г. 128 мастеровых да для разматывания шелка 150 баб и детей. При чем если в 1754 г. на фабрике было изготовлено всего пять наименований шелковых тканей, то в 1759 г. их было 11, а с 1761 г. — 14. В это время фабрика уже не умещалась в семи каменных палатах Посольского двора и под нее были отведены два собственных дома Бабушкиных в Старой Басманной и один — в Сыромятниках³⁷.

Пика своего развития шелковая фабрика А. И. Бабушкина достигла к концу 60-х годов. В 1768—1769 гг. она была оборудована 125 станами. На ней работало 211 мастеровых и работных людей из числа 112—156 человек приписных (или купленных) по указу 1736 г., 26 крепостных и 80 вольнонаемных крестьян. За первую половину 1769 г. было выработано тканей на 30 915 руб. Для сравнения скажем, что в год заведения, т. е. за 11 месяцев 1744 г., было изготовлено бархатов, штофов, грезетов и тафт на 1584 руб., а в 1762 г. (за 6 месяцев) — на 7863 руб.³⁸

Значительный спад в производстве был, очевидно, связан с событиями чумы и «чумного бунта» в Москве 1771 г. Еще в первую половину 1770 г. было изготовлено товаров на 32 991 руб. В дальнейшем сведений о работе фабрики не имеется вплоть до первой половины 1772 г., когда за полгода было произведено тканей всего на 7220 руб. В действии в это время находилось только 50 станов, что было связано, вероятно, с нехваткой рабочей силы. Из числа приписных у А. И. Бабушкина осталось после чумы 54 человека, крепостных — 20 и «вольных» — 40. Правда, он сумел в довольно короткий срок выйти из трудного положения, в значительной мере заменив принудительный труд вольнонаемным. Уже в первой половине 1773 г. число мастеровых и работных достигло 197, из которых 123 было «вольных» крестьян и «по пашпортам». Благодаря этому было введено в действие 105 станов и выделано тканей на 25 328 руб.³⁹

В последние годы существования фабрики, в 1776—1779 гг., ее производство достигло прежнего уровня конца 60-х — начала 70-х годов. Несмотря на это, в 80-х годах она уже не встречается в ведомостях о состоянии фабрик и заводов Комиссии о коммерции и Мануфактур-коллегии. Возможно, причиной тому была смерть в 1774 г. ее основателя и значительный остаток непроданных товаров. В 70-х годах продукция фабрики реализовалась всего на 66,6—66,7%. Правда, и раньше эта цифра не превышала 70%. Однако пока был жив А. И. Бабушкин, он умел, видимо, не только покрывать недостачу, но и извлекать прибыль за счет торговли. Его товары шли на продажу «внутри России» и реализовывались им самим, поскольку он имел торг и вотчины в московских рядах, в частности в суровском ряду⁴⁰. Наследники, разделившись⁴¹, уже не смогли выдерживать конкуренции⁴² и, очевидно, продали фабрику.

Кроме шелковой, в 1750 г. А. И. Бабушкин завел полотняную фабрику, располагавшуюся в его доме за Мясницкими воротами в Новой Басманной слободе, а позднее в Сыромятниках и в Михайловском уезде. Можно предполагать, что это предприятие не было

удачным. Лишь в течение первого десятилетия наблюдается незначительное расширение производства. С 1751 по 1759 г. количество станов увеличилось с 46 до 65, однако рост продукции был небольшим. Это объясняется, видимо, тем, что фабрика с самого начала испытывала недостачу рабочей силы, так как владелец не имел разрешения на покупку деревень и крестьян. В том же 1751 г. в работе было занято всего 65 человек исключительно «по пашпортам». Такого количества педоставало даже до нормы 1753 г., когда к полотняным станам было определено иметь по 12 мастеровых⁴³.

Положение стало еще более острым в 60-х годах. В 1768 г. на фабрике работало всего 10 «вольных» крестьян, а приписных и купленных не было совсем. Недостача рабочей силы привела к сокращению производственных мощностей. В 1764—1770 гг. в действии было только 20, а в 1773 г.— 8 станов, которые обслуживали 8 крестьян. Наконец, во второй половине 1773 г. работы на фабрике «за немением людей не производились»⁴⁴, и в дальнейшем известий об этой фабрике не встречается.

Таким образом, с конца 70-х годов Бабушкины отошли от промышленной деятельности. Причину этого следует искать, видимо, в предпринимательской несостоятельности сыновей А. И. Бабушкина. Старший его сын Иван был безынициативным человеком и не смог продолжить дело отца. До конца своих дней он жил в доме брата Семена, не имея собственной семьи⁴⁵.

Судьбы младших братьев сложились более благополучно, главным образом за счет удачных браков. Еще при жизни отца Семен женился на дочери И. Р. Журавлева, представителя крупнейшей фамилии московских купцов, имевших суконную фабрику и занимавшихся во второй половине XVIII в. заграничной торговлей на Востоке и Западе⁴⁶. Правда, в дальнейшем род Бабушкиных по линии Семена довольно быстро захирел. Сам он, несмотря на то что добился звания коллежского асессора, умер мещанином. Его сын Николай, имевший торг в серебряном ряду, вначале был купцом 2-й, а затем 3-й гильдии. Внук Никанор с 1831 г., после смерти отца в 1830 г., перешел в мещанство, а внучка Надежда еще в 1850 г. числилась 3-й гильдии купчихой⁴⁷.

Удачным был брак последнего сына А. И. Бабушкина, Петра. Его женой стала единственная наследница гостиной сотни Д. И. Серебренникова Елизавета. Петр женился в тот момент, когда Серебренниковы, выходцы из Серпуховской гостиной сотни, находились на вершине купеческой иерархии: состояли в 1-й гильдии, имели вотчины в рядах и хлебный торг. Не исключено, что Д. И. Серебренников, умерший мещанином в конце 80-х — начале 90-х годов, вложил в благополучие дочери все свое состояние, доставшееся П. А. Бабушкину. В конце концов, вместе с частью наследства А. И. Бабушкина оно перешло после смерти Петра в 1793 г. к его дочери А. П. Бабушкиной, объявившей в 1795 г. капитал в 50 тыс. руб. и получившей звание именитой гражданки⁴⁸. Скорее всего, это звание было необходимо ей исключительно для смягчения общественного мнения ввиду предстоявшей свадьбы с князем Ю. Н. Волкон-

ским. Выйдя в том же 1795 г. замуж, она выбыла из купеческого сословия, получив дворянство.

В тесных отношениях с Гусятниковыми и Бабушкиными находились и другие фамилии именитых граждан, выходцев из старинных московских тяглецов,— Колосовы и Суровщиковы.

Колосовы принадлежали не только к старым московским родам, но и к старым московским фабрикантам. В этом отношении их можно сравнить только с Еврейновыми. Уже в 1735 г. П. В. Колосов основал шелковую фабрику, имея «к заведению» в готовности мельницу с инструментами. По указу, он должен был производить только шелк сканой «против китайского манера», ленты, а также прясть под золото и серебро. При этом он не получил разрешения на покупку крепостных, но товар мог продавать в России или «где похочет» по вольной цене. Только по привилегии, данной ему от Мануфактур-коллегии в 1744 г. одновременно с позволением делать различные шелковые ткани (тафту, грезет и др.), он получил право купить 20 человек⁴⁹.

В 1750 г. П. В. Колосову «досталась» заведенная в 1726 г. М. М. Дудоровым шелковая фабрика вместе с приписанными к ней мастерскими и работными людьми и «по прежней привилегии» этой фабрики он был «уволен» от купеческих служб и постоя. А еще через пять лет, в 1755 г., П. В. Колосов приобрел за 2 тыс. руб. основанную еще при Петре I, в 1717 г., шелковую мануфактуру Мыльниковых⁵⁰.

По дозволению 21 марта 1762 г. им было куплено у суздальского помещика П. И. Матюшкина село Батыево со 137 крестьянами. «Две части» из них были оставлены для хлебопашества, «делания при машинных мельницах и разивки шелков», а «третья часть взята для мастерства» на саму фабрику. В итоге к 1771 г. П. В. Колосов имел купленных, приписных и перешедших к нему от прежних фабрикантов 228 «мужеска» и 192 «женска» пола душ. Чума в Москве унесла значительное число душ. В 1771 г. умерли 179 мужчин и 163 женщины. В результате к 5-й ревизии из всего количества приписных и купленных у Колосовых остались только 69 мужчин и 74 женщины. Новый владелец московских фабрик П. В. Колосова И. П. Колосов-большой, прикупивший в 1773 г. фабрику в селе Улитино Богородской округи, жаловался в 1797 г., что работа в связи с отсутствием людей «производится против прежнего со уменьшением». Так, если до 1771 г. на 150 станах выделялось в год различных шелковых тканей на 70—80 тыс. руб., то за два года, 1795 и 1796 гг., на 70 станах было произведено продукции на 89 тыс. руб.⁵¹

Спад в производстве с 1771 г., безусловно, имел место, хотя и был несколько преувеличен⁵². Подчеркивая его, И. П. Колосов стремился обратить внимание правительства на причины спада. Наряду с нехваткой рабочей силы он указывал, что остановка происходит из-за дороговизны материалов и шелков и «от размножившихся кустарей по селам и деревням крестьянами»⁵³.

Характерно, что в этот же период положение Ярославской шелковой фабрики Колосовых, которой владел брат И. П. Колосова Василий, а после него сыновья Михаил и Панкрат, было более устойчивым. Фабрика была заведена еще в 1723 г. М. Затрапезновым, а с 1741 г. была во владении ярославского купца А. Гурьева, жена того на дочери А. М. Затрапезнова. В 1754 г. она была продана И. А. Гурьевым московскому купцу И. Полуярославцеву. П. В. Колосов со старшим сыном Василием купили ее в сентябре 1763 г.⁵⁴

По данным 1797 г., число «покупных с фабрикою» людей, т. е. приобретенных П. В. Колосовым вместе с фабрикой в 1763 г., составляло 107 душ. К 1798 г. общее количество приписных рабочих и мастеровых при Ярославской фабрике достигало 113 мужчин и 117 женщин⁵⁵. Шелковое производство Колосовых в Ярославле, не испытывавшее на себе потрясений 1771 г., развивалось довольно успешно вплоть до конца XVIII в. Этот вывод подтверждается сравнительными данными об объеме продукции 1763 и 1797 гг. (сведений за промежуточные годы не имеется). Если за первые четыре месяца после покупки фабрики на 49 станах было сделано плакатов, кружев, лент, поясков на 2450 руб. 98 коп., то за первое полугодие 1797 г. на 102 станах было изготовлено на 20726 руб. самых различных шелковых тканей: травчатых насыпей, коноватов, разноцветных тафт, платков, кружев и т. п.⁵⁶

Удачное развитие шелкового дела в Ярославле позволило В. П. Колосову первым из их рода и одним из первых московских купцов получить звание именитого гражданина. Он умер с этим титулом в 1786 г.⁵⁷

Его дети Михаил и Панкрат также числились среди именитых граждан. Первоначально, после смерти отца, они объявили общий капитал с дядьями: Иваном-большим, Иваном-меньшим и Гаврилой Панкратьевичами. Это продолжалось с 1788 по 1793 г., пока И. П. Колосову-большому удавалось обеспечивать благополучное течение дел участием в питейном откупе. В 1787—1791 гг. вместе со свояками П. и С. Гусятниковыми, а также с Б. Еврейновым он владел частью московского питейного откупа, значительно наживаясь на торговле вином и пивом «неуказной мерою»⁵⁸.

В 1795—1796 гг. М. В. и П. В. Колосовы объявляли свой капитал (50 тыс. руб.) по разряду именитых граждан, а Иван Панкратьевич-большой с братьями по капитальным книгам с 1794 г. не проходит. Его сын Иван Иванович в 1801 г., уже после смерти отца (1799 г.), числится 3-й гильдии купцом, не имеющим торгового и проживающим у своих дядьев, Ивана-меньшого и Гаврилы Панкратьевичей, также третегильдейских купцов, управлявших с 1800 г. Московской и Улиткинской шелковыми фабриками. С 1810 г. И. П. Колосов-меньшой, а с 1814 г. И. И. Колосов «капитала не объявляли и к подаче ревизских сказок не явились». Дети Г. П. Колосова Сергей и Василий умерли соответственно в 1837 и 1839 гг., ничем не проявив себя⁵⁹.

С конца XVIII в. начинает хиреть род Колосовых по линии сыновей Василия Панкратьевича. П. В. Колосов уже в 1799 г. был

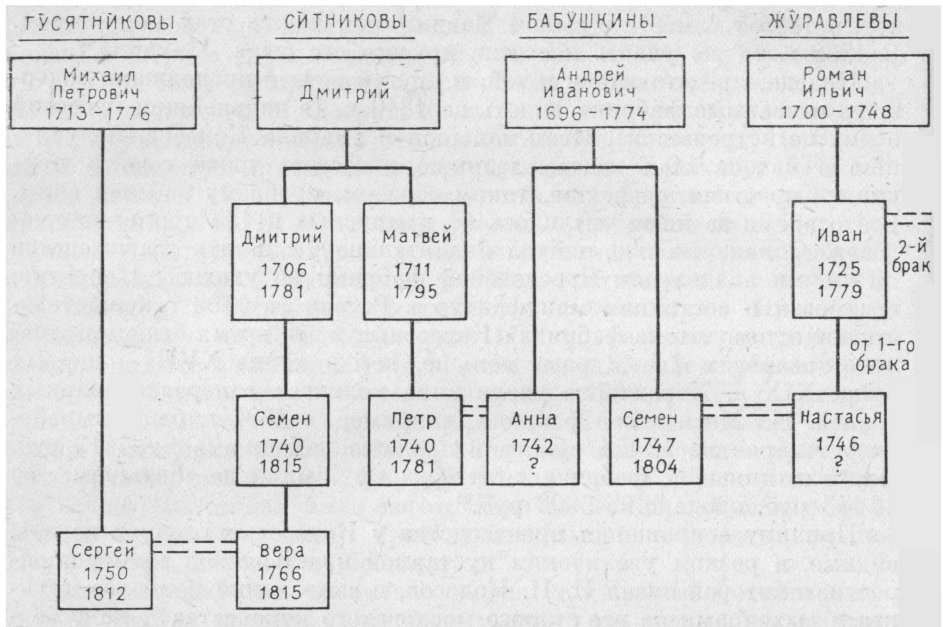
вынужден перейти в мещанское сословие, а его брат Михайла, по 6-й и 7-й ревизиям числившийся купцом 3-й гильдии, на склоне лет, в 1825 г., вместе с сыном Владимиром также стал мещанином. В 1830 г. та же участь постигла другого его сына, Михайла⁶⁰.

Правда, представители и той, и другой ветвей продолжали содержать названные фабрики вплоть до 1810 г. (в дальнейшем известий о них не встречается). Иван-меньшой и Гаврила Колосов, получившие в начале 80-х годов казенную посессию, даже смогли прикупить крестьян, разрешив, таким образом, проблему рабочей силы. В это время за ними числилось 14 приписных и 153 купленных человек. Однако сколько-нибудь значительно увеличить производство ни им, ни владельцам Ярославской фабрики не удалось. Напротив, ведомости о состоянии мануфактур в России за 1809 г. свидетельствуют о том, что на фабриках Колосовых в это время было изготовлено товаров в 1,5—2 раза меньше, чем в конце XVIII — первых годах XIX в. Характерно увеличение количества нереализованных тканей. На Московской фабрике, например, в 1801 г. было выработано товаров на 12 154 руб., а в продаже находилось на 4412 руб. На Улиткинской фабрике этот разрыв был еще большим: из 16 143 руб. продано на 6902 руб.⁶¹

Причину сокращения производства у Колосовых следует искать, видимо, в резком увеличении кустарной крестьянской промышленности, о которой писал И. П. Колосов, и вытеснении наиболее крупными выходцами из нее старого московского купечества⁶², не сумевшего подняться до того, чтобы перейти в дворянское сословие.

Особое место среди именитых граждан занимает фамилия старинных московских купцов Суровщиковых. По числу представителей этот род, оборвавшийся по мужской линии на втором поколении, невелик. У В. В. Суровщикова были две дочери, Наталья и Вера, и сын Василий. Их положение и судьбы определялись исключительно успехом предпринимательской деятельности отца, обладавшего, судя по всему, незаурядными способностями. В 1748 г., когда ему было 27 лет, он состоял по 1-й гильдии, имел торг в суровском ряду и суконную фабрику⁶³. Вероятно, речь в данном случае идет о фабрике, которую он содержал в компании с П. Докучаевым, Г. Сериковым и А. Болотиным в 50-х годах. Она была заведена еще в 1720 г. отцами его компанейщиков и получила существенные привилегии. Ее владельцы и их дети не только были уволены от служб и постоя, но и на 15 лет получили право беспошлинной торговли. Дважды, при заведении на три года и в 1744 г. на десять лет, им выдавалась из казны ссуда в размере 30 тыс. руб. Кроме того, им было позволено купить «до 2000 душ с землями», и в 1759 г. на фабрике числилось 2106 человек мастеровых⁶⁴.

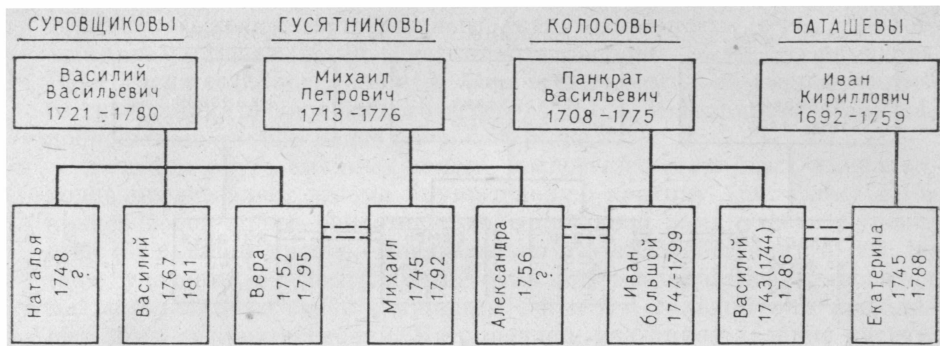
В дальнейшем состав компанейщиков изменился. По ведомости Мануфактур-коллегии 1769 г., фабрику содержали «обществом» вместе с В. В. Суровщиковым И. Докучаев, Г. Лихонин и М. П. Гусятников. К этому времени В. В. Суровщиков породнился с Гусятниковым, выдав за Михайла свою первую дочь, Веру⁶⁵.

Размах производства новых хозяев был чрезвычайно широк, и в 60-х годах среди суконных предприятий их фабрике не было равных. На 120 суконных и 60 каразейных станах выделялось 100 959 аршин армянских сукон, 31 336 аршин тонких сукон из иностранной шерсти, 2551 аршин каразеи и переделывалось марены, покупаемой в Кизляре, 1175 пудов⁶⁶.

Кроме суконной, В. В. Суровщиков некоторое время, в 1750—1754 гг., содержал также мишурную фабрику. Однако наиболее существенную часть его доходов составляла заграничная торговля. По ведомости Московского магистрата начала 60-х годов, он производил торг «к Темерниковскому водоем в Царьград, к С.-Петербургскому портам, в Амстердам, во Гданьск». Можно без преувеличения сказать, что по крайней мере среди московских купцов В. В. Суровщиков был первым по коммерции с заграницей. В отличие от многих других он не специализировался на торговле определенного вида товаров. В равной мере он скупал и продавал коровье масло и рейнвейнские вина, паюсную икру и овощи, сахар, квасцы и краску, медную проволоку и суровской, нитеной товар, шелковые и бумажные изделия, португальскую, русскую, испанскую, турецкую и шленскую (польскую) шерсть и др. Его торговый оборот был выше, чем у всех остальных купцов, и достигал колоссальной цифры — 116 тыс. руб.⁶⁷

Сколь важное значение в деятельности В. В. Суровщикова занимала заграничная торговля, показывает тот факт, что вторая его

дочь, Наталья, была выдана замуж за упомянутого уже торговца с Востоком И. Р. Журавлева⁶⁸, состоявшего в свойстве с А. И. Бабушкиным.

Удачные начинания В. В. Суровщикова не нашли семейного продолжения. Дочери здесь не могли помочь. Определенные надежды он возлагал на сына Василия, родившегося в 1767 г. Однако им не суждено было сбыться. В 1792 г., уже после смерти отца (1780 г.), 25-летний Суровщикова «выбыл в военную службу». Правда, через пять лет он вновь вернулся в купеческое сословие и, объявив в 1797—1801 гг. вместе с матерью 50 тыс. руб. капитала, получил звание именитого гражданина. Это возвращение, впрочем, носило скорее символический характер, так как ни среди торгующего купечества, ни среди владельцев фабрик он не встречается. Поэтому можно с уверенностью предполагать, что В. В. Суровщикова-младший проживал нажитое. С его смертью в 1811 г. пресекается и род Суровщиковых⁶⁹.

Общей чертой для всех рассмотренных фамилий именитых граждан, выходцев из старинных московских тяглецов, является их тесная взаимосвязь между собой. В ряде случаев она была результатом деловых контактов, но определяющими были брачные союзы, поставившие эти семьи в близкое свойство, центром которого был обшир-

Схема 2

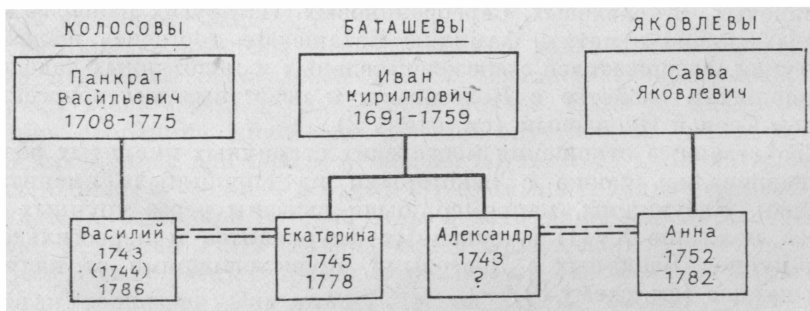

Схема 3

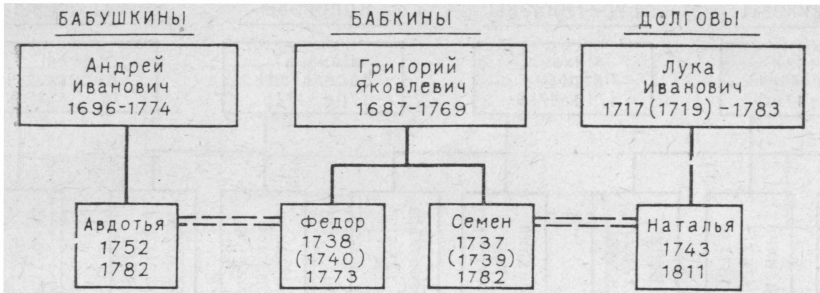
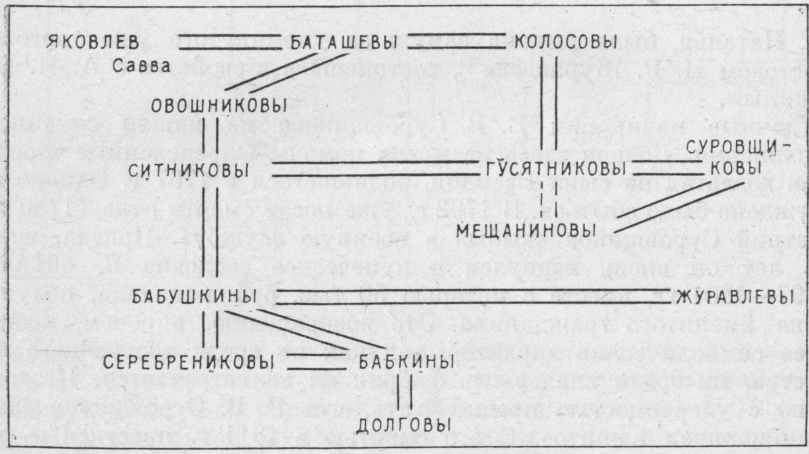

Схема 4

ный род Гусятниковых. Степень их родства наглядно просматривается на схеме 1.

Характерно, что в круг родственных отношений семей именитых граждан вовлекались купеческие роды, представители которых к моменту оформления брачных союзов, как правило, добились определенного положения и состояли в 1-й гильдии. Мы уже упоминали Ситниковых, Журавлевых, Серебренниковых. Из других наиболее известных можно отметить фамилию Баташевых, торговцев железом и чугуном, содержателей железоделательных и полотняных заводов, состоявших в свойстве с Колосовыми и известным петербургским купцом Саввой Яковлевым (см. схему 2).

Своиственные отношения московских старинных именитых родов устанавливались также с некоторыми из «прибылых» именитых граждан. Бабушкины, например, были связаны через крупных во второй половине XVIII в. суконных фабрикантов и первогильдейских купцов Бабкиных с Долговыми, происходившими от калужских купцов (см. схему 3).

В своеобразном родстве с Гусятниковыми и Суровщиковыми находились выходцы из известного рода коломенских купцов — Мещаниновы. Вдова М. М. Гусятникова и дочь В. В. Суровщикова Вера Васильевна после смерти мужа вышла замуж за сына именитого гражданина и коллежского асессора Д. Д. Мещанинова Маркела, добившегося титула надворного советника⁷⁰.

В целом круг семейных связей московских старинных именных родов представляет весьма внушительную картину (см. схему 4) и являет собой яркое свидетельство социальной замкнутости купечества на высшем уровне. Показательно в этом отношении то, что по мере удаления от центральных фамилий все заметнее становятся матримониальные связи с купцами 2-й и 3-й гильдий или представителями низших сословий. Как правило, указанное явление касается неудачных отпрысков рода или связано с периодами упадка. Поэтому в подавляющем большинстве случаев уже по характеру родства можно судить о положении семьи или всего рода.

Другой общей чертой в развитии родов именных граждан — выходцев из старинных тяглецов — являлось то, что условием их процветания была непременно деятельность одного из представителей, обладавшего незаурядными способностями и необходимыми деловыми качествами. Для Гусятниковых — это Михаил Петрович, для Бабушкиных — Андрей Иванович, для Колосовых — Панкрат Васильевич, для Суровщиковых — Василий Васильевич. Именно их усилиями создавалась прочная фамильная экономическая база.

Показательно, что создание ее приходится преимущественно на третью четверть XVIII столетия. Даже в тех случаях, когда подъем рода начинался несколько раньше, наибольшего размаха предпринимательская деятельность достигла в 50—70-х годах. Она характеризуется сочетанием промышленных и торговых занятий, а иногда участием в откупках (Гусятниковы) или других доходных предприятиях⁷¹. Ее успех определялся для предприимчивых людей поощрительной политикой правительства в отношении «указных» фабрикантов. Ряд указов этого времени о запрещении безуказного производства, о разрешении беспошлинного ввоза шерсти из-за границы для суконных фабрик, пошленные льготы на вывозимые за границу русские товары для фабрикантов, связанных с внешним рынком, послабления (хотя и непоследовательные) в покупке деревень, земель и крепостных⁷², оказались благоприятной почвой для деятельности названных лиц.

Различия в развитии рассматриваемых родов начинаются со второго поколения основателей «дела». Собственно, они выражались прежде всего в судьбах их детей и внуков. Одни из них добились звания дворянина, другие измельчали, опустившись до третьегильдейских купцов или выйдя в мещане. Суть этого явления заключалась, однако, в одном — в отходе от промышленной и торговой деятельности, благодаря которой отцы и деды дали возможность своим детям и внукам стать на вершину иерархической купеческой лестницы. В силу разных причин и различных способностей некоторые смогли подняться еще выше, прочие же не смогли удержаться,

не проявив должной активности в новых условиях. Их место в экономической области заняли более деятельные люди, в том числе ряд именитых граждан, не связанных по происхождению со старинными московскими купеческими родами.

* * *

По своему происхождению подавляющее большинство «прибылых» именитых граждан в Москве являлись выходцами из провинциальных купеческих фамилий. Котельниковы и Жигаревы ведут свой род от кадомских купцов, Шапкины — от вологодских, Макаровы — от дмитровских, Орловы — от ржевских, Губины — от орловских, Кирьяковы — от серпуховских, Долговы — от калужских, Насоновы — от переяславль-залесских, Мещаниновы — от коломенских. Только в двух семьях предки были крестьянами: А. Я. Уваров записался в 1756 г. из Конюшенной дворцовой слободы Серпуховского уезда в Кошельную слободу; И. Г. Хрящев был причислен до 1747 г. в ту же слободу «по торговому промыслу» из крестьян подмосковного дворцового села Дединова⁷³.

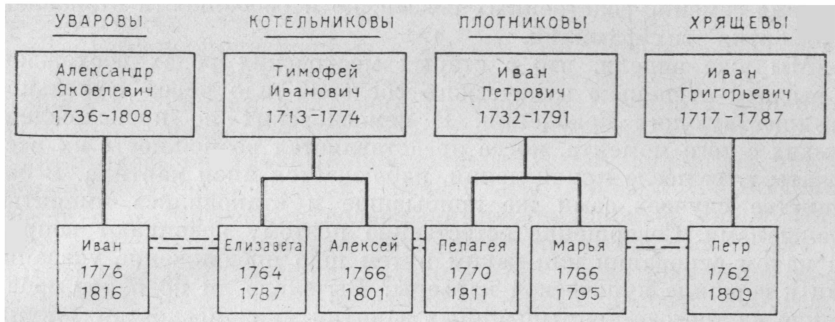
По времени вступления в московское купечество, кроме Уварова и Хрящева, еще троих можно отнести к московским старожилам: по сказкам 1747 г., переведены после 1-й ревизии в Кадашевскую слободу С. и Г. Насоновы, а в Кошельную слободу — Т. Иванов, получивший в 3-ю ревизию прозвание Котельников; в 1744 г. был переведен в Панкратьевскую слободу Л. И. Долгов с братом Афанасием⁷⁴.

Все остальные приписывались к московскому купечеству значительно позже: Г. Я. Жигарев с братом Василием — в 1763 г., М. П. Губин и А. А. Кирьяков с братом Григорием — в 1770 г., И. А. Шапкин — в 1780 г., И. А. Макаров — в 1789 г. и И. Д. Орлов — не позже 1788 г.⁷⁵

Разные сроки прибытия в Москву отразились прежде всего на состоянии семейных связей. Естественно, что те купцы, которые записались в Московское купеческое общество раньше, имели больше возможностей для установления родственных отношений между собой. Не случайно поэтому в тесном родстве находились Котельниковы, Хрящевы и Уваровы (см. схему 5). Близкие взаимоотношения сложились также у Котельниковых со своими земляками Жигаревыми, прибывшими несколько позже. Степень родства здесь установить не удастся. Глухое указание на свойство⁷⁶ может свидетельствовать лишь о том, что оно уходит корнями в Кадом. Не потому ли Котельниковы приняли столь заинтересованное участие в судьбе вновь прибывших В. и Г. Жигаревых? Последние сразу после переезда в Москву жили в доме Т. И. Котельникова «в сидельцах», а позднее имели от него торг в суровском ряду⁷⁷.

Конечно, не для всех ставших уже старожилами в Москве подобное было правилом. Например, среди свойственников Насоновых мы уже не встречаем ни одного будущего именитого гражданина, что объясняется, видимо, тем, что Степан и Григорий прибыли в Москву

Схема 5

с уже сложившимися семьями, тогда как для названных выше купцов их приезд совпал со временем заключения брачных союзов.

Эти соображения по характеру формирования матримониальных связей можно отнести и к именитым гражданам, вступившим в московское купечество в 70—80-х годах. Не у всех из них сложились родственные отношения друг с другом. И дело здесь не только в том, что они не успели этого сделать по времени. Макаровы, Орловы, Шапкины прибыли в Москву с уже устоявшимися семейными отношениями. Напротив, М. Губин и Г. Кирьяков, которые создавали свои семьи уже после переезда в Москву, состояли в близком свойстве (см. схему 6).

Схема 6

Важно отметить, что эти связи не создают впечатления случайных. Выбор родственников здесь выглядит настолько безошибочным, что не оставляет места подобному представлению, что подтверждается и деловым характером родственных отношений. Мы уже приводили пример с Жигаревым и Котельниковыми. Совместную торговлю с заграницей вели также Г. Кирьяков и М. Губин. В 1772 г. они имели в привозе в Петербургском порту иностранных товаров на довольно большую сумму — 27 367 руб.⁷⁸

То обстоятельство, что большинство приписавшихся к московскому купечеству лиц, будущих именитых граждан, прибыли в Москву

не ранее середины XVIII в., определило не только условия формирования семейно-родственных связей, но и особенности становления и развития этих фамилий.

Мы уже видели, что в старых московских родах восхождение к высшей ступеньке купеческого сословия шло через деятельность предшествующих поколений. В немосковских по происхождению семьях с того момента, когда представляется возможность их исследовать, т. е. после причисления, наблюдается иная картина. В большинстве случаев сами же прибывшие и становились именитыми гражданами. Совершенно естественно поэтому возникают вопросы: на каком основании или каким путем шло продвижение указанных лиц к вершине купеческой карьеры? Вытекало ли подобное продвижение из торгово-промышленных занятий «новомосковских» купцов или их родителей в тех провинциальных городах, откуда они переселились, или оно было исключительно результатом операций, которые названные люди развернули в Москве?

По опыту прежних исследователей известно, что переход крестьян в посад был делом обычным в XVIII в. Он охватывал самые разные социальные слои от мещан до первостатейных купцов, мотивы для причисления которых в данное общество были самыми различными⁷⁹. В этом отношении рассматриваемые здесь купцы были лишь частичкой в огромной массе перемещавшихся людей. Но именно она в конце XVIII в. заняла господствующее положение среди московского купечества. Поэтому так важно выяснить, что послужило причиной их успеха.

Обратимся вначале к выходцам из крестьян. А. Я. Уваров через год после причисления к московским купцам, по окладу 1757 г., платил 2 руб. 40 коп.— обычная сумма для купцов 2-й гильдии. Только в 1766 г. он был «положен» по 1-й гильдии с окладом в 12 руб. Примечательно, что к этому времени он уже имел торг в питейных погребках⁸⁰.

И. Г. Хрящев был причислен из крестьян «по торговому промыслу» во 2-ю ревизию и вплоть до 3-й ревизии состоял еще в семигривенном окладе на «прежнем жилище». Мы не имеем данных о его окладе и положении в это время, но, вероятно, к 1764 г., когда он подал сказку к 3-й ревизии, оно было уже достаточно прочным, так как семья Хрящевых жила в собственном доме. С 1782 г. И. Г. Хрящев выступает уже как купец 1-й гильдии⁸¹.

Из купцов только трое сразу после прибытия были зачислены в 1-ю гильдию. Л. и А. Долговы перебрались в Москву после смерти своего отца, известного калужского купца, видимо, получив от него солидное наследство. По окладной книге 1748 г., они платили налог 15 руб. и имели торг на гостинином дворе. Их возвышение связано с международной торговлей. Уже в 1748—1749 гг. они вели торговые дела с иностранными купцами. В 70-х годах Долговы вывозят «за море» пеньку. Одновременно в России они торгуют иностранными товарами. В течение 1772—1775 гг. в Петербургском порту Л. Долговым было закуплено привозных товаров на 285 652 руб. и А. Долговым — на 284 474 руб.⁸² Их оборот среди московских куп-

цов был одним из самых высоких, а в отдельные годы его не превосходил никто.

Д. Д. Мещанинов прибыл в Москву уже первогильдейским купцом и сразу же был избран градским головой на срок с 1782 по 1786 г.⁸³ Племянник известного коломенского купца и фабриканта И. Т. Мещанинова, он принимал самое активное участие в делах дяди, являясь его главным помощником. Своим богатством они обьязаны винокурению. В 40-х — начале 50-х годов И. Т. Мещанинов вместе с К. Матвеевым содержали партикулярный винокуренный завод в Коломенском уезде, на котором производилось весьма значительное количество вина. Только в 1748 г. они поставили по подряду 2 тыс. ведер на Московский питейный двор, 1 тыс. ведер в село Бронницкое, 1500 ведер в село Новоспаское⁸⁴.

После указа 1754 г. об уничтожении купеческих винокуренных заводов⁸⁵ И. Т. Мещанинов принял участие в компании по содержанию питейных сборов в Петербурге. В 1757 г. он послал для ведения дела вместо себя своего племянника, которого он «уполномочил доверенностью». Это вызвало безуспешное противодействие компанейщика М. П. Гусятникова, который попытался передать мещаниновскую часть сборов И. Чиркину. Уже значительно позже, когда Д. Д. Мещанинов был московским купцом, его сын Маркел содержал часть Московского питейного откупа 1787—1791 гг.⁸⁶

В 1777 г. Д. Д. Мещанинов выступает как содержатель суконных фабрик своего покойного дяди, заведенных еще в 1754 г. в Коломне, в Коломенском и Зарайском уездах. «При отправлении мастерств» на них находилось 490 купленных и приписных крестьян. Изготовленные ими сукна почти целиком поставлялись для нужд армии в Кригс-комиссариат⁸⁷.

Владение этими фабриками было, вероятно, некоторое время условным, поскольку по наследству они принадлежали дочери И. Т. Мещанинова коллежской советнице Т. Тетюшевой, у которой они были окончательно куплены Д. Д. Мещаниновым в 1787 г. за крупную сумму — 60 973 руб. Кроме того, в 1780 г. с аукционного торга он купил за 2904 руб. суконную фабрику московского купца А. Еремеева, располагавшуюся в Кадашевской слободе. К 1797 г. крепостных крестьян в селах при фабриках Д. Д. Мещанинова состояли 608 мужчин и 624 женщины, из них лишь 11 приписных, остальные — купленные. Ежегодно на поставку в армию по указу 1791 г. с каждой души требовалось от 52,5 до 105 аршин сукна. Часть вырабатываемых крестьянами тканей доставлялась в Москву на Кадашевскую фабрику, где их стригли, ворсили и красили. Большая часть сукон отделявалась самими крестьянами, и все они шли в Кригс-комиссариат, так как «вольной продажи» с фабрик Мещаниновых не имелось⁸⁸.

После Д. Д. Мещанинова владельцем фабрик был его сын Маркел. В 1809—1810 гг. эти фабрики были самыми крупными в числе «обязанных» шелковых предприятий и одними из крупных среди «вольных». На них вырабатывалось от 30 тыс. до 40 тыс. аршин сукна на поставку в Кригс-комиссариат. По-прежнему за М. Д. Ме-

щанпновым числилось «мужска полу» 608 купленных и приписных. Кроме того, у него имелись две небольшие «вольные» фабрики в Рязанской и Костромской губерниях, на которых работали 69 «помещичьих крепостных» крестьян⁸⁹.

Третьим из иногородних купцов, сразу после прибытия в Москву состоявшим по 1-й гильдии, был И. Д. Орлов. Он не встречался ни среди торговцев, ни среди фабрикантов, но судьба его примечательна. Указом от 4 августа 1797 г. он был возведен в дворянство «во уважение заслуг» деда и отца, которые были бургомистрами в Ржеве. Дед И. Д. Орлова в 1703 г. получил от Петра I «знак отличия» за приращение таможенных доходов⁹⁰.

Все остальные «прибылые» именитые граждане после зачисления их в московское купечество более или менее длительный промежуток времени (в основном в пределах десяти лет) значились купцами 2-й гильдии, ничем не выделяясь среди прочих. А это значит, что, хотя они приехали в Москву не с пустыми руками, им предстояло приложить еще немало усилий. Каждый из них в этом движении вперед шел своим путем, но пути их в чем-то были схожи. Большинство из них начинали с мелочной торговли в рядах или лавках. И. А. Макаров имел при своем доме «торг кожевенной». Насоновы торговали в москательном и игольном рядах, Т. И. Котельников и Г. Я. Жигарев — в суровском, А. А. Кирьянов — в шелковом. Многие прошли через казенные службы, причем через такие должности, которые могли приносить доход. М. П. Губин, например, был в 1780 г. в Казенной палате на Каменном мосту ларечным, И. Г. Хрящев в 1770 г. — бургомистром Московского магистрата, А. А. Кирьяков с 1779 г., а И. С. Насонов с 1781 г. — ларечными у Московской соляной продажи, В. Я. Жигарев — купчиной в Сибирском приказе с 1778 г.⁹¹ и т. д.

Дальнейший их подъем был связан в основном с двумя областями предпринимательской деятельности — внешней торговлей и промышленностью. С заграницей торговали, как уже отмечалось, В. Я. Жигарев, Г. А. Кирьяков, М. П. Губин, Долговы. Фабрики завели Насоновы, Г. А. Кирьяков, М. П. Губин.

Показательно, что промышленные капиталовложения были сделаны в самую перспективную отрасль текстильной промышленности конца XVIII — начала XIX в. — хлопчатобумажную — и совпали по времени с бурным подъемом в ее развитии 1803—1809 гг.⁹² Насоновы купили пять ситцевых и миткалевых фабрик в 1796—1799 гг. Одна ситцевая фабрика была приобретена ими совместно с Г. А. Кирьяковым. При этом владельцам в 1800 г. было разрешено купить к ней 300 крестьян, в счет которых они сторговали у князей Гагариных 80 душ⁹³. М. П. Губин завел в 1796 г. в селе Успенском Московской губернии при пороховом заводе и бумажной фабрике, «доставшихся» ему по купчей в 1793 г. от «майорши» Е. Е. Неддергоф, ситцевую фабрику. В том же селе он содержал производство миткала, который использовал для набивки ситцев и выбоек⁹⁴.

Все эти предприятия пользовались правительственной поддержкой и получили казенные посессии⁹⁵. Поэтому уже вскоре после за-

ведения они стояли в одном ряду с крупнейшими хлопчатобумажными фабриками Грачевых, Корноуховых и др. В 1799 г. у Насоновых имелись 74 миткалевых, 59 чулочных и 45 ситцевых станов, на которых было изготовлено 70 500 аршин миткаля, 3000 штук платков, 1350 пар чулок, 2750 пар перчаток, 47 000 аршин ситцев и полуситцев, а также шалей и готового платья на общую сумму 152 875 руб. На фабриках работали в это время 268 вольнонаемных мастеровых⁹⁶.

У М. П. Губина производство ситца и ситцевых изделий достигало в конце XVIII — начале XIX в. 200 тыс. аршин на сумму до 150 тыс. руб. Неуклонно увеличивалось и число мастеровых. Если в 1796 г. их было всего 45 покупных и 75 вольнонаемных, то в 1802 г. — в общей сложности 517 человек⁹⁷.

Эти фамилии встречаются среди фабрикантов и в 1810 г. Однако их положение существенно изменилось. Губин по-прежнему был крупнейшим ситцевым производителем. Только на приобретенной им фабрике в Калужской губернии находилось 640 станов, при которых числилось 1078 приписных и купленных и 501 вольнонаемных мастеровых людей, изготавливавших 449 406 аршин тканей⁹⁸. Производство Насоновых заметно сократилось и было связано, вероятно, с разделом братьев. Иван Степанович, объявивший в 1800 г. по разряду именитых граждан капитал в 51 тыс. руб. и числившийся до самой смерти (1813 г.) первостатейным купцом, отошел от промышленной деятельности. Его младший брат Дмитрий Степанович уже не смог вести дело с прежним размахом, хотя его положение было еще довольно прочным. В 1810 г. у него на фабрике имелись 45 станов, 24 приписных и купленных и 94 вольнонаемных человека, трудом которых было изготовлено 113 900 аршин тканей⁹⁹.

Если обратиться к судьбам «прибылых» московских именитых граждан и их детей, то можно выделить среди исследуемых родов две группы. К первой относятся те фамилии, представители которых смогли либо удержать завоеванное положение, либо добиться еще большего успеха. Их число сравнительно невелико. О выходе в дворяне с определенностью можно говорить только относительно И. Д. Орлова, получившего диплом на дворянское достоинство. Еще трое получили чины, даввшие право на получение дворянства. Л. И. Долгов «за труды» во время чумы 1771 г. указом 1775 г. был пожалован титулярным советником в ранге сухопутного капитана¹⁰⁰. Д. Д. Мещанинов, как уже было сказано, и его сын Маркел имели соответственно чины 8-го и 7-го классов коллежского асессора и надворного советника.

Мы не имеем данных о том, последовало ли за награждением названных лиц чинами утверждение их в дворянском звании. Однако совершенно очевидно, что сам факт пожалования чином имел большое значение для судеб их детей, и прежде всего для дочерей. На них охотно женились представители мелких или даже некогда древних, но обедневших дворянских родов. Из десяти дочерей Л. И. Долгова шесть вышли замуж за дворян. Характерна связь с кругом творческой интеллигенции. Аграфена, например, была за-

мужем за выдающимся русским архитектором В. И. Баженовым, Мария — за архитектором Э. С. Назаровым, Прасковья — за профессором С. Г. Забелиным. Одна из дочерей, Ирина, была женой князя И. П. Горчакова¹⁰¹.

Дочери Д. Д. Мещанинова вышли замуж также за дворян, хотя их браки были скромнее. Елизавета была выдана за секунд-майора И. В. Хотяинцева, Анна — за капитана 1-го ранга П. Н. Хомутова¹⁰².

Кроме названных фамилий, следует отметить Губиных, которые удерживали твердые позиции в среде купеческой верхушки и к середине XIX в. вышли в дворяне. Сыновья М. П. Губина, умершего в звании коммерции советника и первостатейного купца в 1818 г., Павел и Константин уже после смерти отца были возведены в потомственное почетное гражданство, а в 1854 г. за благотворительную деятельность в пользу Елизаветинского училища Павел получил тайного советника, дававшего потомственное дворянство¹⁰³.

Вторую, наиболее многочисленную группу именитых граждан — выходцев из провинциальных купеческих и крестьянских семей — составляют представители обедневших или угасших фамилий. В свою очередь, их можно разбить на две части. Одни из них вышли из первогильдейского купечества до, а другие — после 1812 г. Поэтому прежде всего возникает вопрос о влиянии событий этого времени на состояние купечества, в данном случае его верхушки. Известно, что война оказала губительное действие на купечество феодального типа¹⁰⁴. Разорение Москвы особенно сказалось на московских купцах. И здесь важно выяснить степень этого действия в общем процессе разрушения старого купечества, хотя бы на примере московских именитых граждан.

По крайней мере двое из них деградировали в деловом и экономическом отношении уже в первом десятилетии XIX в. В 1804 г. выбыл в мещане коммерции советник А. И. Шапкин. В 1809 г. та же участь постигла 1-й гильдии купца, бывшего именитого гражданина П. И. Хрящева с сыновьями Иваном и Александром¹⁰⁵.

Начало падения именитых граждан в первом десятилетии XIX в. наблюдается на примере Котельниковых и Макарова. После смерти А. Т. Котельникова в 1801 г. двое его сыновей, Василий и Николай, были уволены в 1806 г. «в другой род жизни», а младший, Тимофей, с матерью состоял в 1811 г. в 3-й гильдии. Его дела окончательно ухудшились к 1814 г., когда он был вынужден перейти в мещанское сословие¹⁰⁶. И. А. Макаров, объявивший капитал как имевший гражданин в 1800 г., к 1811 г. состоял во 2-й гильдии. В этом же положении мы застаем его и в 1815 г., но его сын Алексей вскоре после смерти отца, в 1818 г., выбывает в мещане¹⁰⁷.

Совершенно определенно об угасании рода после 1812 г. можно говорить относительно Жигаревых и Насоновых. В. Г. Жигарев, единственный наследник именитого гражданина и надворного советника В. Я. Жигарева, умершего в 1802 г., к 1811 г. числился первостатейным купцом, а в 1814 г. был вынужден стать мещанином¹⁰⁸. Положение семьи И. С. Насонова вскоре после войны не вы-

глядя на столь безнадежным. Правда, сам он умер в 1813 г., но его малолетний сын, которому было 13 лет в 1815 г., числился еще некоторое время среди первостатейных купцов вместе с матерью и сестрами. Однако удержаться на этом уровне он не смог, и в 1834 г. мы застаем его состоящим по 3-й гильдии. Более быстрым после 1812 г. было падение Насоновых по линии Дмитрия Степановича, последнего владельца ситцевой фабрики. В 1815 г. он — купец 2-й гильдии, а в 1832 г. вышел в мещане¹⁰⁹.

Таким образом, многие роды именитых граждан из купцов, судьбы которых отмечены неизбежным угасанием, начинают или окончательно хиреют в первом десятилетии XIX в. Поднявшись в конце XVIII в. за счет предприимчивости или удачных стечений обстоятельств на верхнюю ступеньку купеческой сословной лестницы, они не обеспечили в дальнейшем этот успех прочной базой. Характерно, что ни один из них не завел фабрики.

Напротив, те из именитых граждан, кто в конце XVIII в. вложил капитал в промышленные предприятия, были в числе ведущих московских купцов. Их падение было обусловлено в большей степени причинами внешнего порядка. Не случайно в ведомостях о состоянии фабрик и заводов за 1814 г.¹¹⁰ не встречается ни одного представителя московского именитого гражданства. Исключением были только те, чьи фабрики находились на территориях, не подвергавшихся военным действиям. Такова, например, Клишинская фабрика Гусятниковых.

Подводя итоги, следует прежде всего отметить тот факт, что среди московских именитых граждан не нашлось ни одной фамилии, представители которой смогли бы использовать законодательную привилегию на право перехода в дворянство в третьем поколении. Немногие из тех, кто получили дворянство, добились этого другими путями: используя богатство и общественную деятельность (Гусятниковы), заключая брачные союзы с дворянами. Все другие, не реализовав выгод собственного положения, расплачивались падением своих потомков вниз по сословной лестнице.

В этой связи правомерно, во-первых, говорить о том, что одна из главных законодательных привилегий, данных именитому гражданству в 1785 г., на деле не могла быть реализована. Другая сторона медали определялась отходом второго поколения именитых граждан от купеческих занятий. Разница между представителями старинных и «прибылых» фамилий заключалась только в том, что в старомосковских родах сами именитые граждане были уже вторым поколением, а в новомосковских — их дети. Но их объединяло одно — предпринимательская несостоятельность. По этой причине одни предпочитали дворянский образ жизни, а другие вынужденно превращались в мещан. Психологически вполне понятно, что, возвращаясь в условиях благополучия,житого трудам отцов, сыновья могли терять присущую их родителям хватку. Однако определяющими, конечно, были перемены в экономической атмосфере страны, ставившие их перед проблемами, к разрешению которых они не были готовы.

- ¹ ПСЗ, I, т. XXII, № 16188, ст. 132.
- ² *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города, Вторая половина XVIII в. М., 1967, с. 118—119.
- ³ ПСЗ, I, т. XXIX, № 22418, ст. 978.
- ⁴ Именитые граждане могли заводить фабрики, заводы, морские и речные суда, они освобождались от телесных наказаний, им разрешалось ездить в городе в карете четверней (а первоначально купцам — парой) (ПСЗ, I, т. XXII, № 16188, статьи 133—135).
- ⁵ Там же, ст. 137.
- ⁶ Материалы для истории московского купечества. М., 1886, т. IV, с. 439.
- ⁷ Центральный государственный исторический архив (далее: ЦГИА) г. Москвы, ф. 397, оп. 1, д. 162, л. 3.
- ⁸ Материалы... М., 1887, т. IV. Прил. 1, с. 1.
- ⁹ *Оглобин Н. Н.* Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.), ч. IV. Документы центрального управления.— В кн.: Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1902, кн. I, ч. III, с. 83; Материалы... М., 1891, т. I. Прил. 3, с. 13, 26.
- ¹⁰ *Звягинцев Е. А.* Московский купец-компанейщик Михаила Гусятников и его род.— В кн.: Московский край в его прошлом. М., 1928, вып. 1, с. 61—74.
- ¹¹ *Павленко Н. И.* О некоторых сторонах первоначального накопления в России.— В кн.: Ист. зап. М., 1955, т. 54, с. 407.
- ¹² Центральный государственный архив древних актов (далее: ЦГАДА), ф. 19, д. 212, л. 2 об.—3, 12 об., 13, 31 об., 36.
- ¹³ *Звягинцев Е. А.* Указ. соч., с. 66.
- ¹⁴ Гусятниковы покупали лавки и позже. Только в 1752—1756 гг. Михаила приобрел их 15 на сумму 5980 руб. (*Звягинцев Е. А.* Указ. соч., с. 67).
- ¹⁵ Откуп в Москве был дан компанейщикам на 10 лет, а дело об их «злоупотреблениях» тянулось до 1741 г.
- ¹⁶ П. С. Гусятников в звании «компанейщика» был еще жив в 1740 г. (ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 7, д. 29508), но в дальнейшем не встречается.
- ¹⁷ ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 1760, л. 1. Звягинцев называл еще большую сумму — 40 тыс. руб., ничем, впрочем, не подтвержденную (*Звягинцев Е. А.* Указ. соч., с. 64).
- ¹⁸ ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 1760, л. 5.
- ¹⁹ Там же, л. 10; д. 192, л. 1 об.; ф. 397, оп. 1, л. 5276/30, л. 5 об.—6; д. 5276/1, л. 25; ф. 277, оп. 2, д. 1822, л. 3, 3 об.
- ²⁰ К Гусятниковым приближался оборот П. и А. Баташевых, который достигал 80 тыс. руб. (ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 445/28, л. 3).
- ²¹ ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 445/28, л. 2 об.
- ²² Там же, ф. 273, оп. 1, ч. 8, д. 32805, с. 40, 237.
- ²³ М. П. Гусятников умер 22 октября 1776 г. [Гос. лит. музей (далее: ГЛМ), Отдел рукописей, ф. Н. П. Чулкова, п. XI, тетр. 17, с. 161а].
- ²⁴ ЦГИА г. Москвы, ф. 397, оп. 1, д. 21, л. 3; д. 29, л. 2—2 об.; Материалы... М., 1885, т. III, с. 3. После смерти А. С. Попова Елизавета состояла в гражданском браке с графом Ф. Г. Орловым. Два сына ее от этого брака известны тем, что один из них, Михаил, был видным декабристом, а второй, Алексей, как командир конно-гвардейского полка подавлял восстание 14 декабря. Впоследствии А. Ф. Орлов — начальник III отделения (*Звягинцев Е. А.* Указ. соч., с. 72—73).
- ²⁵ ЦГИА г. Москвы, ф. 397, оп. 1, д. 25, л. 2; ГЛМ, ф. Н. П. Чулкова, п. XI, тетр. 17, с. 162.
- ²⁶ Материалы..., т. III, с. 3; т. I, ч. 2, с. 2; т. IV, с. 2.
- ²⁷ Капитальные книги Московского купеческого общества, 1795—1797. М., 1913, с. 1, 93, 298; ЦГИА г. Москвы, ф. 397, оп. 1, д. 162, ч. 1 об.
- ²⁸ По Очередной книге 1801 г., именитый гражданин Н. М. Гусятников «выбыл в дворянское достоинство» (Материалы..., т. IV. Прил. 1, с. 1). Однако в сказке А. М. Гусятникова, поданной к 6-й ревизии, он числился состоящим по мещанству с 1808 г. вместе с братом Александром (Материалы... М., 1887, т. V, с. 1). Не исключено, что известие о выбытии в дворянство было подано им раньше, чем он был утверждён в этом звании. Дворянин-

- пом он стал позже, когда был произведен в гусарские офицеры и «принят в лучшие дома» (*Звягинцев Е. А.* Указ. соч., с. 71).
- ²⁹ Материалы..., т. V, с. 1.
- ³⁰ *Звягинцев Е. А.* Указ. соч., с. 69; Материалы..., т. IV, с. 2.
- ³¹ *Звягинцев Е. А.* Указ. соч., с. 69; Капитальные книги... 1795—1797, с. 298; Материалы..., т. IV. Прил. 1, с. 1; т. V, с. 1; ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 192, л. 1—6; *Забелин Н. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891, ч. 2, с. 1463—1622; ГЛМ, ф. Н. П. Чулкова, п. XI, тетр. 17, с. 162.
- ³² Материалы для истории московского купечества: Общественные приговоры. М., 1892, т. II, с. 56; М., 1896, т. III, с. 82; *Звягинцев Е. А.* Указ. соч., с. 70; ГЛМ, ф. Н. П. Чулкова, п. XI, тетр. 17, с. 162.
- ³³ Материалы... М., 1886, т. I, ч. 1, с. 107, 226; ч. 2, с. 106.
- ³⁴ ЦГАДА, ф. 19, д. 212, л. 3, 13 об.—14; ф. 248, кн. 833, л. 69—79, 119—120, 144, 146, 148 и др.
- ³⁵ Там же, ф. 397, оп. 1, д. 527/4, с. 5; д. 527 б/4, с. 1, 5; ф. 277, оп. 2, д. 642, л. 1 об.
- ³⁶ Там же, ф. 277, оп. 2, д. 642, л. 1 об.; ф. 397, оп. 1, д. 527 б/30, л. 45 об. Одной из купленных А. И. Бабушкиным в 1750 г. деревень было село Дудино Михайловского уезда, состоявшее из 30 дворов со 173 душами мужского пола (*Бабурин Дм.* Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939, с. 237).
- ³⁷ ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 642, л. 93—93 об., 95—95 об.; ф. 397, оп. 1, д. 527 б/30, л. 46; д. 527 б/4, с. 6.
- ³⁸ Там же, ф. 277, оп. 2, д. 924, л. 96 об.—97 об.; д. 727, л. 1 об., 2 об.; д. 642, л. 2, 94.
- ³⁹ Там же, д. 727, л. 12, 15 об.—16 об.
- ⁴⁰ Материалы..., т. III, с. 193; М., 1886, т. I. Прил. 1, ч. II, с. 8; М., 1885, т. II. Прил., с. 52; ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 727, л. 11 об.—27 об.
- ⁴¹ Сыновья А. И. Бабушкина Иван, Семен и Петр в 4-ю ревизию подали раздельные сказки, но шелковую фабрику Семен и Петр после смерти отца содержали вместе (ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 773).
- ⁴² Достаточно сказать, что остаток непроданных товаров с шелковых фабрик Колосовых был гораздо меньшим. В 1773 г., например, они продали 95,1% продукции, в 1776 г.—84,9, а в 1778 г.—87,6% (ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 762, л. 1, 3 об., 44 и др.).
- ⁴³ ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 924, л. 6; д. 170, л. 6 об.; ф. 397, оп. 1, д. 5276/1, л. 22 об.; д. 5276/30, л. 5 об.; *Бабурин Дм.* Указ. соч., с. 144.
- ⁴⁴ ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 924, л. 95, 100 об.—101, 102 об.; д. 170, л. 2 об.—4 об.; ф. 397, оп. 1, д. 5276/1, л. 27 об.
- ⁴⁵ Иван умер в 1795 г. в возрасте 55 лет (Материалы..., т. IV, с. 439; т. III, с. 193).
- ⁴⁶ Там же, т. II, ч. 1, с. 81; ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, л. 367, 532; ф. 397, оп. 1, д. 445/28, л. 4 об.—5; Ленинградское отделение Института истории (далее: ЛОИИ), ф. 36, оп. 1, д. 556, л. 403—403 об.; д. 570, л. 109 об.—123 об.—124, 141.
- ⁴⁷ Материалы..., т. IV, Прил. 1, с. 4, 8; т. V, с. 222; т. VI, с. 144; т. VII, с. 152; т. VIII, с. 176.
- ⁴⁸ Там же, т. I. Прил. 1, ч. II, с. 2; т. III, с. 7—8; 193; т. IV, с. 4—5, 439. Старший сын Петра Павел еще при жизни отца, в 1778 г., выбыл в военную службу (Там же, т. III, с. 193), и в дальнейшем сведений о нем не встречается.
- ⁴⁹ ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 624, л. 2 об.—3; ф. 397, оп. 1, д. 5276/4, с. 17; ЦГИА СССР, ф. 16, оп. 1, д. 10, л. 43.
- ⁵⁰ ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 5276/4, с. 19; ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 4399.
- ⁵¹ Там же, ф. 277, оп. 2, д. 661, с. 2; ЦГИА СССР, ф. 16, оп. 1, д. 10, л. 43 об.—44, 299 об.—300.
- ⁵² По ведомостям о состоянии фабрик самого П. В. Колосова в 1766—1768 гг. производилось товаров примерно на 55 тыс. руб. ежегодно (ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 661, л. 8—12 об.).
- ⁵³ ЦГИА СССР, ф. 16, оп. 1, д. 10, л. 44.

- ⁵⁴ ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 5276/4, л. 68а; ф. 277, оп. 2, д. 624, л. 1117.
- ⁵⁵ Там же, ф. 277, оп. 2, д. 860, л. 2; Государственная публичная биб-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее: ГПБ), Эрмитажное собр., № 288, л. 20.
- ⁵⁶ ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 624, л. 111 об.—112; д. 860, л. 1 об.; ГПБ, Эрмитажное собр., № 288, л. 20.
- ⁵⁷ Матернали..., т. IV, с. 782.
- ⁵⁸ Капитальные книги..., 1788—1791. М., 1912, с. 1. 237; 1792—1794. М., 1913, с. 1, 133; ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 560, л. 118, 150, 163 об. и др. П. П. Колосов-большой был женат на сестре П. и С. Гусятниковых Александре (Матернали..., т. III, с. 404).
- ⁵⁹ Капитальные книги..., 1795—1797, с. 1, 93; Матернали..., т. IV. Прил. 1, с. 70; т. V, с. 381, 382; т. VI, с. 57; т. VIII, с. 77.
- ⁶⁰ Матернали..., т. V, с. 381; т. VI, с. 56; т. VII, с. 60.
- ⁶¹ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 3, л. 5 об.; ф. 16, оп. 1, д. 1, л. 3; ф. 17, оп. 1, д. 44, л. 14, 19; ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 803, л. 11—15.
- ⁶² Ср.: *Исаев Г. С.* Роль текстильной промышленности в генезисе и развитии капитализма в России, 1760—1860. Л., 1970, с. 90—92, 95—97 и др.
- ⁶³ Матернали..., т. I. Прил. 1, ч. 2, с. 12.
- ⁶⁴ ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 521, л. 5; д. 5276/30, л. 25 об.—26.
- ⁶⁵ Там же, ф. 19, д. 40, л. 110; Матернали..., т. III, с. 5.
- ⁶⁶ ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 5276/1, л. 1.
- ⁶⁷ Там же, д. 5276/16, л. 1 об.; д. 445/28, л. 4.
- ⁶⁸ Матернали..., т. III, с. 5.
- ⁶⁹ Там же, т. II. Прил., с. 94; т. III, с. 277; т. IV, с. 576; т. IV, Прил. 1, с. 1; т. V, с. 334; Капитальные книги..., 1795—1797, с. 298; ЦГИА г. Москвы, ф. 397, оп. 1, д. 162, л. 2.
- ⁷⁰ Матернали..., т. IV, с. 2.
- ⁷¹ П. В. Колосов, например, в 1750 г. был выбран в Сибирский приказ купчиной (ЦГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. I, д. 4104) — должность, позволявшая при определенной изворотливости извлекать немалые прибыли.
- ⁷² *Бабурик Дм.* Указ соч., с. 141—149.
- ⁷³ Матернали... М., 1883, т. II, ч. 1, с. 147; т. I, ч. 2, с. 111.
- ⁷⁴ Там же, т. I, ч. 2, с. 11, 23, 110; т. II, ч. 1, с. 138; т. I. Прил. 1, ч. II, с. 4; ЦГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 479.
- ⁷⁵ Матернали..., т. II, ч. 1, с. 14; т. III, с. 26, 30; т. IV, с. 733; ЦГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. IV, д. 15406, 20380. По 4-й ревизии 1782 г. Орловы не встречаются. Впервые их фамилия появляется в «Капитальных книгах...», 1788—1791, с. 6.
- ⁷⁶ Матернали..., т. III, с. 287.
- ⁷⁷ Там же, т. II, ч. 1, с. 14; т. II. Прил., с. 105.
- ⁷⁸ ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 570, л. 110.
- ⁷⁹ *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII ст. М., 1903, с. 12, 15, 40—63.
- ⁸⁰ Матернали..., т. II. Прил., с. 96.
- ⁸¹ Там же, т. II, ч. 1, с. 143; т. III, с. 288.
- ⁸² Там же, т. I, ч. II, с. 4; ЦГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 3665; ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 450, л. 20 об.; д. 556, л. 403; д. 570, л. 109 об., 123 об., 141.
- ⁸³ Матернали..., т. IV. Прил. 1, с. 1.
- ⁸⁴ ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 7, д. 30599, л. 10—15.
- ⁸⁵ ПСЗ, I, т. XIV, № 10261.
- ⁸⁶ ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 1, д. 2350, 2633; ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 563, л. 118, 150 об.—151, 163 об.—164 об.
- ⁸⁷ ЦГИА СССР, ф. 16, оп. 1, д. 10, л. 210 об.—211.
- ⁸⁸ ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 546, л. 1—2 об.; д. 555, л. 3 об.—4; ЦГИА СССР, ф. 16, оп. 1, д. 1, л. 1; д. 10, л. 40—41.
- ⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. 17, оп. 1, д. 44, л. 4, 7 об., 10; ф. 18, оп. 2, д. 3, л. 40 об.—41.
- ⁹⁰ Матернали..., т. IV, с. 556; Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи/Сост. гр. Александр Бобринский. СПб., 1890, ч. II, с. 571—572.

- ⁹¹ Материалы..., т. II. Прил., с. 13, 94, 105; т. IV, с. 21, 733; т. IV. Прил. 1, с. 1—2; ЦГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. IV, д. 16013, 16132.
- ⁹² *Исаев Г. С.* Указ. соч., с. 153—154, 157.
- ⁹³ ЦГАДА, ф. 277, оп. 16, д. 4, л. 12 об.—13.
- ⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 16, оп. 1, д. 10, л. 298 об.; ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 318, л. 6 об.
- ⁹⁵ ЦГИА СССР, ф. 16, оп. 1, д. 1, л. 4, 7 об.
- ⁹⁶ ЦГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 316, л. 1—4, 7—7 об., 9—9 об.
- ⁹⁷ ЦГИА СССР, ф. 16, оп. 1, д. 10, л. 299; ЦГАДА, ф. 277, оп. 16, д. 4, л. 14 об.; оп. 2, д. 318, л. 13, 15.
- ⁹⁸ ЦГИА СССР, ф. 17, оп. 1, д. 44, л. 80.
- ⁹⁹ ЦГИА г. Москвы, ф. 397, оп. 1, д. 162, л. 2; Материалы..., т. V, с. 9; т. VI, с. 5; ЦГИА СССР, ф. 17, оп. 1, д. 44, л. 78.
- ¹⁰⁰ ГЛМ, ф. Н. П. Чулкова, п. XI, тетр. 9, с. 50.
- ¹⁰¹ Материалы..., т. III, с. 58; т. IV, с. 95.
- ¹⁰² Там же, т. IV, с. 382.
- ¹⁰³ Там же, т. VII, с. 173; *Павленко Н. Н.* История металлургии в России XVIII в.: Заводы и заводовладельцы. М., 1962, с. 513.
- ¹⁰⁴ *Рындаюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, с. 61—62.
- ¹⁰⁵ Материалы..., т. V, с. 38, 326.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 282—283; т. VI, с. 81.
- ¹⁰⁷ Там же, т. V, с. 362; т. VI, с. 117; т. VII, с. 131.
- ¹⁰⁸ Там же, т. V, с. 283; т. VI, с. 81.
- ¹⁰⁹ Там же, т. VI, с. 5; т. VII, с. 4.
- ¹¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 83—84.

ЯВОЧНЫЙ СПИСОК ВОТЧИННЫХ ВЛАДЕНИЙ
МОСКОВСКОГО УЕЗДА ПИСЦОВ 1584—1586 ГГ.
Т. А. ХЛОПОВА «С ТОВАРЫЩИ»*

В. В. Павлов-Сильванский

л. 729 Пета 7094-го выписано из книг Московского уезду половина ппсма п меры Тимофея Ондреевпча Хлопова с товарищи, которые бояре и дворяне, и дети боярские, и приказные люди, и вдовы, и недоросли владеют вотчинами по старым книгам и по купчим крепостям, и по изустным памятем, и по закладным кобалам, и крепости на те вотчины клали:

Стан Сурожек

л. 729 об. Богдан Иванов сын Полев: вотчины за ним отца ево 61-го по до//кладу преосвященнаго митрополита Макарья всеа Русии по духовной грамоте Огрофены Григорьевы жены Ивана сына Нагово, Ондreeвы дочери Иванова сына Товаркова, что выкупил у архиморита у Феогноста селцо Кочабарова да деревню Корнаухову с пустошами: пашни паханые и перелогу 136 четьи.

л. 730 Конюх Давыд Оболдуев: вотчины за ним 80-го году по изусной памяти, что отказал ему после живота своего Гаврила Иванов сын Гридинков деревню Олсуфьеву: // пашни и перелогу 59 четьи.

Боярин и конюшей Борис Федорович Годунов: вотчины за ним село Козмодемьянское да две пустоши: пашни и перелогу 71 четьи.

Остафей Михайлов сын Пушкин: вотчины за ним старое его по приправочным книгам селцо Дубровское да 5 деревень: пашни и перелогу 250 четьи.

л. 730 об. Федор Васильев сын Пушкин: вотчины за ним по купчей 88-го году, // что купил у Гаврила у Иванова сына Пушкина деревню Головину да деревню Малинки, да пустошь Ефанкову: пашни и перелогу 143 четьи с осмнною.

Дьяк Яков Витовтов: вотчины за ним 93-го году, что было преж того за Семейкою за Ододуровым. И государь ево пожа-

* Характеристику публикуемого документа см. в статье В. В. Павлова-Сильванского, помещенной в разделе «Конкретно-источниковедческие исследования» данного сборника.

ловал за ево иск селцо Повадино да деревню Сохину: пашни и перелогу 105 четьи.

л. 731 Верпа Григорьев сын Белеский: вотчины за ним по купчей 88-го году, // что купил у Овдотьи у Степановы дочери Калинина, а у Ондreeвы жены Борисова сына Ступишина да у ее сына у Прокофья селцо Есиплево да пустошь: пашни и перелогу и лесом поросло 71 четьи.

Да за Веригю ж вотчина, что купил у Ивана да у Михаила у Федоровых детей Чюбарова 86-го году селцо Терентьево да деревню Овпшщеву: пашни и перелогу 35 четьи.

л. 731 Да за Веригю ж вотчина по купчей 85-го году, что купил у Гаврила у Михайлова сына село Воскресенское да селцо *об.* Старое // Кортунова з деревнями: пашни и перелогу 180 четьи.

Да за Веригю ж вотчина полтрети селца Юркина да деревня живущая, да пустошь, что купил у Ивана у Петрова сына Голохвастова: пашни и перелогу 163 четьи с осминою.

л. 732 Конюх Офонасей Грачов: вотчины за ним по купчей 87-го году, что купил у Федора у Зиновьева сына Ябедина да у Парасковьи у Ивановы дочери Ябедина, да у Товарыща у Грибанова в сельце в Кострове да пустошь Плетенскую, да пустошь, // да четверть починка Выгородкива, четверть починка Воронова: пашни и перелогу 76 четьи без полуосмины.

Да за Офанасьем же вотчины за ним по купчей 87-го году, что купил у Федосьи у Остафьевы дочери Сьянова, а у Иноземовские жены Жихорева з детми пустошь Скорикова да пустошь Жабкина: пашни и перелогу 94 четьи без полуосмины.

Степан Прокофьев сын Ябедин: вотчины за ним отца ево полдеревни Ябединой да две пустоши: пашни и перелогу 60 четьи. //

л. 732 Третьяк Яковлев сын Ябедин: вотчины за ним жеребей *об.* деревни Ябединой: пашни и перелогу 8 четьи.

Замятня Иванов сын Лысков: вотчины за ним пустошь Тимофейковы; и всего 4 пустоши, что было в вотчине ж за Степаном Лысковым: пашни и перелогу и лесом поросло 100 четьи.

Конюх Василей Спиоров: вотчина за ним по купчей, что купил у Офонасья у Грачова деревня Жилкину: пашни и перелогу 45 четьи. //

л. 733 Григорей Тархов сын Хомяков: вотчина за ним по рядной записи 89-го году, что дал тесть ево Федор Ябедин за своею дочерью полпустоши Киселевой, и с рядной з записи список положил: пашни и перелогу 24 четьи.

Князь Ондрей княж Васильев сын Елетцкой: вотчины за ним селцо Полозово с пустошмп; а в записных книгах та вотчина написана за братом за ево за князя Матфеем за Елетцким: пашни и перелогу 178 четьи. //

л. 733 Ждан да Федор, да Иван Иноземовы дети Жихорева: в *об.* вотчине за ними старое их по приправочным книгам селцо Олек-

сандрово з деревнями: пашни и перелогу 243 четьи без полуосмины.

Богдан Култашев: вотчина за ним по рядной записи пустошь, что было селцо Мартемьяново, да деревня Репкина: пашни и перелогу лесом поросло 65 четьи.

л. 734 об. Богдан Васильев сын Внуков: вотчины за ним старое его по приправочным // книгам селцо Сорокино да пустошь: пашни и перелогу 75 четьи.

Петр Васильев сын Колычов: вотчины за ним по купчей 93-го году, что купил у Семена да у Степана, да у Офонася, да у Микиты у Ивановых детей Лыскова Болшово Хояркова пустошь, что было селцо Комарова, да три пустоши: пашни и перелогом и лесом поросло 76 четьи.

Стан Горетов //

л. 734 об. Самсон Григорьев сын Дмитриев: вотчины за ним по закладной кобале 83-го году, что заложил у нево Иван Федоров Чертков селцо Николское да 3 пустоши: пашни и перелогу 197 четьи.

Боярин Дмитрией Иванович Годунов: вотчины за ним по записным книгам деревня Каменка, а Ивашково тож, да 4 пустоши: пашни и перелогу 93 четьи без полуосмины.

л. 735 Петр да Микита Васильевы Годуновы: вотчины // за ними селцо Поповкино: пашни и перелогу 25 четьи.

Левонтей да Иван Михайловы дети Пушкина: вотчины за ними селцо Новое, что была в вотчине за Володимером за Пушкиным: пашни и перелогу 125 четьи.

Старица Офонася Рожнова да внук ее князь Дмитрий Мещерский: вотчины за ними селцо Небогатое да 3 пустоши: пашни и перелогу 148 четьи.

л. 735 об. Дьяк Рохманин Иванов сын Русанов: // вотчина за ним по купчей 89-го году, что купил у старицы у Оносьи у Васильевы жены Иванова сына Уполохцкого четверть селца Косткина, а другая четверть того селца Косткина за ним ж приданая: пашни и перелогу 37 четьи.

Повор Третьяк Дмитриев сын Пулов: вотчины за ним по купчей 92-го году, что купил у повола у своево ж племянника у Никонка у Иванова сына Косткина, да вдова Огрофена Назаринская жена Сычова, а Васильева дочь Литви¹: // вотчины за нею старое ее по приправочным книгам, а за Третьяком за Пуловым по купчей половина за ними селца Косткина: пашни паханые и перелогу 37 четьи.

Третьяк же Пулов да ево племянник Никанко Иванов сын Косткин: вотчины за ними пустошь Захарьинское, а в приправочных книгах и в продажном списку та пустошь не написана,

¹ Так в рукописи.

а крепости положил: пашни паханые и перелогом и лесом поросло 33 четьи.

Богдан Иванов сын Полев: вотчины за ним, что отца ево
л. 736 об. государь пожаловал против // Зубцовские вотчины 77-го году
деревню Харкиным с тремя пустошми: пашни п перелогу
119 четьи с осминою.

За Богданом же за Полевым: вотчины за ним старое ж
отца ево по закладной кобале, что у отца ево заложили в
77-м году Иван да Богдан, да Окулина, да Соломаицда За-
мятнины дети Сукманова деревню Темникову з деревнямп,
а преж тово та вотчина была за Иваном за Матфеевым сыном
Сулменевым: пашни и перелогу 89 четьи с осминою.

И всего за Богданом пашни и перелогу 209 четьи. //

л. 737 Диак Михайло Бледной да подьячей Павел Матюшкин: вот-
чина за ними по рядной записи 93-го году селцо Ивановское
да пустошь Дьякова: пашни и перелогу 135 четьи.

Подьячей Иван Васильев сын Микулин: вотчина за ними ²
по купчей 93-го году, что купил у Дмитрея у Шерстова селцо
Пикино с пустошми: пашни и перелогу и лесом поросло
71 четьи с полуосминою.

Володимер Петров сын Благой: вотчина за ним по купчей
85-го году, что купил у Патрекея у Богданова сына Дедевши-
л. 737 об. на // полпустоши Телешевой: пашни и перелогу 30 четьи.

Иван Михайлов сын Пушкин: вотчина за ним по купчей
89-го году, что купил у Ивана у Семенова сына Курчова село
Куртосова да шесть пустошей: пашни паханые и перелогу
375 четьи.

Диак Семейка Сумороков: вотчины за ним по купчей 93-го
году, что купил у Курбата у Степанова сына Оскреметкова
треть селца Подолного да две пустоши: пашни и перелогу
43 четьи. //

л. 738 Да за Семейкою ж по купчей 92-го году, что купил у
Семена у Пахомова сына Коряевского селцо Назарьевское, да
х тому ж селцу припущено в пашню пустошь Саврасово да
пустошь Усова, да пустошь Одроново: пашни и перелогу
94 четьи с осминою.

И всего за Семейкою пашни и перелогу 137 четьи.

Панкратей Яковлев сын Салтанов: вотчины за ним по куп-
чей 87-го году селцо Борисково да пустошь Голенищова, а ку-
пил ту вотчину у старицы у Олександры у Ивановы доче-
л. 738 об. ри Недю//рева: пашни паханые и перелогу 55 четьи с ос-
миною.

Князь Иван Одреевич Татев: вотчины за ним по купчей
94-го году, что купил у Моисея у Иванова сына Оскреметкова
треть селца Подолного: пашни и перелогу 28 четьи.

Тимофей Иванов сын Селивачов: вотчины за ним по купчей
91-го году, что купил у Игнатя да у Федора у Хрипуновых

² Так в рукописи.

деревню Дарвину да пустошь Ступину: пашни и перелогу 42 четъи. //

л. 739 об. Борис Володимеров сын Лодыгин: вотчины за ним по закладной кобале 88-го году, что заложил у нево Иван Васильев сын Кобылин купли своей, что купил Иван у Володимера у Желнинского селцо Голубое с пустошми: пашни и перелогу 89 четъи.

Стан Монатьин и Быков и Коровин

Князь Федор Михайлович Троекуров: вотчины за ним по купчей 93-го году, что купил у Петра у Корамышева село Микулинское: пашни и перелогу 150 четъи. //

л. 739 об. Иван да Микифор Васильевичи Траханиотовы: старое отца их вотчина, что была в закладе у князя Василья Юрьевича Булгакова в 79-м году селцо Яковлево с пустошми: пашни паханые и перелогу 378 четъи.

Диак Василей Щелкалов: вотчины за ним по купчей 93-го году, что купил у Фомы у Буторлина селцо Ларево: пашни и перелогу 52 четъи с осминою.

Да за Васильем ж в вотчине: по купчей 93-го году, что купил у Фомы у Буторлина селцо Марфино, Щербино тож, л. 740 да 12 пустошей: па//шни и перелогу 250 четъи.

Да за Васильем же в вотчине: по приправочным книгам селцо Шолохово з деревнями, а в них пашни и перелогу 228 четъи и с полуосминою.

И всего за Васильем в Монатьине стану пашни паханые и перелогу 530 четъи без полуосмины.

Микифор Павлов сын Чюпчюгов: вотчины за ним по купчей 93-го году селцо Мысово да 3 пустоши, а купил ту вотчину л. 740 у Марьи у Борисовы дочери, а у Нехорошевы жены // Хлопова, об. что была та вотчина зятя ее Ивана Семенова сына Нагова: пашни и перелогу 93 четъи.

Вдова Оксенья Михайлова жена Васильева жена ³ Яковлева: вотчина за нею по государеве грамоте село Тербеево да две пустоши: пашни паханые и перелогу 164 четъи с осминою.

Князь Петр Иванович Татев: вотчина за ним по государеве грамоте селцо Козлово да 4 пустоши: пашни и перелогу 125 четъи. //

л. 741 Андрей Иванов сын Вельяминов: вотчина за ним старое его по приправочным книгам село Николское, а Федосьево тож: пашни и перелогу 54 четъи.

Стан Бохов

Роман Михайлович Пивов: вотчина за ним по купчей 79-го году, что купил у племянников своих у Ондreja да у Офонасья у Дмитриевых детей Пивова селцо Левково да 15 деревень: пашни паханые и перелогу 337 четъи. //

³ Так в рукописи.

л. 741
об. Федор Борисов сын Шапилов: вотчина за ним по купчей 92-го году, что купил у Петра у Пивова полдеревни Бибиковой. Да за Федором же за Шапиловым: вотчины за ним по купчей 83-го году, что купил у старицы у Онтонпды у Семеновы жены Тененева да у ее внучат у Марьи да у Марфы Захарьевых детей Тененева полдеревни Бибикова.

И всего за Федором пашни паханые и перелогу 62 четьи с осминою.

л. 742 Федор Семенов сын Жуков: вотчина за ним по купчей 92-го году, что ку//пил у братьи у своей у Зиновья да Марка, да у Ондreja, а прозвищо у Остафья, у Степановых детей Григорьева сына Лычова пустошь Нелюбино: пашни паханые и перелогу 30 четьи.

Москвитин Смирной Ильин сын: вотчина за ним 94-го году, что купил у Троецкого Сергиева монастыря у старца у Федорита у Юрьева сына Румянцева деревня Власово: пашни и перелогу 62 четьи с осминою.

л. 742
об. Гаврила да Григорей Потапьевы дети Векентьева: вотчина за ними пустошь Амирево: пашни // и перелогу 70 четвертей.

Стан Воря и Корзенева

Богдан да Кирила Федоровы дети Клементьева: вотчины за ними по купчей 92-го году, что купили у Костентина да у Федора у Семеновых детей Желтухина Болшова, да у Гаврила, а прозвищо Богдан Семенов сын Желтухин, у Меншова пустошь Степанкова: пашни паханые и перелогу 18 четьи.

л. 743 Глеб Петров сын Хорошев: вотчина за ним по купчей 92-го году, что // купил у Вяшняка у Селина пустошь Мышкину: пашни паханые и перелогу 13 четьи без полуосмины.

Захарья Олександров сын Руготин: вотчина за ним 58-го году, что купил у Игнатья у Михайлова сына у Вешнякова селищо, а имяним в купчей не написано: пашни паханые и перелогу 21 четьи.

Стан Шеренской

л. 743
об. Князь Иван Самсонович Туренин: вотчины за ним по рядной записи 75-го году село Богородицкое с пустошми, а имян им в рядной и в при//правочных книгах не написано: пашни паханые и перелогу 83 четьи с осминою.

Конюшенной диак Шемет Иванов да ево племянник Грабыш Иванов сын Баскаков: вотчины за ним по приправочному⁴ списку 83-го году деревня Фрянево да пустошь Шеметово: пашни паханые и перелогу 61 четьи с осминою.

Москвитин Евсейей Иевлев сын да Грабыш Иванов сын Баскаков: вотчина за ними по купчей 86-го году, что купил⁵

⁴ Вероятно, это описка; должно быть: по продажному.

⁵ Так в рукописи.

л. 744 у Ивана // Остафьева сына Исленьева полпустоши Губиной да пустошь Мансурова: пашни и перелогом и лесом поросло 127 четьи.

Бахтеяр да Козарин Никитины дети Вельяминова: вотчина за ними по купчей и по записным книгам 86-го году, что купили у Сергея у Истомина сына Коробова полдеревни Болохристовы да полпустоши Голенищевой: пашни паханые и перелогу 16 четьи без полуосмины.

л. 744 Иван Алексеев сын Угримов: вотчины за ним по рядной об. записи полдеревни // Болохристовы да полпустоши Голенищевы: пашни паханые и перелогу 16 четьи.

Ондрей Быкасов з братьею: вотчины за ними по купчей 88-го году, что купили у Степана да у Ондрея, да у Василья у Григорьевых детей Княжнина село Воскресенское да пустошь Кунилова.

Ондрей же Быкасов з братьею: вотчины за ними по купчей 88-го году, что купили у Михея у Княжнина село Беседы да полпустоши Давыдковы.

л. 745 Ондрей же Быкасов з братьею: вотчины за ними по купчей 89-го году, что // купили у Михея у Княжнина пустошь Глебова.

Ондрей ж Быкасов з братьею: вотчины за ними по купчей 92-го году, что купили у Посника у Истомина сына Букалова да у Настасьи у Посниковы жены⁶ Букалова, у Матфеевския жены⁶ Княжнина да у Сидора, а прозвище у Богдана, у Матфеева сына Княжнина пустошь Хлыстову.

л. 745 Ондрей ж Быкасов з братьею: вотчина за ними по купчей об. 91-го году, что купили у Ондрея да у Василья у Армениновых детей Княжнина, да у Оксеньи у Васильевы дочери, а у Истомины жены Княжнина // пустошь Шилову да пустошь Кувшинову.

И всего за Ондреем з братьею пашни паханые и перелогу 234 четьи.

л. 746 Хлебники Яков да Дружина Поспеловы дети Басова, да Гарасим Матфеев сын Басов: вотчины за ними по купчей 63-го году, что купили у Гневаша да у Русина, да у Пятого, да у Клементья, да у Ивана у Третьяковых детей Басова деревню Вознесенскую. И всего за ними пашни паханые и перелогу 81 четьи с полуосминою; а по записным книгам 95-го году та вотчина // Яковлев да Дружинин жеребей Басовых за Иваном за Левонтьевым сыном Дмитреева.

Третьяк Неверов сын Спячей да вдова Анна Васильева дочь Мишакова, да ее дети Иван да Пospel Вялицины дети Хомутова: вотчины за ними по изусной памяти 78-го году: пустошь Климова да пустошь Олексеево: пашни и перелогу 62 четьи с осминою.

⁶⁻⁶ Так в рукописи.

Стан Отъезжей

л. 746
об. Михайла Борисов сын Княжнин: // вотчины за ним старая отца ево, а в приправочных книгах та вотчина не написана: пашни паханые и перелогу 26 четьи.

Стан Почернев

Диак Дорофей Иванов сын Бохин: вотчины за ним по купчей 92-го году, что купил у Исака, а прозвищу у Босарги, Федорова сына Левонтьева да у ево сына у Петра сельцо Поворова да 3 пустоши: пашни паханые и перелогу 84 четьи с осминою. //

л. 747 Князь Иван Михайлович Елетцкой: вотчина за ними⁷ по купчей 93-го году, что купил у Василисы у княж Юрьевы дочери Васильевича Лыкова у Ивановы жены Михайлова сына Колычова Хромова да у Марьи Ивановы дочери Михайлова сына Колычова Хромова деревню Гостоедову да 6 пустошей; а в приправочных книгах та вотчина не написана: пашни паханые и перелогу 78 четьи с осминою.

Стан Кошелев //

л. 747
об. За Демидом за Ивановичем Черемисиновым: вотчины за ним, что купил из порозжих земель деревни Осеева⁸, и всего 2 деревни да 7 пустошей, а в них паханые пашни и перелогу 190 четьи.

Да за Демидом же в вотчине, что купил у Микифора у Давыдова пустошь Серину: пашни перелогом и лесом поросло 41 четьи с полуосминою.

Да за ним же старое его вотчина деревня Мизинова; и всего 3 деревни: пашни и перелогу 125 четьи. //

л. 748 В Отъезжем стану за Демидом же в вотчине: старое ж ево село Пруженки да 9 деревень, да пустошь, а в них пашни и перелогу 253 четьи.

За Деменшою за Черемисиновым в вотчине: селцо Левощова, что купил у Ивана у Проестева 92-го году: пашни и перелогу 225 четьи.

Да за ним же в вотчине, что купил ис порозжих земель селцо Мишнево да пустошь Панова, Буринова тож: пашни и перелогу 187 четьи с осминою. //

л. 748
об. Да за ним же в Монашьине стану селцо Фомпнское: пашни и перелогу 167 четьи.

Да за ним же в Отъезжем стану, что купил ис порозжих земель, деревня Корамалпно: пашни и перелогу 150 четьи.

Григорей Иванов сын Клобуков: вотчины за ним старая его по приправочным книгам селцо Клементьево да деревня Зоринская с пустошми: пашни паханые и перелогу 188 четьи.

⁷ Так в рукописи.

⁸ Так в рукописи.

л. 749 Петр Иванов сын Сотницын: вотчина за ним старая его по приправочным книгам полпустоши, что было селцо Бобринина: пашни лесом поросло 21 четьи бес полуосмины.

Ондрей Петрович Клешиин: вотчина за ним по купчей 94-го году, что купил у Дмитрея у Вельяминова деревню Шкиню да деревня Тимофеевская: пашни паханые и перелогу 127 четьи бес полуосмины.

л. 749 об. Микпта да Иван, да Степан Офонасьевы дети Топоркова: вотчина за ними по приправочным // книгам село Сопково с пустоши: пашни паханые и перелогу 126 четьи бес полуосмины; а по записным книгам 94-го году тое ж вотчины пустошь Новинки, пустошь Круглое 63 четьи за окошничем за Ондреем Петровичем Клешиинным.

Вдова Оксепья Шераповская жена Цепляева⁹ да сын ее Силка, да конюх ж Дмитрий Молчанов сын Брасов: вотчина за ними по приправочным книгам деревня Монасеина: пашни паханые и перелогу 31 четьи с полуосминою. //

л. 750 Да в Московском же уезде за дворяны и за детми боярскими вотчины за ними старые их, а владеют ими по приправочным книгам и по записному списку, а крепостей не клали.

Стан Сурожек

Федор да Олексей Ивановы дети Голохвастова: вотчина за ними селцо Татищево з деревнями, а в них пашни паханые и перелогу 576 четьи. //

л. 750 об. Степан да Ортем Бартенева: вотчина за ними пустошь Соколово: пашни и перелогом и лесом поросло 20 четьи.

Давыд Григорьев сын Прохоров да ево сестры девки Машка да Василиска Прохоровы, да Данила Иванов сын Ябедин, да Тимофей Власьев сын Онаньин: вотчина за ними полселца Кострова да пустошь с четью пустоши: пашни паханые и перелогу 56 четьи с осминою. //

л. 751 Тимофей Власьев сын Онаньин: вотчины за ним старая половина пустоши Выгороды: пашни и перелогу 7 четьи с осминою.

Петр да Григорей Степановы дети Чюбарова: вотчины за ними полпустоши селца Ненкина: пашни и перелогу 46 четьи.

Иван Федоров сын Чюбаров: вотчина за ним селцо Новое: пашни паханые и перелогу 25 четьи.

л. 751 об. Григорей Степанов сын Чюбаров: // вотчина за ним деревня Наравлева: пашни паханые и перелогу 16 четьи.

Иван Михайлов сын Чюбаров да Григорей Степанов сын Чюбаров: вотчины за ними пустошь Прпбылово; и всего 2 пустоши: пашни и перелогу 30 четьи.

Стан Горетов

Федор Иванов сын Тушин: вотчины за ним деревня Юркино: пашни паханые и перелогу 16 четьи. //

⁹ Так в рукописи; должно быть: Цепляева.

л. 752 Конные псары Михайла да Девятой, да Никита Григорьевы дети, да Иван Володимеров сын Молчанов: вотчины за ними село Молчаново: пашни паханые и перелогу 40 четьи.

Вдова Татьяна Львова жена Брехова да ее внук Григорей Губин: вотчина за ними деревня Брехова с пустошми: пашни паханые и перелогу 50 четьи.

л. 752 Михайла да Лука Ивановы дети Милославские: вотчина за ними село Марына Гора с деревнями: пашни // паханые и перелогу 146 четьи.

Иван Ондреев сын Брехов: вотчина за ним деревня село Новое да 6 пустошей: пашни паханые и перелогу 105 четьи.

Василей Борисов сын Сукин: вотчина за ним село Троецкое да 4 пустоши: пашни перелогом и лесом поросло 270 четьи.

л. 753 Князь Никита Романович Трубецкой: вотчины за ним по записному // списку 82-го году, что купил у Патракея у Дедовина половина селца Телешева: пашни паханые и перелогу 30 четьи.

Иван Михайлов сын Морозов: вотчина за ним старое ево по приправочным книгам деревня Олешково да деревня Лобаново, да 3 пустоши: пашни паханые и перелогу 98 четьи.

Левонтей Михайлов сын Курчев: вотчина за ним село Крячково: пашни паханые и перелогу 103 четьи с полуосминою; а в при//правочных книгах та вотчина написана за теткою за ево за Офросеньей за Ивановою женою Курчова.

л. 753 Об. Кожух Осип Мосеев сын Резанцов: вотчины за ним треть села Уполозов: пашни и перелогу 27 четьи с осминою.

Стан Монастыи

Иван да Никифор Васильевичи Траханиотовы: вотчины за ними село Козодавлево с пустошми: пашни паханые и перелогу 311 четьи с осминою. //

л. 754 Овдотья Володимеровская жена Васильева сына Карпова: вотчина за нею село Николское да 8 пустошей: пашни паханые и перелогу 237 четьи с осминою.

Князь Иван Стародубской: вотчина за ним отца ево князь Никиты Стародубского по приправочным книгам треть села Льялова с пустошми: пашни паханые и перелогу 268 четьи без полуосмины. //

л. 754 Об. Семен да Алексей Фомины дети Третьякова: вотчина за ними село Витенево да 17 пустошей: пашни паханые и перелогу 558 четьи.

Семен Фомин сын Третьяков один: вотчина за ним по приправочным книгам село Ховрино да 5 пустошей: пашни паханые и перелогу 247 четьи с осминою.

л. 755 Михайла Федоров сын Оксаков: вотчина за ним пустошь Федоровская; и всего три пустоши: // пашни лесом поросло 25 четьи.

Юрь Иванков сын Оксаков: вотчина за ним село Семеницово да три пустоши: пашни паханые и перелогу 46 четьи.

Левонтей Иванов сын Оксаков: вотчина за ним деревня Даниловская да полторы пустоши: пашни паханые и перелогу 200 четьи.

Микифор да Кирила, да Федор Семеновы дети Вельяминова: вотчина // за ними деревня Решетково да 2 пустоши: пашни паханые и перелогу 63 четьи с осминою.

Боярин Никита Романович Юрьев: вотчина за ним по записным книгам 84-го году, что купил у Михаила да у Ивана у Долматовых детей Карпова селцо Филпсово з деревнями: пашни и перелогу 178 четьи.

Да за Никитою ж за Романовичем в вотчине по закладной кобале пустошь, что было селцо // Шипилово, а Шипово тож, с пустошми: пашни и перелогу 175 четьи; а в продажном списке та вотчина написана за Олексеем за Исаковым.

Да за Никитою ж Романовичем Юрьева: вотчина за ним по записному списку, что купил у князя Юрья у Токмакова село Чашниково з деревнями: пашни и перелогу 502 четьи с осминою.

И всего за Никитою за Романовичем 855 четьи с осминою. //

Стан Бохов

Князь Василей Васильевич Мосалской: вотчины за ним деревня Бровка да пустошь Брекуповская: пашни паханые и перелогу 94 четьи без полуосмины.

Иван Дмитриев сын Калитни: вотчины за ним селцо Гаврилова да пустошь Калитино: пашни паханые и перелогу 137 четьи с осминою.

Богдан Яковлевич Белской: вотчины за ним по записным книгам 85-го году, // что купил у Василья Федорова сына Воронцова село Гребнево да село Новое, да 20 деревень живущих, да 24 пустоши: пашни паханые и перелогу 848 четьи с полуосминою.

Сотники Зеновей да Марко Степановы дети Лычова: вотчины за ними деревня Костино, а Лычова тож, да 2 пустоши: пашни паханые и перелогу 79 четьи с осминою.

Андрей Васильев сын Безобразова да Яков, да Захарья Ивановы дети Безобразова ж: вотчины за ними село // Амирево да деревня Котино: пашни паханые и перелогу 50 четьи.

Стан Радонеж и Бели

Степан Иванов сын Бруктов: вотчины за ним старые деревня Золотилово: пашни и перелогу 35 четьи с полуосминою.

Иван Григорьев сын Опочинни: вотчины за ним по даной грамоте дядь своих 83-го году Григорья Левонтьева сына Онсимова да Бауша Борисова сына Онсимова селцо Ивановское, а крепости Ивашка положил: пашни паханые и перелогу 174 четьи. //

л. 758 Подьячей Иван Яковлев: вотчины за ним по купчей 93-го году, что купил у Кирила у Орлова да у Лукерьи у Романовские жены Орлова, да у Михаила Скобелцына, да у его сестры у Марьи, да у Полагеи у Игнатьевых дочерей Скобелцына деревню Ортемову, пустошь Корногно с¹⁰ пустошь¹⁰ Микитцкое, деревня Лучинское, а купчую Иван положил: пашни паханые и перелогу 112 четьи с осминою.

Иван Ильин сын Скобелцын: вотчины за ним деревня Онтипино: пашни и перелогу 31 четьи. //

л. 758 об. Недоросль Степан Семенов сын Скобелцын с сестрами: вотчины за ними старые селцо Семеновское: пашни и перелогу 139 четьи с осминою.

Стан Радонеж и Корзенев

Михей Александров сын Княжнин: вотчины за ним старые селцо Фрянево: пашни и перелогу 31 четьи с осминою.

Подьячие Богдан да Кирила Федоровы дети Клементьева: вотчины за ними деревня Степанково: пашни и перелогу 37 четьи. //

л. 759 Федор да Иван, да Григорей Петровы дети Окнифова: вотчины за ними по купчей 92-го году, что купил¹¹ у Девятово у Царевского село Фоминское да деревню, да 2 пустоши: пашни и перелогу 100 четьи.

Старица Евгинья Васильева жена Царевского: вотчины за нею по деловой грамоте 69-го году пустошь Бубново; и всего пять пустошей: пашни и перелогом и лесом поросло 125 четьи; а по записным книгам 94-го году та вотчина пустошь Бубнево, пустошь Скаплино, пустошь Туманово, пустошь Лукинская, третья поле пустошь Тарасовские за Иваном за Огаревым. //

л. 759 об.

Стан Воря и Корзянев

Богдан Яковлевич Белской: вотчины за ним селцо Зубцово з деревнями: пашни паханые и перелогу 176 четьи без осмины.

Федор да Петр Княжники: вотчины за ними деревня Вкравина: пашни паханые и перелогу 41 четьи с осминою.

Иван Иванов сын Чемоданов: вотчины за ним деревня Хотелова: пашни паханые и перелогу 36 четьи с осминою. //

л. 760 Недоросли Крестьянин да Ондрюшка Федоровы дети Наполского: вотчины за ними деревня Копылово: пашни паханые и перелогу 29 четьи без полуосмины.

Дьяк Елизарей Вылузгин: вотчины за ним по записным книгам 89-го году, что купил у Девятого у Царевского да у двух Иванов у Марковых село Иевлево да деревню Парфенкову.

Да за Елизарьем же в вотчине по купчей нынешнего 94-го году, что купил у митрополничьего певчего дьяка у Ивана

¹⁰⁻¹⁰ Так в рукописи.

¹¹ Так в рукописи.

л. 760
об. у Макарьева деревню // Осташкаву, а Языково тож, да пустошь Шалыкина.

И всего за Елизарьем пашни и перелогу в обеих статьях 124 четьи с полуосминою.

Стан Шеренской

Григорей Иванов сын Зубов: вотчины за ним отца ево пустошь Гридина да пустошь Луново: пашни и перелогом и лесом поросло 125 четьи.

Стан Пехорской

л. 761 Князь Иван Михайлович Глинской: вотчины за ним село Жегало¹²: пашни паханые и перелогу 25 четьи.

Островщик Михайла Федоров сын Житков да Микула Серков, да вдова Ульяна Третьяковская жена Дудина: вотчины за ними за всеми деревня Серкова: пашни паханые 50 четьи.

Стан Чермнев¹³

Игнатей Петрович Татищев: вотчины за ним деревня Юркина, а в продажном списке та деревня стоит за князем Иваном за Звенигородским: пашни и перелогу 62 четьи с осминою. //

л. 761
об. Василей Борисов сын Сукин: вотчины за ним село Троецкое з деревнями: пашни и перелогу 285 четьи без полуосмины.

Вешняк Селин да Яков Розволигородов: вотчины за ними деревня Митенина: пашни и перелогу 41 четьи с полуосминою.

Григорей Федоров сын Калычев: вотчины за ним селцо Чиждова да 7 пустошей: пашни и перелогу 200 четьи с полуосминою.

л. 762 Федор Михайлов сын Ласкирев: вотчины // за ним селцо Окатова да 2 деревни живущие, да 4 пустоши: пашни и перелогу 85 четьи.

Князь Василей Петрович Туренин: вотчины за ним село Ступишино да пустошь: пашни и перелогу 95 четьи без полуосмины.

Стан Кошелев

Ондрей Петрович Клешнин: вотчины за ним по записным книгам 91-го году, что купил у аптекаря у Якова селцо Микифорово: пашни паханые и перелогу 125 четьи. //

л. 762
об. Да за Ондреем же в вотчине деревня Жаркова, а в приправочных книгах та деревня стоит за Левоньем за Нероновым да за Микитою за Тряпизоновым в вотчине: пашни и перелогу 51 четьи с осминою.

Да за Ондреем же в вотчине пустошь Колова, а Совостьяпово тож; и всего 4 пустоши, а в приправочных книгах те пусто-

¹² Так в рукописи.

¹³ Это описка; должно быть: Почернев.

ни стоят в поместье за Лобаном за Федоровым сыном Шаблыкина: пашни и перелогом п лесом поросло 93 четьи.

л. 763 И всего за Ондреем // Петровичем, опрнч деревни Шкштей, пашни паханые и перелогу п лесом поросло 259 четьи с осмншою.

Василей Борисов сын Сукпн: вотчины за ним пустошь Соколово: пашни п перелогом п лесом поросло 125 четьи.

Мнкула да Матфей, да Юрьп, да Семейка Сукмановы: вотчины за ними село Здохово да 4 пустоши: пашни паханые п перелогу 166 четьи с осмншою. //

л. 763 об. Степан да Ширяй Цепляевы Подвойские, да Семейка Коптев, да Пятой Цепляев: вотчины за ними деревня Бородино: пашни паханые п перелогу 41 четьп с осмншою; а по записным книгам 94-го году та вотчина написано за околицим за Ондреем за Петровичем Клешинна.

Князь Роман княж Васильев сын Охлябинни: вотчины за ним деревня Одинцово: пашни паханые п перелогу 31 четьи с полuosмншою. //

л. 764

Стан Васильцов

Боярин Никита Романович Юрьев: вотчины за ним село Измайлово да село Рубцово, да 7 деревень живущих, да 3 пустоши: пашни паханые п перелогу 657 четьи с осмншою.

Федор Васильевич Шереметев: вотчины за ним селцо Губино: пашни паханые п перелогу 72 четьи с осмншою.

л. 764 об. Федор Иванович Шереметев: вотчины за ним селцо Кусково да // 11 деревень: пашни паханые п перелогу 190 четьи с осмншою.

Федор Наумов сын Дроздов: вотчины за ним деревня Белозеро да 2 пустоши: пашни п перелогу 75 четьи.

Да в Московском же уезде которые бояре п дворяне п дети боярские владеют вотчинами, а в приправочных книгах те вотчины п в продажном списке не написаны, п крепостей на те вотчины не клали. //

л. 765

Стан Сурожек

Василей Григорьев сын Головленков: вотчины за ним деревня Соколниково; а в приправочных книгах п в продажном списке не написана, а крепости Васильевы люди не положили: пашни паханые п перелогу 50 четьи.

Федор Васильев сын Лвов: вотчины за ним деревня Новинки; п всего 2 деревни: пашни п перелогу 46 четьи.

л. 765 об. Дьяк Иван Ондреев: вотчины за ним // селцо Мнкулино да 4 пустоши; а в приправочных книгах та вотчина написана за Микитою за Матфеевым сыном Пушкиным: пашни паханые п перелогу 128 четьи безс полuosмнны; а крепости на ту вотчпну Иван не положил.

Стан Горетов

Федорко Костентинов сын Фофанов: вотчины за ним селцо Воронино да деревня Горка с пустошми; а в приправочных книгах и в продажном списку та вотчина не написано, а крепости люди ево не положили: // пашни паханые и перелогу 110 четьи с осминою.

Елизарей Иванов сын Благой: вотчины за ним деревня Опраксина да пустошь Подъелкпно; а в приправочных книгах и в продажном списку та вотчина не написана, а крепости на ту вотчину Елизарей не положил: пашни паханые и перелогу 48 четьи.

Сотник стрелецкой Федор Юдин сын Хрипунов: вотчины за ним деревня Ондреевская, а Маркова тож, да пустошь Овсяникова: пашни паханые и перелогу 36 четьи; // а в записных книгах 84-го году та вотчина написана за Захарьем за Васильевым сыном Хрипунова, а крепости Федор на ту вотчину не положил.

Яков Васильев сын Зюзин: вотчины за ним село Никольское: пашни паханые и перелогу 98 четьи; а в приправочных книгах то село Никольское написано за князем Юрьем за Токмаковым в вотчине, а Яков на ту вотчину крепости не положил.

Иван Осипов сын Благой: вотчина за ним // деревня Штевева: пашни паханые и перелогу 24 четьи; а в приправочных книгах та деревня написана за Коробом за Коровиным в вотчине, а крепости Иван на ту вотчину не положил.

Стан Монатын и Быков и Коровин

Боярин князь Василей Федорович Шуйской Скопин: вотчина за ним село Новосилцово да деревня; а в приправочных книгах и в продажном списку то село Новосилцово не написано, и крепости на ту вотчину люди ево не положили: пашни паханые п перелогу 118 четьи. //

Боярин князь Иван Петрович Шуйской: вотчина за ним село Степаново да деревня; а в приправочных книгах и в продажном списку та вотчина не написана, а крепости люди ево не положили, а сказали крепости у государя у своео у князя Ивана у Петровича: пашни паханые и перелогу 117 четьи.

Боярин князь Василей Иванович Шуйской: вотчины за ним село Топорково; а в приправочных книгах то село Топорково написано за князем боярином за Серебряным в вотчине, а крепости князь Васильевы люди Ивановича не положили: // пашни паханые п перелогу 56 четьи.

Князь Олександр Иванович Шуйской: вотчины за ним пустошь Семчпна; и всего 2 пустоши: пашни лесом поросло 8 четьи.

Данпло Офонасьев сын Елчаннов: вотчина за ним деревня Черцово да 2 пустоши: пашни паханые п перелогу 131 четьи; а в приправочных книгах та деревня с пустошми написана за Высотцким монастырем, а крепости Данило на ту вотчину не положил. //

Князь Петр княж Иванов сын Буйносов Ростовской да Василей Петров сын Головин: вотчина за ними две трети села Льялова да 20 пустошей: пашни паханые и перелогу 535 четьи с осминою; а в приправочных книгах и в продажном списке, и в записных книгах та вотчина за ними не написана, а крепости на ту вотчину не положили; а в приправочных книгах та вотчина написана за кнеинею за Марьею за княж Одреевою женою Стародубского. //

Стан Бохов

Конюхи Семейка да Всполох Наумовы дети Голчина: вотчина за ними селцо Левушино; а в приправочных книгах и в продажном списке то селцо не написано, а крепости не положили: пашни и перелогу паханые 24 четьи.

Денис да Михайло Борисовы дети Шеина: вотчина за ними село Курово да 15 пустошей: пашни и перелогу и лесом поросло 240 четьи; а в приправочных книгах и в продажном списке, и в записных книгах та вотчина ни // за ким не написана, а крепости на ту вотчину не положили.

Стан Воря и Корзнев

Вдова Парасковья Вешнякова жена Баскакова да сын ее Савастьян: вотчина за ними деревня Гаврилкова да пустошь: пашни паханые и перелогу 62 четьи с осминою, а крепости на ту вотчину не положили; а в приправочных книгах та вотчина стоит за Павлом за Тереуловым в вотчине.

Костентин Семенов сын Жолтухин: вотчины за ним деревня Чебурина: па//шни паханые и перелогу 30 четьи, а крепости на ту вотчину не положил; а в приправочных книгах та деревня написана за Игнатьем за Желтухиным.

Стан Шеренской

Боярин князь Иван Васильевич Ситцкой: вотчины за ним селцо Стрелково, а Буланово тож, да деревня Стрелково ж, да 6 пустошей: пашни паханые и перелогу 306 четьи с полуосминою, а крепости княж Ивановы люди Васильевича на ту вотчину не положили, а сказали крепости // у государя своево у князя Ивана Васильевича; а в приправочных книгах та вотчина написана за дьяком за П...¹⁴ за Ильиным в вотчине.

Толмач Тенекей Янчурин: вотчины за ним селцо Лихарево да пустошь: пашни паханые и перелогу 87 четьи без полуосмины, а крепости на ту вотчину не положил; а в приправочных книгах та вотчина написана за княз...¹⁵ ханом Киясовым в вотчине.

Стан Кошелев¹⁶ //

ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, оп. 1, кн. 257, л. 729—770 об.

¹⁴ Далее у корешка переплета текст заклеен.

¹⁵ Далее у корешка переплета текст заклеен.

¹⁶ На этом текст обрывается. Последний фрагмент скрепы: Иван.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

- Картографический метод в источниковедении 3
Б. Г. Литвак, С. И. Сотникова

КОНКРЕТНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Некоторые вопросы анализа договоров нефтепромышленных фирм
(конец XIX — начало XX в.) 17
Э. Б. Мурадалиева
- Законодательные источники по истории документирования сослов-
ной принадлежности в царской России (XVIII — начало XX в.) 34
А. В. Елпатьевский
- «Полное собрание законов Российской империи» как исторический
источник по акционерному учредительству в дореформенной
России 73
Э. С. Виленская
- Новый источник по истории вотчинного землевладения в Москов-
ском уезде в XVI в. 101
В. Б. Павлов-Сильванский
- Лицевой летописный свод XVI в. и его источники (Об одной ис-
ториографической легенде) 128
В. В. Морозов
- Заметки о Рогожском летописце 143
Л. Л. Муравьева
- Завещания церковных иерархов XV в. как исторический источник 154
Г. В. Семенченко

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

- Опыт и некоторые результаты статистической обработки документации волостных судов (на примере эстонских) 163
А. М. Траат

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

- О формировании термина «исторический источник» в русской научной литературе XVIII в. 199
С. С. Илизаров

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

- Происхождение, судьбы и семейные связи московских купцов — именитых граждан 214
А. И. Аксенов

ПУБЛИКАЦИИ

- Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584—1586 гг. Т. А. Хлопова «с товарищи» 238
В. Б. Павлов-Сильванский

Источниковедение отечественной истории

Сборник статей.

1984 г.

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР*

Редактор издательства *С. А. Левина*
Художественный редактор *Н. Н. Власих*
Технический редактор *Л. Н. Золотухина*
Корректоры *Л. С. Агапова, Ю. Л. Косорыгин*

ИБ № 29463

Сдано в набор 03.10.85

Подписано к печати 25.12.85

Т-23417. Формат 60×90^{1/16}

Бумага книжно-журнальная офсетная

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 16. Усл. кр.-отт. 16. Уч.-изд. л. 18,8

Тираж 1450 экз. Тип. зак. 953

Цена 3 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»

630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.